МИНИСТЕРСТВО ОБРАЗОВАНИЯ РЕСПУБЛИКИ БЕЛАРУСЬ
Минский государственный лингвистический университет

М А Т Е Р И А Л Ы
ЕЖЕГОДНОЙ НАУЧНОЙ КОНФЕРЕНЦИИ
ПРЕПОДАВАТЕЛЕЙ И АСПИРАНТОВ УНИВЕРСИТЕТА

19–20 апреля 2018 года

В четырех частях

Часть третья

Минск МГЛУ
2018

УДК 800
ББК 81.2
М34

Р е к о м е н д о в а н ы Редакционным советом МГЛУ

Р е д а к ц и о н н а я к о л л е г и я : Н. П. Баранова, Л. А. Тарасевич (*ответственный редактор*), Е. П. Бетеня, Н. П. Баранов, Н. Т. Ерчак, В. А. Капранова, Т. П. Карпилович, Н. Е. Лаптева, П. М. Леонтьев, Л. М. Лещёва, Д. И. Тупик, В. А. Павловский, В. В. Пашкевич, А. П. Пониматко, Т. В. Поплавская

Материалы ежегодной научной конференции преподавателей
М34 и аспирантов университета, 19–20 апреля 2018 г. : в 4 ч. Ч. 3 / отв. ред. Л. А. Тарасевич. – Минск : МГЛУ, 2018. – 276 с.
ISBN 978-985-460-881-5 (Ч. 3).
ISBN 978-985-460-876-1.

Третья часть сборника содержит материалы пяти секций конференции – «Фонетика», «Грамматика», «Проблемы общего и сопоставительного языкознания», «Лексическая семантика», «Стилистика и лингвистика текста», а также трех круглых столов «Аспекты национальной специфики языка», «Исследование национально-культурного компонента в языке и речи» и «Экстралингвистические и собственно языковые источники пополнения словарного состава романских языков».

УДК 800
ББК 81.2

ISBN 978-985-460-881-5 (Ч. 3)
ISBN 978-985-460-876-1

© УО «Минский государственный лингвистический университет», 2018

ФОНЕТИКА

В. Б. Галай

ЖАНРОВО-СТИЛИСТИЧЕСКАЯ ВАРИАТИВНОСТЬ КАК ИНДИКАТОР ТЕРРИТОРИАЛЬНОГО РАССЛОЕНИЯ СОВРЕМЕННОГО АНГЛИЙСКОГО ЯЗЫКА

С целью выявления степени территориальной обусловленности просодического структурирования английских информационно-аналитических телесообщений нами был проведен сравнительный экспериментально-фонетический анализ трех жанровых разновидностей канадских, австралийских и британских телепередач.

Объектом изучения являлись аутентичные записи австралийских, канадских и британских новостных выпусков, репортажей и интервью, транслируемых по каналам ABC, CBC и BBC в 2017 – 2018 гг., которые были квалифицированы носителем и неносителями языка с высоким уровнем его владения как типичные образцы их территориальной принадлежности.

Общая речевая выборка текстов включала 36 образцов в их равной количественной представленности в каждом исследуемом территориальном варианте и жанре и составила 18 минут звучания.

Экспериментально-фонетическое исследование проводилось последовательно в 4 этапа: идентификация территориального варианта, перцептивный и акустический анализ, количественная обработка. На перцептивном уровне исследовались воспринимаемые признаки в подсистемах тона, ударения и характера делимитации текстов на просодические единицы. На акустическом уровне – частота основного тона и среднеслоговая длительность.

Количественные величины просодических признаков высказываний позволили выявить как общие, так и различительные особенности в просодических структурах фраз в сравниваемых вариантах и в их жанровых разновидностях.

Результаты исследования позволили установить, что территориальные различия в членении речи на интонационные группы имеют место только в интервью, что обусловлено, на наш взгляд, большой степенью спонтанности речи, в отличие от профессиональной речи журналистов в новостях и репортажах. Что касается жанровых внутривариантовых различий, то они наиболее контрастны в британском (17–25) варианте и практически отсутствуют в австралийском (18).

По акцентно-ритмическому составу интонационных групп незначительные территориальные отличия наблюдаются в новостях и интервью. Их территориальная вариативность находится в диапазоне 57–78 % членения текстов на одно- и двухакцентные группы и 23–43 % на трех- и четырехакцентные группы.

Характер сегментации исследуемых текстов путем паузального перерыва звучания обнаруживает устойчивую тенденцию к отсутствию длинных

пауз при значительном превалировании коротких или средних пауз. Это объясняется требованиями жанрово-стилистической специфики речевых актов и профессиональными требованиями к дикторской речи. Количество коротких пауз (56 %) превышает количество средних пауз (39 %) во всех трех вариантах всех жанров.

Говоря о тональной представленности территориальных вариантов в их сравниваемых жанровых разновидностях, следует признать, что их контрастивность состоит в совокупности признаков.

Значимым признаком территориальной маркированности является характер тонального завершения финальных интонационных групп. Во всех территориальных вариантах в новостных сообщениях обнаруживается тенденция использования преимущественно нисходящего или же восходяще-нисходящего тона, как его более экспрессивного варианта. Отличительной чертой британского варианта является использование низкого нисходящего тона (41 %) при его отсутствии в других территориальных вариантах. Канадский вариант новостных сообщений характеризуется употреблением высокого восходящего тона (11 %). В репортаже и интервью дикторы используют более широкий инвентарь кинетических тонов в завершении фраз. Интервью канадского и австралийского вариантов характеризуется использованием восходящих тонов (20–30 %), при их практическом отсутствии в британском варианте.

Установлены различия в степени близости канадского и австралийского вариантов к британскому в тональном завершении нефинальных интонационных групп в каждом исследуемом жанре. Так, в новостных сообщениях в британском и австралийском вариантах в 50 % случаев используются восходящий и нисходяще-восходящий тоны, в то время как в канадском варианте употребляется нисходящий тон. Нисходящий и восходяще-нисходящий тоны в репортаже и интервью применимы в значительно меньшей степени и составляют 20–24 % во всех территориальных вариантах. В этих жанровых разновидностях преимущественно употребляется восходящий (52 %) и нисходяще-восходящий (19 %) тоны.

Сравнительный анализ дистрибуции типов фразовых ударений указывает на бóльшую экспрессивность канадских и австралийских новостей и репортажей. А именно, в данных территориальных вариантах количество случаев с эмфатическим ударением в новостях (16 %) в три раза, а в репортаже (11 %) почти в два раза превышает британский вариант. В то время как в интервью имеет место обратная тенденция. Британская спонтанная речь политических деятелей более экспрессивна по сравнению с другими территориальными вариантами.

Сравнительный анализ среднеслоговой длительности в жанровых разновидностях территориальных вариантов показал определенный разброс значений в пределах 17 м/сек. в их темпоральной организации как внутри территориального варианта, так и между национальными вариантами. Отмечаемый аудиторами более быстрый темп канадской речи во всех жанрах находит подтверждение его большей контрастивности по отношению к британскому варианту на акустическом уровне.

Сравнение показателей максимальных и минимальных уровней частоты основного тона в дикторской речи выявило четкие тенденции. Средние максимальные значения канадских новостных сообщений (235 Гц) и репортажей (301 Гц) превышают указанные показатели британских сообщений (173 Гц и 184 Гц соответственно). В то время как в интервью обнаружена обратная тенденция на всех участках измерения их величин.

Территориальные варианты обнаруживают аналогичную закономерность отличия канадского варианта от британского по величине диапазона. По указанным признакам ЧОТ канадские и австралийские сообщения всех жанров в равной степени дистантны от британского варианта.

Таким образом, сопоставительный анализ просодического структурирования новостных сообщений, репортажей и интервью убеждает в наличии как стабильных инвариантных просодических форм актуализации данных информационно-аналитических жанров профессиональными дикторами независимо от территориальной отдаленности носителей единого языка, так и имеющих место их территориально константных различий.

Инвариантные расхождения между тремя исследуемыми территориальными вариантами заключаются в несовпадении предпочтительной частотности типов тонального завершения фраз и интонационных групп и дистрибуции типов фразовых ударений.

Вместе с тем установлен различный характер дистантности жанров информационно-аналитических передач. Имеет место сходство новостных сообщений и репортажей во всех территориальных вариантах по признакам просодического членения на интонационные группы, соотношению типов фразовых ударений, по максимальным и минимальным показателям частоты основного тона на различных участках текстов, а также диапазону ЧОТ и их одинаковой контрастности относительно интервью. Жанровое сходство между репортажем и интервью имеет место и по признакам тонального завершения финальных и нефинальных интонационных групп, в силу их большей спонтанности по сравнению с новостными выпусками.

Е. Б. Карневская

ПРОБЛЕМА ИНТЕРПРЕТАЦИИ ФОНЕТИЧЕСКОГО СХОДСТВА ФУНКЦИОНАЛЬНО РАЗЛИЧНЫХ ЭЛЕМЕНТОВ ПРОСОДИЧЕСКОГО КОНТУРА

Определение места просодии (интонации) в системе языка и становление современных научных представлений в области интонологии связаны со стремлением исследователей обнаружить или, возможно, привнести изоморфизм между просодией и другими языковыми подсистемами как в структурном, так и в функционально-семантическом и коммуникативно-прагматическом аспектах. С точки зрения объективного положения вещей наименее теоретически уязвимое проявление изоморфизма – это синонимия в речевой просодии. При очевидности существования функционально совпадающих, но разных по форме просодических структур, доказательство их

синонимичности требует специальных экспериментальных исследований, опирающихся на строго обозначенные теоретико-методологические принципы. Важнейшим из них служит необходимость установления общего инвентаря единиц как обязательное предусловие выявления синонимичности между теми или иными единицами. Данная процедура, как известно, предполагает наличие семантических различий между перцептивно различающимися формами, будь то различия в направлении, форме и конфигурации изменения высоты голоса, в характере, т.е. способе и степени выделенности или типе соединения смежных элементов (автономизации/интеграции). Здесь, однако, возникает некий замкнутый круг, имея в виду, что само восприятие различий в форме, в данном случае восприятие просодических модификаций, обусловлено функциональностью последних.

Затронутые вопросы относятся к концептуальным основам интонологии, определяющим разграничение существующих в ней направлений и школ. Рассмотрение этих вопросов, безусловно, не является предметом данного сообщения, тем не менее отметим, что для английского и русского языков задача определения просодических единиц достигнута, в частности, с точки зрения обеспечения ряда прикладных аспектов экспериментально-фонетических исследований.

Правомерно, на наш взгляд, предположить, что в силу полипараметричности/поликомпонентности просодии и интегративной природы ее операционных единиц – просодических контуров, – синонимичные отношения между ними могут устанавливаться по отдельным «слоям» их комплексной семантической структуры. Так, все контуры нисходящего типа, кроме контуров с так называемым «неглубоким падением», выступают в качестве синонимов в реализации значения завершенности. В то же время разные по высотно-диапазональным характеристикам нисходящие контуры не являются синонимами по линии выражения коммуникативно-прагматических значений логико-модального и эмоционально-модального плана.

Могут ли аналогичные принципы быть применены к выделению омонимичных просодических структур? Ответ на данный вопрос вряд ли может быть однозначным в настоящее время. Результаты проведенных нами экспериментальных исследований, направленных на моделирование просодии английской и русской речи, дают возможность говорить об омонимичности отдельных функциональных элементов контуров, например, предъядерного высокого статического тона, обеспечивающего восприятие акцентной выделенности, достаточной для формирования акцентно-ритмической группы на предъядерном участке контура, или в шкале, в традиционной британской терминологии. В то же время данный тип выделенности оказывается амбивалентным в плане просодической реализации тема-рематических отношений во фразе, поскольку одна и та же просодическая форма может характеризовать элемент высказывания, принадлежащий как данной, так и новой информации, т.е. быть по-разному связанным со словом-носителем ядерной выделенности. Ключ к разрешению возникающей омофонии лежит, как

кажется, в учете тенденций к модификациям межакцентных стыков в интонационной группе, а именно более тесной или более свободной межакцентной связи между ядерным и предъядерным элементами, в зависимости от принадлежности последнего к рематической или тематической информации.

Т. К. Кохнович

ПРАГМАТИЧЕСКИЕ ОСОБЕННОСТИ РЕЧЕВЫХ АКТОВ ПОЛОЖИТЕЛЬНОЙ ОЦЕНКИ В СОВРЕМЕННОМ НЕМЕЦКОМ ЯЗЫКЕ

Изучение оценочных речевых актов представляет большой интерес для современной лингвистики, которая характеризуется антропоцентрической направленностью. Разноаспектное изучение оценочных высказываний нашло свое выражение в работах Е. М. Вольф, Ю. Д. Апресяна, Н. Д. Арутюновой, Н. А. Трофимовой и других лингвистов. Е. М. Вольф предлагает рассматривать оценочные высказывания как особый вид иллокутивных актов, где действуют специфические для них иллокутивные силы, цель которых – вызвать у собеседника перлокутивный эффект. В оценочной деятельности говорящего наиболее ярко проявляется его система ценностей, норм, правил. В структуру оценочных высказываний входят несколько компонентов: субъект оценки, объект оценки и собственно оценочное суждение, выраженное с помощью определенных языковых средств, и, наконец, основание оценки, т.е. те нормы и представления, с которыми говорящий соотносит объект оценки.

К речевым актам положительной оценки лингвисты относят несколько близких, но не идентичных вербально-коммуникативных явлений: похвалу, одобрение, комплимент, лесть, похвальбу, хвастовство, бахвальство и т.д. В классификации Дж. Остина оценочные речевые акты похвалы, комплимента и лести относятся к бехабитивам – актам общественного поведения, выражающим реакцию на поведение и поступки человека. Отсутствие в данной группе речевого акта одобрения объясняется тем, что одобрение направлено на неодушевленные объекты и явления природы. Одобрять можно действия, факт действительности. Следует отметить, что различение речевых актов положительной оценки, основанное только на дефинициях в словарях русского языка, не представляется возможным, так как одно явление объясняется за счет другого. Например: «комплимент – это похвала, вызванная стремлением сказать любезность или польстить кому-либо». Определение комплимента выступает в данном случае синонимом похвалы и лести. А прилагательное определяется следующим образом: *лестный* ‘содержащий похвалу, одобрение, дающий удовлетворение самолюбию’. Этим объясняется стремление лингвистов искать общие и отличительные черты указанных речевых актов. Так, одобрение рассматривается как такое отношение к предмету речи, которое показывает, что говорящий признает одобряемый поступок хорошим, правильным. Но высказывание типа

«Вы хорошо это сделали» включает в себя и похвалу, и одобрение. На разграничение похвалы и одобрения указывает тот факт, что в слове *одобрение* обнаруживается общий корень со словами *добро*, *добрый*. Высказывания одобрения большей частью спонтанны, они не предполагают ответной вербальной или невербальной реакции. Похвала отличается, на наш взгляд, особой прагматической спецификой, благодаря которой ее невозможно отождествлять с другими высказываниями положительной оценки. Как отмечает О. С. Иссерс, «для того, чтобы получить похвалу, нужно совершить нечто, проявив себя с положительной стороны». Видами похвалы В. В. Леонтьев рассматривает комплимент и лесть, а Н. И. Формановская включает комплимент и похвалу в группу одобрительных речевых актов, так как в любой культуре комплимент выражает одобрение, которое оба собеседника считают положительным. О. С. Иссерс отмечает, что для похвалы показателем успешности является принятие оценки, показателями неудачи – ее отклонение. Для комплимента даже несогласие адресата с говорящим не означает неуспеха.

Характерно, что зарубежные лингвисты не дифференцируют комплимент и похвалу, интерпретируя любое высказывание похвалы как комплимент. Разница между дефинициями похвалы и комплимента невелика: объектом комплимента может быть только лицо, а объектом похвалы – как лицо, так и вещи, события. Комплимент, в отличие от похвалы, не может касаться третьих лиц, отсутствующих в момент высказывания. Некоторые лингвисты употребляют понятие *льстивый комплимент*, что означает ‘лицемерное, угодливое восхваление, т.е. лесть’. Комплименты не рассчитаны на активизацию партнера по коммуникации в силу того, что адресату отводится пассивная роль – они призваны создавать приятную атмосферу общения, поддерживать добрые отношения.

Иное функциональное предназначение имеют речевые акты лести: выражая неискреннее восхищение адресатом, субъект оценки желает добиться расположения вышестоящего лица. Неслучайно высказывания лести рассматриваются как псевдоположительные.

Анализ практического материала, направленный на выявление языковых средств выражения одобрения, похвалы, комплимента и лести, показывает, что они обладают как общими, так и различительными способами выражения. Так, для выражения похвалы с умеренной степенью признака наибольшей частотностью употребления характеризуются прилагательные в положительной и сравнительной степени: *klug, fleißig, tüchtig, besser.* Незначительно представлены литоты: *keine schlechte Idee.* Синтаксические структуры характеризуются следующей наполняемостью: личное местоимение + оценочный элемент + объект оценки: *Sie haben eine gute Leistung geleistet*; повтор оценочных наречий: *Tüchtig, tüchtig, Anna.* Редкими случаями представлены перформативы или перформативные эквиваленты: *Für deine Arbeit verdienst du ein Lob!*

Более высокая степень похвалы выражается семантикой оценочных лексем перед существительными: *Eine grandiose Idee!* Высказываниями высокой

степени похвалы являются интенсификаторы *sehr, ganz, wirklich, ganz hervorragend.* Для данной степени похвалы характерны также оценочные наречия и существительные: *Prima! Super! Goldjunge!*

Следует отметить, что языковые средства варьируют в зависимости от степени похвалы. Поскольку многие лингвисты считают другие речевые акты положительной оценки формами проявления похвалы, то и их лингвистические средства сходны с лингвистическими средствами выражения похвалы. Так, общими языковыми средствами комплимента и лести являются прилагательные превосходной степени, лексические интенсификаторы, частицы и наречия *echt, wirklich, richtig.* В данных высказываниях имеются некоторые особенности синтаксических структур: употребление полных восклицательных и повествовательных высказываний типа *Du bist ein Genie!* К основным синтаксическим структурам комплимента и лести относятся высказывания, в центре которых глагольно-наречная конструкция: 1) *du bist* + Adj./Subst.; 2) *du siehst* + Adj./Adv. + *aus*; *was für* + Adj.; 4) *ich liebe ...*, *ich mag ...* .

Практический материал показывает, что в диалогическом общении выражение одобрения проявляется в виде различных оттенков похвалы, комплимента, благодарности, а лингвистические средства выражения лести являются гиперболизированными средствами похвалы.

Таким образом, речевые акты одобрения, похвалы, комплимента и лести совершаются с целью выражения положительной оценки. Выражая одобрение, говорящий констатирует разумность и своевременность какой-то идеи, решения, полезность какого-то предмета. При похвале адресант констатирует правильность и ценность сделанной работы, ее результатов, а также успешность действий адресата. Для комплимента основной целью является сообщение о благорасположении. В рамках прагматики комплимент рассматривается как тактика установления контакта и поддержания добрых отношений. От других актов положительной оценки комплимент отличается отсутствием в его структуре аргументативности. Адресант лести, поощряя адресата, намеревается побудить его к действию, в котором заинтересован сам адресант. При этом характерно, что лесть всегда адресуется «снизу вверх», а оценочные высказывания похвалы интерпретируются одинаково независимо от статусных отношений.

В то же время комплимент и лесть, в отличие от одобрения и похвалы, всегда направлены на собеседника, а не на третье лицо или предмет. Другая особенность комплимента, отличающая его от одобрения и похвалы, – небольшое ожидаемое преувеличение достоинств собеседника. В лести имеет место как преувеличение достоинств собеседника, так и присутствие в мотивации говорящего расчета и корысти.

Как следует из вышеизложенного, предназначение речевых актов положительной оценки определяется связью речевой деятельности с категорией добра, с проблемой взаимодействия человека и мира в ценностном аспекте. Их прагматическая сущность проявляется в принципе увеличения ценности, возвышения достоинств адресата.

И. А. Лапицкая

ПРОДУКТИВНОСТЬ ОТДЕЛЬНЫХ АССИМИЛЯТИВНЫХ ЯВЛЕНИЙ В ПРОЦЕССЕ ЗАИМСТВОВАНИЯ

(на материале немецких заимствований в белорусском языке)

Заимствованные лексические единицы немецкого происхождения составляют важную часть словарного состава современного белорусского языка. Активное обогащение белорусского языка немецкими лексемами во многом определено рядом исторических и географических факторов, многовековыми культурными и этническими контактами немецкого и белорусского народов. Анализ лексикографических источников (Слоўніка іншамоўных слоў (А. Н. Булыко), а также Этымалагічнага слоўніка беларускай мовы) выявил, что благодаря взаимодействию обеих культур современный белорусский язык насчитывает 1295 лексем немецкого происхождения, заимствованных устным либо письменным путем.

Заимствованные лексемы, пришедшие в новую языковую систему, подвержены процессу преобразований в соответствии с законами принимающего языка. Фонетическая ассимиляция представляет собой один из первых этапов освоения заимствованных лексических единиц языком-реципиентом.

Анализ материала показал, что ассимилятивные процессы охватывают при заимствовании оба фонетических подуровня слова: его звуковой состав (вокализм и консонантизм) и просодическую структуру. В области консонантизма наиболее частотным является приобретение немецкими согласными в позиции перед гласными переднего ряда дополнительной артикуляции, наблюдаемое в 53 % материала. В результате данного процесса согласные становятся мягкими и органически вписываются в фонологическую систему белорусского языка:

нем. ***m****erken – пол.* ***m****iarkować – бел.* ***м****еркаваць*;

нем. die ***K****irchmesse– пол.* ***k****iermasz– бел.* ***к****ірмаш*.

В сфере вокализма последовательно проявляется, во-первых, нейтрализация признаков краткость/долгота, напряженность/ненапряженность гласных в связи с их иррелевантностью в системе белорусского языка. Данный процесс охватывает все гласные монофтонги без исключения:

*н.-в.-нем. der ´R****a****hmen – пол. `r****a****ma – бел. р****а́****ма*;

*н.-в.-нем. der St****o****ß – пол. st****o****s– бел. ст****о****с.*

Кроме того, закономерным процессом является субституция немецких огубленных гласных переднего ряда /ø:/, /oe/, /y:/ и /Y/, не имеющих аналогов в белорусском языке, белорусскими гласными [і], [э], [о], [у], например:

*н.-в.-нем. w****ü****nschen – пол. w****i****nszować – бел. в****і****ншаваць*;

*н.-в.-нем. der ´St****ö****psel – рус. шт****е́****псель – бел.шт****э́****псель.*

Монофтонгизация дифтонгов – сложных образований, не характерных для белорусского вокализма, – встречается достаточно часто, в 16 % случаев (от числа лексем с дифтонгами):

*н.-в.-нем. die Gemeinde – пол. gm****i****na – бел. гм****і****на*;

*н.-в.-нем. die R****ei****ßkohle – рус. р****а****шкуль– бел. р****а****шкуль*.

На просодическом уровне системные различия (расположение словесного ударения в конце белорусских слов в отличие от инициального немецкого акцента) обусловливают смещение прототипического ударения в 43 % заимствованных единиц, представленных как сложными, так и простыми по своей морфемной структуре лексемами:

н.-в.-нем. die´Helle˛barde – пол. hala`barda – бел. алеба́рда;

н.-в.-нем. die ´Brü|der|schaft – бел. бру|дэр|ша́фт.

Следствием преобладания открытых слоговых конструкций в белорусском языке, в отличие от немецких закрытых слогов, является изменение типа слоговых структур заимствований в сторону открытия, наблюдаемое в 23 % случаев:

*н.-в.-нем. der Kol-**ben** – бел. кол-**ба***;

*н.-в.-нем. das Ble**ch** – пол.`bla-**cha** – бел. бля́-**ха**.*

Анализ материала выявил мало активные процессы в области консонантизма. Это такие коартикуляторно обусловленные фонетические модификации, как метатеза и эпентеза, которые наблюдаются в выборке лишь спорадически (около 1 %), например:

*н.-в.-нем. das Ma**l**|**br**ett – бел. ма**ль**|**бер**т*;

*н.-в.-нем. die Pe**rl**|**m**ut|ter – бел. пе**р**|**ла**|**м**утр.*

В области вокализма наиболее редкие случаи ассимиляции немецких гласных – с изменением максимального количества признаков – ряда, подъема, утратой либо приобретением огубленности – обусловлены временным фактором и наблюдаются в лексемах, заимствованных в более ранние периоды, практически без исключений с участием польского языка в качестве посредника, например:

– модификация [ı]→[o] с приобретением исходным гласным признака огубленности, однако утратой признаков верхнего подъема языка, переднего ряда: *с.-в.-нем. gesch**i**rre – пол. sz**o**ry – бел. ш**о́**ры;*

– переход [a]→[o] с приобретением признаков огубленности, однако утратой переднего ряда и низкого подъема языка: *с.-в.-нем. g**a**nt – пол. g**o**nt – бел. г**о́**нта;*

– преобразование [u]→[a] с утратой признаков огубленности и заднего ряда, приобретением низкого подъема языка: *с.-в.-нем. ´b**u**ntschuoch – пол. р**о**ń`czocha – бел. п**а**нчо́ха.*

В области просодии слова нерегулярным является закрытие слога – процесс, в принципе противоречащий законам белорусской просодии. Данное явление зафиксировано в 3 % слов и проявляет себя в комплексе с морфологическим фактором – в составе заимствованных лексем, получивших в языках-посредниках суффиксы *–k–/ –к–, –ek–/–ак–* и сохранивших их в белорусском языке, например:

*н.-в.-нем. die Spu–le – пол. szpul–**k**a – бел. шпуль–**к**а*;

*с.-н.-нем. ka-ve-l**e** – пол. ka-wa-ł**ek** – бел. кавал**ак**.*

Выполненное исследование показывает, что во всех трех подсистемах фонетического уровня языка (вокалической, консонантной и просодической) можно выделить элементы, устойчивые к воздействию на них чужой языковой системы, и, наоборот, компоненты, легко поддающиеся внешнему давлению. В области гласных устойчивыми сегментами являются немецкие основные фонемы ядерного вокализма, гласные верхнего и нижнего подъема [a], [i], [u], в то время как единицы среднего подъема [e], [o] в ассимилятивном процессе более лабильны. Среди согласных наибольшую устойчивость обнаруживают сонорные. На уровне просодии слова стабильностью отличается слоговой объем слова (сохраняется в около 70 % случаев), в то время как ударение оказывается слабым звеном в немецком слове и первым теряет при фонетической ассимиляции слова свою позицию, о чем свидетельствуют новейшие заимствования типа *нем. der ´Gastarbeiter – бел. гастарба́йтар*, *нем. die ´Preisliste – бел. прайс-ліст*, *нем. die ´Autobahn – бел. аўтаба́н*, *нем. das ´Autohaus – бел. аўтаха́ўс.*

Таким образом, различная продуктивность ассимилятивных явлений в процессе заимствования белорусским языком немецких лексем обусловлена рядом лингвистических и экстралингвистических факторов. Лингвистическим фактором, определяющим высокую частотность модификаций (нейтрализация признаков краткость/долгота, напряженность/ненапряженность, приобретение немецкими согласными признака твердость/мягкость, смещение ударения), являются системные расхождения языка-источника и языка-реципиента.

Нерегулярные изменения являются результатом коартикуляционных процессов (метатеза, эпентеза), могут быть обусловлены морфологическими изменениями при ассимиляции заимствований (закрытие слогов), а также являться результатом длительной и глубокой ассимиляции (изменения в составе ранних заимствований).

В. В. Лопатько, Л. И. Трибис

ВАРИАТИВНОСТЬ АКЦЕНТНО-РИТМИЧЕСКОЙ СТРУКТУРЫ ВЫСКАЗЫВАНИЙ С ПРЕДЛОГОМ В УСТНОЙ РЕЧИ

В настоящее время не вызывает сомнения тезис о том, что успешность коммуникации определяется не только передачей лексико-грамматического содержания высказывания, но в значительной мере зависит от его адекватного просодического оформления и, в частности, акцентно-ритмической структуры каждой произносимой фразы. Акцентная выделенность частеречных единиц во фразе традиционно детерминирована их значимостью и смысловой релевантностью, однако контекстно-речевое поведение функциональных слов, которые не имеют собственного полновесного значения, требуют пристального внимания, ибо они оказывают определенное влияние на просодическое построение всего текста.

В арсенале функциональных слов особое место занимают предлоги как средства выражения грамматического и семантического отношения с определяемым знаменательным словом, способные принимать как ударные, так и безударные позиции в просодической структуре фразы в зависимости от различных ситуативных условий их реализации. Если верить статистике, количество предложных единиц в различных языках колеблется от 50 до 200, а в английском языке их насчитывается более 300 образований, использование которых в речи может занимать до 20–25 % текста.

Среди всего многообразия предложных единиц по структуре и по форме традиционно выделяют группы простых (simple) предлогов с немотивированной внутренней формой *(in, to, from, at)*, сложных (compound) с прозрачной формой *(within, throughout, outside);* производных (derivatives), имеющих в своем составе спецморфемы *(behind, above, below)*, и составных (composite), состоящих из нескольких слов *(in accordance with, on behalf of, thanks to, in addition to),* при этом ни один из элементов составного предлога нельзя расширить, сократить или изменить, ибо все они являются целой предложной единицей. Значение выделенных групп предлогов неодинаково, поскольку ведущее положение занимают простые, по происхождению древнеанглийские предлоги, с помощью которых передаются все прежние падежные отношения древнеанглийского периода. Именно они образуют лексические сращения с существительными и глаголами (как постпозитивные предлоги) и участвуют в образовании сложных и составных. Большинство простых предлогов многозначны, причем один и тот же предлог может выражать самые различные отношения *(to sit by the fire, to walk by the river, to come by six o'clock, to go by air, a book by Sheldon, by mistake, by chance).*

Фонетический статус предлогов традиционно определен в нормативной фонетике: их безударность во фразе составляет главный постулат практического описания фразового ударения, которая приводит к изменению их фонемного состава, демонстрируя нестабильность их фонетической структуры, что подчеркивает их двойственный характер и способность занимать различные положения на шкале от синсемантичности до автосемантичности. Решение вопроса энклитического или проклитического примыкания предлога к ведущему слову в различных условиях фразового контекста имеет неоднозначную трактовку и требует дополнительного анализа характера его акцентного поведения во фразе. В связи с этим на первом этапе исследования анализу была подвергнута способность к акцентной выделенности различных по формальной структуре предлогов с учетом их локализации во фразе. Средний процент выделенности ударением предлогов во всем корпусе исследуемых высказываний (760 фраз) составил 24,3%, что в некоторой степени меньше, чем в монологической речи (25,8 %), но больше чем в диалогической (14,8 %) или поэтической речи (18,6 %). Многосложные и составные предлоги значительно чаще получают акцентную выделенность (86 %), чем односложные простые (43 %). Из односложных предлогов *up, down, back, through* были сильно ударные или частично ударные во всех случаях нашего материала и чаще всего демонстрировали ядерную выделенность, что подчеркивает большую степень их автосемантичности.

В начальной позиции в синтагме **простые** предлоги, как правило, были безударные (72 %), однако при условии значительной смысловой или функциональной нагрузки контраста или сравнения они являлись ударными (28 %).

On the ˈleft is a ˈlarge ˧window. ˈUnder the ˩window ‖ there is a ˧radiator. ˈOn the ˩right you •see a ˈstandard ˧lamp.

В срединной позиции предлоги безударны и редуцированы (кроме *on, in, of, by, out)* или частично ударны (8 %), хотя в ряде случаев (12 %) они могут быть сильно акцентированы в зависимости от большой смысловой нагрузки.

I'm ˈat my wit's ˧end, as the situˈation *is ˧hopeless.*

He'll be ˈwith you on ˩Friday ‖ , but with ˈSam on ˧Sunday.

В финальной позиции данные предлоги зачастую акцентированы нисходящим терминальным тоном, особенно в кратких эллиптических вопросах, которые наиболее часто используются в диалогической речи. *I'm ˈgoing to ˧Rome. –ˈWhat ˧for?*

Однако в полных вопросах к предложному дополнению предлог сохраняет сильную форму при частичной выделенности. *ˈWhat do you ˧want it ˩for? ˈWho is he ˧talking ˌto?*

Рассматривая проблему 'ядерного' потенциала предлогов (случаев выделения их ядерным тоном), можно с уверенностью утверждать, что оно является оправданным средством выражения контраста, обусловленного контекстом. Контрастное значение предлогов привело к конфликтной ситуации между двумя персонажами: *It's ˈAurora's ˈ16th ˧birthday. The King said we could leave on her 16th birthday. ˈNot ˧on ‖ - ˧˧After! - ˧˧On! -˧˧After!- ˧˧On! – ˧˧After! (The ladies began fighting).*

В заядерной позиции предлог может быть выделен частичным ударением, если за ним следует местоимение, завершающее фразу. *˩Are you waiting for •them? ˈWhat is so ˧difficult aˌbout it?*

Производные предлоги в начальной позиции в синтагме всегда ударны, поскольку несут определенную смысловую нагрузку. Desˈpite *what he says he ˧hates the ˌjob. ˈDuring the ˩day ‖ the ˈlight comes in through the ˧windows.* В срединной же позиции они зачастую безударны, их финальная позиция в корпусе нашего материала не обнаружена. *The ˈsun was ˧˩shining during the ˧day.*

Сложные предлоги как в начальной, так и в срединной позиции в большинстве случаев являются ударными (84/76 %), хотя возможна их частичная выделенность в зависимости от ритмической структуры фразы. *A˧˩longside the ˩pier ‖ we could ˈsee lots of ˧˩small ˧ships. Our ˧˩family was ˧˩starving through˧˩out the ˧war. He was ˧˩working withˌout ˧˩any ˧˩hope of re˧ward.*

Составные предлоги независимо от их локализации во фразе (начальной или срединной, однако финальной позиции не было зафиксировано

в нашем материале) получают, как правило, сильную выделенность. *To be↓gin ˏwith ⎨ it should be ˩cheaper. Be↓cause of his ↓wounded leg ⎨ he ↓couldn't •walk ˩fast. He ↓argued for the ↓sake of˩arguing.*

Данный этап анализа подтвердил тот факт, что силлабическая структура и внутренняя форма предлога значительно влияют на характер их акцентной выделенности в различных позициях во фразе в зависимости от их семантической и функциональной нагрузки.

Результаты второго этапа эксперимента показали, что локализация постпозитивных вербальных предлогов во фразе имеет основополагающее значение для их акцентной выделенности. Следует отметить, что только простые предлоги выполняют постпозитивную функцию, следуя за ведущим глаголом. Редкие случаи их начальной позиции во фразе, зафиксированные лишь с глаголами движения в разговорной речи, манифестировали наличие сильной выделенности нисходящим терминальным тоном, как одного из лексически наиболее важных элементов высказывания. *˩Off you go. ˩Up went her ˌeyebrows again.*

Строго фиксированная постглагольная локализация таких предлогов допускает их некоторую позиционную вариативность в структуре фразы, что оказывает давлеющее влияние на характер их выделенности.

В сочетаниях, разделенных от ведущего глагола прямым дополнением, они реализованы с сильным или частичным ударением, а в ряде случаев маркированы нисходящим терминальным тоном. *↓Look the •papers ↓through and ↓make your de˩cision. ↓Look the ↓letters ˩through*.

Структурная тесная спаянность неразделенных глагольных сочетаний, допускающая употребление дополнения только за вербальным предлогом, требует его безударной реализации, образуя, как правило, единую акцентную единицу с ведущим глаголом, и не оказывает значительного влияния на ритмическую структуру всей фразы. *She ↓started to ↓look for the ↓documents ˩carefully*.

В дистантном же соединении с глаголом они могут быть реализованы сильно акцентированными, образуя отдельную ритмическую группу. *↓Put your •coat ↓on and we'll ↓go for a ˩walk.*

В срединной позиции на степень выделенности анализируемых единиц оказывает влияние акцентный характер последующего или предшествующего слога, а в ряде случаев предшествующий всему глагольному сочетанию сильно ударный слог уменьшает выделенность глагола, но усиливает акцент постпозитивного предлога, создавая яркую ритмическую структуру фразы. *↓Tom looked ↓out of the ˩lorry. ↓Marge got ↓up from the ˩bed.*

Строго финальная позиция анализируемых предлогов манифестирует их сильную выделенность и все примеры были реализованы с терминальным высоким (35 %), средним (28 %) или низким (15 %) нисходящим тоном как семантический центр фразы. *The ↓prices have gone up.* Однако возможно их заядерное безударное положение без редукции их фонемной структуры. *The ↓doc was ˩sent for. I ↓hate being ˩stared at*.

Третий этап эксперимента позволил проанализировать степень выделенности стыковых сочетаний обоих видов предлога в срединной позиции во фразе и показал их неоднородный характер. Постпозитивные предлоги в сочетании с последующим предлогом в подавляющем большинстве были сильно акцентированы (68 %) или реализованы с частичным ударением (18 %), манифестируя, вероятно, более важную семантическую нагрузку, чем следующий за ним предлог. *I'll ↓pick you ↓up at 7 o'\clock. They ↓cried •out with ↓one \voice. I'll ↓put it ↓in in ↓no \time.*

В ряде случаев (12 %) предшествующий всему глагольному сочетанию сильноударный слог уменьшает выделенность глагола и усиливает акцент следующего за ним предлога, при полной безударности и возможной редукции последующего предлога. *↓Paul set ↓off for Vi\enna. ↓Sam came ↓in in ↓white all \over.*

Полученные результаты фонетического исследования функционирования предлогов в устной речи свидетельствуют о специфике их влияния на акцентно-ритмическую структуру высказывания в зависимости от их выделенности, семантической и функциональной нагрузки, а также сильной или слабой формы их реализации в устной речи.

Н. Г. Медведева

СРАВНИТЕЛЬНЫЙ АНАЛИЗ ПРОСОДИЧЕСКОЙ ВАРИАТИВНОСТИ В ФУНКЦИОНАЛЬНО-КОММУНИКАТИВНЫХ ВИДАХ АВСТРАЛИЙСКИХ, КАНАДСКИХ И БРИТАНСКИХ ВОПРОСОВ

В связи с обширностью территориального распространения полинационального английского языка и связанной с ней динамикой становления лингвокультурной базы различных территориально отдаленных сообществ необходимым представляется установление и описание соотношения как интралингвистической, так и интерлингвистической специфики формообразования высказываний в рамках литературной нормы каждого национального варианта языка.

Особую важность приобретает изучение характера и степени территориальной вариантности современной английской устной речи путем сравнительного анализа речевых реализаций значительного объема семантико-синтаксических структур высказываний в различных стилях речи и с разной коммуникативно-прагматической направленностью.

В данном исследовании путем сравнительного анализа просодических структур вопросительных высказываний в количестве 920 разноструктурных местоименных и неместоименных вопросов проводилась оценка территориальной нормативности в способах их просодического структурирования в австралийском и канадском вариантах современного английского языка относительно их британского аналога. Для расширения экспериментальной базы речевого материала рассматривалась также их дистрибутивная специ-

фика в официально-деловой и непринужденной сферах речевого общения, а также с учетом их нейтральной или эмотивно-модальной негативной коннотативности. Например: *Where do I sign, Sir? Do you think you'll come? Why can't you sit still for one minute? Then what's the hell is this?*

Сравнение на перцептивном и акустическом уровнях показало, что качественные различия между территориальными вариантами в просодических структурах вопросов проявляются по-разному в зависимости от становления их функционально-уместных видов в разные периоды времени в каждом варианте. Разная степень закрепленности общественной практикой в первую очередь относится к официально-деловой речи и лексически маркированным негативным вопросам во всех территориальных вариантах. При оценке территориально нормативной специфики негативных вопросов в пределах допустимой возможности учитывалась подчиненность национальной традиции, определяющей экспрессивность как словесного, так и интонационного построения фраз.

Сравнительный анализ показал, что относительно британских реализаций, просодические структуры эмотивно нейтральных вопросов утрачивают территориальные признаки, в то время как в лексических и синтаксических видах эмотивно негативных вопросов территориальные различия их расслоения проявляются более ярко в величинах признаковых значений их высотно-тональной организации.

Значимая стилистическая противопоставленность в просодических структурах общих и специальных вопросов обнаружена в австралийском и канадском вариантах. Национальная специфика австралийского варианта в структурировании официально-деловых вопросов заключается в рекуррентности высокого нисходящего тона и его повышенной экспрессивной восходяще-нисходящей разновидности, в то время как в британском варианте данный тип тонального завершения отсутствует. В канадском варианте частотность употребления нисходящего тона в завершении официально-деловых общих вопросов имело место в 60 % случаев, а британские официально-деловые общие вопросы произносились в 70 % случаев с высоким восходящим тоном.

Степень просодической экспрессивности в лексически и структурно негативных вопросах неоднозначно проявляется в австралийском и канадском вариантах. Относительно британской вопросительной нормативности по отдельным признакам можно сказать, что их различия носят как однонаправленный характер, так и имеют собственно национальные отклонения в их парном противопоставлении. Вариантность просодических структур вопросительных высказываний эмотивно-нейтральных и эмотивно-маркированных вопросов заключается преимущественно в несовпадении частотности типов тонального завершения фраз и их дистрибуции в каждом из сравниваемых видов вопросов. Степень проявления контрастности признаков в австралийском и канадском вариантах в сравнении с британскими аналогичными вопросительными структурами наиболее эксплицитна в лексически маркированных негативных вопросах.

Основными индикаторами территориальной принадлежности вопросительных фраз являются не только их стабильное тональное отличие в предъядерной части интонационных контуров, заключающееся в различной частотности употребления сложных контуров, но и объем их внутривариантных различий, который в разной степени идентифицируется аудиторами как на перцептивном уровне, так и находит подтверждение в значениях акустических параметров частоты основного тона (ЧОТ) и среднеслоговой длительности (СДС).

Внутривариантные различия как структурно-синтаксических, так и стилистически разных реализаций вопросов наиболее значительны в рекуррентности типов тонального завершения, вариативности частотных интервалов ударных слогов в предъядерной части вопросов и среднеслоговой длительности ядерных тонов. Убывание вариантной специфики просодических признаков имеет место в диапазоне частоты основного тона, степени выделенности первого ударного слога, дистрибуции типов слоговыделенности во всех видах вопросов.

Темпоральная вариативность не имеет однонаправленного проявления во всех сопоставляемых видах вопросов. Более быстрый темп их произнесения характерен для австралийских непринужденных вопросов, а более медленный – был отмечен в британских лексически и структурно маркированных негативных общих вопросах.

Правомерно предположить, что дистантность британских, австралийских и канадских вопросительных структур всех сравниваемых в нашем исследовании видов предопределена не только особенностью условий их социоисторического становления и развития, но также зависит от их функционирования в различном коммуникативном пространстве.

Л. П. Морозова

О ТЕОРЕТИЧЕСКИХ ОСНОВАХ ОБУЧЕНИЯ ФРАНЦУЗСКОМУ ПРОИЗНОШЕНИЮ

Владение иностранными языками стало в глобализованном мире одним из условий успешной профессиональной деятельности. Потребность в активной межкультурной коммуникации широких масс не могла не повлиять на подходы к обучению иностранным языкам, в результате чего основным методом стал коммуникативный. Этот метод, практически возведенный в культ, главный девиз которого – «коммуницировать во что бы то ни стало», неважно как, лишь бы быть понятым, привел к заметному снижению качества речи на иностранном языке, в том числе фонетической ее стороны. Такая философия приблизительности стремительно проникает в сферу преподавания иностранных языков в университетах, в том числе лингвистических. Этому в значительной мере способствуют «глобальные», «универсальные» методики преподавания, ориентированные на «универсального» обучаемого и широко пропагандируемые такими национальными языковыми институтами, как Британский Совет, Альянс франсез, Институт Гёте.

Вместе с тем исследования, направленные на разработку принципов и критериев оценки качества речи, показывают, что коммуникативно успешная и психологически комфортная иноязычная речь обеспечивается наличием у нее таких признаков, как беглость, четкое произношение звуков, просодическое воплощение в соответствии с системными требованиями, степень приближенности к орфоэпической и ортофонической нормам.

Разумеется, степень соответствия данным требованиям варьируется в зависимости от поставленных задач. В случае обучения иностранным языкам будущих специалистов речевых профессий, в особенности преподавателей иностранных языков, требования к качеству звуковой стороны иноязычной речи должны быть самыми высокими. К сожалению, в настоящее время, когда соотношение цены и качества (количества учебных часов и результата) определяет принятие решений и содержание учебных программ, встает вопрос о *необходимости добиваться* и *возможности добиться* уровня владения звуковой стороной изучаемого языка, максимально приближенного к фонетической норме.

Ответ на этот вопрос зависит от того, как оцениваются сложность достижения правильного произношения и значимость усвоения фонетической нормы для овладения иностранным языком. Что касается важности фонетической стороны речи, ответ на него дают исследования в области коммуникации и разработки в сфере автоматического синтеза: успешная и комфортная коммуникация возможна при достижении определенного уровня владения произношением звуков и просодией. Кроме того, известно, что способность распознавать различные оттенки смысла, передаваемые звуковым сигналом, тесно связана с уровнем владения артикуляцией звуков и просодией.

Относительно сложности усвоения иноязычного произношения, максимально приближенного к норме, существует миф, который активно поддерживается неспециалистами в области фонетики. Многолетний опыт преподавания французского языка показывает, что синтаксис, лексика и в особенности идиоматичность речи представляют собой гораздо более сложные аспекты иностранного языка, чем артикуляция звуков и просодия. Звуки и просодия представлены в языке ограниченным списком единиц и доступны для усвоения уже на начальных этапах обучения.

В публикациях зарубежных коллег по проблемам обучения произношению горячо дискутируется вопрос о целесообразности использования метаязыка, т.е. «тяжелого» терминологического аппарата. Практика показывает, что в работе со взрослыми использование терминологии и привлечение фонологической теории не только не препятствуют эффективному формированию практических умений и навыков, но оказываются необходимым условием усвоения знаний, обеспечивающих экстраполирование умений и навыков на новый языковой материал.

Очевидно, что задача добиться иноязычной речи без акцента в условиях искусственного билингвизма не может и, наверное, не должна ставиться. Напротив, формирование произносительных навыков на иностранном языке, максимально приближенных к фонетической норме – задача необходимая

и вполне реализуемая при условии следования определенным принципам, главный из которых – серьезная теоретическая подготовка преподавателя. Обучение иноязычному произношению невозможно без глубокого понимания теории, т.е. знания фонетических систем изучаемого и родного языков и умения на основе их сопоставления определять явления, в наибольшей степени подверженные интерференции. Это позволяет находить пути, обеспечивающие формирование навыков произношения в оптимальные сроки и с максимальным эффектом.

Так, при обучении носителей языка с бедной вокалической системой языку с богатым вокализмом принципиально важным оказывается порядок введения гласных. Например, во французском языке существуют четыре степени открытости гласных (четыре степени подъема языка) по сравнению с тремя степенями открытости в русском языке, при этом гласные низкого (открытые) и средне-низкого (полуоткрытые) подъема оказываются самыми многочисленными. Кроме того, подавляющее большинство открытых и полуоткрытых гласных относится к переднему ряду. С точки зрения артикуляторных движений передняя артикуляция при низком положении спинки языка представляет особую сложность для русскоговорящих, так как в русском языке гласная низкого подъема /a/ относится к непереднему (среднему) ряду. Поэтому формирование произносительных навыков правомернее начинать с серии открытых и полуоткрытых гласных переднего ряда путем постепенного «наращивания» признаков: сначала ставится открытая гласная переднего ряда /a/, от нее осуществляется переход к полуоткрытой гласной переднего ряда /ɛ/, затем к огубленной гласной такого же ряда и подъема /œ/. И заканчивается серия гласных с низким подъемом языка огубленной гласной заднего ряда /ɔ/. Серия закрытых гласных начинается с гласной /i/, от нее формируется артикуляция закрытой огубленной гласной переднего ряда /y/, которая впоследствии служит основой для закрытой гласной заднего ряда /u/.

При постановке гласных важным оказывается знание не только фонемных признаков, но и акустических характеристик. Так, анализ формант полузакрытых гласных /e/, /ø/, /o/ показал, что акустическое расстояние между ними и полуоткрытыми гласными /ɛ/, /œ/ и /ɔ/, несмотря на то что каждая из пар принадлежит к одному и тому же звукотипу, намного больше, чем между полузакрытыми /e/, /ø/, /o/ и закрытыми /i/, /y/, /u/. Эти данные позволили кардинально изменить подход к постановке полузакрытых гласных и переходить к ним от закрытых, т.е. идти к /e/ от /i/, к /ø/ от /y/, к /o/ от /u/ и добиваться хорошего качества звуков за короткое время. Ранее на постановку полузакрытых гласных /e/, /ø/, /o/, в качестве основы для которых использовали полуоткрытые гласные /ɛ/, /œ/, /ɔ/, уходило много времени с очень неудовлетворительными результатами.

Сопоставление фонематических систем русского и французского языков позволило решить еще одну проблему, с которой сталкиваются преподаватели при проведении вводно-коррективного курса. Во французском языке имеется серия огубленных гласных переднего ряда, при произнесении которых у студентов наблюдается дифтонгизация. Это обусловлено тем, что в русском языке все огубленные гласные являются гласными заднего ряда, т.е.

огубленность и артикуляция гласной в глубине ротовой полости оказываются связанными признаками: при округлении губ язык автоматически уходит назад. Решить эту проблему удалось путем установки на произнесение соответствующей неогубленной гласной и постепенной лабиализации с удержанием кончика языка в переднем положении.

Обязательным условием эффективного формирования произносительных навыков является знание преподавателем артикуляторных коррелятов не только нормативных звуков, но и несоответствий в их произношении, которые, как правило, носят типизированный характер. Преподаватель должен уметь «диагностировать» ошибку, определить, какое несоответствие в артикуляции не позволяет получить нужное качество. Это требует особого – «фонетического» – слуха у преподавателя, который формируется путем специальных занятий аудированием.

Таким образом, можно сделать вывод о том, что:

1) основой эффективного обучения иноязычному произношению является учет фонологической компетенции и артикуляторных привычек в родном языке. Как писал А. Мартине, «нельзя браться за обучение иностранному языку, не выяснив языкового прошлого обучаемого»;

2) помимо образцового произношения, преподавание практической фонетики требует от преподавателя специальной подготовки, включающей серьезные теоретические знания, а также профессиональный «фонетический» слух, позволяющий устанавливать артикуляторные корреляты звуков при их произнесении обучаемыми с целью их эффективной корректировки.

Т. М. Насонова

К ВОПРОСУ О ВАЖНЕЙШЕЙ РОЛИ РИТМА В ФОРМИРОВАНИИ ИНОЯЗЫЧНОГО ПРОИЗНОШЕНИЯ

Общеизвестно, что фонетическая интерференция представляет собой сложное явление как с точки зрения ее проявления, так и с точки зрения ее преодоления. Опыт обучения иноязычному произношению свидетельствует о том, что наиболее устойчивой является интерференция в области просодического оформления речи. Связано это, во-первых, с различиями в числе просодических единиц в контактирующих языках, во-вторых, с различиями в их фонетической реализации, в-третьих, с различиями в дистрибуции сходных по форме единиц. Кроме того, ошибки в выборе просодической модели происходят не только в результате интерференции родного языка. Так, например, употребление нисходящего контура в специальном вопросе, содержащем запрос об информации, является универсальной характеристикой как английского, так и русского вопроса. Однако у обучающихся постоянно отмечается стремление к использованию восходящего контура (в данном случае по аналогии с интонацией общего вопроса). Причина такого рода отклонений состоит в ограниченном наборе иноязычных просодических

моделей в сознании обучающихся и, соответственно, соотнесении восходящего контура со всеми вопросительными высказываниями, нисходящего – с повествовательными. Таким образом, просодическая база на иностранном языке не только экстраполируется напрямую из родного языка, но в некоторых аспектах создается заново.

Как показывают результаты исследований, в которых проводится сравнение звучащей речи носителей английского языка и английской речи носителей русского/белорусского языка, просодическая интерференция проявляется во всех компонентах просодической системы: в высотно-мелодическом, акцентно-ритмическом и темпоральном. К отклонениям в высотно-тональных характеристиках речи относятся, прежде всего, отсутствие вариативности при выборе мелодического контура, нетипичное для английского языка мелодическое завершение фразы, меньшая степень эмоциональности речи. Перечисленные отклонения нарушают естественность звучания речи, тем не менее, как отмечается в исследованиях, не препятствуют ее пониманию. В акцентно-ритмической подсистеме влияние родного языка (в нашем случае русского/белорусского) обусловлено значительными различиями в грамматическом строе и словесной просодии английского и русского/белорусского языков, т.е. факторами, лежащими за пределами фонетической системы, а именно – лексическими и грамматическими. Несмотря на тот факт, что и в английском, и в русском языках в основе периодичности лежит ритмическая группа, дистрибуция фразового ударения в упомянутых языках находится под влиянием конкретно-языковых факторов. Именно перенос характерной для славянских языков тенденции к произнесению длинных синтагм с выделением практически каждого слова, – поскольку слова в данных языках, как правило, многосложные, – ведет к нетипичному для английской речи редкому фразовому членению и акцентированию большого количества слов, в том числе и служебных, которые в английском языке в норме лишены фразового акцента наряду с одно- или двусложными знаменательными словами, не несущими новой информации.

Исследования звучащей речи показывают, что адекватное использование ритмических моделей в речи как на родном, так и на иностранных языках является одним из существенных условий успешной коммуникации и признаком высокой культуры речи. Отклонения в акцентно-ритмической структуре фразы приводят к нарушению звучания речи и, соответственно, к невозможности ее адекватного понимания на слух. В этой связи представляется необходимым в процессе обучения иноязычному произношению уделять должное внимание формированию аутентичного речевого ритма, что включает в себя обучение синтагматическому членению, распределению акцентов внутри синтагмы, аутентичному соотношению длительности и качества ударных и безударных слогов, просодическому оформлению межакцентных и межсинтагменных стыков и т.п. Основным приемом для преодоления интерференции в акцентно-ритмической структуре фразы является осознанная имитация речи носителей языка с соответствующими разъяснениями и иллюстрациями, что предполагает научно-теоретическую и методи-

ческую подготовку со стороны преподавателя, а также заинтересованность со стороны обучающегося. Работа над формированием аутентичного речевого ритма может проводиться с самого начального уровня обучения иностранному языку, поскольку обучение всем аспектам языка должно осуществляться, без сомнения, исключительно в комплексе.

И. И. Панова

ПРОСОДИЧЕСКИЕ КОНТРАСТЫ В СИСТЕМЕ ЖАНРОВ АНГЛИЙСКИХ ИНФОРМАЦИОННО-АНАЛИТИЧЕСКИХ ТЕЛЕСООБШЕНИЙ

Сравнение различных форм, типов и видов английских публицистических сообщений Би-би-си показывает, что обнаруживаемые в них различия преставляют в каждом из них определенные наборы правил упорядоченного структурирования фразовой просодии, определяющих их идентификацию. Так, в частности, множественность манифестации английской телеречи в профессиональной деятельности разных носителей позволяет рассматривать такие институционально типичные жанры публицистики, как новостные выпуски, репортажи и интервью, по двум направлениям, а именно: как избирательность языковых средств, в том числе и просодических, в их парадигматике, либо их определение в рамках понятия варианта и инварианта, т.е. отклонения того или иного жанра от нормативного просодического стандарта дикторского представления новостных выпусков Би-би-си.

Правомерность принятия в качестве базовой основы для релятивного описания жанровой вариативности в просодии официально-деловой речи как макросистемы, в том числе и телепередач публицистического содержания, не вызывает сомнения. Однако сложность квалификации просодии их отдельных жанров как отклонения от кодифицированной нормы в просодии английского языка обусловлена еще и тем, что в английской интонологии не установлена система фразовых просодем, а, следовательно, существует ограничение условий реализации их дистрибутивных вариантов.

В данной публикации представлены результаты проведенного нами сравнения тождественных и различительных средств в просодической организации 15 отрезков текстов новостных бюллетеней, репортажей и интервью, транслируемых по каналу Би-би-си в 2016–2917 годах. Их жанровая принадлежность, анонсируемая в режиме телевещания, являлась очевидной. При отборе речевых образцов в максимально возможных пределах учитывались требования идентичности их информационного содержания: позитивная/негативная событийность, гендерная принадлежность и возраст. Примеры высказываний, констатирующих негативные факты.

Новости – A 'fourth ˇperson { has been ar\rested { by po'lice in•vestigating the 'disa\ppearance of a ^mother { from \Manchester.

Репортаж – And 'now /here | in the /centre | of ˇBrussels { the 'people of /Belgium | 'start ''three /days | of 'national \mourning | for the ^victims { of to'day's 'terror a\ttacks.

Интервью – \Those /people who /claim{ the po'lice are ↘know ↘longer ↘able to 'guaran\tee their pro\\tection in our •city /centers{ ''were \\right.

Сопоставление количественных величин по показаниям их признаковых значений в членении пяти текстов каждого жанра на просодические единицы (фразы, синтагмы и их акцентно-ритмический состав), длительности паузального перерыва фонации, дистрибуции фразовой слоговыделенности, направлении тона в зоне завершения финальных и нефинальных интонационных групп и предъядерной части их тональных контуров позволило сделать ряд достоверных выводов, основанных на дистантности количественных показателей в их реализации.

Наиболее значимые жанровые различия состоят в совокупностях признаковых значений в текстах идентичной продолжительности звучания в каждом жанре. Для новостных сообщений в реализации всех пяти дикторов характерно наименьшее количество синтагм, фраз и внутрифразовых пауз членения; завершение нефинальных интонационных групп низким восходящим тоном; большей частотности выделения слогов эмфатическим ударением в сообщениях негативного содержания; наиболее быстрый темп речи.

Просодическая маркированность репортажа проявляется в его наибольшей дискретности. В нем количество пофразового членения текстов одинаковой протяженности в 1,8 и 2 раза превышает их количество в других сравниваемых жанрах при отсутствии коротких межфразовых и внутрифразовых пауз (1,7 %). Частотность тонального завершения финальных (45 %) и нефинальных интонационных групп (54 %) разноуровневым восходящим тоном создает его собственно жанровый контраст.

Среднеслоговая длительность речи журналистов-интервьюеров в сравниваемых текстах является более медленной относительно других жанров (*ср*. 142 – 149 – 178 м/сек) при сравнительно большем количестве синтагм и коротких пауз как межфразового, так и внутрифразового членения. Наибольшая частность употребления высокого восходящего тона (39 %) и низкого восходящего (28%) в завершении фраз является наиболее типичным отличием интервью негативной содержательности.

Следует признать, что установленные совокупности просодических различий являются достаточными для противопоставления жанровой принадлежности высказываний как свидетельства того, что на фоне базовой основы информационно-аналитического вещания Би-би-си как просодической макросистемы с ее ингерентной необходимостью реализации мотивированной четкости, лаконичности и нормативности использования лексических, синтаксических и фонетических средств, просодия их жанровой экспликации, тем не менее, обнаруживает ряд устойчивых индикаторов, регулирующих вариативность их жанровых микросистем.

Анализ также показал, что каждый жанровый блок текстов, образуя относительно самостоятельное просодическое пространство, допускает внутрижанровое расслоение, обусловленное тематически позитивной или негативной содержательностью сообщения, междужанровая контрастивность которой в каждом жанре исследуемого материала имела однонаправленное видовое проявление.

Л. В. Рускевич, С. С. Стрех

ПРИЗНАКИ РУССКОЙ ИНТЕРФЕРЕНЦИИ В ПРОСОДИИ НЕФИНАЛЬНЫХ СИНТАГМ В АНГЛИЙСКОЙ СПОНТАННОЙ РЕЧИ БИЛИНГВОВ

Фонетическая интерференция не является новой областью лингвистических исследований, однако значимость этой проблематики не просто сохраняется, но и возрастает в последние десятилетия по причинам, в первую очередь, социального характера. Наряду с очевидными достижениями экспериментальных исследований фонетической интерференции, к которым непосредственное отношение имеет Минская фонетическая школа, остается еще целый ряд вопросов, требующих дальнейшего углубленного рассмотрения.

В частности, проблемой преподавания фонетики иностранного языка даже в лингвистическом университете остается сохранение сформированных в процессе обучения произносительных и, в частности, интонационных, умений в спонтанной речи студентов, поскольку именно владение спонтанной речью на иностранном языке является показателем уровня языковой компетенции. В мире активно проводятся сравнительные фонетические исследования спонтанной речи на материале разных языков, в которых рассматриваются самые разные аспекты: мелодические, ритмические и темпоральные характеристики спонтанной речи, особенности паузации, сегментных характеристик и др. Однако, на наш взгляд, недостаточно изученной является просодия интерферентной спонтанной речи, в частности, реализация в ней типичных просодических моделей иностранного языка. Мы провели фонетический анализ просодических характеристик нефинальных синтагм в речи билингвов, имеющих профессиональное лингвистическое образование, с целью выявления как типичных отклонений, так и сходства просодических характеристик спонтанной речи билингвов и носителя английского языка.

Анализу были подвергнуты записи спонтанных монологов на свободную тему от 5 до 7 минут трех выпускниц лингвистических вузов (двух выпускниц факультета межкультурных коммуникаций МГЛУ и одной – Европейского гуманитарного университета в Вильнюсе). Возраст испытуемых – 22–23 года. Затем была осуществлена запись текстов монологов и произведена их просодическая разметка в соответствии с методикой, принятой на кафедре фонетики английского языка МГЛУ. Речь испытуемых сравнивалась с записью интервью британской школьницы 15 лет, учащейся частного католического колледжа в Лондоне, речь которой соответствовала современной британской произносительной норме. Выбор данного носителя языка для сравнения обусловлен, в первую очередь, наибольшей близостью данного носителя по полу и возрасту к испытуемым, привлеченным для данного анализа, из имеющихся в нашем распоряжении носителей. Кроме того, эта школьница, будучи ученицей престижной частной школы, уже отличается достаточно высоким уровнем начитанности и развитой речью без заметных региональ-

ных особенностей. С ней было проведено интервью на тему ее учебы в колледже, которое было записано в студии звукозаписи МГЛУ. Тема интервью заранее не оговаривалась.

Далее записи билингвов были предъявлены носителю британского варианта английского языка для определения степени иностранного акцента по следующей шкале: сильный *(heavy/strong)* – средний *(moderate)* – слабый *(mild)* – нативный, или аутентичный, акцент, т.е. акцент носителя языка (*native accent*). В результате акцент первого и второго дикторов был оценен как *средний* (при этом лучшим из двух был признан акцент второй испытуемой). Акцент третьей испытуемой был оценен как *слабый*, но близкий к *среднему*. Очевидно, что, несмотря на кажущиеся удобства и логическую обозримость такой шкалы, для оценки степени иностранного акцента в фонетических экспериментах информантам требуется более дробное деление по степеням, учитывающее большее разнообразие вариантов.

В процессе фонетического анализа мы сравнили потенциальную длину синтагмы/интонационной группы в терминах полнозначных слов, число синтагм, завершающихся паузами хезитации, а также мелодические характеристики завершения нефинальных синтагм по сравнению с финальными. Потенциальная длина синтагм в терминах полнозначных слов всех билингвов отличалась от речи носителя языка: если в речи британской школьницы среднее число полнозначных слов на синтагму – 3,4, то в речи билингвов – 2,2 – 2,5 слов. Таким образом, синтагмы неносителей языка оказались в среднем в полтора раза короче. Данный показатель отражает, на наш взгляд, трудности при планировании собственной речи неносителями языка, недостаточную уверенность и свободу владения лексикой и грамматикой английской речи. Мы также проанализировали количество синтагм, заканчивающихся паузами хезитации. У носителя языка было отмечено 14% таких синтагм, у первого диктора – 28 %, у второго – 18 %, у третьего – 12 %. Таким образом, прослеживается прямая зависимость уменьшения количества хезитационных пауз от улучшения иноязычного акцента билингвов, который зависит от общего уровня владения иностранным языком. Анализ высотно-тональных характеристик ядерных акцентов неконечных синтагм показал, что наибольшее расхождение между носителем и неносителями английского языка наблюдается в частотности употребления нисходяще-восходящего тона. Если у британской школьницы 33 % неконечных синтагм завершались неразделенным или разделенным вариантом нисходяще-восходящего тона, то у билингвов это число составило от 2 % до 13 %. Наиболее частотными тональными акцентами у билингвов были средний восходящий, который двумя дикторами употреблялся в два раза чаще, чем у носителя: 30 % по отношению к 15 %. У первого диктора наиболее частотным тональным акцентом в неконечных интонационных группах оказался нисходящий тон (47 % против 31 % у носителя). Обращает на себя внимание, что интонационные группы, заканчивающиеся паузами хезитации, как у билингвов, так и у носителя языка, были отмечены ровным тоном.

Следует отметить, что отдельную проблему при письменной записи текстов полученных от дикторов устных монологов представляло разграничение финальных и нефинальных синтагм. В первую очередь, мы ориентировались на воспринимаемую длину паузы, глубину нисходящего завершения (при его наличии), а также на лексические и синтаксические сигналы. Наибольшую сложность в этом плане представляла речь билингвов, в которой разграничение финальных и нефинальных интонационных групп далеко не всегда представлялось очевидным, прежде всего, в силу избыточной частотности союзов *and* и *but*. В речи носителя языка трудности такого рода оказались минимальны, поскольку она отличалась лексическим, синтаксическим и просодическим разнообразием и, в большинстве случаев, четкой структурой.

Таким образом, проведенный фонетический анализ воспринимаемых мелодических характеристик нефинальных синтагм в интерферентной речи показал, что в них непосредственное отражение находит общий уровень владения билингвом иноязычной речью. В дальнейшем планируется проанализировать акустические признаки нефинальных синтагм билингвов по всем параметрам, чтобы уточнить характеристики фонетической формы воспринимаемых просодических характеристик.

А. В. Сытько

ПРОСОДИЯ ОТРИЦАТЕЛЬНОЙ ФРАЗЫ В НЕМЕЦКОМ ЯЗЫКЕ

Негативность является одной из важнейших проблем общего языкознания. В лингвистической литературе встречается немало работ, освещающих эту многоаспектную семантическую категорию, которая получает свое отражение на всех уровнях языковой системы как эксплицитно, так и имплицитно. В устной речи существенную роль при этом играют именно просодические средства. *Целью* данного исследования стало рассмотрение особенностей просодического оформления фразы с эксплицитным в немецком языке.

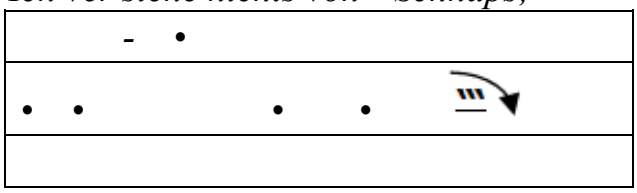
Под отрицанием в лингвистике понимается языковая категория, которая представляет собой выражение с помощью определенных языковых средств негативных связей между понятиями, тем самым отрицание, несмотря на наличие семантической связи между двумя членами предложения, выражает смысловую разъединенность между этими членами. Так, И. П. Сусов полагает, что отрицание является мыслительным актом, предполагающим наличие готовой или почти готовой пропозиции о какой-то единичной ситуации, вносящим в это образование коррективы, обусловливая своего рода «зачеркивание» данного мыслительного образования в целом или же в отдельных его частях. Отрицание, отражая и выражая в языке определенные специфические явления действительности, не выявляет при этом отношения автора высказывания к содержанию высказывания, но подчиняется общему модальному значению высказывания, отмечает М. Н. Николаева.

Ряд авторов связывает отрицание с субъективной, модальной оценкой говорящим высказывания, а именно, с характером выраженного в предложении отношения к действительности. Отрицание рассматривается в таком случае как субъективная, оценочная категория (В. Адмони).

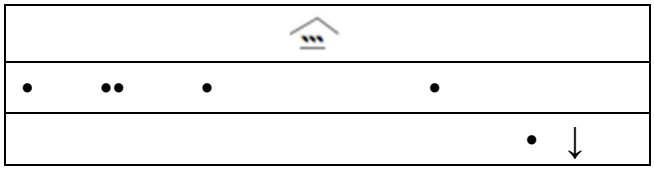
Существующие теоретические разработки ведут к разделению области исследования отрицания на системно-структурную (отрицание как выражение отсутствия объективной связи, как выражение объективной разъединенности, как особый вид предикативности) и антропологическую (понимание отрицания с психологической и прагматической позиций, понимание отрицания как особой отрицательной модальности).

Именно рассмотрение данной категории как антропологической позволяет предположить, что отрицательная фраза, так же как предположительная (М. П. Чернышева, А. В. Сытько) и побудительная (М. Б. Лейтане), обладает своей просодемой, т.е. представляет собой суперсегментную единицу фонологической системы языка, с помощью которой разграничиваются разные коннотации. В случае с повествовательным отрицанием ими оказались нейтральные и эмоционально-оценочные высказывания. В результате акцентно-ритмические параметры речи во многом зависят от принадлежности высказывания с отрицанием к определенной смысловой группе отрицания. В результате все смысловые типы отрицания сводятся к 2 мелодическим структурам: 1) структуре с плавным движением тона от главноударного слога к концу фразы, не достигая нижней границы; 2) структуре, где на главноударном слоге наблюдаются резкие тональные изменения, а мелодия достигает нижней границы шкалы:

1. *Ich ver'stehe nichts von "'Schnaps;*



2. *Nicht einmal ein "'Schrank ist da.*



Существуют разные типы просодем (мелодема, акцентема, хронема), выполняющие различные коммуникативные функции. Их состав не ограничивается, они могут быть представлены различными сочетаниями признаков. Для отрицательных повествовательных фраз в немецком языке существенной оказалась *темповая хронема* – противопоставление информативно важного/неважного.

Так, средняя длительность главноударного слога во фразах с эксплицитным отрицанием больше, чем во фразах без отрицания. Сравнительный анализ показал, что данный параметр для *закрытого* слога во фразах

с эксплицитным отрицанием составляет 0,20 сек. (коэффициент отклонения 17 %), что превышает среднюю длительность главноударного закрытого слога во фразах без отрицания, которая длится 0,17 сек. Показатели длительности главноударного слога *открытого* типа также свидетельствуют об отличиях: его средняя длительность фраз с отрицанием несколько больше, хоть и незначительно (0,18 сек.), чем во фразах, не содержащих отрицания (0,17 сек.).

Длительность фразы с одинаковым количеством слогов во фразах с эксплицитным отрицанием оказалась параметром, связанным со смысловой направленностью высказывания. При этом длительность фразы с одинаковым количеством слогов может сильно варьироваться, что объясняется смысловой значимостью высказывания с отрицанием. Так, например, высказывания, содержащие эмоционально-оценочные коннотации и «прагматические значения» типа возражения, реализуются в речи быстрее, чем высказывания с нейтральным отрицанием, напр.:

(1) *Das kostet nichts und erhält bei Laune* (*10 слогов, 2,16 сек.,* нейтральное отрицание).

(2) *Dieser Schulze benimmt sich unmöglich* (*10 слогов, 1,81 сек.,* эмоционально-оценочное отрицание), о чем часто в материале свидетельствует грамматическая инверсия.

Одним из коммуникативно значимых просодических параметров наряду со средствами других подсистем − высотно-тональной, динамической, акцентно-ритмической − является *темп*, в котором также отражается отношение говорящего к высказываемой мысли: средняя скорость речи ассоциируется в нашем подсознании с логичностью. Темп произнесения является важным логико-семантическим средством, определяющим в коммуникативном плане характер высказывания. Анализ показал, что фразы с эксплицитным содержанием реализуются в более ускоренном темпе – 5,1 слогов в секунду, тогда как средняя скорость спонтанной речи в немецком языке составляет 3,4 слога в секунду (Г. Кунцель, 1987).

Анализ темпоральных характеристик затакта и предтакта высказываний с отрицанием в их сопоставлении с темпоральными характеристиками тех же сегментов в высказываниях без отрицания показал, что затакт в отрицательных фразах реализуется быстрее, чем в высказываниях без отрицания. Обратная зависимость наблюдается при темпоральных характеристиках предтакта, средний показатель длительности предтакта выше во фразах без отрицания.

Таким образом, полифункциональность отрицания заключается в многообразии его коммуникативных функций − вызывать и выражать эмоции; описывать окружающий мир. В зависимости от намерений языковая личность выбирает те или иные просодические средства. Дальнейшее осмысление системы конструктивных единиц просодии (мелодии и темпа) является существенным в выявлении специфики семантики, структуры и просодической организации фраз с эксплицитным отрицанием.

Л. И. Трибис, В. В. Лопатько

ИМЕНА ДЕЙСТВИЯ В ПОДЪЯЗЫКЕ ФОНЕТИКИ

Как семиологическое выражение системы научных понятий, фонетическая терминология характеризуется упорядоченностью соотношения плана выражения и плана содержания. Особое место занимают в ней терминологические имена действия, которые сочетают значение процесса со значением абстрактной предметности (Г. О. Винокур). Имена действия составляют обширный лексический пласт в английском подъязыке фонетики. По нашим подсчетам, в глоссариях английских фонетических терминов (Д. Джоунз; М. Давенпорт; Е. Б. Карневская) на долю имен действия приходится около 20 % общего состава терминологических единиц. Их процессные значения соотносятся с такими понятиями, как изменение во времени и пространстве; этапы развития процессов и их результаты; механизм процессов (количественные и качественные изменения в структуре, признаках и свойствах объектов); количественные и качественные характеристики процессов: скорость, длительность, зависимость от внешних и внутренних условий и т.п. (Л. Н. Смирнова).

Как лексическая единица, призванная точно обозначить научное понятие и его соотношение с другими понятиями специальной сферы, термин в пределах своей терминосистемы должен быть однозначным и внеконтекстным. Это требование ставит терминологические имена действия в особое положение, поскольку они обладают категориальной многозначностью, совмещая значения процесса (состояния) и его результата. Изучая соотношение этих значений у высокочастотных фонетических имен действия, мы приняли указанные глоссарии за микромодель терминосистемы, а имена действия – за микромодель отраслевого поля категории процессов. Подсчеты показали, что пятая часть терминов в глоссариях являются многозначными единицами. Соотношение процессного и результативного значений у терминологических имен действия представлено в смысловых структурах неравноценно – у двух третей терминов ведущим является процессное значение, подчиненным – результативное. У одной трети процессных имен превалирующим является результативное значение, подчиненным – процессное значение.

При исследовании специальной лексики исходят из таких параметров ее организации и функционирования, как принадлежность к идентифицирующему/признаковому номинативному разряду; степень терминологичности (обозначение полного научного понятия/его отдельного аспекта); парагматико-синтагматическая соотнесенность (включенность в терминосистему/ употребление в текстах).

Идентифицирующая лексика, представленная терминологическими именами существительными, выполняет номинативно-классифицирующую функцию в системе специальных понятий. Признаковая лексика, представленная глаголами и именами прилагательными, имеет менее определенный терминологический статус. Некоторые исследователи считают, что глаголы

и прилагательные могут выступать в роли терминов, номинирующих специальные процессы и свойства (В. П. Даниленко). Другие исследователи подчеркивают семантическую неполноту глагольных и адъективных единиц и предполагают невозможность их использования для полного и точного обозначения специальных понятий, что обусловливает их паратерминологический статус (Г. А. Политкина). Указанная нечеткость терминологического статуса признаковой лексики нивелируется в синтагматическом плане, в котором идентифицирующие и признаковые единицы взаимодействуют на равных основаниях. В научной речи категория «процесс» представлена терминологическими именами действия и специальными глаголами, а категория «свойство» – терминологическими отвлеченными именами и специальными адъективными единицами. Исследования текстовой репрезентативности имен существительных, глаголов и имен прилагательных выявили количественную равноценность идентифицирующей и признаковой лексики. Имена существительные покрывают 32,6 %, глаголы и прилагательные – 29,3 % английских научных текстов (П. М. Алексеев).

Чтобы оценить место имен действия в номинативном составе специальной лексики английского подъязыка фонетики, необходимо обратиться к количественным данным. Исследователи частеречного состава фонетической терминологии выявили, что она представлена как идентифицирующим номинативным разрядом (имена существительные 62 %), так и признаковым разрядом (имена прилагательные 28 %, глаголы 10 %) (К. А. Мякшин). Соотношение массивов единиц идентифицирующего и признакового разрядов равно 1,6:1 соответственно. Количественное соотношение имен существительных и глаголов равно 6:1.

Ведущая роль имен действия для терминологического наименования научной категории процессов имеет прагмакоммуникативную обусловленность – фоновое знание коммуникантов. Исследователи выявили зависимость интенсивности использования производных имен существительных от уровня фонового знания коммуникантов. В специальном подъязыке, где фоновое знание ориентировано на максимум (Т. В. Караичева), значительный объем информации передается посредством производных единиц, к которым относятся имена действия.

В. В. Устинович

О ФОКАЛИЗАЦИИ ИНФОРМАЦИИ ВО ФРАНЦУЗСКОМ УСТНОМ ВЫСКАЗЫВАНИИ

Как известно, в коммуникативной структуре высказывания (актуальном членении предложения) выделяют, как минимум, два компонента, которые в работах В. Матезиуса определены как «исходная точка» и «ядро ситуации». В современной лингвистике в описаниях «ядра ситуации» используется преимущественно термин *рема*, наряду с которым авторы выделяют фокус высказывания. Анализ работ по данной проблеме свидетельствует о том, что понятие *фокус* не имеет однозначного толкования. Притом что все авторы

соглашаются с тем, что фокализация – *выделение одного или нескольких элементов высказывания для привлечения внимания собеседника к этому элементу/этим элементам* (Col, 2012), существуют, как минимум, три основных подхода к тому, как понимается фокус, и как он соотносится с понятием ремы.

В англосаксонской лингвистической традиции под фокусом большинство исследователей понимают рему высказывания (Р. Джакендофф, Х. Б. Друбиг, К. Ламбрехт, Й. Хетланд и др.), определяя фокус как компонент коммуникативной структуры, который указывает на то, какая информация в высказывании преподносится как новая. В рамках данного подхода некоторые исследователи уточняют, что «фокус – это то, что предицируется о топике» (*теме. – У.В.*) (Gundel, 2004) и ставят знак равенства между фокусом, ремой и предикатом, аргументируя это тем, что предикат находится в рематической позиции (в фокусе): он составляет область фокуса (Fuchs, 2006). Однако, как отмечает К. Ламбрехт, не в каждом высказывании можно выделить топик, поэтому, на его взгляд, вернее определять фокус как «то, что делает высказывание ассертивным» (Lambrecht, 1994), причем ассерция и фокус могут совпадать в тетических высказываниях, представляющих собой цельную рему.

Таким образом, в рамках рассматриваемого подхода области ремы и фокуса равны и расхождения в употреблении понятий *рема* и *фокус* носят сугубо терминологический характер:

(1) (*Que pouvez-vous dire à propos de Benoît Hamon ?*) *Benoît Hamon* ***est un vrai candidat de gauche***.(***R=фокус***).

С безусловным отождествлением ремы и фокуса не соглашаются многие исследователи (С. Дик, С. Превост, Х. Нольке, М. Росси и др.), поскольку такое понимание фокализации не позволяет отразить наблюдаемую внутри компонентов коммуникативной структуры иерархию входящих в них элементов. При этом в содержании понятия *фокус* также наблюдаются существенные расхождения. Так, Х. Нольке предлагает различать по меньшей мере два вида фокуса: 1) широкий (нейтральный/ нормальный/ презентационный/идентификационный) и 2) узкий (специализированный/контрастный/ исчерпывающий/ экспрессивный). В первом случае область фокализации равна рематическому компоненту, в рамках которого все элементы получают равную степень выделенности, а фокус является носителем рематического тона. Этот вид фокуса присутствует в любом высказывании, и для французского языка «в утвердительном высказывании область фокализации определяется от семантического глагола (…) до последнего ударного сегмента» (Nølke, 2006):

(2) *Benoît Hamon est un vrai candidat de* ***gauche*** (*R=Область фокализации; R≠****фокус***).

Вместе с тем Х. Нольке отмечает, что многие лингвисты не рассматривают такие случаи, как пример фокализации, употребляя вместо этого термин рематизации.

Область узкого фокуса определяется словом – носителем особого, или специального, просодического выделения:

(3) *Benoît Hamon est un **"vrai** candidat de gauche* (*R≠Область фокализации; R≠**фокус***).

Во французском языке просодическое выделение узкого фокуса осуществляется мелодическими средствами – интенсифицированным рематическим тоном, а также с помощью логического выделительного ударения в сочетании с рематическим тоном, который может смещаться на начальный слог слова или на служебное слово: *C'est pas **"le** candidat de gauche. C'est **"un** candidat de gauche*[1].

Несмотря на достаточно строгие критерии разграничения широкого и узкого фокусов, использование одного и того же термина для обозначения двух разнофункциональных явлений, а именно формирования сообщения в случае широкого фокуса и выделения одного или нескольких элементов высказывания в случае узкого, представляется неправомерным, так как затрудняет качественный и количественный анализы коммуникативной структуры высказывания. В частности, дискуссионным остается вопрос о статусе фокуса (узкий или широкий) при его смещении с конечной позиции в высказывании без особых средств выделения, о роли выделительных синтаксических конструкций, а также о статусе и роли фокуса в тематическом компоненте.

Согласно М. Росси, М.-А. Морель, Л. Данон-Буало, Н. Танги др., понятие фокализации может соотноситься лишь с выделением особыми просодическими и/или синтаксическими средствами одного из элементов внутри компонентов коммуникативной структуры высказывания, создающим контраст между этим элементом и остальной частью компонента (Danon-Boileau et al, 1991/1994). Иными словами, в высказываниях без специальных средств выделения фокус отсутствует. В таком случае для слова – носителя рематического тона – правомерно использовать термин «рематическое ядро», которое может быть фокализованным и нефокализованным. Такая точка зрения созвучна понятию акцентного выделения, сформулированному Т. М. Николаевой (1982), которая строго разграничивает фразовое ударение, отвечающее за передачу иллокутивного значения высказывания, и акцентное выделение (логическое ударение. – *У.В.*).

Важным критерием разграничения рематизации и фокализации исследователи считают способность фокализации создавать в высказывании ореол коммуникативных коннотаций (Николаева, 1982), связанных с «особой» пресуппозицией. Анализ конкретных примеров показывает также, что фокус может изменять не только информационное (указание на особую пресуппозицию), но и эмоциональное состояние слушающего, т.е. к акту идентификации сообщения «добавляются другие намерения» (Nølke, 2006). Таким образом, рассматриваемые два критерия в определении фокуса – особое просодическое оформление и привнесение дополнительных смыслов – могут

[1] ONPC Spéciale chronique des candidats.

быть положены в основу описания коммуникативной структуры высказывания и выделения по меньшей мере двух видов: маркированной коммуникативной структуры (с фокализацией) и немаркированной коммуникативной структуры (без фокализации).

Традиционно считается, что фокализация осуществляется синтаксическими, лексическими и просодическими средствами языка. Просодическая фокализация – выделение элемента средствами просодии без участия синтаксических средств. К просодическим фокализирующим средствам относят *положительный контраст интенсивности* по сравнению предшествующим контекстом *и значительный перепад тона* в фокусе*, а также изменение мелодического контура в целом.* С. В. Кодзасовым (2009) выявлены артикуляторные особенности фокализации, а именно отчетливость произнесения, которая обусловлена дыхательным усилением и увеличением объема ротовой полости.

Во французском языке наличие фокализации устанавливается прежде всего по скорости изменения значений ч.о.т. и увеличению интенсивности на последнем слоге фокализованного элемента (М.-А. Морель, Л. Данон-Буало, Н. Танги и др.) по сравнению с ч.о.т. и интенсивностью того же элемента в нефокализованной позиции. Если фокус находится не в конечной позиции, то участок после фокуса произносится на более низком уровне без значимых мелодических модуляций.

А. Лашере-Дюжур (2003) выделяет 5 фокализационных моделей для французского языка: 1) выделительное ударение на первом слоге и значительный положительный мелодический контраст; 2) значительное увеличение длительности конечного слога; 3) значительное увеличение ч.о.т.; 4) увеличение длительности конечного слога и расширение интервала изменения ч.о.т.; 5) общее изменение мелодии фокализованной лексемы, значительное увеличение длительности первого слога.

Вопрос семантики и смыслов, привносимых с помощью просодических средств фокализации, требует дальнейшего изучения, так же, как и вопрос о том, всегда ли возникают дополнительные смыслы при смещении рематического ядра из конечной – прототипической – позиции без его просодического выделения.

В. В. Яскевич, А. В. Кучинская

ВОСПРИЯТИЕ АНГЛИЙСКОЙ УСТНОЙ РЕЧИ В ЗАТРУДНЕННЫХ УСЛОВИЯХ

В ходе изучения процессов усвоения неродного языка исследователи раскрывают широкий спектр особенностей и взаимодействий, которые помогают приблизиться к ответу на один из важнейших вопросов в данной сфере науки: как превратить иностранный язык в родной и возможно ли это.

Фонология, как элемент языка и объект изучения является не только ключом к грамотному освоению языка, но и своего рода преградой.

Фонология в большей степени связана с двумя ментальными процессами, которые необходимы для полноценного использования языка в повседневной жизни: восприятие и воспроизведение.

В сложном акте языкового декодирования всегда присутствует акустико-фонетический этап, который начинается с приема речевого сигнала наружными структурами уха, а заканчивается построением внутреннего представления речевого сообщения в виде цепочки фонем и различных просодических показателей (тональных, акцентных, интонационных).

Кодзасов, Кривнова и ряд других исследователей выделяют следующие этапы звукового восприятия:

0. Прием акустического сигнала.
1. Первичный слуховой анализ.
2. Выделение акустических событий и признаков.
3. Лингвистическая интерпретация звуковой стороны речевого сообщения.

При восприятии сообщения и понимании его смыслового содержания слушающий использует не только акустическую информацию, которую он извлекает из речевого сигнала слуховой системой, но и другие, прежде всего языковые знания, в том числе знание словаря языковых знаков и системы звуковых средств.

Использование языковых знаний (инвентарь фонем и законов их сочетаемости, языковых знаков, законов оформления синтаксических связей, сочетаемости слов по смыслу и т.д.), а также результатов текущего восприятия (совокупность слов, уже опознанных к моменту распознавания) позволяет людям воспринимать и понимать речь в условиях сильных акустических помех и искажений речевого сигнала.

Глубина восприятия определяется мерой, полнотой использования языковой системы для внутреннего представления речевого сигнала, возможны разные пути, процедуры достижения данного перцептивного результата: анализ акустической нормы, действия механизмов предсказания, которые прогнозируют появление конкретного слова в данной точке речевой цепи.

В данном исследовании мы останавливаемся на особенностях восприятия языка, которое связано с таким психическим процессом, как прогнозирование, которое является одним из единственных способов распознавания информации в условиях затрудненной слышимости.

Во время обучения аудированию иностранной речи предпочтение отдается преимущественно качественным записям с четкой артикуляцией. В данном исследовании мы делаем акцент на естественные условия коммуникации, где крайне часто речь не отделима от посторонних звуков, которые мешают восприятию слогов, слов, частей предложений. В результате восприятия иноязычной речи в естественных условиях, как правило, происходит частичная потеря сути высказывания, в то время как в родном языке механизмы прогнозирования в подобных ситуациях работают быстрее и легче, тем самым позволяя слушающему беспрепятственно восполнить пробелы воспроизводимой речи.

Цель нашего исследования – выяснить, как влияет наличие помех в речи на восприятие информации и насколько существенной является смысловая потеря.

Мы отобрали текст с достаточным содержательным и языковым наполнением, чтобы проверить как общее восприятие информации, так и отдельных слов. Данный текст был начитан носителем британской произносительной нормы в студийных условиях, а впоследствии на данную запись был наложен фоновый шум. В исследовании принимали участие студенты 1 курса МГЛУ уровня upper-intermediate. Они были разделены на две группы: учащиеся первой группы слушали студийный, чистый текст, в то время как второй группе предлагалась запись с шумом. После первого прослушивания студенты отвечали на вопросы по содержанию, затем, после повторного проигрывания записи, студенты должны были заполнить пропуски.

При проверке общего понимания текста использовались вопросы по содержанию. В результате группа испытуемых, которая слушала чистую запись, в среднем справилась на 62 %, в то время как в группе, которая слушала текст, приближенный к естественным условиям коммуникации, показатели уменьшились на 20 %. В среднем понимание составило 43 %.

В рамках второго этапа исследования обнаружилось более значительное расхождение: с заполнением пропусков первая группа справилась в среднем на 74 %, во второй же группе наблюдалось ухудшение в сопоставлении с первой. Средний результат – 37,5 %, максимальный – 60 %, минимальный – 15 %.

Смысловые потери, как правило, имели место в определенных позициях синтаксической структуры. В частности наиболее сложными оказались вводные конструкции. Можно предположить, что в силу слабой смысловой нагруженности эти части высказывания хуже запоминались при прослушивании.

Проблема с восприятием также связана с фонологическими расхождениями языковых систем. Анализ данных показал, что в целом ряде случаев нераспознанными оказались слова, содержащие звуки, не имеющие типологического аналога в родном языке (*throughout*, *occurred*).

Недодифференциация наблюдалась в отношении слов, в которых имелись различия по долготе (*feasts – fists*; *beans-bins*).

Основываясь на полученных данных, можно сделать вывод, что смысловая потеря при наличии фонового шума является значительной преградой в освоении иностранного языка и, соответственно, представляет интерес для дальнейшего исследования.

В последующих работах мы планируем более детально рассмотреть данную проблему, выявить определенные закономерности в ухудшении восприятия иноязычной речи, а также способы предотвращения смысловой потери.

В. В. Яскевич, Е. А. Шарова

СОВРЕМЕННЫЕ ТЕНДЕНЦИИ В ПРОСОДИЧЕСКОЙ ОРГАНИЗАЦИИ АНГЛИЙСКОЙ СПОНТАННОЙ РЕЧИ

Одно из фундаментальных свойств языка – это его вариативность как в синхроническом, так и диахроническом аспекте. В связи с этим исследования в русле проблем языковых изменений никогда не теряют своей актуальности, в особенности в языковом вузе. В лингвистической литературе имеется большое количество данных о последних тенденциях в британском произношении, однако большинство из них касаются сегментного подуровня. Просодические изменения изучены гораздо меньше, хотя интонация в неменьшей степени обеспечивает эффективность речевого взаимодействия (И. Л. Фунтова, 2014).

Как отмечает И. Л. Фунтова, в настоящее время в интонации британского варианта английского языка можно отметить такую инновацию, как использование в утвердительных предложениях высокого восходящего завершения (high-narrow rise). Данное интонационное завершение очень заметно в речи молодых британцев, которые родились после 1980 года. А. Кратэндэн говорит о том, что эта новая тенденция в интонации, называемая *uptalk*, впервые была замечена в Австралии и Новой Зеландии после 1980 г., а также в некоторых регионах США. Затем она распространилась и в Великобритании [А. Кратэндэн, 2008].

Следует отметить, что в наименовании данной интонационной модели наблюдаются терминологические расхождения. Несмотря на то, что указанный термин распространен довольно широко, по крайней мере, в британском и американском вариантах английского языка, в научной литературе встречаются также термины *upspeak*, *high rising intonation*, *valleygirl speech*, *Valspeak*, *talking in questions*, *rising intonation*, *upward inflection*, *interrogatory statement*, *Australian Question Intonation* (AQI) и, наконец, *high rising terminal* (HRT). Понятно, что все эти варианты представляют собой интерпретации одного и того же понятия – речевой модели, «при которой фразы и предложения, как правило, оканчиваются повышением тона, придающим утвердительному высказыванию интонацию вопроса» (Д. Д. Ярыгина, 2016).

В отдельных публикациях также указываются некоторые из возможных причин возникновения рассматриваемого явления. В частности высказывается предположение о том, что *uptalk* есть не что иное, как элемент молодежного арго, наряду с такими модными десемантизированными словами, как *like*, *totally* и *whatever*. Подробное описание данной манеры речи было осуществлено в отношении молодежной субкультуры в районе Лос-Анджелеса.

Цель настоящего исследования состояла в том, чтобы проследить изучаемую тенденцию в британской спонтанной речи с помощью сопоставительного анализа интонационной структуры высказываний носителей языка старшего и молодого поколения.

В качестве материала исследования использовались записи спонтанной речи двух носителей языка, жителей Великобритании. Одним из говорящих был молодой человек, представитель современной молодежи, вторым говорящим выступила женщина, представительница старшего поколения. Испытуемые по очереди высказывали свое мнение по предложенному им вопросу. Опытные специалисты в области фонетики английского языка выполнили затем просодическую разметку полученных текстов.

На следующем этапе был выполнен сопоставительный анализ тонально-мелодических структур в речи данных испытуемых. Данные, полученные в ходе исследования, представлены в таблице, где испытуемый 1 – молодой человек, а испытуемый 2 – представитель старшего поколения. Отдельно анализировались типы мелодического завершения в конечных и неконечных интонационных группах.

Типы мелодического завершения в конечных
и неконечных интонационных группах, %

Испытуемый 1								Испытуемый 2							
Конечные и.г.				Неконечные и.г.				Конечные и.г.				Неконечные и.г.			
↗	\	∨	>	↗	\	∨	>	↗	\	∨	>	↗	\	∨	>
25	62,5	12,5	0	56,5	17,4	0	26,1	0	92,3	7,7	0	4,7	62,8	11,6	20,9

Как видно из приведенных в таблице данных, в речи носителей языка наблюдаются некоторые сходства и различия. Общей чертой мелодического завершения конечных интонационных групп в речи обоих испытуемых является преобладание нисходящего движения высоты голоса, в случае с представительницей старшего поколения – 92,3 %, у молодого человека – 62,5 %. Следует, однако, отметить, что в речи молодого человека все-таки присутствует тенденция восходящего завершения даже в финальных интонационных группах (в 25 % случаев согласно полученным данным). В речи представительницы старшего поколения аналогичных случаев зарегистрировано не было. Предпочтения нисходящего или восходящего тонального движения прослеживаются и в нефинальных синтагмах. У представителя молодого поколения доминируют восходящие контуры (56,5 %), а у представительницы более старшего поколения – нисходящие (62,8 %).

Таким образом, можно сделать вывод, что в спонтанной речи молодых носителей английского языка действительно прослеживается тенденция *uptalk*, в то время как у старшего поколения носителей языка такого рода интонационное оформление практически отсутствует.

Настоящее исследование носило пилотный характер и поэтому было выполнено на ограниченном материале. В перспективе предстоит изучить более масштабный корпус текстов с целью получения более надежных экспериментальных данных.

ГРАММАТИКА

В. С. Абраменко, Д. Г. Богушевич

ЦЕНТР ЭМПАТИИ И ОТРАЖЕНИЕ ДЕНОТАТИВНЫХ ОБЛАСТЕЙ

В композиционном синтаксисе ситуацию, то есть положение дел, рассматривают как отражение в предложении какого-либо явления действительности, предварительно отраженного сознанием. Так создается то, что мы называем картиной мира, это наши знания о мире. Однако эти знания необходимо преобразовать, чтобы передать информацию другим.

Так образуется языковая картина мира, которая отличается от когнитивной картины мира только тем, что она уже приспособлена к формированию предложений, передающих информацию о ней другим коммуникантам. Это означает, что необходимо так построить семантическую структуру предложений, чтобы она могла четко и точно показать то, что необходимо адресату понять в той языковой картине мира, которую ему передает инициатор общения, то есть говорящий.

Таким образом, необходимо выделить когнитивную картину мира, отражающую наше взаимодействие с окружающим миром, и языковую картину мира, преобразующую когнитивную картину мира так, чтобы через нее можно было сообщить участникам коммуникативных действий информацию о когнитивной картине мира и, следовательно, о самом мире.

Эти две картины мира связаны между собой. При этом когнитивная картина является базой, основой, субстратом всех остальных. Языковая же картина является ее отражением, приспособленным для создания предложений.

Принципы и способы образования когнитивной картины мира в данный момент нас не интересуют, поскольку это проблематика когнитивной психологии. Наш интерес связан именно с языковой картиной мира и принципами ее образования, в частности образования того, что мы называем интенсивными областями. Поскольку денотативные области создаются для того, чтобы в конце концов передать информацию о когнитивной картине мира, они должны быть приспособлены к основному элементу, созданному в языке для передачи информации о когнитивной картине мира. Семантическая конфигурация предложения имеет два компонента, которые образуют ее структуру: центр эмпатии и фокус интереса говорящего. Поскольку центр эмпатии является точкой, от которой моделируется предложение, то и денотативные области образуются вокруг тех имен, которые должны стандартно занимать позицию центра эмпатии в предложении. Окружением этих центральных компонентов денотативных областей являются имена, которые могут оказаться в позиции фокусов интереса в различных предложениях, отражающих данную денотативную область, а через нее и некоторую когнитивную область. Поскольку основой формальной структуры предложения являются пропозиции, которые не зависят от когнитивных областей как таковых, состав денотативных областей, включающих стандартные заполни-

тели мест в пропозициях, стандартно используемых для отражения определенных когнитивных областей, только частично соответствует составу отражаемых когнитивных областей. В результате неполного покрытия денотативной областью каких-либо когнитивных областей возникают новые типологические разряды детективных областей, которые связаны друг с другом, поскольку с разных сторон отражают одну и ту же когнитивную область. Такие связанные друг с другом денотативные области можно назвать дополнительными. В качестве примера таких дополнительных сопряженных негативных областей можно назвать денотативную область физического и психического состояния человека и денотативную область воздействия на психическое и физическое состояние (ср. *John admired Mary u Mary charmed John*). Подобные отношения можно обнаружить и между денотативными областями физического восприятия и воздействия на органы чувств (ср. *Michael heard whisper u Nelly whispered*).

Существенным для описания и моделирования языка и речи является то, что эти дополнительные, сопряженные детективные области неодинаково формируют структуру и состав предложений, нацеленных на их передачу участником коммуникативных ситуаций. Поэтому нам представляется, что исследование этих областей является достаточно актуальным.

Л. С. Ахраменко

ФУНКЦИОНАЛЬНО-СЕМАНТИЧЕСКАЯ КАТЕГОРИЯ МОДАЛЬНОСТИ В ТЕКСТООБРАЗОВАНИИ

Рассмотрим роль модальности как интегративной текстообразующей категории, а именно, категории, формирующей концептуальную структуру текста и позволяющей в совокупности с другими текстовыми категориями и свойствами реализовать прагматическую установку автора.

Текстообразование осуществляется под влиянием следующих факторов: социальных факторов, которые включают тип, жанр, задачи текста, и субъективных факторов, Это означает, что любой текст формируется под влиянием не только лингвистических, но и экстралингвистических факторов, включающих мировоззрение автора, личность и его индивидуальный стиль. Следовательно, текст – произведение речемыслительной деятельности, имеющее определенную целенаправленность и прагматическую установку. Прагматическая установка (коммуникативная интенция) является ядром текста, т.к. именно она определяет семантику (т.е. выбор определенных лексических, грамматических, стилистических средств), а также структуру текста, реализацию других текстовых категорий (целостности, связности, континуума, интеграции, завершенности), коммуникативные тактики, которые помогают адресату адекватно интерпретировать установку автора.

Теперь необходимо рассмотреть, почему именно категория модальности является главным актуализатором прагматической установки в тексте. Прагматическая установка не всегда может быть выявлена только лишь при помощи эксплицитных средств, которые формируют содержание текста, но

не его смысл. Для ее реализации автор прибегает к имплицитным средствам (композиция текста, коммуникативные тактики). Для того чтобы прагматическая установка была реализована и правильно воспринята адресатом, автору необходимо выявить свое отношение к сообщаемой информации, действительности, адресату (что называется «точкой зрения» говорящего). В каждом тексте присутствует картина мира адресанта, которая представляет собой образ объективной реальности в сознании человека. Это значит, что в любом тексте содержится не только информация, но и оценка информации, без которой невозможна реализация прагматической установки автора, а также задач, которые должен выполнять текст в зависимости от принадлежности к определенному функциональному стилю. С помощью оценки выражается отношение нового к известному, происходит синтез нового знания со старым. С другой стороны, невозможно понять текст вне системы ценностей и оценок, ведь он имеет смысл лишь как определенная позиция по отношению к различным ценностям. Так как оценка является основой модальности, то текстовая модальность как коммуникативно-семантическая категория является главным фактором реализации прагматической установки, а также фактором организации текста, т.к. именно она способствует синтезу двух видов информации – логической и коннотативной (подтекстовой).

Модальность является главным фактором реализации прагматической установки также в силу ее принадлежности к функционально-семантической категории. Это значит, что модальность выражает коммуникативную интенцию и индивидуальный стиль автора с помощью множества средств – эксплицитных, входящих в разные функционально-семантические поля (лексических, грамматических, фразеологических, синтаксических, стилистических), и имплицитных, явно не отраженных в тексте (композиция текста, модальные стратегии и тактики).

Итак, коммуникативный характер модальности, который отражает отношение говорящего к самому себе, адресату, содержанию высказывания и действительности, реализует прагматическую установку в тексте. Модальность является интегративной текстообразующей категорией, определяющей все другие категории и свойства текста. Структура, стилистика текстов, различная реализация текстовых категорий обусловлены прагматической установкой автора (коммуникативной интенцией), которая может быть реализована в тексте с помощью модальности.

В свете антропоцентрического подхода в актуальном для лингвистики текста когнитивном аспекте категория модальности является способом и средством экспликации концептуальной структуры текста. Концепты, содержащие, выражающие отношение, мы называем концептами с модальным содержанием (модальными концептами). Комплексное рассмотрение эмоционального, сюжетно-композиционного, тематического и других уровней текста позволяет говорить о модальных концептах как о «прототипических моделях поведения или сценариях, которые задают последовательность мыслей, желаний и чувств. Элементы концептуальной структуры

текста обладают различной информативной нагруженностью. Дифференциация в закодированности различных концептуальных структур приводит в действие механизмы свертки и экспликации текстовой информации, формирующие содержание текста, мотивирующие рефлексию. Модальность является информативно нагруженным элементом текста, т.к. прагматический пласт информации, ею закодированный, широко дифференцирован.

Если иметь в виду, что все средства обратной связи являются регулятивными, модальность можно назвать регулятивной. Модальность обусловливает приемы развертывания и диалогизации содержания текста, количество, место, объем фоновых, релятивных (обеспечивающих понимание развертывающегося содержания) фрагментов, характер авторских отступлений. И. Р. Гальперин относил модальность к группе категорий речи, актуализирующей языковые механизмы. Среди средств выражения текстовой модальности он отмечал прямую и косвенную характеристику героев, особым образом используемые образные средства, перераспределение предикативных и релятивных отрезков высказывания, сентенции (автосемантические предложения). Важно, что сам процесс интеграции частей текста, способ такого объединения автор также относит к средствам актуализации модальности.

Функция категории модальности – выражение оценки, отношения. В каждом тексте имеет место информация 3 типов: первичная – новое знание, вторичная – известное и метаинформация – выражает отношение нового к известному, предлагает и разъясняет формы синтеза нового знания со старым. Метаинформация, как правило, несет оценочную функцию. Метаинформация в системе знания всегда играет интегрирующую роль, т.е. создает из определенно и виртуально мыслимых компонентов целостность. Категория модальности играет исключительно важную роль в организации текста, выступая как логико-композиционный компонент высказывания.

Если под коммуникативностью текста понимать степень его обращенности к читателю, то она опирается, в первую очередь, на такие функции языка, как волюнтивная, контактоустанавливающая и эмотивная. Посредством коммуникативности и информативности достигается воздейственность текста. Воздейственность текста связана со степенью модализации, с коэффициентом модальности, по И. Р. Гальперину. Степень, коэффициент воздействия текста определяется типом модальной доминанты текста: интеллектуальной, эмоциональной, волевой. Большей мерой воздейственности обладают тексты с эмоциональной доминантой, доминантой волеизъявления и меньшей – с интеллектуальной.

Текстовая модальность обеспечивает создание интерпретативной модели, позволяющей в рефлективном действовании с текстом уверенно восстанавливать основные смысловые связи. Представляется необходимым при описании функционирования модальности на уровне текста использовать также понятие модального смысла. При присоединении модальности исходный смысл модифицируется. Так, на микроуровне (уровне единичных смыслов) этому принципу соответствует соединение основного смысла

и смысла-модализации *(модального квантора),* которые в совокупности образуют *модальный кластер.* Модальный кластер может состоять из нескольких тематически связанных смыслов, преобразуемых одним общим модальным квантором. Именно такие смыслы формируют *модальную партитуру текста,* т.е. начальную рамку для построения уникальной модели ситуативного понимания текста. Следовательно, модальность является категорией актуализации, создающей интерпретационную рамку. Последняя указывает нужный вариант, который должен выбрать реципиент в соответствии с замыслом говорящего. На уровне смысла текста актуализация связана с указанием наиболее важных смыслов каждого кластерного блока в рамках модальной партитуры, что обеспечивает смысловое тождество текста самому себе, инвариантное сходство всех возможных интерпретаций.

Р. С. Барановский

СЕМИОТИЧЕСКИЕ, ФИЛОСОФСКИЕ И МЕТОДОЛОГИЧЕСКИЕ ОСНОВАНИЯ ВЫДЕЛЕНИЯ КОНСТРУКЦИЙ РАВНОЗНАЧНОСТИ В АНГЛИЙСКОМ ЯЗЫКЕ

В лингвистической науке наблюдается активный интерес к исследованию способов языковой репрезентации категорий, сопряженных с отражением онтологических свойств объектов или с познавательной деятельностью человека. В рамках когнитивного подхода такая исследовательская установка находит воплощение в понятии семантической категории. Одной из таких фундаментальных семантических категорий является равнозначность.

Рассматриваемая нами категория отражает определенный тип отношений между терминологическими знаками. Говоря конкретнее, в семиотическом ракурсе равнозначность определяется нами как семантическая категория, показывающая отношение между знаками, имеющими одинаковый план содержания, но разную внутреннюю форму. Приведем пример:

The high differentiation of the active in the scores for patient individuation (X) (i.e. definiteness of patient (Y)) suggests an answer to the question posed earlier concerning the unexpectedly low differentiation between the ergative and the passive in this parameter.

В данном высказывании отношениями равнозначности связываются два терминологических знака – «индивидуализированный пациенс» (X) и «определенный пациенс» (Y). План содержания указанных терминологических знаков совпадает: это понятие о некотором глубинном падеже, обозначающем конкретный объект или конкретную группу объектов, которые подвергаются воздействию.

Равнозначные термы, однако, различаются по актуализируемым мотивировочным признакам, которые конституируют смысл каждого из них и тем самым придают той синтаксической конструкции, в которой они соединяются, информативную ценность. В номинации *patient individuation* делается акцент на *операции* выделения неповторимых, т.е. индивидуальных, свойств некоторого объекта («индивидуация»), а в номинации *definiteness of*

patient («определенность» пациенса) за основание номинации взято *следствие*, к которому приводит упомянутая операция – определенность, конкретность соответствующего объекта, возможность его точной идентификации среди множества объектов.

Важным представляется то, что свойства тождественных сущностей, упоминаемые в философских и лингвистических работах (Аристотель, Л. Витгенштейн, М. Хайдеггер, Н. Д. Арутюнова, А. Д. Шмелев, И. Б. Шатуновский и др.), такие как рефлексивность, единичность, континуальность, константность, категориальная однородность, логическая равнообъемность находят отражение в особенностях языкового оформления конструкций, сообщающих о равнозначности терминологических знаков.

Так, лингвистической проекцией признака «рефлексивность» можно считать инверсионность равнозначных термов. Единичность и континуальность равнозначных понятий проявляется во взаимозаменимости номинативных знаков, а также в возможности их подстановки в координативную структуру вида X and Y is the same. Константность находит отражение в изменении смысла высказывания при попытке добавления градуальных операторов. Наконец, категориальная однородность тождественных сущностей воплощается в семантической однородности равнозначных терминологических знаков, а логическая равнообъемность находит косвенное отражение в закономерностях расстановки грамматических референциальных показателей (тенденция к употреблению определенного артикля в правосторонней позиции).

Соответственно, вышеуказанные корреляции дают возможность использовать соответствующие языковые преобразования и исследовательские приемы (инверсия, добавление градуального оператора, оценка степени семантической однородности и др.) как диагностические тесты для верификации наличия семантики равнозначности у конкретной конструкции.

Таким образом, семантическая категория равнозначности базируется на определенном типе отношений между знаками, имеет в качестве философской основы категорию тождества. В свою очередь, опора на философскую основу категории равнозначности позволяет построить лингвистический методологический инструментарий для идентификации конструкций равнозначности.

Е. В. Беланович, В. В. Артюховский

СЕМАНТИКО-СИНТАКСИЧЕСКИЕ ОСОБЕННОСТИ ГЛАГОЛОВ ПОТРЕБЛЕНИЯ ПИЩИ В АНГЛИЙСКОМ И КИТАЙСКОМ ЯЗЫКАХ

В языковом сознании носителя языка зафиксирован свой способ восприятия мира, который может совпадать или не совпадать со способом другого носителя языка. Изучение глаголов приготовления пищи в китайском языке периодически вызывало интерес у лингвистов, однако глаголы потребления пищи до сих пор оставались без внимания. Данный факт свидетельствует об актуальности исследования, целью которого является

выявление семантико-синтаксических характеристик глаголов потребления пищи в китайском языке и их сопоставление с характеристиками этих же глаголов в английском языке, выявленными Е. В. Беланович в работе «Вариативное отражение сложной денотативной области в структуре английского предложения» (Е. В. Беланович, 2017). Результаты исследования позволят сделать выводы об особенностях отражения языковой картины мира китайским языком.

Формируя группу глаголов потребления пищи в китайском языке, мы обратили внимание на то, что особый интерес вызывают глаголы со значением ‘потребление пищи при наличии дополнительных характеристик процесса’. В значениях, передаваемых глаголами этой лексико-семантической подгруппы, содержится указание на наличие дополнительных характеристик процесса «потребление пищи». Кроме того, глаголы различаются стилистическими, узуальными и коннотативными компонентами значения. Например, в дефиниции китайского глагола 狼吞虎咽 ‘пожирать’ и английского глагола *gobble* ‘лопать’ содержится информация о дополнительном коннотативном значении – отрицательная экспрессивность (кит. ‘жадно, как волк или тигр’ (Большой китайско-русский словарь: http://bkrs.info/, далее bkrs), англ. *in a way that people consider rude or greedy* ‘таким образом, что люди считают грубым, жадным’ (Concise Oxford Thesaurus, 2002, далее COT).

Следует отметить, что китайский язык принадлежит к группе изолирующих языков: в нем содержится большое количество сложных слов в сравнении с количеством производных слов, поэтому различные оттенки значения будут вероятно реализовываться различными словосочетаниями.

Рассмотрим более детально некоторые примеры дефиниций глаголов потребления пищи и предложений с этими глаголами в английском и китайском языках, указывая на их сходства и различия как в значении глаголов, так и в структуре предложений. Перевод дефиниций и предложений с китайского и английского языков дословный. Результаты анализа представлены в таблице ниже.

Таблица

Особенности глаголов потребления пищи в английском и китайском языках

Дефиниция глагола в английском (1) и китайском (2) языках	Различия в дефинициях	Предложения с глаголами потребления пищи в китайском языке и их дословным переводом на английский с соблюдением порядка слов языка оригинала
BOLT 1) to **eat** something **very quickly** (COT) 2) 匆匆 咽下 to **swallow** very fast **(in a hurry)** (Cambridge English Dictionary, далее CED)	1) *to eat very quickly* ‘есть очень быстро’ 2) *to swallow in a hurry* ‘глотать в спешке’	***那少年匆匆咽下口中食物後*** ‘The young man hurriedly swallowed food’ (bkrs). S → Cond → R → O

CHOMP 1) to **eat** or **bite** something **noisily** (COT) 2) **大声 咀嚼** to **chew very loud** (CED)	1) *to eat or bite* ‘есть или кусать с шумом’ 2) *to chew very loud* ‘жевать очень громко (во весь голос)’	*她坐在那里,津津有味地吃着早* ‘There she sat, happily chomping her breakfast’ (CED). S → Cond → R → O
CRUNCH 1) to **eat** hard food **in a way that makes a noise** (COT) 2) **嘎吱嘎吱 地咀嚼** **to chew with a crunch sound** (CED)	1) *to eat in a way that makes a noise* ‘есть таким образом, что создается шум’ 2) *to chew with a crunch sound* ‘жевать со звуком хруста’	*她嘎吱嘎吱地嚼着苹果。* ‘She was crunching noisily an apple’ (CED). S → R → Cond → O
DEVOUR 1) to eat all of something **quickly**, especially **because you are very hungry** (COT) 2) **狼吞虎咽** to eat something **eagerly like a wolf or a tiger** (CED)	1) *quickly because you are very hungry* ‘быстро, потому что очень голодный’ 2) *eagerly like a wolf or a tiger* ‘жадно, как волк или тигр’	*幼狮们贪婪地吞食着鹿肉* ‘The young cubs hungrily devoured the deer’ (CED). S → Cond → R → O
GOBBLE 1) to eat something **very fast**, **in a way that people consider rude or greedy** (COT) 2) **狼吞虎咽** to eat something **eagerly like a wolf or a tiger** (CED)	1) *very fast in a way that people consider rude or greedy* ‘очень быстро, таким образом, что люди считают грубым или жадным’ 2) *eagerly like a wolf or a tiger* ‘жадно, как волк или тигр’	*她狼吞虎咽地吃完了晚。* ‘She gobbled her dinner’ (CED). S → R → O
WOLF 1) to eat food **very quickly, especially by putting a lot in your mouth at once** (COT) 2) **狼吞虎咽** to eat something **eagerly like a wolf or a tiger** (CED)	1) *very quickly, especially by putting a lot in your mouth at once* ‘быстро, особенно закладывая много в рот одним разом’ 2) *eagerly like a wolf or a tiger* ‘жадно, как волк или тигр’	*男孩子们狼吞虎咽地吃掉了三明治，然后又开始吃蛋糕* ‘The boys wolfed the sandwiches (down) …’ (CED). S → R → O → Cond

Итак, мы видим, что китайские глаголы более дифференцированы, чем английские. Например, для передачи значения жадности в их дефинициях наблюдаются сравнения с такими животными, как тигр и волк ‘заглатывать, как волк, и пожирать, как тигр’ (т.е. жадно есть). В структуре китайского предложения с названными глаголами наблюдается активное перемещение дополнительной характеристики процесса (Cond). Данный участник смещает со своих позиций объект (O) или само отношение (R), связывающее данные компоненты. Наблюдается несовпадение восприятия картины мира в сознании носителей китайского и английского языков, что свидетельствует об универсальности культур или цивилизаций.

Полученные результаты послужат началом новых исследований, посвященных выявлению закономерностей построения предложений, отражающих ситуацию потребления пищи в китайском языке.

И. В. Дмитриева

ЛИНГВИСТИЧЕСКИЕ ОСОБЕННОСТИ ТЕКСТОВ УЧЕБНЫХ ЭЛЕКТРОННЫХ ПРЕЗЕНТАЦИЙ

Современное текстовое пространство характеризуется появлением новых типов текстов и изменениями характеристик уже существующих. При этом исследовательски допустимо анализировать новые типы текстов с позиций основных традиционных идентифицирующих характеристик текстов: общие модели построения текста, категории текста, коммуникативные контексты, набор языковых средств, прагматическая целеустановка автора текста и т.п.

Информационный обмен, в который вовлекаются тексты, характеризуется не только небывалым ростом объема передаваемой и получаемой информации, но и существенной вариативностью способов передачи и получения информации, «многоканальностью». В такой ситуации получателю информации становится все сложнее обрабатывать большие по объему тексты с традиционной линейной организацией. Исследователи текстов средств массовой информации и интернет-коммуникации отмечают тенденцию к визуализации информации, к использованию семиотических возможностей различных знаковых систем. Можно отметить, что такая тенденция затронула и академические, в частности, учебные тексты.

Методически давно было доказано, что совмещение визуализации и объяснения повышает эффективность процесса обучения. Современные информационно-коммуникационные технологии открывают все новые возможности для развития этого принципа. Одним из современных решений является активное использование возможностей электронных презентаций, выполненных с помощью компьютерной программы PowerPoint.

Анализ семи презентаций общим объемом более 600 слайдов (отобраны из официальных сайтов университетов И. Черноусик) по тематике гуманитарных, в основном лингвистических и смежных наук, позволил выявить определенные языковые и общетекстовые характеристики учебных презентаций.

В жанрово-стилистическом плане они относятся к сфере академического дискурса и формируют новую разновидность научно-учебных текстов. Опираясь на имеющиеся традиции в описании типов текста, можно попытаться выявить характеристики презентаций в целом и входящих в них слайдов с позиций общих категорий и характеристик текстов.

Представление результатов анализа эмпирического материала начнем с одной из основных категорий текста – информации (информативности).

Следуя традициям Р. И. Гальперина, который выделял три типа информации в тексте: содержательно-фактуальную, содержательно-концептуальную и содержательно-подтекстовую, рассмотрим, как они проявляются в текстах компьютерных презентаций. Безусловно, основной в них является содержательно-фактуальная информация, которая формализуется посредством пропозитивных структур разного рода. Тексты презентаций имеют ряд особенностей в вербализации пропозитивной информации. Обращает на себя внимание тот факт, что вербализация пропозитивного содержания в слайдах осуществляется, в основном, не за счет последовательности предложений, но посредством номенклатурно-таксономических перечислений. При этом развитие, уточнение или конкретизация содержательного наполнения того или иного отдельного текстового пункта в составе слайда реализуется посредством предикативных структур. В целом синтаксические структуры упрощаются, повышается частотность использования эллиптических структур и односоставных предложений. Вербальные фрагменты могут выражаться не только предложениями, но и словосочетанием или отдельным словом. Можно отметить преобладание номинативного стиля изложения над предикациями. Знаки препинания, которые служили членению линейного текста и во многом отражали просодическую структуру предложения-высказывания, заменяются разнесением информативных блоков по разным строчкам. При рассмотрении коммуникативной структуры высказывания наблюдаем, что в слайде тема-рематическое членение осуществляется посредством пространственного разделения этих двух частей высказывания. Тематическая часть сокращается или опускается, вербализуется только рема высказывания. Переходные элементы часто отсутствуют. Членение текста в целом может быть маркировано различным расположением речевого материала на плоскости слайда.

Вербализация содержательно-фактуальной информации характеризуется семиотической неоднородностью, что является чуть ли не основной характеристикой текстов учебных компьютерных презентаций. Логические связи часто передаются невербально, с использованием элементов других, неязыковых знаковых систем. Слова с предметным значением могут заменяться на иконические изображения. Поликодовость такого текста может расширяться далее за счет использования выделений цветом, размером, различными типами шрифта, которые позволяют автору выстраивать свою метакоммуникативную систему. Отличительную возможность предоставляют средства анимации, которые служат не только «украшением» презентации, но, в текстовом плане, отражают содержательное, тематическое, синтаксическое членение текста, а также предстают механизмом, маркирующим коммуникативный динамизм.

Сравнительный анализ графических паралингвистических, то есть невербальных средств представления текстовой информации и других способов визуализации текста (это различные картинки, схемы, информация, представленная в виде списков, широкое разнообразие шрифтов, их размера и цвета) показал, что тексты презентаций отличаются более активным использованием графических паралингвистических средств по сравнению с текстами печатных учебных изданий. Кроме того, сами слайды всегда имеют определенное оформление, представляющее собой «цветную оболочку».

Также обращает на себя внимание то, что можно считать проявлением содержательно-концептуальной информации в слайдах презентации: многие визуальные знаки (картинки, символы) служат не для украшения визуального ряда, но призваны вызвать у адресата некие ассоциации, эмоции, связанные с описываемой фактологией. Такие примеры еще не системны и не универсальны, но они вносят свой вклад в обогащение и диверсификацию информационного пласта текстов презентаций.

Категории целостности/цельности и связности также имеют свою специфику в текстах компьютерных презентаций, что во многом связано с сохранением или нарушением линейности текста, как одной из его характеристик. Текст презентации в целом характеризуется содержательной целостностью – он всегда посвящен одной теме. Однако очень четко форматируется в отдельные слайды. С одной стороны, это особенность компьютерной программы. С другой стороны, она влечет за собой ряд собственно текстовых особенностей. Основной является единичность, отдельность каждого слайда, которая является не только структурной, но и содержательной. Формальным отражением этого является наличие собственного заголовка у большинства слайдов, причем заголовок повторяется, если в последующих слайдах продолжается раскрытие одной и той же темы либо мысли. При этом также можно отметить случаи (нечастотные) нарушения линейности развития текста даже в отдельном слайде.

Еще одна категория текста, которая была рассмотрена на этом этапе исследования, – интертекстуальность. Анализ электронных учебных презентаций показывает, что все они в той или иной степени демонстрируют характеристики интертекстуальности. Однако формальные, эксплицитные маркеры интертекстуальности существенно отличаются от принятых в текстах научного стиля. В отличие от печатных научно-учебных изданий заимствованные элементы в электронных презентациях часто не оформляются в соответствии с издательскими нормами цитирования, которые соблюдаются в печатных учебных изданиях: указывается автор цитаты, без отсылки на произведение, или только название произведения, особенно если данное произведение является широко известным (например, *Romeo and Juliet*), наиболее типичным является указание на автора и год издания. Подобное текстовое оформление показывает, что данный текст презентации (и слайда) встроен в целостную дискурсивно-тематическую область, некоторые элементы которой лишь обозначены в слайде как отсылка к другим частям данной дискурсивно-тематической области.

Таким образом, можно утверждать, что учебный лекционный слайд представляет собой новый способ репрезентации смысла, который характеризуется гетеросемиотичностью, фреймовой форматированностью, специфичным набором вербальных средств, средств организации продвижения линии коммуникативного развертывания и обеспечения интертекстуальных связей. Это новый тип текста со своими правилами речевой организации, однако эти правила еще находятся в стадии формирования.

И. Н. Ковалевич

ВОПРОСИТЕЛЬНЫЕ ПРЕДЛОЖЕНИЯ НА РАЗНЫХ ЭТАПАХ ДЕЯТЕЛЬНОСТИ

В данном исследовании вопросительные предложения анализируются в составе больших единиц эпизода общения – в коммуникативных ролях инициатора общения и адресата (цепочках высказываний каждого коммуниканта). Материалом исследования послужили 50 эпизодов общения, описывающие деятельностную ситуацию общения и характеризующиеся сильной результативностью (положительной либо отрицательной), полученные методом сплошной выборки из англоязычной прозы.

Исходя из положения, что общение необходимо для осуществления коммуникантами некоторой индивидуальной либо совместной деятельности, предлагается анализировать общение на *четырех этапах деятельности*, предложенных А. А. Леонтьевым:

1) этапе постановки инициатором общения цели деятельности и мотивирования партнера;

2) этапе поиска и планирования деятельности;

3) этапе осуществления деятельности и текущей коррекции действий;

4) этапе коррекции результатов деятельности.

К вышеперечисленному предлагается добавить 5) этап − обсуждение результатов деятельности.

Таким образом, все отобранные эпизоды общения были разделены по этапу осуществляемой коммуникантами деятельности (по 10 эпизодов на каждый этап).

Далее в каждом эпизоде общения устанавливались коммуникативные роли участников. Для каждой роли был определен генеральный речевой акт, реализующий стратегическую цель коммуниканта. Вопросительные предложения на каждом этапе деятельности были распределены по трем группам, в зависимости от их места в коммуникативной роли: 1) до генерального речевого акта, 2) непосредственно реализующие сам генеральный речевой акт, 3) после осуществления генерального речевого акта. Всего было проанализировано 240 употреблений вопросительных предложений с выявлением их иллокутивных функций.

Анализ использования вопросительных предложений до генерального речевого акта показал, что их главная задача состоит в том, чтобы подготовить почву для реализации самого генерального речевого акта, проверить

условия успешности осуществления других речевых актов, получить информацию для дальнейших действий. После генерального речевого акта вопросительные предложения задаются участниками эпизода общения для получения разъяснений или пояснений, с их помощью говорящий может попытаться переубедить собеседника, особенно в том случае, если собеседник отказался принять генеральный речевой акт говорящего к сведению.

Относительно тенденций употребления вопросительных предложений на разных этапах деятельности можно отметить следующие. Первичное значение вопросительных предложений (запрос собственно информации) реализуется преимущественно на этапах постановки цели деятельности, осуществления деятельности и обсуждения результатов деятельности (этапы 1, 3, 5), поскольку на первых двух этапах необходима информация, чтобы знать, как действовать, а при обсуждении – узнать о подробностях того, что случилось. На данных этапах вопросительные предложения с вторичными функциями встречаются только в тех случаях, когда социальный статус адресата выше социального статуса инициатора общения.

На этапе поиска и планирования деятельности вопросительные предложения используются коммуникантами в качестве «разведки» перед дальнейшими действиями:

1) выявление интересов малознакомого собеседника;

2) проверка условий успешности последующего речевого акта просьбы, приглашения или предложения;

3) проверка отношения собеседника к говорящему, к деятельности, к третьим лицам.

На этом этапе, а также на четвертом – коррекции результатов деятельности – особенно часто встречаются вопросительные предложения, обладающие вторичными функциями, иначе говоря, передающие косвенные речевые акты.

Таким образом, с помощью вопросительных предложений происходит достижение практических целей коммуникантов. Говорящие анализируют параметры матрицы коммуниканта, на которые можно воздействовать, чтобы реализовать свою цель эффективно. Как показал исследуемый материал, на первом, третьем и пятом этапах деятельности основным параметром для воздействия становится параметр знания, на втором и четвертом этапах ведущую роль начинают играть параметры отношений – к знаниям, к партнерам по коммуникации, к самой деятельности.

С. В. Кондракова

СЕМАНТИЧЕСКАЯ СУЩНОСТЬ ПРИЧАСТИЙ В СИСТЕМЕ НЕМЕЦКОГО ЯЗЫКА

Причастие – сложное явление, объединяющее разнообразные единицы языка. Как в эпоху античности среди создателей грамматики на основе разработки частей речи не было единого мнения об этом языковом феномене, так и в современном языкознании отражено разнообразие представлений причастия, причем не только в рамках грамматики, но и с позиций лексики,

словообразования, стилистики. Вполне естественно, что в этом разнообразии нашлось место колебаниям и сомнениям по главному вопросу – статусу причастий в лексико-грамматической классификации языковых единиц. Определяя этот статус в немецком языке, одни грамматисты относят причастия к глаголу; другие помещают их между глаголом и прилагательным; третьи видят причастие II в системе глагола, а причастие I в системе прилагательного; четвертые, учитывая историю развития причастий, придерживаются мнения, что как раз причастие I должно быть отнесено к глагольной парадигме, поскольку оно всегда входило в сферу глагола, тогда как причастие II продолжительное время находилось в сфере прилагательного, и лишь более поздний процесс, в ходе которого вербальное начало возобладало над адъективным, привел его в парадигму глагола.

Разнородность перечисленных толкований причастия объясняется разным подходом к их основному системному свойству – категориальному значению. Именно категориальное значение подчеркивалось целым рядом известных отечественных языковедов как главный критерий части речи, соответственно, лексико-грамматического класса слов.

Традиционно в качестве категориального значения были признаны предметность для существительного, действие для глагола, качество для прилагательного и т.д. В отношении причастия его категориальным значением одни лингвисты считали и считают качество, другие – действие, третьи признают в причастии явление с двумя основаниями – глагольностью и адъективностью, что предполагает его трактовку в ракурсе двойной категориальности.

При выведении признаков, свидетельствующих о связи причастия с частеречной *категорией глагольности*, направляющими служат следующие моменты:

1. Прежде всего сохраняется общее с глаголом *лексическое значение*, причем у причастий оно не только сохраняется, но и имплицируется более широкая семантическая структура соответствующего глагола – *der lesende Student (Der Student liest)*; *das gelesene Buch (Jemand hat das Buch gelesen)*.

2. Как и личным формам глагола, причастиям свойственна глагольная *категория залога*. Четкой дифференциацией по этому признаку отмечены причастия от переходных глаголов, когда разные причастные формы одного и того же глагола могут по-разному характеризовать определяемую ими предметную сущность – то как действующую, активную, то как испытавшую воздействие, пассивную: *die treibende Kraft* – активное значение; *die getriebene Maschine* – пассивное значение. Если обе причастные формы образованы от непереходных глаголов, то обе могут быть отмечены компонентом активности в своем значении, хотя такие случаи не часты в языке, как, например: *der fortlaufende Junge*, *der fortgelaufene Junge*. Главная же разница в том, что причастия I всегда выражают этот компонент значения, а причастия II в преобладающем большинстве характеризуются компонентом неактивности. Иногда и причастиям I присуще пассивное значение, как в случаях *die fallende Sucht, die sitzende Lebensweise*, а причастиям II от переходных глаголов – активное значение, как в случаях *ein erfahrener Mensch,*

ein eingebildeter Mensch. Однако в такого рода примерах наличествует оттенок фразеологического оборота с окачествленным причастием, т.е. причастием, ставшим уже прилагательным, и они в общем плане не показательны.

3. Причастия отражают *видо-временное* значение, при том что и в этом вопросе нет однозначности в суждениях языковедов. Несмотря на отсутствие категории вида у личных форм глагола немецкого языка, она имеется у причастий. Для других лингвистов очевидно и первостепенно значимо наличие в причастии временного значения, а не видового. И если по одной версии из этих двух значений видовое является основным и обусловливает временное значение, то по другой не видовое, а временное значение есть маркирующий признак причастия. Со времен Я. Гримма принято различать в этой связи причастие I "Partizipium Präsentis" и причастие II – "Partizipium Präteriti (Perfekti)", т.е. причастия настоящего времени и причастия прошедшего времени.

4. В плане синтаксиса причастия полностью сохраняют *синтагматическую связь*, типичную для глагола. Имеется в виду валентность, которая предопределяется у причастия валентностью соответствующего глагола, т.е. она им детерминирована, например: *eine Art* ***auf mich lauernde Unfreundlichkeit*** (*Eine Art Unfreundlichkeit lauert auf mich*); *die ständig* ***an den Vertrauensmann gestellten Fragen*** (*Die Fragen werden ständig an den Vertrauensmann gestellt*).

По связи с частеречной *категорией адъективности* причастия характеризуются иными признаками, в первую очередь на уровне синтаксиса:

1. Обе причастные формы реализуют атрибутивную функцию прилагательного – *Gerade noch rechtzeitig wurde der* ***ausgestellte*** *Reisepass unterschrieben. Aber da Ehrl-König mit ... wild* ***kreisendem*** *Kopf und einer* ***steigernden*** *Stimme demonstrierte, wie er darunter gelitten habe.*

2. Оба причастия, как и прилагательные, выступают в функции предикативного определения – *Er hat sie stehen lassen, beim Strandbad am See, ... wo sie jetzt leicht* ***frierend*** *neben mir stand ... und hemmungslos weinte. Aus einer der Höhlen kam ein älterer Mann auf Robert* ***gerutscht*** *und verlangte, er solle mit ihm beten.*

3. Оба причастия выполняют функцию обстоятельства образа действия, также свойственную прилагательному (в краткой форме) – *… das war der Augenblick, als sie in ihrem signalroten Automobil* ***lachend*** *und* ***winkend*** *... sehr langsam auf mich zurollte. Und ich sah auf die beiden hinab, die auf ihre Schlafsäcke* ***gelagert*** *hinter mir saßen und ein Kartenspiel spielten.*

С атрибутивной синтаксической функцией у причастия связаны морфологические признаки рода, числа, падежа, но они, как и у прилагательного, проявляются только в условиях согласования с определяемым существительным – *ein spielendes Kind, das spielende Kind, die spielenden Kinder*; *eine ausgespielte Karte, das gutgespielte Theaterstück*. Все вышеперечисленные признаки свидетельствуют о связи причастия с прилагательным. Но адъективно функционирующие причастия имеют по сравнению с прилагательными и определенные ограничения: *der bellende Hund – der bellendere* Hund*

(вместо этого: *der lauter / heftiger bellende Hund*). Только если они полностью адъективировались, т.е. перешли в разряд прилагательных, это ограничение по отношению к ним не действует: *ein reizendes Hündchen – ein reizenderes Hündchen – das reizendste Hündchen*.

Связь причастий с частеречной *категорией субстантивности* (предметности) очевидна только тогда, когда причастия выступают как продукты адъективно-причастной субстантивации или конверсии, представляющей собой особый случай имплицитной деривации. Признаками субстантивированных причастий в их отношении к глаголам являются стандартные признаки причастий – лексическое значение, время, вид, залог, при том, что синтаксические функции изменяются. Все вместе выглядит следующим образом:

1. По *лексическому значению* субстантивированные причастия соотносятся с соответствующими глаголами: *der (die) Angeklagte – anklagen, der (die) Beauftragte – beauftragen* и др. Существенно важно, что, становясь единицами субстантивного класса, причастия неизбежно включаются в процесс лексикализации, с которым связано ослабление в разной степени их исконной глагольности.

2. По глагольному признаку *время* субстантивированные причастия дифференцируются внутренне: *der Angeklagte – der Klagende*; *der Kommende – der Gekommene*.

3. Признак *залога* выражен в субстантивированных причастиях вполне четко: *der Packende – das Gepackte; der Sprechende – das Gesprochene.*

4. Сохраняя *валентность* глагола, субстантивированные причастия переводят ее в синтаксическую позицию атрибутивной связи, т.е. глагольная валентность реализуется у субстантивированных причастий внутри атрибутивной позиции при них: *Vorsitzender des Sachverständigenrats für Umweltfragen in Berlin*.

5. Главное же состоит в том, что данные причастия выполняют все *синтаксические функции* существительного и обладают категориальными признаками этой части речи – рода, числа и падежа.

Итак, для первично-глагольных причастий и глаголов общими являются лексическое, видо-временное и залоговое значения, а также валентность; для причастий как прилагательных, кроме этих, общими являются синтаксические функции и морфологические формы согласования; причастиям как существительным, помимо тех же признаков, присущи синтаксические функции имени в предложении, атрибутивная валентность. Перечисленные признаки по своей значимости не равноценны: одни из них отражают как бы исходную содержательную сторону причастия, и к ним относятся лексическое, видо-временное и залоговое значения; остальные мотивируют формально-синтаксическую специфику и преобразование лексического значения.

Таким образом, логично признать, что для категориальной сущности причастия бесспорно значимыми являются признаки лексико-семантического, видо-временного и залогового значений.

А. М. Леус, Л. Н. Неборская

ЯЗЫКОВАЯ РЕАЛИЗАЦИЯ КАТЕГОРИИ ВЕЖЛИВОСТИ В ДЕЛОВОЙ ПИСЬМЕННОЙ КОММУНИКАЦИИ

Антропоцентрическая парадигма современного языкознания ставит в центр внимания человека как творца языковой и речевой деятельности. Актуальные лингвистические исследования сосредоточены на поиске того, как человек использует язык в качестве орудия общения, как в языковых единицах и категориях отражается сам человек, его восприятие внутреннего или внешнего мира, его коммуникативные цели, намерения, отношения с другими людьми.

В центре внимания нашего исследования – деловая коммуникация как процесс обмена информацией, осуществляемый в связи с решением административных, финансово-экономических и правовых вопросов с использованием устных и письменных форм речи. Одним из средств сопровождения деловой деятельности является деловое письмо. Как отмечает Н. В. Муравьева, деловое, или служебное письмо представляет собой «внешний информационно-оценочный документ», основной функцией которого является «передача информации и установление деловых контактов между двумя коммуникантами» с целью «решения многочисленных оперативных вопросов в управленческой деятельности». Тем самым деловое письмо как жанр деловой переписки обеспечивает решение практических задач, возникающих в процессе межличностного и межинституционального взаимодействия.

Как известно, установлению, определению и регуляции социальных отношений в деловом общении служат категория вежливости и являющийся ее компонентом речевой этикет. Согласно трактовке Е. А. Земской, вежливость – это «имплицитная категория коммуникативно-прагматического характера, управляющая речевым поведением людей, диктующая им одно употребление и запрещающая другое употребление, вполне разрешаемое языковыми нормами». Помимо того, что данная категория отражает национальные и культурные особенности того или иного сообщества, она помогает идентифицировать статус, роль, уровень образования и воспитания говорящего, а также сигнализирует о существующей дистанции между партнерами или об изменениях этой дистанции. Реализация вежливого поведения с целью поддержания социальной стратификации общества осуществляется при помощи единиц речевого этикета. Н. И. Формановская понимает под речевым этикетом «регулирующие правила речевого поведения в ситуациях установления, поддержания и размыкания контакта коммуникантов в соответствии с их статусно-ролевыми и личностными отношениями в официальной и неофициальной обстановке общения».

В функционально-семантическом поле речевого этикета существуют определенные языковые единицы, позволяющие реализовывать следующие функции категории вежливости: конативную функцию – функцию ориента-

ции на адресата; эгоориентированную функцию – создание имиджа адресанта с целью эффективного речевого взаимодействия и защиты его от негативной оценки; контактоустанавливающую (фатическую) функцию – включение и поддержание речевого контакта; воздействующую функцию – успешная реализация коммуникативного намерения партнеров; регулятивная функция – регуляция социального равновесия и дружественных/партнерских отношений; контролирующая функция – контроль потенциальной агрессии между говорящим и адресатом во избежание потенциально возможного конфликта, а при возникновении конфликта – его разрешение с наименьшим ущербом для лица адресанта и адресата. Этикетные формулы определенной функциональной нагрузки формируют в таком стандартизированном тексте как письмо т.н. этикетную рамку (Н. И. Формановская, Н. Ю. Гурьева). На двух противоположных полюсах этой рамки располагаются формулы приветствия/обращения и формулы прощания. Внутри этих границ содержатся т.н. коммуникативные замечания оценочного (положительного или отрицательного) характера, а также высказывания с различной интенциональной направленностью (благодарность, просьба, отказ и т.д.) (Н. В. Муравьева).

Рассмотрим этикетную рамку на примере письма от немецкого издательства учебной литературы MAX HUEBER VERLAG, адресованное одному из клиентов и содержащее просьбу высказать профессиональное мнение о новом учебнике по экономическому немецкому языку. Вежливое, уважительное отношение к адресату проявляется уже на уровне ситуации, так как издательство высылает господину доктору Кюну специальный «личный экземпляр» учебника: *... kurz vor Weihnachten haben wir Ihnen ein persönliches Exemplar unseres neuen Lehrwerks für die Berufssprache WIRTSCHAFTSROULETTE zugeschickt*.

Этикетная рамка открывается формулой обращения, в которой указывается на степень уважительного отношения ***Sehr*** *geehrter*, гендерную принадлежность *Herr*, уровень образования *Dr.* и на фамилию адресата. Завершением этикетной рамки является частотная клишированная формула *Mit freundlichen Grüßen*, выражающая дружественные, но дистантные отношения между коммуникантами. Между обозначенными фатическими полюсами (приветствие-прощание) адресант высказывает заинтересованность во мнении адресата *Ihre Meinung interessiert uns sehr*, выражает радость от возможности услышать отзыв на свой новый учебник *Wir würden uns deshalb freuen, wenn Sie* и благодарит своего постоянного клиента за поддержку и заинтересованность в его продукции дополнительным бонусом *Als kleines Dankeschön für ... .*

Проведенное исследование деловых писем позволяет установить ряд особенностей этикетных единиц, реализующих категорию вежливости. Так, к формулам, выполняющим контактоустанавливающую функцию, относятся обращения, содержащие информацию о гендерной принадлежности, о количестве адресатов (один или более лиц), об образовании: *Sehr geehrte Damen und Herren! Sehr geehrter Herr Grimm, Sehr geehrte Frau Brosch, Sehr geehrter*

Herr Professor Rohloff и т.д. Неформальные формы приветствия *Guten Tag, Herr ..., Guten Tag, liebe Kollegen, Liebe Frau …* в деловых письмах нам не встречаются.

К формулам завершения контакта в деловых письмах относится клишированная единица *Mit freundlichen Grüßen*, независимо от того, было ли это обращение к организации или к отдельному лицу. Однако стоит отметить, что такому стандартному заключению текста письма предшествует, как правило, выражение благодарности *Vielen Dank für Ihre Mitarbeit*, пожелание успеха *Wir danken Ihnen für ... und wünschen Ihnen viel Erfolg*, выражение надежды на скорый ответ *Wir hoffen auf eine baldige Antwort*, радости от последующих действий адресата *Wir würden uns freuen, ...*

Особый интерес в плане языковой реализации в немецких деловых письмах вызывают высказывания, содержащие благодарность, просьбу и отказ. Благодарность реализуется через прямое высказывание преформативной формулой, в грамматическом оформлении которой используется форма первого лица множественного (т.н. монархического) числа *Wir danken Ihnen für ...* в сочетании с глаголами *j-m danken, sich bedanken bei D für A*, словосочетанием *Als kleines Dankeschön für*, также косвенно с использованием форм вежливого коньюнктива *Ich wäre Ihnen äußerst dankbar, wenn Sie ... .* Просьба практически всегда реализуется косвенно при помощи форм вежливого императива, конъюнктива, кондиционалиса, в вопросительных конструкциях: *Klären Sie bitte diesen Sachverhalt. / Wäre es möglich, diese drei Modelle auch über die angebotenen 3 Monate Probezeit bis Ende Dezember zu behalten? / Würden Sie mir freundlicherweise Preislisten zusenden.* Формы коньнктива могут сочетаться с определенными лексическими маркерами, усиливающими модальность вежливого общения: *Wären Sie so freundlich... / Ich wäre Ihnen sehr verbunden, wenn... / Wir wären Ihnen dankbar, wenn... . / Könnten Sie mir bitte nähere Informationen zu dieser Ware zur Verfügung stellen? / Bitte senden Sie uns ... .* Иногда просьбу можно выразить, указав на ее цель, подчеркивая тем самым важность ожидаемого действия: Damit wir die Wäsche beurteilen können, hätten wir gern auch Muster.

Вежливый отказ играет не менее важную роль в деловых письмах, так как его основная цель – сохранение позитивных отношений между коммуникантами и смягчение неприятной для адресата информации. Такое письмо, как правило, начинается с вежливого изложения мотива принятого решения: *Inzwischen haben wir unsere Liefermöglichkeiten genau überprüft und müssen Ihnen leider mitteilen, dass die angefragten Waren von uns in diesem Jahr nicht mehr angeboten werden können.* В речевом акте отказа используются преимущественно такие лексические маркеры разрешения конфликтной ситуации, как модальное слово *leider*, глаголы *bedauern*, *verstehen*, устойчивое выражение *es tut uns leid*.

В деловой корреспонденции коммуникативно-прагматическая категория вежливости реализуется в этикетной рамке. Выбор языковых средств диктуется высокой степенью стандартизированности текста и представляет

собой ограниченный ряд формул обращения и прощания, выполняющих функцию установления и завершения контакта с адресатом, а также создания положительного имиджа фирмы (организации) в его сознании. Кроме единиц речевого этикета категорию вежливости реализуют специальные грамматические и лексические средства.

Л. Н. Неборская, О. В. Пинчук

МЕЖЪЯЗЫКОВАЯ АСИММЕТРИЯ ВРЕМЕННЫХ ЗНАЧЕНИЙ В НЕМЕЦКОМ И РУССКОМ ЯЗЫКАХ

Время как «всеобщая форма бытия материи, выражающая его длительность и последовательность смены состояний всех материальных систем и процессов в мире», является одной из центральных категорий речемыслительной деятельности человека. В языке общая идея времени реализуется в категории темпоральности как локализация действия во времени и как его ориентация по отношению к моменту речи. Репрезентация временных аспектов в языке и речи является объектом исследования лингвистических дисциплин, в том числе контрастивной лингвистики и переводоведения.

Средства выражения временной семантики в естественных языках разнообразны. В немецком и русском языках в силу общности их происхождения основным средством выражения временных значений являются временные формы глагола, имеющие, как указывают Е. В. Гулыга и Е. И. Шендельс, универсальный и обязательный характер. К. Г. Крушельницкая отмечает, что в основе категории темпоральности в немецком и в русском языках лежит одно и то же грамматическое значение – отношение момента действия, обозначаемого данным глаголом, к моменту сообщения об этом действии, иначе говоря, к моменту речи. При помощи временных форм каждое действие, обозначаемое глаголом-сказуемым, характеризуется как одновременное с моментом речи (настоящее время), как предшествующее ему (прошедшее время) или как предстоящее действие (будущее время). На том основании, что глагольная категория времени соотносит именуемое глаголом действие, а через него и высказывание, с актом речи, В. Г. Адмони рассматривает ее как одну из наиболее важных коммуникативно-грамматических категорий, подчеркивая при этом, что и акт речи, и момент речи образуют объективно существующую ось, которая соединяет язык с самим действием и объективным миром вообще и которая сама по себе может служить основанием для создания координатной системы грамматических форм.

В отличие от русского языка система временных форм немецкого языка представляется в виде противопоставления абсолютных и относительных времен, которое основывается на разделении по принципу «простая временная перспектива – двойная временная перспектива». При абсолютном употреблении временных форм действие соотносится непосредственно с моментом речи, т.е. форма служит для обозначения прошедшего, настоящего или

будущего времени. При относительном употреблении времен действие рассматривается с позиции другого действия. Одно действие в этом случае выступает отправной точкой для другого – предшествование, последовательность или одновременность действий. Таким образом, выделяются два дифференцирующих признака, определяющих каждую временную форму: временная ступень и временная перспектива.

Систему временных форм немецкого языка традиционно представляют в виде двух треугольников. Внутренний треугольник представляет абсолютные (презенс, претерит, перфект, футур I), а внешний – относительные (префект, плюсквамперфект, футур II) времена. Претерит и перфект являются парадигматическими синонимами и могут использоваться как абсолютное время.

Возможности выражения парадигматических временных значений в обоих языках в основном совпадают и при переводе используются, как правило, эквивалентные формы: презенс → настоящее время: *Du glaubst mir nicht?* ‘Ты мне не веришь?’; претерит и перфект → прошедшее время: *Ich rückte näher.* ‘Я подвинулся к ней ближе’. / *Wo bin ich stehengeblieben?* ‘На чем я остановился?’; футурум I → будущее сложное: *... wir werden ihn aber kaum beilegen können.* ‘Но вряд ли мы сможем его разрешить’. / *Nächstes Jahr wird Frau Schmitz wieder ein Gnadengesuch stellen ...* ‘В следующем году фрау Шмитц снова будет подавать ходатайство о помиловании…’.

При переводе на русский язык синтагматических временных значений немецкого языка помимо симметричных возможностей (исторический / футуральный презенс → настоящее время) наблюдается использование конгруэнтных форм: исторический презенс → прошедшее время и футуральный презенс → будущее: *Die Schläfen jedenfalls, auf die ich meine Finger presse, um den Tumult dahinter zu dämpfen, sind heiß, so als erzeugten die hektisch ums immer gleiche kreisenden Gedanken Reibungswärme.* ‘Во всяком случае, виски, которые я сжал, чтобы унять ломоту, были горячими, словно нагрелись от лихорадочной сумятицы мыслей’. */ Gut, ich hole dich ganz still und ohne Musik und Champagner ab.* ‘Что ж, заберу тебя тихо, без музыки и шампанского’.

В некоторых случаях переводчик меняет модальность предложения. Так, например, исходя из глубинной структуры высказывания, предложение с вопросительной модальностью воспроизводится как побудительное: *Ach, Jungchen, was redest du!* ‘Не говори глупостей, малыш!’.

Различия в составе временных форм – прежде всего, отсутствие в русском языке специальных морфологических форм выражения относительного значения предшествования. Семантическая асимметрия в целом обусловливает необходимость выбора иных морфологических средств воспроизведения этого значения или же использования единиц других уровней. Так, формы претерита в значении одновременности в прошедшем могут переводиться формами настоящего времени: *Ebenso fest stand für uns, dass es nur vordergründig um die Verurteilung dieses oder jenes KZ-Wächters und -Schergen ging.* ‘Также не подлежало сомнению, что речь идет не просто об осуждении того или иного охранника концлагеря, конкретного исполнителя’.

Выражаемое претеритом значение будущего в прошедшем передается формами будущего времени: *Natürlich sollte Jörg die Anerkennung finden, die er lange entbehrt hatte. Aber doch nicht bei Marko ... Wenn er sich auf Marko einließ, brachte er sich um die Chance seines Lebens*. ‘Конечно же, Йорг должен был получить то признание, которого он так давно был лишен. Но ведь не от Марко же! Если Йорг пойдет на поводу у Марко, он упустит главный шанс, который предоставила ему жизнь’.

Перфекту в значении предшествования в будущем может соответствовать форма будущего времени русского языка: *Du wirst es erleben, sagte ich zu ihr, sobald du geheilt bist, werde ich tanzen.* ‘Тебе это предстоит, – сказал я, – когда ты выздоровеешь, я пущусь в пляс’.

В русском языке, как и в немецком, наряду с главным средством выражения темпоральной семантики – временными формами глагола – функционируют лексико-грамматические средства реализации категории темпоральности. Так, для выражения предшествования служат союзы *до того как, перед тем как, прежде чем как, как вдруг, как, как вдруг.* Основными средствами передачи значения следования являются союзы *после того как, до тех пор как*. Значение одновременности в русском языке передают союзы *пока, покамест, по мере того как, в то время как, с тех пор как.* Немецким же союзам *als* и *wenn*, которые не имеют фиксированного значения времени, в русском языке соответствует союз *когда*, который указывает лишь на факт соприкосновения ситуаций во времени, не принимая участия в уточнении протекания этих ситуации в одно и то же время или их следования: *Als ich das Studium beendet und das Referendariat begonnen hatte, kam der Sommer der Studentenbewegung*. ‘Когда я закончил учебу и начал стажировку, пришло лето студенческого движения’.

Анализ временных значений при их переводе с немецкого на русский язык подтвердил идею о том, что в обоих языках основным средством их реализации являются временные формы и специальные лексические маркеры. Несмотря на количественную асимметрию временных глагольных форм в немецком и русском языках, при переводе всегда можно найти либо прямое соответствие, либо правильную конгруэнтную форму, ориентируясь при этом на контекст, знание ситуации и, в первую очередь, на особенности взаимодействия с категорией вида или аспектуальности.

Н. П. Петрашкевич, Е. А. Шкапец

ЯЗЫКОВЫЕ СПОСОБЫ ПОДДЕРЖАНИЯ ТЕКСТОВОЙ ТЕМЫ В ЭНЦИКЛОПЕДИЧЕСКОЙ СТАТЬЕ

Проблема так называемого «актуального» или «логико-коммуникативного» членения предложения получила весьма широкое и основательное освещение в лингвистической литературе. Помимо терминов логики – «субъект» и «предикат» – существуют другие термины для обозначения

предмета мысли и предиката мысли, которые именуются: «данное» и «новое», «тема» и «рема», «тема» и «основа», «основа и ядро» и т. д. При этом каждый вариант имеет свои преимущества и недостатки.

Вслед за М. Хэллидеем, под темой (theme) мы понимаем исходный пункт сообщения, то есть первую часть выказывания. Обязательным компонентом темы является ее смысловая, содержательная часть, также именуемая словом «топик»/topic. Это семантический компонент предложения, который всесторонне рассматривается в тексте и является основой его единства. Согласно М. А. К. Хэллидею, текстовые темы (topical themes) могут нести как известную, так и новую информацию (данное/Given – новое/ New). Таким образом, если тема и рема как части предложения составляют более или менее отчетливую бинарную структуру, то данное и новое, как компоненты информационной структуры высказывания, представляют собой своего рода поле, где данное и новое не всегда четко разделены и их компоненты могут перемежаться и вкрапливаться друг в друга.

В этой работе были рассмотрены языковые способы выражения и поддержания текстовой темы на примере энциклопедической статьи. Особенностью энциклопедических статей является тот факт, что они гораздо длиннее, чем статьи в обычных лингвистических словарях, где просто дается дефиниция понятия. В энциклопедических словарях статьи имеют более описательный характер, в них приводятся особенности, черты, интересные факты и закономерности описываемого явления. В энциклопедических статьях, как правило, реализуется модель тематической прогрессии со сквозной темой, где в каждом предложении повторяется общая для текста тема. Основываясь на упомянутом определении М. А. К. Хэллидеем понятий «тема» как исходная часть синтаксической структуры предложении (theme) и «тема» как часть семантической структуры текста (topical theme / topic), мы выявили несколько способов поддержания темы в тексте.

Наиболее частыми способами поддержания текстовой темы являются повтор существительного, замена существительных местоимениями, синонимические и гиперо-гипонимические замены. Особым видом форичности (phoricity) является обобщение накопленной информации о текстовой теме с помощью описательного оборота. Например, *Biologists estimate that a much larger number of animal species has yet to be discovered, and that the actual total could be as large as* ***30–50 million*** *species.* ***The undiscovered species*** *mostly occur in Earth's richest ecosystems, especially old-growth tropical rain forests, and perhaps the deep oceans.*

Нередко при повторении тема детализируется, включая в себя новые компоненты информации. Например, тема *animals* детализируется в последующем контексте как *the simplest animals*, и далее добавляются новые детали информации путем углубления уровней подчинения (*The simplest of the bilaterally symmetric animals, the simplest animals with the most ancient lineages, animals with an enclosed body cavity, most of the undiscovered species of terrestrial animals, some of which, the best known of which* и др.).

Различные репрезентации текстовой темы (topical theme) могут содержаться как в тематической, так и рематической частях предложения. Например, *The simplest animals with the most ancient lineages / are asymmetric or radially symmetric* или *Most of the undiscovered species of terrestrial animals / are believed to be insects, especially beetles* (текстовая тема находится в тематической части предложения). В предложениях *Most zoologists / recognize the existence of 30–35 phyla of animals* и *Coelomates / are a functional group of animals with an enclosed body cavity* текстовая тема присутствует в рематической части.

Появление элементов текстовой темы в рематической части предложения сопровождается введением новой информации путем детализации понятия за счет добавления атрибутивных или предикативных признаков, при этом информационный фокус приходится на новые компоненты информации. Например, *Most zoologists / recognize the existence of* ***30–35 phyla*** *of animals, Coelomates / are a functional group of animals* ***with an enclosed body cavity***.

Как уже было отмечено выше, текстовая тема нередко повторяется в обновленном виде, с добавлением компонентов новой информации. Примечательно, что эта новая информация может размещаться также и в тематической части предложения, выделяясь информационным фокусом: ***About one million*** *species of animals / have been named. (However, biologists estimate that)* ***a much larger number*** *of animal species / has yet to be discovered* (информационный фокус выделен жирным шрифтом). В приведенных примерах тематическая часть предложения оказывается информационно маркированной, то есть несущей преимущественно новую, актуальную информацию, в то время как рематическая часть содержит менее важную информацию.

Таким образом, мы видим, что английский язык использует разнообразные средства для поддержания текстовой темы, которая воспроизводится как в тематической, так и рематической частях предложения. При этом, по мере развития текста тема постоянно обогащается компонентами новой информации, которые создают информационный фокус в наиболее актуальной части сообщения (как рематической, так и тематической).

Н. С. Радикевич

СЕМАНТИЧЕСКИЕ ПРИЗНАКИ ГЛАГОЛОВ ОЦЕНОЧНОГО ДЕЙСТВИЯ В ТУРЕЦКОМ ЯЗЫКЕ

Известно, что наивная картина мира, в отличие от чисто логической, научной, раскрывается в семантике языковых знаков. При описании различных лексико-семантических групп в составе словаря особенно широко используется метод словарных дефиниций.

В результате семного разбора было отобрано 86 глагольных лексем. Экспликация семантической структуры рассматриваемых глаголов оценки позволила выделить ряд дифференциальных *семантических признаков*, выра-

жающих специфику каждого отдельного слова-значения. Это *объектная сема*, *сема способа оценочного действия*, *целевая сема*, *инструментальная*, *локативная*, *темпоративная*, *каузальная* и *результативная семы*. Рассмотрим каждый из перечисленных компонентов подробнее.

В смысловой структуре глаголов оценки *объектная сема* соотнесена как с действием, названным глаголом, так и с признаком, по которому оценивается объект. При этом сам объект оценочного действия, в общих чертах квалифицируемый как наименование предмета или лица, на которые в той или иной форме направлена или к которым обращена деятельность субъекта, эксплицируется либо в виде указания на неопределенно-личные местоимения *biri/kimse* ‘некий, некто’, либо на более конкретные наименования, как, например, *hasta(nın)* ‘пациент’, *öğrenci(nin)* ‘ученик, студент’, *bir suçlu(yu)* ‘преступник’, *araç* ‘транспортное средство’, *gökcisimler(i) ve olaylar(ını)* ‘небесные тела и явления, феномены’, *dava(yı)* ‘судебное дело’, *bir başarı(yı)* ‘успех, удача, достижение’, *veya bir iyiliğ(i)* ‘благодеяние’, *verilen cevapları* ‘ответы’, в целом они сводимы к таким обобщенным понятиям, как *kişi* ‘человек, субъект, лицо, личность’*, bir iş(i), bir şey(i), nesneler(in)* ‘объект, вещь, предмет’, *bir madden(in)* ‘вещество, вещь, материя’, *bir gerçeğ(i)* ‘факт’*, bir durum(u)* ‘ситуация’*, olay(ı)* ‘событие, явление, феномен’.

Сравнение, а следовательно, и оценка всегда предполагают различие по некоторому признаку или группе признаков, присущих объекту. Так, характеристика объекта, подлежащего оценке, может быть дана с учетом либо количественных признаков, либо его качественных свойств. Указанием на данный семантический компонент (т.е. противопоставление количественных и качественных признаков) служат слова, входящие в структуру общей объектной семы: *özellikler(ini)* ‘особенность, отличительная черта, свойство’, *benzer veya ayrı yanlar(ını)* ‘схожие либо различные стороны, грани’, *seviye(sini)* ‘уровень’, *ayrıntılar(ını)* ‘деталь, подробность, частность’, *özü(nü)* ‘суть’, *anlam(ı)* ‘значение, смысл’, *önem(ini)* ‘важность, значимость, ценность’, *gerekliliğ(ini)* ‘необходимость, потребность’, *çalışma(dığını)* ‘пригодность, рабочее состояние’, *nitelik* ‘качество’, *ve niceliğ(ini)* ‘количество’, *değer(ini), miktar(ını)* ‘количество, величина’, *ve fiyat(ını)* ‘цена, стоимость’, *ağırlığ(ını)* ‘вес, масса, тяжесть’ («вырабатывать мнение, суждение о *ценности, значимости, важности, пригодности, полезности, нужности, достоинствах, качестве, размере, вместимости, количестве, расценке, цене, стоимости и т.д.* кого-либо, чего-либо»).

Еще одним дифференциально значимым компонентом значения глаголов оценки является *сема способа оценочного действия*, представленная достаточно многочисленной группой внутренних характеризаторов образа действия. Если посмотреть на словарные дефиниции глаголов оценки, то можно заметить, что в их глагольные лексемы инкорпорирован внутренний сирконстантный компонент способа действия. Например, глагол *incelemek* ‘изучать, исследовать, анализировать’ трактуется как ‘bir işi veya bir şeyi ele alıp özelliklerini, ayrıntılarını *inceden inceye*, *özenle* anlamaya, öğrenmeye

çalışmak, tetkik etmek’ (изучить, исследовать особенности, детали чего-либо *скрупулезно*, *тщательно*, *внимательно*), синкретично обозначая, таким образом, и оценочное действие, и тот способ, каким это действие совершается.

Анализ словарных определений глаголов, называющих оценку, позволил выявить различный характер квалифицирующего действия. На основании таких компонентов, как *doğru ve usulüne uygun olarak* ‘правильно, точно’, можно судить о точном, правильном, экспертном определении ценности объекта, подлежащего оценке, тогда как элементы *yaklaşık olarak* ‘приблизительно, ориентировочно’, напротив, свидетельствуют о неточной, приблизительной, в некоторой степени обывательской оценке вещей. Детальность, тщательность, внимательность, полнота ценностного суждения эксплицируются в словарных статьях следующими семами: *inceden inceye* ‘скрупулезно’, *özenle* ‘аккуратно, внимательно, тщательно’, *ayrıntılı* ‘подробно, тщательно’, *her yanına; çok, bütün yönlerini* ‘со всех сторон’, *fazlaca* ‘изрядно, много, чрезмерно’, *birer birer* ‘поодиночке’, *derin* ‘углубленно, основательно’, *ayrıntılarına kadar* ‘до деталей’, *derinliğine* ‘до глубины’, *dikkatle* ‘внимательно’, *çok titizlikle* ‘скрупулезно’, *ve etraflıca* ‘долговременно, долгосрочно’, *iyice* ‘хорошенько, как следует’, (*bir işin) içyüzünü* ‘подноготную’ *araştırmak*, *en küçük noktasına kadar* ‘до мельчайшего пунктика’, (*bir konu üzerinde) uzun uzadıya* ‘детально, обстоятельно, хорошенько’, *enine boyuna* ‘тщательно’. На поверхностный, беглый характер оценки указывают такие компоненты, как *çabucak* ‘немедленно, сейчас же, тут же, сразу’, *değerlendirmek*, акцент при этом делается на том, что подобная оценка, будучи совершена второпях, в общих чертах, оказывается неразработанной в подробностях, в деталях. Наличие в словарных дефинициях глаголов оценки компонента *sonuca (bağlamak, tahlil etmek, analiz etmek), bir sonuca (varmak)* ‘анализировать до достижения итога, результата’, *küçültücü/ alçaltıcı/aşağılayıcı* ‘неодобрительно, презрительно, уничижительно’ (*olarak değerlendirmek)*, *olumlu* ‘положительно’, *hoşgörü* ‘терпимо, снисходительно’ (*ile değerlendirmek)*, *ödülle* ‘наградой, поощрением’, *not vererek; puan olarak* ‘поставив отметку, балл’ («оценить, расценить кого-либо, что-либо определенным образом») предполагает экспликацию собственно оценочного суждения (мнения).

Целевая сема в семантической структуре глаголов, называющих оценку, имплицирует целевую установку субъекта, производящего оценочную операцию, и сводится к формулировке основной задачи, которая должна быть решена в результате оценки. На семном уровне оценочные намерения могут быть конкретизированы через целевую составляющую, на которую указывает послелог *için* ‘для, ради, чтобы’, а также послелог *ile* в сочетании с именем существительным *amaç* (*amacıyla*) ‘с целью’: *niteliğini anlamak için* ‘чтобы понять качество, свойства’, *bir gerçeği ortaya çıkarmak için* ‘чтобы узнать, обнаружить истину, правду’, *bir sonuca varmak amacıyla* ‘с целью прийти к умозаключению, итогу’ и т.п.

Наряду с вышеперечисленными компонентами в смысловом составе глаголов оценочного действия может быть также выделена *инструментальная сема*. Основанием для выделения данной семы послужили следующие выражения: *lamba ışığıyla* ‘просвечиванием лампой’, *sonda ile; sonda kullanarak;* ‘при помощи зонда’, *ırakgörürlü* ‘наблюдая через подзорную трубу, телескоп’ *ya da herhangi bir araçla* ‘или любой другой инструмент, средство, прибор’ *izleyip*, *birçok kişiye (inceden inceye sormak)* ‘опросив множество людей’, *araç, motor vb.nin çalışıp* ‘заведя транспортное средство’, *aramalarda bulunmak* ‘пребывая в поиске’, *çözümleme yoluyla* ‘посредством, путем анализа’, *çıplak gözle* ‘невооруженным глазом’, *gözden veya elden geçirmek* ‘глазами или руками’, *sorulara (verilen cevapları)* ‘ответы, данные на вопросы’. Рассмотрение содержательной стороны выражений-экспликаторов инструментальной семы позволяет полагать, что в качестве инструмента оценки могут быть использованы не только в целом традиционные технические устройства и измерительные приборы, но и многочисленные *непредметные* инструменты или методы исследования – тестирование, всевозможные виды анализа, эксперимент, экзаменовка, анкетирование, опрос и др. То есть инструмент в ситуации оценки представляет собой некоторый предмет, живое существо, часть тела или действие, с помощью которого субъект осуществляет квалификативную операцию и реализует заранее мыслимый результат, т.е. цель оценки.

Локативная, темпоративная и *каузальная семы* представлены единичными случаями употребления – *bilim**de*** ‘в науке’, *ve sanat**ta*** ‘в искусстве’; *açıkladık**tan sonra** sonuca bağlamak, tahlil/analiz etmek* ‘прийти к умозаключению после пояснения, объяснения’, *iyice düşündük**ten sonra** bir karara varmak* ‘прийти к решению после тщательного обдумывания’; *acıma**dan*** ‘из жалости, сострадания, сочувствия’ *değerlendirmek*.

Таким образом, метод дефиниционного анализа позволил увидеть, как ситуация оценки отражается языковым сознанием носителей турецкого языка и какие ее признаки и характеристики оказываются значимыми для них.

И. В. Чучкевич

СПЕЦИФИКА РАСПРЕДЕЛЕНИЯ КОММУНИКАТИВНОЙ ЗНАЧИМОСТИ В АНГЛИЙСКИХ ПРЕДЛОЖЕНИЯХ С МАРКИРОВАННОЙ ТЕМА-РЕМАТИЧЕСКОЙ СТРУКТУРОЙ

Тема-рематическое членение является психолингвистической категорией. Как категория психическая, оно не только отражает явления объективной действительности и связи между ними, но и передает субъективное отношение человека к реальным явлениям. В основе тема-рематического членения любой комплексной лингвистической единицы лежит как ее содержание, так и намерение автора сообщить слушателю либо что-то новое, либо то, что представляет для него интерес. Поиски темы и ремы должны начинаться с анализа семантики

предложения. В ходе исследования были установлены два механизма, имеющих коммуникативную направленность и детерминирующих связь предложений в тексте – тема-рематический и эмпатийно-фокусный. Различие данных механизмов заключается в сфере их действия: эмпатийно-фокусное членение отражает коммуникативное намерение автора на этапе построения семантической конфигурации предложения, в то время как тема-рематическое членение фиксирует наиболее коммуникативно значимые элементы на этапе реализации предложения в речи.

При рассмотрении эмпатийно-фокусного и тема-рематического механизмов как операций интеграции предложения в коммуникативное задание текста неизбежно возникает вопрос о соотнесении данных структур, а именно изоморфны ли данные структуры. Под изоморфизмом здесь мы подразумеваем согласованность (совмещение) элементов семантической конфигурации с единицами уровня актуального членения предложения по степени коммуникативной значимости.

Обычным порядком слов в предложении является такой, при котором за исходный пункт (тему) принимается начальная часть предложения, а за ядро высказывания (рему) – его конец. Если проводить аналогию с тема-рематической структурой, то центр эмпатии – это исходная точка построения семантической конфигурации, а фокус интереса – наиболее коммуникативно значимый компонент отражаемой денотативной области. Но существует также и обратный порядок, когда тема следует за ремой. Такой порядок называется субъективным или маркированным, так как при нем говорящий не обращает внимания на естественное движение мысли от известного к неизвестному, он так увлечен ядром высказывания, что именно его ставит на первое место. Какова же специфика распределения коммуникативной значимости в таких предложениях?

Так, встречаются предложения, в которых тема представлена более чем одним актуализированным участником ситуации. Например, предложения с двумя актуализированными участниками ситуации *The baby took the toy* ‘Ребенок взял игрушку’ и *Kate got the letter* ‘Кейт получила письмо’ могут употребляться в следующих контекстах:

– *The baby saw a toy* ‘Ребенок увидел игрушку’. В данном контексте предложение *The baby took the toy* ‘Ребенок взял игрушку’ могло иметь следующую форму: *He took it* ‘Он взял ее’.

– *Kate was waiting for the letter* ‘Кейт ждала письма’. В данном контексте предложение *Kate got the letter* ‘Кейт получила письмо’ может употребляться в следующей форме *She got it* ‘Она получила его’.

Общеизвестно, что прономинализации могут подвергнуться элементы, передающие неновую информацию. Из этого следует, что тема представлена актуализированными участниками ситуации, а ремой является глагол-предикат. При сопоставлении тема-рематического уровня с эмпатийно-фокусным получаем, что в данных случаях и центр эмпатии, и фокус интереса коррелируют с темой высказывания.

Исключение здесь составляют предложения типа *The knife fell into pieces to the ground*, букв. ‘Нож кусками упал на землю’. В таких предложениях невозможно подобрать контекст, где тема была бы представлена не только участником ситуации, находящимся в центре эмпатии, но и участником ситуации, включенным в правостороннее окружение глагола-предиката. Поскольку элемент *pieces* ‘куски’ является конечным продуктом описанной ситуации, то он не может быть перемещен в позицию подлежащего с сохранением активной залоговой формы глагола-предиката в формальной структуре предложении, т.е. на семантическом уровне данный элемент не может при сохранении одной и той же семантической конфигурации попадать в позицию центра эмпатии. А это значит, что данный элемент не является исходной точкой построения ни тема-рематической структуры предложения, ни глубинной. Как следствие, он просто не имеет возможности транслировать наименее коммуникативно значимую информацию, т.е. не может быть темой сообщения.

Стоит также отметить наличие моноремных структур в языке, т.е. тех структур, все элементы которых несут новую информацию. Контекстом для таких предложений являются вопросы: *What happened?* ‘Что случилось?’ либо *What’s the matter?* ‘В чем дело?’. Очевидно, что ответом на данные вопросы может быть любое предложение, т.е. моноремными могут быть предложения с любой семантической конфигурацией:

– предложения с неактуализированными участниками ситуации: *It’s raining* букв. ‘Дождит’;

– предложения с одним актуализированным участником ситуации: *Mary is crying* ‘Мэри плачет’;

– предложения с двумя актуализированными участниками ситуации: *The baby took the toy* ‘Ребенок взял игрушку’;

– предложения с тремя актуализированными участниками ситуации: *I gave Peter the keys* ‘Я дал Питеру ключи’;

– предложения с четырьмя актуализированными участниками ситуации: *Irene burnt the paper with matches to ashes* ‘Айрин сожгла бумагу спичками дотла’.

При сопоставлении подобных проявлений взаимодействия тема-рематического механизма с эмпатийно-фокусным оказывается, что и центр эмпатии, и фокус интереса коррелируют с ремой высказывания.

Обращает на себя внимание и тот факт, что одно и то же высказывание можно воспринять по-разному в зависимости от контекста, придавая важность тому или иному участнику ситуации или непосредственно ситуации как таковой (действию). Например: ***Irene*** *burnt the paper with matches to ashes* ‘**Айрин** сожгла бумагу спичками дотла’; *Irene* ***burnt*** *the paper with matches to ashes* ‘Айрин **сожгла** бумагу спичками дотла’; *Irene burnt* ***the paper*** *with matches to ashes* ‘Айрин сожгла **бумагу** спичками дотла’ и т.д.

На первый взгляд, кажется, что каждую выделенную единицу можно определить как новую информацию, т.е. рему. Однако это не совсем так.

В каждом из этих предложений лексическую единицу, характеризуемую как рему, можно понимать так, как если бы она была выбрана из ограниченного числа альтернатив, которые могли бы быть использованы вместо нее. Например: *(not Kate, Mary or Pete)* ***Irene*** *burnt the paper with matches to ashes* ‘(не Кейт, Мэри или Питер) Айрин сожгла бумагу спичками дотла’; *Irene (didn’t tear, didn’t destroy)* ***burnt*** *the paper with matches to ashes* ‘Айрин (не порвала, не разрушила) сожгла бумагу спичками дотла’; *Irene burnt (not a log, not a box)* ***the paper*** *with matches to ashes* ‘Айрин сожгла (не полено, не коробку) бумагу спичками дотла’ и т.д.

Исследователь У. Л. Чейф называет такие предложения контрастивными. Контрастивные предложения отличаются от неконтрастивных, т.е. тех, которые просто сообщают новую информацию, тем, что в неконтрастивных предложениях новая информация выбирается из неограниченного числа возможностей. Наиболее выделенный в контрастивных предложениях элемент У. Л. Чейф считает фокусом контраста, который необязательно может сообщать новую информацию. Здесь можно было бы предположить, что фокус контраста по У. Л. Чейфу и есть наш фокус интереса, т.е. та выделенная, а, следовательно, наиболее важная, но необязательно новая, для говорящего информация. Однако если фокус интереса – это наиболее важный компонент денотативной области для говорящего, т.е. онтологически наиболее значимый компонент, то фокус контраста – это компонент денотативной области, который говорящий считает наиболее важным для слушающего, т.е. аксиологически наиболее значимый компонент.

В проведенном исследовании тема-рематическое членение рассматривается как принадлежащее семантической структуре предложения, детерминированное контекстом. Только контекст позволяет установить, что мы собственно хотим узнать. Вырванное из контекста предложение, сохраняя свою грамматическую самостоятельность, теряет смысловую полноту, обусловленную тесными связями со смежными предложениями контекста.

ПРОБЛЕМЫ ОБЩЕГО И СОПОСТАВИТЕЛЬНОГО ЯЗЫКОЗНАНИЯ

Е. А. Акуленко, В. В. Леонтьева

КАК ЖИВЕТСЯ *ХОМЯКУ* В РУССКОМ СЛЕНГЕ РУКОДЕЛИЯ

Если людей объединяет общее дело, рано или поздно их будет объединять язык. Говорить на одном языке – это одно из непреложных условий объединения индивидуумов в сообщества сегодня. Сленг как особые слова и их новые значения и шире – как разновидность языка, употребляемого в качестве средства общения лицами, связанными социально, профессионально (общие интересы, профессия, возраст и т.д.) – делает жизнь говорящего в современном языковом социуме более яркой, позволяет ему почувствовать вкус свободы и даже дарит эмоциональный комфорт. Существуют сленг ютуберов, «инстаграмовский» сленг, сленг ВКонтакте, сленг мамочек, или «мамский», авиационный, армейский, сленг рукодельниц и т.д.

Современные виды коммуникации позволяют мастерам рукоделия общаться с огромным количеством единомышленников (функционируют многочисленные интернет-сайты, посвященные рукоделию; издаются специальные журналы, проводятся ярмарки, выставки, мастер-классы; в крупных городах открываются специализированные клубы, связанные с различными хобби и т.п.), что способствует развитию терминологии рукоделия в целом и формированию так называемого «рукодельного» сленга. Причем можно отметить процессы формирования как сленга отдельных видов рукоделия (например, сленга вышивальщиц, сленга декупажниц, сленга мастеров по изготовлению кукол и т.д.), так и общего сленга любителей современного рукоделия. К последнему мы и относим наименования, которые рассматриваются в данной статье.

Как известно, значительная часть словарного состава большинства современных социолектов формируется на базе лексической системы литературного языка. При этом часто используются различные виды деривации. В центре нашего внимания – лексема *хомяк*, которая в сленге русского рукоделия становится «центровым игроком».

Отправной точкой для формирования в «рукодельном» сленге словообразовательного гнезда с исходным словом *хомяк* стал метафорический перенос литературного наименования. В академических словарях русского языка лексема *хомяк* отмечается в значении «хищный грызун из семейства мышиных, вредитель хлебных злаков» (Словарь под ред. Д. Н. Ушакова), «грызун, вредитель хлебных злаков и огородных растений» (Словарь русского языка под ред. С. Ожегова), «грызун, живущий в норах, вредитель полевых и огородных культур» (Словарь русского языка: в 4 т. / РАН, Ин-т лингвист. исследований; под ред. А. П. Евгеньевой). В Большом толковом словаре русского языка под ред. С. А. Кузнецова (в авт. ред. 2014 г.) для данного наименования, помимо основного, приводится и переносное значение (с указанием на его разговорный характер) (См.: *Хомяк*, *-а*, м. 1. Небольшой грызун с толстым неуклюжим телом и развитыми защечными мешками,

живущий в норах и собирающий в них большие запасы зерен, семечек и т.п. 2. *Разг*. О ком-л. неповоротливом, нерасторопном, обычно полном. *Дразнить хомяком.*) В речи представителей рассматриваемой нами социальной группы (а это в подавляющем большинстве – женщины) номинация *хомяк* используется в двух значениях:

1) ‘мастерица, которая постоянно пополняет запасы материалов для рукоделия без особой на то необходимости’ («*Это точно про меня, я действительно* ***хомяк****! Мимо вышивки пройти не могу, обязательно куплю, либо набор, либо схему»*; «*Я тоже* ***хомяк****, настоящий!!!! Нахомячила столько... Потихоньку разгребаю запасы, на смену одному появляются два новых!!!*»; «*Короче, я* ***хомяк****, люблю, когда есть все*))))» (здесь и далее использованы фрагменты переписки рукодельниц на популярных форумах);

2) ‘острое желание постоянно приобретать материалы для рукоделия; то же, что *хомякоз*’ («*Бытует мнение, что* ***ХОМЯК*** *– это болезнь, причем жутко заразительная. Вот и мой* ***ХОМЯК*** *растолстел до неузнаваемости, оккупировал все свободные шкафчики-полочки для своих запасов, а что туда не поместилось, просто распихал по пакетам и, с завидной деловитостью, поставил в уголок за шкаф... и забыл совсем ...»*; «*Неравная борьба с* ***хомяком.*** *Пока что побеждает* ***хомяк****... С недавних пор я цыкнула на своего* ***хому*** *и пообещала ему, что ни единого моточка не куплю, пока всё не извяжу.* ***Хомяк*** *промолчал, но усмехнулся про себя, мол, мели, Емеля, твоя неделя»*).

Рассматриваемая номинация является универсальной для словаря мастериц различных направлений рукоделия: вязания, вышивки, валяния, декупажа и т.д., что делает ее необычайно частотной и порождает множество производных, тождественных ей по значению: *хомячок, хомячиха, хомячище, хомякадзе, хома, хомяк-хомяк, хомяковод, хомякозависимый.* («*Девочки! Собираем встречу* ***хомячков*** *у нас в студии “Чудеса в решете”; «… и я хомяк=) нет,* ***хомячище****!...»; «Классненькие здесь салфеточки, понимаю* ***хомякадзе****»; «Девочки, я тоже* ***хомячихой*** *стала с недавних пор)))))))»; «Мой* ***хома*** *требует купить пряжу про запас, а у меня ещё старые запасы не пущены в дело»; «Ой-ой, а я* ***хомяк-хомяк****)), вроде все нужно-пренужно. Как разбазарить запасы?»; «В ряды* ***хомяководов*** *вступила недавно …»; «Доброго времени суток, дорогие мои* ***хомякозависимые****! Признаюсь честно – пару раз хомяк победил и мужа, и жабу, и здравый смысл…».*

Синонимами сленгового наименования *хомяк* во втором значении выступают лексемы *хомякоз*, *хомячизм*.

Хомякоз, *хомячизм* – острое желание мастерицы приобретать материалы для рукоделия. («*Продолжаю лечение своего* ***хомякоза****. Добралась до бусинок и фетра…*»; *«… **Хомячизм** у меня в крови, передалось наследственно от мамы, хотя она в этом не признается, но выпадающие из всех углов родительской квартиры хомячьи запасы это только подтверждают*»).

Помимо вышеназванных производных существительных, от наименования *хомяк* образуются и глаголы: *хомячить → захомячить, нахомячить, расхомячить → нахомячиться, расхомячиться.*

Хомячить, захомячить – сохранить на персональном компьютере понравившуюся информацию по рукоделию (схему вышивки, выкройку, мастер-класс и т.п.) (*«Надеюсь, мои читатели ещё помнят мой лавандовый батончик и то, что я обещала выложить к нему схемку. Сначала немного фоток, потом схемка. Кому интересно,* ***хомячьте*** *на здоровье!»; «Нашла просто замечательный фотомастер-класс, как красиво и грамотно обрабатывать края изделия и формировать аккуратный угол. Я не смогла пройти мимо и решила* ***захомячить*** *себе такую полезную информацию*»).

Нахомячить, нахомячиться – приобрести впрок материалы для рукоделия («…***Нахомячила*** *много салфеточек. За 6 лет стажа в декупаже накопилось прилично*»).

Расхомячить, расхомячиться – избавиться от излишков материалов для рукоделия: обменять их на другие материалы или применить при создании новых изделий («*У меня тоже много салфеток и карт, и другого добра. Готова* ***расхомячиваться****»; «Были сегодня в "Чудесах в решете". И* ***расхомячились*** *и* ***нахомячились****. Ненужные салфетки отдали, новых набрали. Некоторые хомяки так "****расхомячились****", что еле вынесли сумки»).*

В свою очередь, глагол *расхомячиться* выступает производящим для отглагольных существительных *расхомячивание, расхомяк, расхомячка.*

Расхомячивание, расхомяк, расхомячка – процесс избавления от лишних запасов материалов для рукоделия путем обмена с другими мастерами, распродажи или путем применения данных материалов при изготовлении новых изделий. (*«Решила распродать свои рукодельные запасы, поэтому приглашаю вас на аукцион по "****расхомячиванию****" в мой второй магазин»,* «*В связи с затянувшимся хомякозом, загромоздившим окружающее пространство, мною было принято волевое решение о* ***расхомячивании****»; «В* ***расхомячивании*** *может участвовать любой проект, на который давно лежат материалы – вышивка, вязание, шитье и... что там еще бывает?»; «Времени нет на* ***расхомяк****, правда пару раз сменялась нитками на ленты…»; «Весенняя* ***расхомячка****! Пришла весна – пора сбросить лишнее, поэтому перебираем наши запасики и выбираем, что будем расхомячивать»*).

Таким образом, в сленге современного рукоделия наименование *хомяк* служит базой для формирования обширного словообразовательного гнезда с производными четырех ступеней (количество производных только на I ступени словообразования достигает 14 лексем!). В современных специальных лексикографических источниках (в частности, в Словообразовательном словаре русского языка А. Н. Тихонова) словообразовательное гнездо с исходным словом *хомяк* выглядит куда скромнее: интересующая нас лексема порождает на одной ступени словообразования (первой) лишь производные *хомячок* и *хомячий*. Налицо значительно более широкая реализация потенций языка в сленге.

Говорящий не всегда догадывается о том, носителем какого языкового кода он может стать уже завтра. Сленг рукодельниц (и рукодельников) – один из тех возможных миров, вход в который открыт для всех желающих.

Хочешь коммуницировать успешно, овладей кодом. К тому же сегодня языковой код – дорога с двусторонним движением: с одной стороны, знаки кодифицированного литературного языка могут обрести новое «звучание» и иное «прочтение» в сленге, с другой – лексема, ее производные и ЛСВ, бытующие сегодня в сленге, могут со временем стать знаками литературного языка.

Л. В. Варпахович

РОЛЬ АССОЦИАТИВНЫХ ФРЕЙМОВ В СЕМАНТИКЕ САПОРЕМ

Одной из наиболее актуальных задач современной когнитивной лингвистики является выявление механизмов и закономерностей формирования информации и кодирование ее в семантике языковых знаков. Большой интерес представляет исследование роли ассоциативных фреймов в процессах формирования и изменения перцептивной информации. Функционирование ассоциативных фреймов будет рассматриваться на примере семантики сапорем.

Определим базовые термины. Ассоциативный фрейм (АФ) (от англ. *frame* ‘кадр, рамка’) – это структура ассоциаций, представляющих стереотипную ситуацию. Его необходимо отличать от понятия *ассоциативное поле* в психолингвистике, под которым понимается совокупность всех ассоциаций как реакций на некоторый стимул. Сапоремы (от лат. *sapor* ‘вкус’) – слова, называющие вкусовые ощущения (в первом значении). Это ядро СП вкусообозначений. Вкусообозначение – более широкое понятие, включающее, помимо сапорем, любую единицу, называющую вкус: атрибутивные словосочетания (лимонный вкус), родительный качества (вкус лимона) и т.п.

На каком этапе когнитивного процесса возникает ассоциативный фрейм? Он формируется при переходе нервных импульсов из проекционных зон в коре головного мозга в ассоциативные области. Так, собственно анализ вкусовых ощущений происходит в проекционном центре вкуса, расположенном в височных долях коры головного мозга, где и создается вкусовая информация. Далее эта информация связывается с ассоциативными областями коры головного мозга и дополняется сопутствующими сенсорными, эмоциональными и звуковыми ассоциациями. Таким образом формируется стереотипная ситуация, представляющая определенный вкус, неизбежно связанная с сопровождающими перцепциями других модальностей – запахом, цветом, формой и т.д. Особо отметим важность звуковых ассоциаций, поскольку зачастую именно на их основе создается форма языкового знака.

В процессе создания номинативной единицы АФ – база для выбора мотивирующего признака, когда этимоном становится доминантная ассоциация в рамках стереотипной ситуации. Например, сапорема *кислый* в этимологических словарях описывается как общеславянское суффиксальное производное от *kysnǫti* > *кысати* ‘киснуть’; первично – ‘бродить, подниматься’, того же корня, что *кипеть, квас*, родственно латышскому *kūsuls* ‘ключ,

родник’, восходит к др.-инд. *kuthitas* ‘вонючий’. Легко восстановить стереотипную ситуацию: некое вещество бродит, поднимаются и лопаются пузыри, издавая звуки типа [ks], вещество испускает характерный запах и обладает специфическим вкусом, который и означили как *кислый.* Обратим внимание, что мотивирующим признаком стали звуки. Кстати, ономатопея – яркий пример функционирования АФ, поскольку чаще всего для обозначения процессов (или связанных с ним признаков и предметов) за основу бралась звуковая ассоциация. Ведь язык – система звуковых знаков, поэтому в мнемонических целях удобнее всего взять именно характерные звуки и зафиксировать их в форме слова.

Важную роль АФ играют также в изменении лексической семантики – изменение ассоциативных фреймов приводит к изменению значения слова. Сопоставим исходное и современное значение сапорем *соленый* и *сладкий*. Изначально *соленый* является суффиксальным производным от *соль*. Слово *сладкий* заимствовано из старославянского языка (ср. исконно русское *солодкий*), образовано с помощью суффикса *-ък-* от **soldъ* (> *солод*), в свою очередь образованного посредством суффикса *-д-* от той же основы, что и *соль*: *sal* > *sald* (*соль, соленый* > *солод* > *сладкий*). Развитие значения шло следующим образом: ‘соленый’ > ‘вкусный’ > ‘пряный’ > ‘сладкий’. Сейчас же носители языка никак не связывают значения данных сапорем, более того, вызывает удивление то, что эти слова когда-то были родственными. Результаты продолженного ассоциативного эксперимента, в котором информантам предлагалось определить значение слов *соленый* и *сладкий*, а также указать синонимы и антонимы, частично совпадают с данными современных толковых словарей, однако есть интересные различия в содержании и иерархии семем и оценочной коннотации. *Соленый* – 1. Вкус соли, соленых огурцов, моря, морской воды, чипсов, крекера – 35 %. 2. Вызывающий жажду, желание пить – 24 %. 3. Вызывающий неприятные ощущения, не хочется глотать, хочется выплюнуть – 13 %. 4. Приятный, приносит удовольствие, удовлетворение, ощущение сытости – 8 %. 5. Вкусный, придает вкус – 5 %. *Сладкий* – 1. Вызывающий приятные ощущения, приятный вкус – 43 %. 2. Вкус сахара, конфет, торта, шоколада, шипучки, меда, фруктов, содержащий сахар – 27 %. 3. Приносит удовольствие, удовлетворение, поднимает настроение, эйфория, счастье, нежность, позитив, придает сил – 16 %. 4. Вызывающий жажду, хочется запить, выпить воды – 9 %. 5. Приторный – 4 %. В качестве антонимов к *сладкий* были указаны: *соленый* (41 %), *горький* (33 %), *кислый* (23 %); к *соленый – пресный* (36 %).

Почему же эволюция этих исходно родственных слов привела к разрыву их значений? Первоначально близкое восприятие соленого и сладкого вкусов объясняется, во-первых, тем, что анализирующие рецепторы (вкусовые сосочки) локализуются в одной зоне – на кончике языка. Во-вторых, качественные характеристики пищи раньше были другими как по интенсивности, так и по другим вкусовым параметрам. Сладкий вкус ассоциировался с солодом – пророщенными зернами злаков, по интенсивности не сопоставимым с современными рафинированными продуктами – сахаром и изделиями

на его основе. Изменившиеся условия жизни привели к значительной смене ассоциативных рядов, сопровождающих вкусовые ощущения. Поэтому современный носитель языка, усваивая слова *соленый* и *сладкий*, встраивает их в разные фреймы своего идиолекта, воспринимая эти вкусы не только как разные, но зачастую как противоположные. Как следствие, изменения АФ приводят к семантической дивергенции ранее родственных слов.

АФ играют важную роль и в семантической деривации лексем, связанной с синестезией, когда у прилагательных происходит перенос значения с одного сенсорного признака на другой. Например, у сапоремы *сладкий*: вкус/запах/звук, речь и т.д. Почему это регулярно происходит? Потому что ассоциации очень близко расположены друг по отношению к другу, они взаимосвязаны принадлежностью к одному объекту в одной ситуации, причем часто эта связь очень устойчивая (*сладкий вкус – сладкий запах*). Следовательно, причиной синестезии является степень близости ассоциаций в АФ.

Таким образом, ассоциативные фреймы являются основополагающим фактором и в процессе возникновения названия и формирования его первоначального значения; и в процессе изменения семантики слов; и в процессах семантической деривации, возникновении спектра переносных значений, связанных с синестезией.

Л. В. Витченко

КОРРЕЛЯЦИИ МЕЖДУ ИЛЛОКУТИВНОЙ ФУНКЦИЕЙ ДИРЕКТИВА И ЕГО ОРИЕНТИРОВАННОСТЬЮ НА СФЕРУ АДРЕСАТА
(на материале итальянского языка)

Как известно, директивы представляют собой класс речевых актов, иллокутивная цель которых – побудить слушающего к совершению действия. В процессе ее реализации говорящий оказывает воздействие на разные сферы своего коммуникативного партнера: *акционально-поведенческую*, *коммуникативную*, *ментальную*, *эмоциональную* и др. При этом в распоряжении адресанта имеются различные способы достижения побудительного коммуникативного намерения: от относительно жестких и облигаторных прескриптивных (приказ, требование, запрещение и др.) до более мягких и бенефактивных для одного/обоих коммуникантов суггестивных (совет, наставление) и реквестивных (просьба, мольба) директивных речевых актов (далее ДРА).

Анализ около 1300 италоязычных контекстов, отобранных методом сплошной выборки из текстов современных художественных произведений итальянских авторов, показал, что, несмотря на имеющийся в распоряжении исследователей опыт описания семантических, структурно-грамматических и прагматических характеристик директивных речевых действий, четкая идентификация конкретного типа директива (просьба, требование, приказ, совет, предложение и т.п.) не всегда возможна. Поэтому, на наш взгляд, целесообразнее выделить общие корреляции между сферой адресата, на которую говорящий оказывает воздействие, и общей разновидностью ДРА (прескриптивами, суггестивами и реквестивами).

По нашим наблюдениям, максимально широкий диапазон иллокутивных функций представлен в группах директивных речевых актов, посредством которых говорящий оказывает воздействие на **акционально-поведенческую сферу адресата.** Здесь отмечаются как реквестивные варианты: *Siediti, per favore; Passami il sale; Tieni questa borsa per un attimo che devo trovare le chiavi* (просьба), так и суггестивы: *Non mangiare troppo, ti consiglio. Sono sicuro che domani avrai mal di pancia* (совет) или *Leggi questo libro, sarà davvero un bene per te* (наставление/совет). При этом в количественном отношении в данной сфере доминируют прескриптивные речевые действия говорящего: *Metti giù i piedi dal sedile* (требование); *Non toccarmi, toglimi le mani che mi fai male* (запрет) или *Adesso alzati subito e vada fuori* (приказ).

Воздействие на **коммуникативную сферу адресата**, охватывающую различные аспекты его речевого поведения в ситуации общения, также отличается иллокутивным разнообразием. Так, например, осуществляя регулирование коммуникативной инициативы, говорящий в равной степени прибегает как к достаточно жестким прекриптивам: *Adesso dimmi tu che devo fare secondo te* (требование); *Parla subito* (приказ), *Sei pazza, non dirmi più niente, basta, non voglio sentirti adesso* (запрет), так и к менее категоричным реквестивам: *Stai zitta, per favore, Anna. Ti prego…. stai zitta. Ho mal di testa terribile e non ho voglia parlarne più* (просьба), а также суггестивам: *Tu cosa, amore? Parlaci, dicci che cos'hai, Federica, starai meglio, ti guiro. Io e la mamma siamo qui solo per ascoltarti* (совет). Такая же иллокутивная вариативность свойственна речевым актам говорящего, посредством которых он регулирует коммуникативную тональность и темпоритм, развивает тему, осуществляет мониторинг физических параметров канала взаимодействия. Однако, по нашим наблюдениям, в случае регулирования качественных характеристик коммуникации говорящий, как правило, проявляет определенную категоричность: *Dimmi la verità, Non mi prendere in giro, Non mentire, Smettila con le bugie/ di raccontarmi balle* (прескриптивы).

Что касается ДРА, посредством которых говорящий воздействует на **эмоциональную сферу адресата**, то здесь наблюдается очевидное доминирование суггестивов. Так, например, говорящий посредством своего директивного речевого акта побуждает слушающего сохранять спокойствие: *Stai tranquilla che tutto andrà bene* или стремится блокировать у него развитие чувства беспокойства: *Non ti preoccupare, basta stare un po' attente e tutto rientra nella forma* (совет/рекомендация). Меньшую частотность проявляют реквестивы: *Anna, calmati, ti prego, non riesco a concentrarmi* (просьба). Функционирование же прескриптивов носит спорадический характер и, как правило, сводится к употреблению императивных конструкций типа *smettila/ finiscila di impazzire/ arrabbiarti* и др., что объясняется спецификой эмоциональной сферы: маловероятно, что говорящий будет требовать, приказывать или запрещать слушающему изменять свое эмоциональное состояние.

В отношении **ментальной сферы адресата** можно отметить следующие тенденции: а) ограниченное функционирование категоричных и облигаторных прескриптивов (их употребление сводится преимущественно к случаям побуждения адресата к принятию решения: *Senti, Anna, deciditi*); б) превали-

рование суггестивных и реквестивных функционально-прагматических разновидностей ДРА, как, например, в следующих контекстах: *Immagina che tutto vada bene, che non ci sia questo problema* (совет); *Ti prego, fidati di me* (просьба).

Таким образом, общие корреляции между иллокутивной функцией высказывания говорящего и сферой адресата, на которую адресант оказывает воздействие в конкретной ситуации межличностного взаимодействия, можно представить следующим образом: в акционально-поведенческой и коммуникативной сферах диапазон иллокутивных функций представлен максимально широко; в эмоциональной сфере доминируют суггестивы, а ментальная сфера характеризуются преимущественным употреблением реквестивных и суггестивных ДРА.

О. С. Горицкая

БЕЛОРУСЫ О КОФЕ И ГРАМОТНОСТИ: ДИНАМИКА ЯЗЫКОВЫХ НОРМ В СОЦИОЛИНГВИСТИЧЕСКОМ АСПЕКТЕ

Мужской род слова *кофе* отмечается среди специфических характеристик русского языка в Беларуси. Например, в газете «Комсомольская правда» в 2009 г. вышла статья с заголовком (1а) *У белорусов будет свой русский язык!*, в которой содержится следующий лид: (1б) *У соседей теперь кофе среднего рода, а у нас – мужского* (kp.by[1]). В этом газетном материале обсуждается, нужно ли в Беларуси ориентироваться на принятый в 2009 г. в России список рекомендованных к использованию словарей, в одном из которых журналисты и нашли вариант среднего рода слова *кофе*. Кроме того, в статье упоминаются некоторые особенности русского языка в Беларуси – использование слов *шуфлядка* и *черпак*, выбор *тут* вместо *здесь*.

Узус. Чтобы проверить, существуют ли региональные различия в узусе, касающиеся выбора рода слова *кофе*, мы обратились к Генеральному интернет-корпусу русского языка (ГИКРЯ, webcorpora.ru). Из подкорпуса «Живой Журнал» (объем – 8 720 млн словоупотреблений), где представлены тексты из блогов, мы отобрали контексты, в которых слову *кофе* предшествует определение в форме мужского или среднего рода (*горячий кофе* или *горячее кофе* и т.п.). Данные отражены в таблице.

Частотность родовых вариантов слова *кофе* в различных регионах

Регион	Частотность вариантов	
	слово *кофе* м.р.	слово *кофе* ср.р. (%)
Беларусь	1 396	41 (2,85)
Россия	28 986	1 519 (4,98)
Украина	5 051	254 (4,79)
Другие постсоветские страны	1 096	78 (6,64)
Остальные страны	5 866	342 (5,51)

[1] Здесь и далее не приводятся полные гиперссылки, указывается лишь сайт, на котором размещен текст.

Таким образом, корпусное исследование показало, что белорусы несколько реже используют слово *кофе* в среднем роде, чем жители других стран. Однако в целом данный вариант является низкочастотным в русскоязычных блогах. Поэтому вряд ли «наивные» говорящие способны почувствовать разницу в употреблении этого слова в различных регионах.

Кодификация. Обсуждая род слова *кофе*, носители языка, как правило, говорят не про узус, а про кодифицированные нормы. При этом мнения говорящих о том, есть ли специфика в кодифицированных нормах русского языка в Беларуси и в России, различаются, ср. (1б), а также (2), где утверждается, что такие различия уже существуют, и (3), где речь идет лишь о возможности кодификации белорусской разновидности русского языка:

(2) *У Расіі чарговыя змены нормы адбыліся ў 2009 г., калі «кофе» стала сярэдняга роду і стала можна казаць «дОговор» і «договОр», сталі рускімі словы «чао» і «файф-о-клок». У Беларусі ж нашае Мінадукацыі гэтых зменаў не зацвердзіла. Па-ранейшаму афіцыйнымі з'яўляюцца нормы Разенталя і Лапаціна. Канешне, да ўласных слоўнікаў рускай мовы далёка – але вось такая фронда ёсць. І расійскі абітурыент цалкам верагодна можа заваліцца на рускай мове пры паступленні ў беларускі ўнівер, калі ўжые іхныя нормы, а не мясцовыя* (facebook.com).

(3) *Ещё веселее, что так может начать формироваться новый русский язык. Ведь в Беларуси он также государственный. И есть риск, что в белорусском русском языке кофе останется только мужеского роду :)))* (livejournal.com).

Безусловно, утвержденный в 2009 г. в Российской Федерации список словарей не обязателен к использованию на территории Беларуси (впрочем, и в самой России о нем уже почти забыли). Кроме того, необходимо понимать, что в настоящее время в Беларуси не существует органа, который занимался бы кодификацией русского языка: мы «экспортируем» российские нормы вместе с соответствующими словарями, справочниками и другой литературой. Носители же языка могут считать, что подобные органы существуют:

(4) *Еще раз объясняю. Есть 2 разных русских языка, каждый со СВОИМИ нормами правописания, утвержденными своими СМ и АН. Это русский язык РФ и русский язык РБ* (tut.by).

В целом род слова *кофе* является своего рода **символом изменений** в языковых нормах (или в языке вообще). См., например, реакцию интернет-пользователя на высказывание лингвиста (5а) *По правилам современной орфографии – белОруССкий, и точка:*

(5б) *Не так давно современные правила разрешили употреблять кофе в среднем роде. Эт раз.*

Немецкий язык в Швейцарии немного отличается от немецкого в Германии. Эт два.

Никто не запрещает нам изменить эти самые «правила современной орфографии» на своей территории. А соседи пусть зовут как привыкли, че уж там (kyky.org).

В целом в «наивных» рассуждениях о кодификации белорусской разновидности русского языка есть элементы своего рода лингвистической утопии: люди хотят не только «узаконить» единицы, появившиеся в русской речи на территории Беларуси (типа вышеупомянутого слова *шуфлядка*), но и исключить из собственной разновидности те кодифицированные в России элементы, которые воспринимаются как «неправильные» (в частности, средний род слова *кофе*). Ср. экспрессивный контекст, отсылающий к мультсериалу «Футурама»: (6) *А во-вторых русский язык у нас государственный, так что у нас могут быть свои правила русского, с блэкджеком и шлюхами!* (kyky.org). Вообще, недоминантные разновидности полицентрических языков, к которым относится и белорусский русский, иногда бывают более консервативными и архаичными, чем доминантные (или считаются таковыми).

«Наивные» представления о грамотности русскоязычных белорусов. Анализ метаязыковых комментариев показывает, что некоторые говорящие убеждены в том, что русская речь белорусов отличается особенной грамотностью и чистотой: (7) *на беларуских форумах общаются на более грамотном русском языке, чем на российских* (forum.grodno.net). Впрочем, в отдельных случаях говорящие могут признавать субъективность своих наблюдений: (8) *Всегда казалось, что я, белорус, гораздо грамотнее их, русских, говорю и пишу на их же родном языке. Но это только казалось, они так не считали* (livejournal.com).

Чтобы верифицировать подобные утверждения и определить, действительно ли в Беларуси грамотнее пишут по-русски, чем в России и других государствах, необходимо провести масштабное исследование речи людей из различных стран (см. данные по роду слова *кофе* выше). Однако думается, что носители опираются в первую очередь на свои субъективные представления о языке, которые обусловлены не только речевой реальностью, но и установками. Так, речь окружения, ввиду своей привычности, часто воспринимается как эталон, кроме того, все «свое» часто оценивается положительно. В некоторых случаях грамотность белорусов объясняется тем, что они недостаточно свободны в языке, который является для них «выученным», не этническим:

(9) *Расіян я заўжды пазнаю па іх памылковых граматычных формах у залежнасці ад месца пражывання: еёный, поехаліте, скучаю за тобой, расстроілася і т.д.*

Беларусы гавораць на рускай чысцей, менавіта так, у якім выглядзе вывучаюць яе ў школе (tut.by);

(10) *Он* [русскоязычный доцент из Беларуси] *всего лишь правильно говорит и пишет по-русски, а они* [россияне] *– пользуются русским языком как своей личной собственностью, изменяют и творят его.*

Потому что свободное владение языком – это и есть способность к речевому творчеству на грани нормы и полунормативного (ненормативного) узуса, а то и распространенной речевой ошибки. Сухая филологическая грамотность – смерть языка, лишенного питательной среды живой и не всегда правильной речи.<...>

Мне жаль доцента, жаль себя и жаль всех белорусов, для которых первым и главным языком является русский. Мы лишены великого дара – говорить и думать на том языке, который имели бы право называть родным (livejournal.com / kyky.org).

Таким образом, слово *кофе* является символом языковой динамики для носителей языка. Корпусное исследование продемонстрировало, что в интернет-коммуникациии слово *кофе* достаточно редко используется в среднем роде, при этом в русскоязычных блогах жителей Беларуси его частотность является минимальной. Анализ метаязыковых комментариев о роде лексемы *кофе* в русском языке Беларуси и грамотности демонстрирует особенности «наивных» представлений о кодификации и социолингвистическом аспекте языковых норм в недоминантных разновидностях полицентрических языков.

Н. В. Дардыкова

ГРАММАТИКАЛИЗАЦИЯ ФАЗОВЫХ ГЛАГОЛЬНЫХ КОНСТРУКЦИЙ В РАЗНОСТРУКТУРНЫХ ЯЗЫКАХ
(на материале русского, английского и турецкого языков)

Грамматикализация представляет собой сложный и многоуровневый процесс, действие которого подчинено определенным механизмам изменений. Работа этих механизмов оказывается различной в зависимости от тех единиц, которые охватываются данным процессом. Сферу нашего интереса составили конструкции с фазовыми глаголами в трех разноструктурных языках. На материале русского языка рассматривались конструкции с глаголами *начать*, *стать*, *приняться*, *продолжить*, *остаться*, *кончить*, *перестать*, *прекратить*, на материале английского языка – *start* ‘начать’, *begin* ‘начать’, *continue* ‘продолжать’, *keep* ‘продолжать’, *finish* ‘заканчивать’, *stop* ‘прекращать’, на материале турецкого языка – *başlamak* ‘начать’, *koyulmak* ‘начать’, *girişmek* ‘начать’, *durmak* ‘продолжать’, *kalmak* ‘продолжать’, *-Egelmek* ‘продолжаться от прошлого к настоящему’, *-Ip gitmek* ‘продолжаться от настоящего к будущему’, *-Açıkmak* ‘заканчивать, прекращать’, *-Ip bitirmek* ‘заканчивать’. Проведенный анализ показывает, что развитие упомянутых конструкций подчинено действию, как минимум, двух механизмов изменений: метафоры и метонимии.

Метафора, в общем смысле понимаемая как употребление слов в непрямом значении, является одним из способов упорядочить окружающий мир. В рамках теории грамматикализации она понимается как тип концептуальной манипуляции, при которой такие абстрактные понятия, как время, качество, отношение и т.д., выражаются с помощью более конкретных форм, например, названия частей тела используются как пространственные термины, названия физических действий – как темпоральные и аспектуальные термины. Рассмотрение метафоры как механизма грамматикализации связано

с понятием источника – языковой единицы, которая стала своеобразной отправной точкой грамматикализации. Применительно к рассматриваемым фазовым глаголам обнаружены следующие типы источников:

1) названия частей тела: *baş* ‘голова’ + *-la* ‘с’ → *başlamak* ‘находиться впереди’ → *başlamak* ‘начать’;

2) пространственные термины: *конец* → *кончить*; *про-* + *долгий* → *продолжить*; *пре-* + *короткий* → *прекратить*;

3) глаголы движения: *start* ‘двигаться (резко), прыгать’ → *start* ‘начать’; *girmek* ‘входить’ → *girişmek* ‘вмешиваться’→ *girişmek* ‘начать’; *gitmek* ‘уходить’ → *gitmek* ‘продолжаться от настоящего к будущему’; *gelmek* ‘приходить’ → *gelmek* ‘продолжаться от прошлого к настоящему’; *çıkmak* ‘выходить’ → *çıkmak* ‘закончить, прекратить’;

4) глаголы расположения в пространстве: *contynuen* ‘оставаться’ → *continue* ‘продолжать’; *durmak* ‘стоять’ → *durmak* ‘продолжаться, длиться’; *kalmak* ‘оставаться’ → *kalmak* ‘продолжаться, длиться’; *стать* ‘перейти в вертикальное или неподвижное состояние’ → *стать* ‘приступить к действию’;

5) глаголы, обозначающие простейшие действия: *koymak* ‘класть’ → *koyulmak* ‘начать’; *при-* + *яти* ‘взять’ → *приняться* ‘начать’; *be-* ‘о, около’ + **ginnan* ‘открывать’ → *begin* ‘начать’; *сеpан* ‘схватить’ → *keep* ‘продолжать’.

При этом, некоторые фазовые глаголы (*начать* в русском языке, *finish* ‘заканчивать’ и *stop* ‘прекращать’ в английском языке, *bitirmek* ‘заканчивать’ в турецком языке) уже в самых ранних свидетельствах употребления упоминаются как имеющие фазовое значение, поэтому не могут быть рассмотрены с точки зрения действия механизма метафоры. Их развитие может быть объяснено с точки зрения другого механизма грамматикализации – метонимии.

Механизм метонимии основывается на идее о том, что внутри некоторой области один концепт может представлять другой, порождая таким образом возможность формирования бесконечного количества смыслов по принципу смежности. Выбор конкретного смысла провоцируется контекстом, а в рамках теории грамматикализации – установлением новых связей между взаимозависимыми морфосинтаксическими составляющими (то есть синтаксической реинтерпретацией). Например, английский глагол *keep* ‘продолжать’ изначально употреблялся для обозначения продолженного действия и использовался с глаголами, обозначающими непредельные действия – *keep walking* ‘продолжать идти’, *keep playing* ‘продолжать играть’. А приобретение им значения многократного действия может быть результатом того, что *keep* начал сочетаться с семельфактивами (глаголами, обозначающими короткие, повторяющиеся действия) – *keep winking* ‘все время моргать’, *keep knocking* ‘все время стучать’.

С. ДеЛанси в своей статье «Грамматикализация: от синтаксиса к морфологии» (2004) высказывает мнение, что отправной точкой грамматикализации является наличие у языковой единицы «функциональной специализации» (значения, которое потенциально может реализовываться в большом

количестве разнообразных контекстов). При этом, при использовании функционально специализированной единицы в большом количестве контекстов, наблюдается ее семантическое обесцвечивание, которое является первым этапом дальнейшей грамматикализации. Вероятно, подобное утверждение применимо к русскому фазовому глаголу *начать* и его более ранним формам типа *почати*, которые до XVI в. употреблялись не только в начинательном значении, но и значениях, присущих формам будущего аналитического, а также для выражения модальности волеизъявления, а на современном этапе имеют значение ‘приступить к действию’.

В целом, применительно к рассматриваемым фазовым глагольным конструкциям синтаксическая реинтерпретация, вероятно, синонимична структурному изменению (категоризации): наблюдается семантическое обесцвечивание и превращение полнозначного глагола во вспомогательный. Если соотносить механизмы метафоры и метонимии в контексте теории грамматикализации, то мы считаем, что изменения по этим механизмам почти никогда не происходят параллельно друг другу, обычно семантические изменения предшествуют фонологическим и синтаксическим.

Таким образом, в ходе переосмысления и категоризации определенных понятий возникают новые средства выражения, но будут ли эти новые средства продолжать движение по шкале изменений и грамматикализоваться – зависит от их способности реализоваться в конкретных актах общения.

Идея о важности коммуникативных аспектов для развития языковых единиц не является новой, еще Ф. де Соссюр (1970) писал, что «все диахроническое становится таковым через речь». В процессе коммуникации говорящие руководствуются двумя принципами: стремлением к эффективности, ясности сообщения и стремлением к экономии усилий. Грамматикализация запускается в том случае, когда старая форма утрачивает свою эффективность для передачи необходимого говорящему содержания и вместо нее начинает использоваться новая, функционально более специализированная форма. Примером могут послужить конструкции серединной фазы действия в турецком языке. Составляющие их фазовые глаголы произошли от глаголов движения (*gitmek* ‘уходить’, *gelmek* ‘приходить’) и глаголов положения в пространстве (*durmak* ‘стоять’, *kalmak* ‘оставаться’), которые относятся к группе наиболее часто грамматикализумых глаголов-источников (см. работы Б. Хайне). Компоненты данных конструкций демонстрируют высокую степень связанности, наблюдаются случаи превращения бивербальных конструкций в моновербальные (*düşüne durmak* → *düşünedurmak* ‘продолжать думать’, *baka kalmak* → *bakakalmak* ‘продолжать смотреть, долго смотреть’). При этом, несмотря на высокий потенциал грамматикализации, конструкции серединной фазы в турецком языке в настоящий момент используются нерегулярно, даже редко, уступая место именным конструкциям на *– mAyA devam etmek* ‘продолжать’.

Другим примером может послужить цикличное развитие русского фазового глагола *стать*, который начал использоваться для выражения модальных и темпоральных (будущее время) значений вместо утративших свою

эффективность форм на *–ять* и *начати*, но со временем он и сам «износился», в результате чего был практически во всех контекстах заменен формой будущего времени глагола *быть*, сохранив при этом свою эффективность при выражении начала действия. Таким образом, даже при наличии потенциала для использования одной языковой единицы взамен другой, у говорящих должна появиться мотивация для осуществления этого, и со временем данная мотивация может меняться вследствие когнитивного стремления людей к вариативности средств выражения.

Следовательно, сам процесс грамматикализации включает в себя как психолингвистические, так и социолингвистические составляющие, причем для понимания природы языковых изменений, по справедливому замечанию Л. Кэмпбелла и Р. Янды (2001), в центре внимания исследователей должны быть не только языковые явления, но и люди. А сфера фазовости глагольного действия оказывается, с одной стороны, очень удобным «полем» для грамматикализации, а, с другой – взаимодействие разных факторов в совокупности с лексическим значением конкретных глаголов дает очень разные результаты.

Е. М. Дубровченко

ПУБЛИЧНОСТЬ КАК КОММУНИКАТИВНАЯ КАТЕГОРИЯ

Современный этап развития лингвистики характеризуется возросшим интересом исследователей к коммуникативной стороне языка и ее реализации в ходе речевого общения. Необходимо изучение не только функционирования языка, но и его активной социальной роли в человеческом обществе. На эффективность коммуникации влияют коммуникативные категории, позволяющие регулировать коммуникативный процесс.

Термин *коммуникативная категория* широко используется в ряде лингвистических исследований (Е. П. Захарова, И. А. Стернин, М. В. Шаманова и др.), однако единой трактовки данного понятия в современной теории коммуникации пока не существует. Более того, анализ работ, непосредственно посвященных изучению коммуникативных категорий, показал, что в большинстве исследований по когнитивной лингвистике (З. Д. Попова, И. А. Стернин и др.) понятия категории и концепта отождествляются, выступают синонимами и заменяют друг друга при обозначении одних и тех же ментальных объектов.

В нашем исследовании понятия категории и концепта разграничиваются. Коммуникативные категории обладают объективным характером, они существуют в дискурсе независимо от человеческого знания об общении, т.е. мы можем не осознавать их наличия. Коммуникативные категории не вербализуются в дискурсе эксплицитно, они проявляются в нем имплицитно и характеризуют дискурс и принципы его организации. Концепты вербализуются в дискурсе эксплицитно (Е. И. Шейгал).

Емким и четким представляется определение, предложенное Н. Н. Панченко: «коммуникативная категория есть единство структурно-организованного коммуникативно-значимого содержания и комплекса лингвистических и паралингвистических средств его выражения».

Понятие публичности многогранно и поэтому оно анализируется в системе разных областей человеческого знания: проксемики, психологии, социологии, философии, теории коммуникации и культурной антропологии.

Анализ определений публичности, представленных в словарях, позволяет сделать вывод об отсутствии четкой дефиниции данного понятия, что делает публичность интересным предметом для изучения.

Толковые словари русского языка (под ред. Т. Ф. Ефремовой, С. И. Ожегова, Д. Н. Ушакова) определяют публичность, как отвлеченное существительное к прилагательному *публичный*, ‘совершающийся, происходящий в присутствии публики’. В словарях иностранных слов публичность отождествляется с гласностью, открытостью, доступностью и коллективностью. В философии понятие «публичность» трактуется как открытая пониманию и вниманию общественная политика и другие виды деятельности, доступные наблюдению. Публичность создает сферу коллективности, образует ассоциативное, или публичное пространство. Мы будем анализировать понятие публичности в русле коммуникативной лингвистики и теории дискурса и рассматривать ее как коммуникативную категорию.

В зависимости от роли, выполняемой в коммуникативном процессе, коммуникативные категории распадаются на два типа: 1) обязательные/собственно коммуникативные (которые, в свою очередь, делятся на структурообразующие и информативные), реализующие коммуникативно организующую функцию; 2) сопутствующие (регулятивные и квалификативные), реализующие регулирующую функцию.

Согласно данной типологии коммуникативных категорий публичность относится к сопутствующим, регулятивным категориям. Категория публичности связана с коммуникативной нормой, выбором говорящим коммуникативной стратегии и тактики коммуникативного поведения. Она оказывает существенное воздействие на формирование коммуникативной структуры дискурса, определяет характер протекания коммуникативного взаимодействия и в результате влияет на эффективность общения.

В соответствии с типом структуры коммуникативные категории можно разделить на: 1) категории оппозитивного типа с устройством в виде жесткой оппозиции (определенность/неопределенность, чуждость: свое/чужое и др.); 2) категории оппозитивного типа, имеющие структуру в виде шкалы (вежливость подчеркнутая/повышенная – нейтрально-нормативная – минимальная/ невежливость – подчеркнутая невежливость – грубость); 3) категории спектрального типа со структурой в виде спектра (тональность, функционально-стилистическая окрашенность и др.).

В соответствии с данной типологией публичность выступает в качестве коммуникативной категории оппозитивного типа (приватность – публичность) с устройством в виде шкалы. Понятие публичности нельзя рассматривать вне понятия приватности. Как точки на одной шкале, приватность и публичность являются индикаторами пространства. В то же время они взаимодействуют между собой и переходят друг в друга. Приватность

и публичность имеют подвижные границы. Приватная сфера включает от одного до нескольких человек. Кроме того, о приватности можно говорить не только на уровне межличностных отношений, но и на уровне деловой коммуникации: приватность компании предполагает доступность информации только ее сотрудникам. Сфера публичности может ограничиваться пределами организации, города или страны, а может охватывать весь мир. С развитием технологий, активным пользованием Интернетом и популярностью социальных сетей происходит трансформация публичности и приватности. Примером может служить приватная страница в социальной сети, где личная информация становится доступной широким массам. Публичность и приватность, как осознание человеком общественной и своей личной сфер, моделируются в качестве общественной ситуации, участники которой или стремятся сохранить свое личное пространство от несанкционированного вторжения или же действуют вне его границ. Взаимопроникновение публичности и приватности характерно для жизни каждого человека. Два полюса одного и того же процесса демонстрируют явления, происходящие в межличностных отношениях, деловом общении и политике.

Публичность и приватность относятся к типу вторичных категорий в силу того, что представляются обыденному сознанию не существующими самостоятельно вне вещей, а только в мыслительном отвлечении от последних. Среди признаков они занимают место «не наглядных», наблюдаемых не прямо в ощущениях, а опосредованно, и принадлежат к признакам-отношениям, существуя в соотношениях и взаимодействиях вещей. Эти категории являются единицами этноязыкового сознания, представляющими их образный фон, социально значимую оценочность и культурно-прагматический потенциал.

Публичность выступает как специфическая категория, которая относится к этническим, бытийным сущностям и в связи с этим чрезвычайно «текуча» и отличается большой долей субъективности. Она не «привязана» к конкретным словам языка, а выражается опосредованно, в виде признака, отличающегося специфической комбинаторикой. Публичность представляет собой сложную, многоаспектную категорию, воспринимаемую человеком главным образом на подсознательном уровне.

Таким образом, публичность как коммуникативная категория представляет собой единство структурно организованного коммуникативно значимого содержания и комплекса лингвистических и паралингвистических средств его выражения. Согласно типологии коммуникативных категорий по роли, выполняемой в коммуникативном процессе, публичность можно отнести к сопутствующим, регулятивным категориям. В соответствии с типом структуры мы характеризуем публичность как коммуникативную категорию оппозитивного типа с устройством в виде шкалы. Основной функцией коммуникативной категории публичности является регулирование коммуникативного процесса.

О. В. Ермолович

РЕАКТИВНЫЕ СТРАТЕГИИ КАК ОСОБЫЙ ТИП КОММУНИКАТИВНЫХ СТРАТЕГИЙ

При всем разнообразии подходов к классификации коммуникативных стратегий (общие – частные, основные – вспомогательные, кооперативные – некооперативные, жесткие – гибкие, прямые – косвенные) одной из наиболее существенных для понимания основных принципов человеческой коммуникации и при этом наименее изученной является дифференциация коммуникативных стратегий на основании их роли и положения в интеракции.

Наиболее очевидно роль коммуникативных стратегий в процессе интеракции проявляется в диалогическом взаимодействии, в рамках которого по их положению в диалоге стратегии можно разделить на инициирующие и реактивные. Инициирующие коммуникативные стратегии реализуются при помощи речевых действий, открывающих интеракцию, реактивные – при помощи речевых действий, являющихся откликом (реакцией) на использование собеседником стратегии первого типа.

Характерной чертой инициирующих коммуникативных стратегий является высокая степень автономности и независимости. Реализация данного типа коммуникативных стратегий определяется интенциями говорящего и корректируется по ходу речевого взаимодействия. Они, являясь по своей сути стимулирующими, в процессе реализации диалогического взаимодействия оказывают существенное влияние на реализацию коммуникативных стратегий реактивного типа.

Соответственно реактивные коммуникативные стратегии представляют собой зависимый конверсационный феномен. Зависимость коммуникативных стратегий данного типа от инициирующих проявляется, прежде всего, в степени соответствия реактивных действий общему характеру коммуникативного взаимодействия (кооперативному / некооперативному), заданному инициирующей стороной. Но при этом, хотя деятельность адресата и ориентируется на предшествующую деятельность адресанта инициирующей стратегии, тем не менее он обладает определенной степенью свободы речевого поведения, выбор вариантов которого обусловлен комплексом языковых, психофизиологических и социальных качеств адресата, с одной стороны, и параметрами коммуникативного контекста – с другой. Таким образом, определенная самостоятельность реагирующих действий в процессе диалогической интеракции подразумевает не только гибкость самих коммуникативных стратегий реактивного типа, но и возможность их соответствия/несоответствия коммуникативным интенциям, заложенным в коммуникативных стратегиях инициирующего типа.

Так, инициируя запрос информации, мы ожидаем получить в качестве реактивного действия запрашиваемую информацию, что, независимо от объема предоставленной информации, в широком смысле будет соответствовать коммуникативным интенциям инициирующей стратегии. При этом отказ

в предоставлении запрашиваемой информации является несоответствием реактивной стратегии интенциям адресанта. Естественной ответной реакцией на жалобу является применение коммуникативной стратегии утешения; реализация же коммуникативной стратегии обвинения в адрес адресанта в подобной ситуации будет расцениваться как несоответствие его коммуникативным интенциям.

Важно подчеркнуть, что разграничение коммуникативных стратегий на инициирующие и реактивные не является строгим. Можно говорить лишь о тенденции, согласно которой те или иные коммуникативные стратегии тяготеют к одному из представленных типов.

Так, комплимент в рамках диалогической интеракции выступает, чаще всего, в качестве инициирующего действия. Однако в повседневном общении мы можем столкнуться с ситуацией, когда комплимент выступает в качестве реактивного речевого действия в ответ на вопросы типа: *Как я сегодня выгляжу? / Как тебе?/ Как тебе мое новое платье?* Аналогичным образом выглядит ситуация с коммуникативной стратегией утешения. В принципе данная коммуникативная стратегия носит реактивный характер, так как наиболее конвенционально и ожидаемо представляет собой реакцию на жалобу, однако при определенных обстоятельствах утешение может также занимать в интеракции инициирующую позицию.

Таким образом, принадлежность определенных коммуникативных стратегий к инициирующим или реактивным является относительной и четко определяется лишь в рамках конкретной ситуации диалогического взаимодействия.

Е. Г. Задворная

СКРЫТЫЕ КОММУНИКАТИВНЫЕ НЕУДАЧИ В РАЗЛИЧНЫХ ТИПАХ КОММУНИКАЦИИ

Из всех разновидностей коммуникативных неудач (феномена, в целом исследованного достаточно подробно и глубоко) менее всего «повезло» скрытым коммуникативным неудачам: обращение к ним, как правило, ограничивается упоминанием в общих классификациях коммуникативных неудач (далее – КН) и достаточно беглыми дефинициями, в которых скрытые КН трактуются как сбои, вообще не замеченные коммуникантами, или как сбои, не идентифицированные в момент возникновения, но выявляемые (нередко случайно) в ходе дальнейшего развития диалога. Между тем их роль в диалогическом взаимодействии очень интересна и вполне заслуживает специального анализа.

Скрытые КН весьма многообразны и могут быть систематизированы с опорой на такие критерии, как односторонний/двусторонний характер и варианты дальнейшего развития диалога.

Односторонние скрытые КН (т.е. КН, в которых в роли непонимающей стороны выступает только один участник интеракции), в свою очередь, также неоднородны и включают следующие разновидности:

1) факт КН распознается говорящим (т.е. продуцентом неточно/неправильно понятого высказывания), но не распознается слушающим (в подобных ситуациях говорящий понимает, что его высказывание неверно понято адресатом, но не считает нужным доводить это обстоятельство до сведения собеседника);

2) факт КН распознается слушающим, но не распознается говорящим; данный тип КН представлен двумя вариантами:

а) слушающий не понимает высказывания собеседника, но имитирует понимание, вследствие чего продуцент непонятого высказывания не имеет возможности идентифицировать ситуацию как КН;

б) слушающий распознает КН и самостоятельно ее преодолевает, не эксплицируя (по крайней мере, оперативно) соответствующие интерпретационные процедуры.

Развитие ситуаций с односторонними скрытыми КН подразумевает две возможности:

а) игнорирование/умолчание (собеседник, идентифицирующий ситуацию как КН, по каким-либо причинам – предвидит дальнейшие затруднения, расценивает недоразумение как малозначительное и т.д. – не считает целесообразным обсуждать коммуникативную проблему);

б) отсроченная экспликация факта КН (т.е. переформатирование скрытой КН в явную).

Двусторонние КН возникают в ситуациях, когда слушающий-интерпретатор неверно понял высказывание партнера, счел свою интерпретацию адекватной и при этом не использовал каких-либо коммуникативных ходов, которые позволили бы говорящему-продуценту распознать факт КН. Ср.: фрагмент из повести В. Токаревой «Сентиментальное путешествие»:

– Тебе нравится? – спросила Жена, указывая на бант.

– Кич, – ответил Юкин.

Кич – значит смешение стилей, то есть безвкусица. Но Жена не знала, что такое кич, и решила, что это одобрение типа «блеск». (Возникает КН, связанная с незнанием коммуникантом лексического значения слова; при этом слушающий-интерпретатор ошибочно полагает, что смог восстановить значение неизвестной лексемы из контекста).

– Купи, – пошутила Жена. (По данной реплике – в частности, в силу ее шутливого характера – невозможно догадаться, правильно или неправильно было понято высказывание *кич*, поэтому Юкин не замечает возникшей интерпретационной проблемы).

У Юкина не хватало денег даже на коробку.

– Я бы купил, – серьезно отозвался Юкин. – Для тебя (Диалог разворачивается таким образом, что неверная интерпретация слова не актуали-

зируется, и оба коммуниканта остаются в уверенности, что правильно поняли друг друга; соответственно весь контекст может быть интерпретирован как скрытая двусторонняя непреодоленная КН).

Как правило, вследствие того, что в таких коммуникативных ситуациях отсутствуют какие-либо индикаторы возникшего коммуникативного затруднения, КН остается незамеченной и неразрешенной. Но в случае, если в дальнейшем коммуникативном взаимодействии неверно интерпретированные смыслы будут актуализированы, собеседники могут осознать факт КН и соответственно ее прояснить (в такой ситуации скрытая КН опять-таки будет переформатирована в явную и с высокой степенью вероятности преодолена).

При этом факторы, обусловливающие характер возникновения скрытых КН, и модели развития, включающие такие КН, серьезно различаются в зависимости от сферы коммуникации, в которой они реализованы.

Так, фактором, облегчающим появление скрытых КН в повседневном межличностном общении (дружеском, семейном и под.), является естественная коммуникативная расслабленность его участников. В обыденно-разговорной коммуникации (особенно на ее интимно-персональном уровне) собеседники, как правило, не слишком озабочены точностью используемых номинаций, однозначностью синтаксических конструкций и др.; они (порой слишком доверчиво) полагаются на вспомогательные компоненты достраивания смыслов, преувеличивая при этом сходство собственного ментального мира с ментальным миром собеседника. Иными словами, собеседники зачастую исходят из несколько легкомысленной презумпции, что «и так понятно», и в силу этого провоцируют возникновение КН, в том числе и скрытых. При этом фактором, до известной степени страхующим собеседников от возникновения КН рассматриваемого типа, является диалогическая форма взаимодействия, которая повышает вероятность отсроченной актуализации функционирующих в коммуникативном пространстве собеседников смыслов (в том числе и смыслов, подвергшихся каким-либо искажениям).

В то же время в публичной и массовой коммуникации ситуация оказывается принципиально иной. Здесь говорящий, как правило, более жестко контролирует собственные коммуникативные действия и более строго соблюдает фундаментальные принципы речевого общения (которые, кроме прочего, предписывают говорящему выражаться максимально точно, четко и однозначно), что минимизирует риск возникновения скрытых КН. Но при этом такие сферы общения предполагают широкое использование монологической формы коммуникации, что, напротив, повышает риск возникновения скрытых КН (ср. крайне суженные возможности оперативного мониторинга понимания высказываемых говорящим суждений на лекции и практически полное отсутствие таких возможностей в ходе выступления политика или ученого перед телевизионной аудиторией). Кроме того, фактором, усугубляющим такой риск, является и затрудненный «реципиент-дизайн» (термин А. Мустайоки), особенно проблемный при общении с гетерогенной или малознакомой аудиторией.

Е. Г. Задворная, Е. В. Ксендзова

КОНЦЕПТ «ПОКОЛЕНИЕ» В МЕЖЛИЧНОСТНОМ ОБЩЕНИИ

Понятие поколения относится к числу тех феноменов, которые играют существенную роль в самоидентификации личности и выработке системы ее ценностей, взглядов, убеждений и представлений. Не случайно оно является предметом пристального внимания философов, социологов, психологов, культурологов, историков, литературоведов, лингвистов (ср. активное обсуждение феноменов поколений X, Y и Z, поколения Pepsi, миллениалов, «поколения большого пальца» и т.п.), а также предметом художественной рефлексии (см. роман В. Пелевина «Generation П»), что, наряду с достаточно высокой частотностью данного слова, позволяет предположить, что эта единица вполне может претендовать на статус одного из ключевых культурных концептов.

Понятие *поколение* отличается выраженной социокультурной и смысловой сложностью, что находит отражение во множественности ракурсов, в которых оно может интерпретироваться, а именно:

- фокус «символической солидарности» (термин Б. Дубина) как система осознаваемых или неосознаваемых ценностей, консолидирующих представителей данного поколения;
- гомогенность/гетерогенность поколения (здесь уместно вспомнить знаменитую оппозицию *синхронисты vs. современники*, предложенную В. Б. Шкловским);
- реализованность/историческая успешность поколения (ср. *поколение победителей – потерянное поколение*);
- специфика вертикальных ценностных трансмиссий (ср. *сыновья vs. Манкурты*) и механизмов таких трансмиссий (традиционная преемственность – демонстративный отказ от традиций предшествующего поколения) и др.

Кроме того, при анализе данного концепта необходимо учитывать и систему дискурсивных координат, так как в различных дискурсивных сферах в концепте «поколение» акцентируются различные аспекты и выстраиваются специфические конфигурации его семантических компонентов (ср. акцентирование мягких вертикальных ценностных трансмиссий в социальной рекламе или повышенное внимание к поведенческим характеристикам поколения Z в организационной коммуникации).

В настоящей работе мы обратились к специфике функционирования концепта «поколение» в межличностном общении (на материале диалогических фрагментов из художественных текстов, отобранных методом сплошной выборки из Национального корпуса русского языка).

Как показал предварительный количественный анализ, в русскоязычных текстах существенно различается употребительность таких выражений, как *наше поколение* (213 вхождений из 183 документов), *мое поколение* (161 вхождение из 112 документов), *ваше поколение* (39 вхождений из 31 документа) и *твое поколение* (7 вхождений из 6 документов). При этом в контек-

стах межличностного общения на первый план по частотности выходит оппозиция «ваше поколение – наше поколение» (показательно, что в данном типе коммуникации употребительность концепта «ваше поколение» оказалось существенно выше, чем у концепта «мое поколение», который демонстрирует гораздо более высокую употребительность в публицистических текстах).

Что же касается основных семантико-прагматических особенностей реализации данных концептов в межличностном общении, то к ним относятся следующие.

1. Акцентированная аксиологическая маркированность, которая, как правило, конституируется оппозицией «мое поколение + » vs. «ваше поколение – ». В исследованном материале крайне редко представлены контексты, в которых эта оппозиция представлена в трансформированном или инвертированном виде, причем подобные аксиологические модификации практически всегда мотивированы сильным прагматическим контекстом, ср.:

- *Мне годится ваше поколение. Оно не очень деловое, но вы добрые. Вот младше вас – сволота и за вами, а вы – посередочные* (Г. Щербакова);
- *– Я эту сучку помню, – процедила сквозь зубы Полина Сергеевна. – Имела наглость явиться ко мне под видом репортера. Бесстыжая.*

– Все наше поколение бесстыжее, – примиряюще сказал Никита (Э. Рязанов, Э. Брагинский).

2. Активизация в ситуациях конфликтного общения:

– Это чья философия – бедуинов или бабуинов? Или кто там бьет в колотушку?

– Не притворяйтесь дурой, тетя Саша. Ваше поколение гибнет оттого, что вы назло всем слепы и глухи. Вас жалко до спазм (Г. Щербакова).

3. Тенденция к генерализации.

Важно отметить, что эта тенденция характерна не только для анализируемых концептов, но и для изофункциональных конструкций, ср.:

– Не верите вы в него, – сказал Лагунов. – А я верю. Вы, молодежь, вообще не верите. Ни во что (Д. Гранин);

– Вечно эти молодые выдрючиваются (В. Токарева).

4. Специфические частнооценочные смыслы.

Наиболее типичными негативными оценками в дискурсе старшего поколения являются: *вы циники, малообразованные, деляги, склонные все разрушать, ничего не создавшие, ни во что не верящие*; в дискурсе младшего поколения: *вы дремучие, набитые предрассудками, назло всем слепы и глухи, заточены на производственные подвиги.*

5. Актуализация проблемы исторической памяти и культурного бэкграунда (характерна преимущественно для дискурса старшего поколения). Такая актуализация, как правило, представлена в виде апелляций к определенным прецедентным текстам, которые хранятся в культурной памяти одного поколения (старшего) и не актуальны для представителей другого (младшего). Ср.: *Наше поколение выросло на повестях Аксенова в «Юности» / зачитывалось «Триумфальной аркой» / до дыр зачитывало Джека Лондона* и т.п.

Таким образом, ценностно маркированная солидаризация, манифестированная в концепте «наше поколение», и отчуждающая генерализация, представленная в концепте «ваше поколение», оказываются важными семантико-прагматическими координатами, в рамках которых протекает межпоколенческая коммуникация

Т. В. Корбачёва

КРИТЕРИИ ОТГРАНИЧЕНИЯ ЦИКЛОВ ОТ ИНЫХ ТИПОВ ЛЕКСИЧЕСКИХ КОНФИГУРАЦИЙ

Из всего разнообразия системных отношений, организующих лексический состав языка, к наименее исследованным относятся циклы, построенные на принципе последовательности, основанной на упорядоченности и детерминированности каждого последующего члена предыдущим. На тех же основаниях организованы такие цепочечные структуры, как степени, стадии, меры, ранги (см. Д. А. Круз), в связи с чем возникает необходимость установить критерии их разграничения.

В отличие от иных типов цепочек в циклах последовательность конституентов не строится на степени проявления некоторого салиентного признака, т.е. нет такого признака X, из-за которого вторник ‘больше X’, чем понедельник, или февраль больше X, чем январь. Эта особенность дает возможность членам цикла объединяться в «бесконечно повторяющийся замкнутый ряд» (А. А. Шавель). Таким образом, главным критерием отграничения циклов от иных цепочечных структур является их повторяемость.

Проблема отнесения к циклам возникает, когда речь идет о делении временного континуума. Наиболее очевидными темпоральными циклами являются наименования дней недели, месяцев года, сезонов и частей суток (Д. А. Круз). К ним же следует отнести наименования положений Солнца в течение суток (рус. *восход, полдень, закат, полночь,* исп. *el amanecer*, *mediodía*, *el atardecer, medianoche*), природные демаркаторы времен года (рус. *весеннее равноденствие, летнее солнцестояние, осеннее равноденствие и зимнее солнцестояние*, исп. *equinoccio de primavera*, *solsticio de verano*, *equinoccio de otoño*, *solsticio de invierno*), наименования фаз Луны (*новолуние, растущая луна, полнолуние, убывающая луна*, исп. *luna nueva* (*novilunio*), *luna creciente* (*cuarto creciente*), *luna llena* (*plenilunio*), *luna menguante* (*cuarto menguante*). Хотя словарные дефиниции не указывают на релятивность рассматриваемых лексических единиц, их онтологический статус определяют последовательность и повторяемость, это же демонстрируют корпусные данные. *Las bromas son lícitas desde la medianoche hasta el mediodía del 1de abril* ‘Можно шутить от полуночи до полудня первого апреля’. *Normalmente están activas desde el atardecer hasta el amanecer* ‘Обычно активны от рассвета до заката’. *El punto de partida del cálculo es el hecho que entre el equinoccio de primavera y el solsticio de verano del mismo año ..., transcurrieron 94 días*

y medio y entre este mismo solsticio y el equinoccio de otoño posterior, transcurrieron tan solo 92 días y medio ‘Исходной точкой в расчетах является то, что между весенним равноденствием и летним солнцестоянием того же года … прошло 94 с половиной дня, а между тем же солнцестоянием и осенним равноденствием прошлого года 92 с половиной дня’. *Ahora pensemos solamente en que <…> hoy es plenilunio, y yo necesito estar en Venecia antes del cuarto menguante* ‘Сейчас будем думать только о том, что <…> сегодня полнолуние, а в Венеции мне нужно быть прежде, чем луна начнет убывать’. *¿Cómo creció una cuarta en un instante? ¡Hoy plenilunio ya y ayer menguante!* ‘Как удалось так быстро вырасти луне? Сегодня уже полная, а еще вчера растущая!’.

Вопрос характеризации циклической структуры возникает и в том случае, когда речь идет об этапах и событиях человеческой жизни. Так, выделенный критерий не позволяет отнести к циклам наименования периодов развития живых организмов от момента их появления до смерти, что принято называть жизненным или биологическим циклом, например, *младенчество, детство, отрочество, юность, зрелость, старость.*

Последовательность и повторяемость характерна далеко не всем номинациям циклических событий человеческой жизни (термин Л. В. Путилиной). В циклические структуры объединяются наименования памятных дат, отражающие культурные и мировоззренческие представления людей (наименования религиозных и светских праздников), названия приемов пищи, каждый из которых ассоциируется с определенным промежутком суток, что фиксируется словарными дефинициями (*завтрак, обед, полдник, ужин*, в исп. *desayuno, almuerzo, merienda, cena*), последовательно сменяющиеся этапы деятельности учебного цикла (*семестр, сессия, каникулы*). Их циклическую организацию демонстрируют примеры, полученные из национальных корпусов русского и испанского языков. *<…> этот рубеж для нас был обозначен зимней сессией, потом зимними каникулами, – во втором семестре перед нами предстал совершенно иной человек. После сессии и каникул возобновились занятия, студенты и педагоги знакомятся со своим расписанием на полугодие и готовятся к урокам. <…> tenemos la mala costumbre de saltarnos el desayuno y la merienda, acumulando horas de hambre para la comida y la cena* ‘у нас есть плохая привычка пропускать завтрак и полдник, накапливая часы голода к обеду и ужину’. *Navidad, tiempo comprendido entre Nochebuena y la festividad de los Reyes Magos* ‘рождество, время между Сочельником и Праздником волхвов’. *A verde Navidad, Pascua Florida nevada* ‘Зеленому Рождеству цветущая Пасха в снегу’, *El Día de los Inocentes se encuentra exactamente equidistante entre Nochebuena y Nochevieja, entre la Navidad, el rito cristiano más importante, y el Fin de Año, el marcador entre un ciclo solar y el siguiente*. ‘День избиения младенцев располагается как раз между Сочельником и Новым годом, между Рождеством, самым главным христианским обрядом, и Новым годом, границей между солнечными циклами’.

Таким образом, циклы могут приобретать более сложные формы, что, с одной стороны, делает проблему разграничения лексических структур более сложной, а с другой – ставит перед исследователем задачу более глубоко изучить данный тип системных отношений.

И. В. Кошкина

УПОТРЕБЛЕНИЕ ИМЕН ПРИЛАГАТЕЛЬНЫХ В ПРЕДЛОЖЕНИЯХ ХАРАКТЕРИЗАЦИИ
(на материале англоязычных и русскоязычных блогов)

Современная блогосфера в основном представлена интернет-дневниками, которые открыто или завуалированно рекламируют товары и услуги. К одной из разновидностей таких интернет-дневников относятся блоги о моде и стиле, использование имен прилагательных в которых представляет особый интерес.

Цель нашей работы – попытка выявить роль имени прилагательного в предложениях характеризации в интернет-коммуникации на примере постов англоязычных и русскоязычных фэшн-блогов.

Материалом исследования послужили имена прилагательные в предложениях характеризации, отобранные из постов самых известных англоязычных и русскоязычных фэшн-блогеров по версии сайтов http://www. marieclaire. co.uk/ и http://tuttalamoda.ru/.

Как показало исследование, в англоязычных и русскоязычных фэшн-блогах в предложениях характеризации встречаются два типа прилагательных.

Имена прилагательные первого типа, описывая предмет одежды или фэшн-атрибут, передают впечатления автора или предоставляют нам о нем дополнительную информацию, рассказывая о тех его качествах и свойствах, которые не видны читателю на фотографии. Сами предложения легко трансформируются в конструкции с придаточной определительной: *За основу я взяла **шелковую** рубашку Massimo Dutti, а сверху надела **кожаный** сарафан Zara. → За основу я взяла рубашку Massimo Dutti, которая является **шелковой**, а сверху надела сарафан Zara, который является **кожаным**; In the picture above I combined a **simple black** dress with a turtleneck sweater. → In the picture above I combined a dress, which is **simple** and **black**, with a turtleneck sweater.*

Такой тип постов представляет собой интернет-записи, в которых блогер выкладывает собственные фотографии, комментирует выбор одежды и аксессуаров для фотосъемки, а также предоставляет читателю всю необходимую информацию об атрибуте – указывает ткань, бренд, линейку продукции и т.д. Нередко в таких блогах размещают ссылки на интернет-магазины.

Как правило, блогер создает образ обывателя, который приобретает продукт, делится своими впечатлениями, а также просит совета читателей, что в целом помогает ему расширить свою аудиторию и сформировать круг потенциальных клиентов.

Имена прилагательные второго типа являются так называемыми «модными ориентирами» для читателя, которые передают ключевые характеристики предмета одежды или аксессуара. При этом для таких предложений характерна трансформация скорее в придаточную часть условия, а не в придаточную определительную: *Кеды можно смело носить с **трикотажными** платьями и юбками, в сочетании с **кожаной** курткой или паркой. → Кеды можно смело носить с платьями, если они **трикотажные**, и юбками, в сочетании с курткой, если она **кожаная**, или паркой; If you don't want to go all the way, combine it with a pair of **blue** jeans. → If you don't want to go all the way, combine it with a pair of jeans, if they are **blue**.*

Как и в постах первого типа, в данных постах блогер публикует свои фотографии с подробным описанием предмета одежды или аксессуара. Однако автор выступает уже не в роли обывателя, а в роли модного эксперта, который рассказывает про последние коллекции известных модных домов и модельеров, последние тренды сезона, новинки в мире дизайнеров. Таким образом, сам пост приобретает очевидное сходство со статьей из журнала о моде и красоте.

Таким образом, функционирование имени прилагательного в предложениях характеризации в блогах коррелирует с типом поста, в котором употребляется прилагательное, и, соответственно, зависит от способа рекламирования предмета одежды или аксессуара.

Р. В. Лебедевич

ВЕРБАЛИЗОВАННЫЕ И НЕВЕРБАЛИЗОВАННЫЕ КОММУНИКАТИВНЫЕ ЗАТРУДНЕНИЯ ГОВОРЯЩЕГО В ДИАЛОГЕ

Как известно, в спонтанном речевом общении при вербализации своего коммуникативного замысла говорящий может испытывать определенные трудности.

При возникновении таких трудностей говорящий осознанно или неосознанно выбирает одну из двух возможных линий речевого поведения: либо он пытается справиться с ситуацией, не эксплицируя факт возникшего затруднения, либо вербализует возникшее затруднение (тем самым позволяя осознать его и слушающему).

В первом случае о возникновении коммуникативного затруднения позволяют судить возникающие в дискурсе говорящего хезитационные паузы, которые могут заполняться соответствующими языковыми единицами (вокализацией, затяжкой звуков, словами-паразитами и т.п.). Ср.:

- *Просто, средства массовой информации, они не существуют в вакууме, это не **…** какой-то клуб избранных…* (хезитационная пауза без заполнения передается на письме многоточием);
- *Куда подевался ваш… **ээ**… компаньон?* (пауза хезитации заполняется характерным междометием).

В художественных текстах о наличии хезитационных пауз, отражающих переживаемые говорящим затруднения, могут свидетельствовать и авторские ремарки, которые иногда содержат также характерные невербальные показатели коммуникативных затруднений:

● *Я говорю: иди в экспедицию работать этой… как её… –* ***Он запнулся и молча пошевелил губами***.

Важно учитывать, что при отсутствии авторских ремарок, позволяющих однозначно интерпретировать подобные контексты, их идентификация серьезно затрудняется, так как паузы далеко не всегда носят хезитационный характер и могут иметь совершенно иное функциональное предназначение (например, выступать в роли средства привлечения внимания, отражать эмоциональное состояние говорящего и т.д.).

Во втором случае (т.е. в случае эксплицитной вербализации возникшего затруднения) говорящий использует метакоммуникативные показатели типа *как бы это сказать…* , *не могу слово подобрать…* , *как тут лучше выразиться…* и т.п.:

● *Сейчас ты мне расскажешь… И вообще, ты знаешь, Рит, я открыта для…* ***как это сказать****… Мое сомнение готово расстаться со своим заблуждением! Поэтому… рассказывай!*.

Интерпретация подобных контекстов также носит нетривиальный характер, что связано с многозначностью большинства метакоммуникативных конструкций, способных выступать в качестве показателей коммуникативных затруднений.

Так, например, выражения типа *не могу/трудно говорить/выразить/описать* могут, с одной стороны, являться индикатором коммуникативного затруднения, но, с другой стороны, выступать в качестве ритуального десемантизированного клише, выполняющего фатическую, речеэтикетную функцию:

● ***Мне трудно выразить, как благодарен я Вам*** *за ту приветливость, с какою Вы относились ко мне во время моего пребывания в Берлине*.

Конструкции наподобие *тяжело/трудно сказать* могут отражать коммуникативное затруднение, а также использоваться в контекстах отказа говорящего от ответа на вопрос в случаях, когда он не столько испытывает проблемы с вербализацией своей мысли, сколько фиксирует отсутствие сформированного мнения, какой-либо определенной точки зрения относительно обсуждаемой проблемы:

– А чем ваша группа хороша по отношению к другим?

– Мне ***тяжело сказать****, я не был в других группах.*

Выражения типа *(просто) слов нет*, *не нахожу слов* также далеко не всегда используются в качестве показателей типичного коммуникативного затруднения, но могут выступать в роли вводной конструкции синонимичной единицам *бесспорно*, *конечно*, *безусловно*.

– Раньше, ***слов нет****, я преуспевал, но теперь… люди больше не ссорятся из-за очереди в… ванную!*.

Весьма сложными для интерпретации, на наш взгляд, являются контексты, в которых индикаторы, формально фиксирующие коммуникативное затруднение (*не могу выразить*; *не знаю, как передать*; *словами не выразить*; *нет слов, чтобы описать* и под.), участвуют в выражении эмоционально-оценочной информации. Это обусловлено тем, что в подобных ситуациях говорящий может не столько фиксировать возникшие у него сложности, сколько использовать такие маркеры в качестве своеобразных интенсификаторов (так как необходимые слова, определяющие эмоциональное состояние адресанта, как правило, все же присутствуют в высказывании):

– ***Не знаю, как выразить вам ту радость****, которую я испытываю, видя, что такой способный и искренний человек, как вы, занимается тем же делом, на которое и я положил свою жизнь*.

Подобного рода контексты практически невозможно интерпретировать однозначно: нельзя полностью исключить вероятность того, что говорящий одновременно подчеркивает интенсивность переживаемого состояния и пытается донести до слушающего, что эта интенсивность мешает ему выразить свои ощущения достаточно точно и полно.

Таким образом, коммуникативные затруднения говорящего в диалоге могут носить как невербализованный, так и вербализованный характер, причем в обоих случаях интерпретация высказываний, включающих какие-либо индикаторы таких затруднений, требует тщательного анализа, учитывающего целый комплекс факторов коммуникативно-прагматического контекста.

Л. М. Лещёва

СЛОВО В МЕНТАЛЬНОМ ЛЕКСИКОНЕ

Слово в толковом словаре, как известно, является элементом отобранного составителем реестра лексических единиц языка, представленного, чаще всего, в алфавитном порядке. Словарная статья призвана осветить основные сведения о форме слова, минимальном перечне его интегральных и дифференциальных семантических признаков, определяющих его место в лексической системе, а также об основных особенностях функционирования слова в речи, для обеспечения успешной коммуникации.

Главной задачей лексикологического исследования в рамках структурного подхода является, обычно, постулирование определенных теоретических положений, касающихся, например, уточнения позиции слова в лексической системе и структуре на основании установленных семантических связей с другими словами в языке и речи, а также классификации самих связей.

В современных же антропоцентрических лингвистических и лингвокультурологических исследованиях делаются попытки исследовать слово как единицу ментального лексикона индивида для установления сущности языка как одной из его когнитивных способностей и для реконструкции языковой картины мира.

Понимание ментального лексикона в работах исследователей этого направления может различаться. Так, он может пониматься статично, как реестр, лексическая память готовых единиц, или динамично, как набор лексических единиц и правил их образования; его понимание может приближаться или отдаляться от образа и принципов печатного словаря.

В современной американской когнитивно-ориентированной лингвистической традиции, в значительной степени находящейся под влиянием генеративной грамматики Н. Хомского, ментальный лексикон, включающий морфемы, слова, идиомы, грамматические конструкции, а также правила порождения новых лексем, обычно рассматривается как один из компонентов языковой способности человека. При этом роль лексического компонента этой способности видится не менее, а даже более значимой, чем роль синтаксического компонента, который Н. Хомский считает важнейшим. Например, Р. Джэкендофф в своей теории Параллельной архитектуры (Parallel Architecture) указывает на то, что ментальный лексикон – это не только хранилище лексических структур, к которым применяются правила генеративного синтаксиса при построении предложения и не только источник декларативной языковой информации. Ментальный лексикон является источником процедурной информации и имеет адаптивный характер. Он функционирует как интерфейс и разрешает или ограничивает связи между фонологическим, синтаксическим и семантическим компонентами языковой компетенции. Каждый из этих компонентов имеет свои примитивы, принципы комбинации и правила порождения своих структур. Семантический, центральный, компонент языковой компетенции связан с такими структурами когниции, как пространственные структуры, кодирующие перцептивный опыт, или структуры, кодирующие причинно-временные, темпоральные, таксономические, модальные и другие отношения (R. Jackendoff, 2010).

Российский психолингвист А. А. Залевская предлагает достаточно близкую к вышеприведенной трактовку ментального лексикона: она видит его в качестве «функциональной динамической системы, средства доступа к единой информационной базе индивида, в которой слиты продукты переработки перцептивного, когнитивного и эмоционально-оценочного опыта (вербального и невербального), полученного в процессах познания и общения по закономерностям психической деятельности и под контролем принятых в социуме норм и оценок» (А. А. Залевская, 2007).

Соответственно, в рамках когнитивной лингвистики и когнитивной лингвокультурологии (концептологии) слово оказывается теснейшим образом связано с ментальной единицей – концептом как объективно существующим в сознании человека перцептивно-когнитивно-аффективным образованием динамического характера в отличие от понятий и значений как продуктов научного описания (конструктов) (А. А. Залевская, 2001), хотя для концепта существование слова не обязательно. В этой связи слово становится особо важным инструментом его изучения.

В данных направлениях лингвистических исследований меняется видение значения слова: грань между лексическим и энциклопедическим

значением слова в них стирается, и значение слова приближается к содержанию концепта, хотя и не достигает его. Так, М. В. Никитин определяет значение слова как «концепт, связанный знаком» (М. В. Никитин, 2004), что весьма близко точке зрения Р. Джекендоффа, который определяет семантические структуры как часть концептуальных структур, имеющих вербальное выражение (R. Jackendoff, 1983).

Соответственно меняется и семантическое описание слова, поскольку в этом случае важны не только основные понятийные признаки слова или его системные реляционные семантические отношения. Значимым в этом случае становится каждый смысл слова, его оценочный, социально-культурный или прагматический признак, который может проявиться в его производных словах, свободных и устойчивых словосочетаниях и единицах пословичного типа, стилистических и концептуальных метафорах, психолингвистических ассоциативных экспериментах, невербальном поведении и т.п.

Каждый из обнаруженных таким образом семантических, прагматических, синтактических, перцептивных, социально-культурных признаков эксплицирует, отражает скрытые признаки концепта, концептуальные знания индивидуального и коллективного сознания.

Е. Г. Лукашанец

УНИВЕРБАЦИЯ: МЕЖДУ СИНТАКСИСОМ И МОРФОЛОГИЕЙ

Синтаксический аспект словообразования уже давно привлекает к себе внимание лингвистов. В рамках таких направлений исследований лежит и учение о «взаимопреобразованиях единиц разного уровня» (Е. Л. Гинзбург), в частности – о так называемой универбации. Несмотря на большое число работ по этой теме, актуальность ее несомненна, что подтверждается прошедшей в апреле 2017 г. в Сараево целиком посвященной этому явлению конференцией Комиссии по славянскому словообразованию при Международном комитете славистов.

Наш доклад имеет своей целью определить методологические основания различных взглядов на сущность понятия универбации и тем самым уточнить природу этого явления в свете некоторых данных субстандартных подсистем русского языка. Материалом исследования послужили универбаты из нескольких региональных словарей сленга – неофициальные топонимы, сленговые и разговорные названия учебных предметов и т.п.

Первоначальный смысл универбации – противопоставление мультивербации: то, что было названо несколькими словами, получает однословное название. Таким образом, в понимании универбации изначально присутствовали элементы как динамики, так и статики: универбация – это процесс, результатом которого является универб, или универбат.

Именно рассмотрение универбата как результата – упор на статику универбации – привело некоторых ученых, в основном германистов и романистов, к определению универбации как диахронического процесса. Так,

французская Википедия дает следующий пример: *bonheur* – это универбация старинного выражения *bon heur* ‘bonne chance’, почти то же и итальянская: *pomo d’oro > pomodoro*. В английской Википедии прямо говорится: «univerbation is the diachronic process of combining a fixed expression of several words into a new single word» ‘универбация – это диахронический процесс объединения нескольких слов – компонентов устойчивого выражения – в одно новое слово’ – и дается пример: *onto ← on to*. Имеется ссылка на афоризм Талми Гивона: *today’s morphology is yesterday’s syntax*. В таких случаях универбат практически полностью отрывается от исходного словосочетания, которое остается за пределами исследования, в глубокой древности. Отметим, что такие взгляды обусловлены также структурно-типологическими особенностями этих аналитических (английского, итальянского, французского и т.д.) языков, в которых подобные стяженные образования действительно по большей части историческое явление.

В то же время динамический характер универбации заставляет ученых сосредоточиваться на одновременном существовании в языке (и реальном функционировании в речи) исходной синтагмы в качестве устойчивого наименования предмета или явления и универбата. Тогда случаи типа *слуховик* ‘певец, который учит партию на слух’, *трубач* ‘передвижной подъемный кран, используемый для укладки труб’ и т.п. вряд ли войдут в список универбатов, так как важно, что синтаксически расчлененная единица должна реально функционировать в качестве наименования, а не носить лишь интерпретационный характер.

Тем самым свертываемая синтагма относится скорее не к области синтаксиса, а к области номинации, т.е. в конечном счете лексики. Универбат в каком-то смысле возвращает наименование, возникшее как неоднословное, расчлененное, в лоно лексики, поскольку слово является наиболее естественной единицей наименования. Исходными наименованиями в этом случае служат в основном сочетания прилагательного и существительного или, реже, двух существительных, одно из которых (второе, стоящее в род. п.) определяет первое: *первомайка* ‘улица Первомайская’, *пущинка* ‘улица декабриста Пущина’, *отечка* ‘отечественная история (учебная дисциплина)’, *сибка* ‘история Сибири (учебная дисциплина)’.

Высказывается мнение, что «универб в словообразовательном отношении мотивируется не только прилагательным, но одновременно и опорным существительным производящего словосочетания, усекаемым в акте деривации. Например, *атипичка* – это не любое явление атипичной природы, а только *атипичная пневмония*» (Ян Юй).

С сугубой категоричностью такого утверждения можно было бы поспорить. Стяжение *атипичная пневмония* в *атипичка* происходит не просто так, а на фоне действия других факторов, прежде всего, высокой частотности именно данного словосочетания в речи. Так, если посмотреть по Национальному корпусу частотность прилагательного *атипичный*, то окажется, что сочетаний с существительным *пневмония* почти в 4 раза больше, чем с другими, вместе взятыми (107 по сравнению с 29).

То есть если мы исходим из динамики процесса, то, действительно, явной представляется семантическая мотивация универбата всем исходным сочетанием (прилагательное + существительное), что обусловлено высокой частотностью употребления исходной синтагмы.

Но когда универбат уже образован, отсутствие в его составе эксплицитно выраженной предметной части обусловливает тот факт, что единица становится широкозначной, о чем говорится во многих работах. То есть именно универбная форма способствует расширению семантики, что было принципиально невозможно для мультивербной формы. Отсюда и наличие различных ЛСВ, объединенных одной и той же формой: *вышка* ‘высшее образование; учебная дисциплина – высшая математика; Высшая школа бизнеса; высшая мера наказания’. Это связано с тем, что для универбации в русском языке используется чаще всего один из самых продуктивных, самых многофункциональных суффиксов – *-к(а)* (в соответствии с данными РГ-80 он используется в 8 значениях, уступая в этом только суффиксу *-ин(а)*). Иные суффиксальные типы (*Чистоки* ‘Чистые пруды’, *Рижак* ‘Рижский вокзал’) не демонстрируют продуктивности. Правда, в последнее время другим весьма актуальным способом образования универбатов признается усечение: *политех* ‘политехнический университет’, *Ольга* ‘Ольгинская набережная’. Нередко один и тот же объект получает несколько наименований разного характера: *алтай//алтайка* ‘улица Алтаева’, *рига//рижка* ‘Рижский проспект’.

Между тем подсчеты по нашим источникам дал почти равные доли *ка*-универбатов и усеченных образований: если сумму их принять за 100 %, то первых обнаружилось 48, вторых – 52 %. Возможно, усеченные образования становятся более частым видом универбатов по сравнению со знаменитой *ка*-универбацией?

Однако здесь следует учитывать тот факт, что в данном случае мы имеем не реальное функционирование универбатов в речи, а лишь зафиксированный в словаре результат. Поэтому с целью проверки возможного наличия зависимости между формой универбатов и степенью их употребляемости в речи нами был проведен небольшой эксперимент. Студентам МГЛУ были розданы анкеты с просьбой выбрать из ряда универбных вариантов тот, который, с точки зрения информанта, является наиболее подходящим для обозначения данного объекта в неофициальной, разговорной, сленговой речи. Было выбрано 10 таких объектов – 5 улиц и 5 учебных предметов: ‘переулок Загородный’ (*за́город – загородка*), ‘улица Ижорского батальона’ (*ижоры – ижы – *ижорка*), ‘улица Коммунальная’ (*коммуна – коммуналка – комок*), ‘Рижский проспект’ (*рига – рижка*), ‘улица Юбилейная’ (*юбик – юбилей – юбка – юбилейка*), ‘зарубежная литература, история, философия’ (*заруба – зарубежка*), ‘дискретная математика’ (*дискрет – дискра́ – *дискретка*), ‘гражданское право’ (*граждана – гражданка*), ‘обучение военному делу’ (*война – военка*), ‘лекция или практика по почвоведению’ (*почка – *почва – *почвоведка*). Универбные названия

в основном были взяты из названных нами источников, однако в нескольких случаях, помеченных звездочкой, были указаны не зафиксированные ранее, а сконструированные универбаты.

Всего было собрано 290 анкет. Для каждого универбата вычислялся процент выбравших именно этот вариант (сумма по каждому из исходных слов могла не быть равной 100 %, так как допускалось более одного ответа).

Оказалось, что в целом все *ка*-универбаты гораздо более привлекательны для носителей языка, чем остальные слова: их выбрали от 45 до 94 % респондентов. Напротив, лишь от 3 до 45 % респондентов выбирали не *ка*-универбат. Интересно, что тип усечения – при отсутствии суффиксации – в меньшей степени повлиял на выбор респондентов, например, процент выбравших *ижы* и *ижоры* (улица Ижорского батальона) одинаков.

Таким образом, выбирая тип наименования для уже названного, иными словами, участвуя в акте реноминации, носители языка все же отдают предпочтения определенной форме, а именно, материальному форманту (суффиксу *-к(а)*). На наш взгляд, именно форма как яркое внешнее проявление компрессии языковой единицы заставляет лингвистов выделять универбацию – этот специфический словообразовательный прием, в котором тесно переплетаются морфология и синтаксис.

А. Н. Лундышева

ХАРАКТЕР ПРОИЗВОДЯЩЕЙ БАЗЫ И ЕЕ УЧАСТИЕ В ПРОЦЕССАХ МОРФОЛОГИЧЕСКОЙ ДЕРИВАЦИИ АМЕРИКАНСКОГО И РУССКОГО СЛЕНГА

Под производным характером производящей базы в данном исследовании в соответствии с общераспространенным употреблением этого термина в дериватологии подразумевается ее словообразовательная производность.

В абсолютном большинстве случаев процесс морфологической деривации в анализируемых языках задействует непроизводные базы (75,2 % в американском сленге; 71 % в русском сленге): *fiver* ‘a five-year prison sentence’; *квартирник* ‘рок-концерт, проходящий на квартире у кого-то’.

Полученные данные на материале субстандарта соотносимы с общей тенденцией в ЛЯ: словообразовательные производные менее активны в словообразовании, чем структурно простые единицы.

Производные базы задействованы морфологической деривацией в обоих языках в меньшем объеме (24,8 % в американском сленге; 29 % в русском сленге): *bubblegumer* ‘a young adolescent’; *безвыходняк* ‘безвыходное положение’.

Анализ отдельных способов морфологической деривации с точки зрения вовлечения в процесс номинации простых/производных баз свидетельствует о том, что в американском и русском сленге отмечены несколько разные тенденции[1] (таблица).

[1] Из рассмотрения исключались базы, образованные сложением в силу их двусоставного характера.

Простой/производный характер базы
в рамках отдельных способов морфологической деривации, %

Способ морфологической деривации	АС		РС	
	базы		базы	
	простые	производные	простые	производные
Конверсия	65,7	34,3	19,7	80,3
Аффиксация	94,3	5,7	78,5	21,5
Сокращение	58,5	41,5	47,8	52,2

Как видно из приведенной таблицы, основные отличия в анализируемых языках касаются процесса конверсии. Так, в американском сленге в рамках данного способа морфологической деривации отмечена тенденция, характерная для всей морфологической деривации в целом: в качестве производящих баз несколько шире представлены непроизводные лексические единицы (65,7 %): *to knock* ‘to criticize’ → *knock* ‘adverse criticism’. Производные базы задействованы конверсией в меньшем объеме в американском сленге (34,3 %): *to knock down* ‘to introduce’ → *knockdown* ‘an introduction to a person’.

В русском сленге, в отличие от американского, конверсия чаще задействует производные базы (80,3 %): *блат* ‘общее название всего преступного’ → *блатной* ‘принадлежащий к преступному миру’ → *блатной* ‘вор’. Указанное различие обусловлено, на наш взгляд, спецификой моделей конверсии в анализируемых языках. Так, в американском сленге шире распространена модель *V* → *N*; при этом в качестве глагольной производящей базы, как и в литературном языке, чаще задействованы односложные слова с простой морфологической структурой: *swipe*, *bash*, *knock*, *yap*, *biff*, *boff*, *flub*, *mooch*, *prang*, *puke*, *squawk*, *stash*, *whop* и т.п.

В русском сленге, в отличие от американского, абсолютное большинство конверсивов образовано по модели *Adj* → *N* (при этом задействованы в основном относительные прилагательные, являющиеся производными), а также модель *Participle* → *N*, что обусловливает производный характер многих производящих основ: *жгучий*, *корельский*, *бакинский*, *баксильная*, *бановая*, *найковские*, *затыренное*, *зачуханный*, *натыреное*, *нефартовый* и др.

Общей тенденциеи американского и русского сленга является тот факт, что в подавляющем большинство случаев процесс аффиксации задействует простые базы (94,3 % и 78,5 %, соответственно): *dead* ‘no longer alive’ → *deader* ‘an exhausted person’; *достать* → *достатчик* ‘надоедливый человек’.

В рамках сокращений в американском сленге в качестве производящих баз также несколько шире представлены непроизводные лексические единицы (58,5 %) (*nigger* → *nig* ‘a Negro’), чем производные (35,6 %) (*trank* ‘a tranquilizer’).

Отличительной чертой русского сленга является небольшой перевес непроизводных баз (*характер* → *хак* ‘слабохарактерный человек’) по сравнению с производными (*ОБЖ* ‘общество беременных женщин’) в рамках сокращений (52,2 % и 47,8 %, соответственно). Небольшое преобладание производных баз в рамках сокращений в русском сленге отчасти обусловлено тем фактом, что такой тип сокращений, как аббревиация, изначально формально мотивированный словосочетанием, представлен несколько шире в русском, чем американском сленге (20,1 % и 12,2 % от общего числа сокращений, соответственно): *ОБХСС* ‘обеспечение безопасности хищений социалистической собственности’; *ЧП* ‘частная практика’.

Таким образом, морфологическая деривация в обоих языках шире задействует непроизводные производящие базы. В то же время анализ отдельных способов морфологической деривации свидетельствует о том, что в них отмечены разные тенденции. Если в рамках аффиксации, сокращения и сложения шире представлены простые базы в обоих языках, то в рамках конверсии отмечены межъязыковые отличия: в отличие от американского в русском сленге в подавляющем большинстве случаев конверсивы образованы от производных баз.

Лю Пэн

КИТАЙСКАЯ ЯЗЫКОВАЯ ЕДИНИЦА 上 *SHÀNG* И ЕЕ КОРРЕЛЯТЫ В РУССКОМ ЯЗЫКЕ

В 1970-е годы американский лингвист Рональд У. Лангакер, один из основоположников когнитивной лингвистики, предложил теорию «грамматики пространства», в которой основное внимание уделяется вопросам соотношения языка и пространственных категорий. Впоследствии эта область широко исследовалась на материале западноевропейских языков. Данная проблематика привлекает внимание и китайских лингвистов, которые изучают в когнитивном аспекте особенности репрезентации пространственных категорий в китайском языке по сравнению с западноевропейскими языками.

Описывая пространство, говорящие используют языковые единицы с пространственным значением, служащие для ориентации. Такие единицы представлены во всех языках. В частности, как утверждает В. Эрих, языковой универсалией являются средства для обозначения полярных полюсов «верх – низ», «спереди – сзади». В китайском языке такими единицами являются 上 *shàng* ‘верх’, 下 *xià* ‘низ’, 前 *qián* ‘спереди’, 后 *hòu* ‘сзади’. Количество единиц для обозначения этих полюсов в русском и китайском языках существенно отличается. Например, в русском языке полюс «верх» можно обозначить при помощи как минимум трех предлогов (*над*, *сверху*, *поверх*) и целого ряда наречий типа *наверху*, *вверху, вверх* и т.п. То же касается

и других полюсов. В китайском же языке приведенные единицы являются единственным средством для обозначения рассматриваемых векторов ориентации (рис. 1).

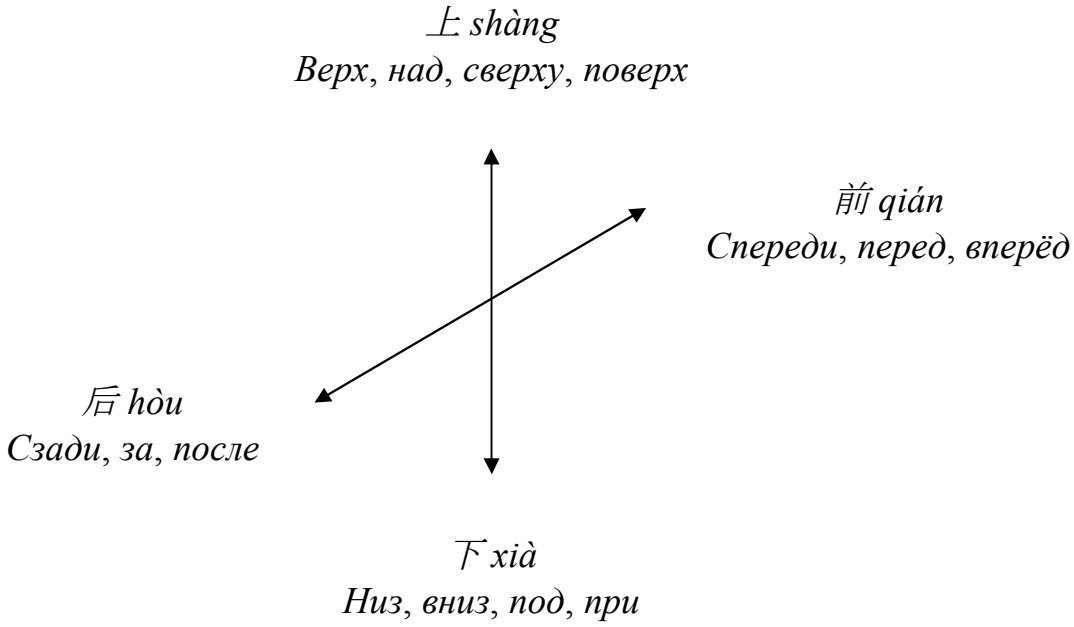


Рис. 1. Русские предлоги и их корреляты в китайском языке, обозначивающие векторы горизонтали «верх – низ», «спереди – сзади»

Исследование употребительности названных четырех единиц в китайском языке показывает, что 上 *shàng* является наиболее частотной единицей среди названных языковых средств ориентации в китайском языке. Высокая частотность, вероятно, обусловлена ее большим семантическим потенциалом: переводные словари дают более двадцати соответствий данной языковой единицы в русском языке, среди которых представлены почти все основные части речи. В нашем докладе изложены результаты корпусного исследования соотношения разных частей речи в русском языке, используемых для перевода 上 *shàng*.

Источником материала исследования послужил китайско-русский параллельный корпус Национального корпуса русского языка объемом 180 000 словоупотреблений. Методом сплошной выборки из этого корпуса отобраны и проанализированы все случаи употребления 上 *shàng*: способы перевода данной единицы на русский язык, а также все случаи, когда данная единица использовалась для перевода с русского языка на китайский. Всего в корпусе 上 *shàng* имеет 507 вхождений, из них в пространственном значении самостоятельно или в составе других слов – 452. Установлено, что в качестве переводных эквивалентов 上 *shàng* ‘верх’ в русском языке могут выступать как предлоги, так и глаголы, наречия и существительные. На рис. 2 показано количественное соотношение частей речи, используемых для перевода 上 *shàng*.

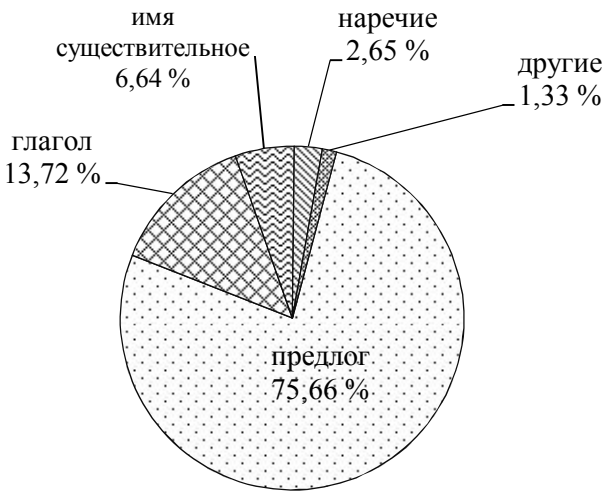


Рис. 2. Переводные эквиваленты *上 shàng* в русском языке
в частеречном соотношении

Как следует из рисунка 2, наиболее часто для перевода *上 shàng* на русский язык используются предлоги (почти 76 %). За ними по количеству следуют глаголы (около 14 %), существительные (приблизительно 7 %), наречия (почти 3 %), другие конструкции (1 %).

Исследование показало, что одной из причин такого разнообразие переводных эквивалентов являются различия в концептуализации пространства в китайском и русском языках, когда сравниваемые языки в одной и той же пространственной ситуации фиксируют разные аспекты. Например, в качестве переводных эквивалентов для *上 shàng* в русском языке в числе других выступают антонимичные предлоги *над* и *под*. Предлог *над* коррелирует с единицей *上 shàng* в контекстах типа (1) и (1a), а предлог *под* – в контекстах типа (2) и (2a):

(1) *Наконец Герасим выпрямился, поспешно, с каким-то болезненным озлоблением на лице, окутал веревкой взятые им кирпичи, приделал петлю, надел ее на шею Муму, поднял ее* ***над рекой****, в последний раз посмотрел на нее…* (И. С. Тургенев. «Муму», 1854) / (1a) *后来格拉西姆很快地挺起身子, 脸上带着一种痛苦的愤怒, 他把他拿来的两块砖用绳子缠住, 在绳子上打了一个活结, 拿它套着木木的颈项, 把 “她” 举在****河面上****, 最后一次看 “她” ……* 伊万 屠格涅夫 / Yīwàn Túgénièfū. 木木 / Mùmù (巴金 / Ba Jin, 1988);

(2) *她当时并不回答什么话, 但大约非常苦闷了, 第二天早上起来的时候, 两****眼上****便都围着大****黑圈****。*(鲁迅 / Lu Xun. 祝福 / Zhufu, 1924) / (2a) *Сян-линь хоть и промолчала, но на другой день от переживаний* ***под глазами*** *у нее появились* ***черные круги*** (Лу Синь. «Моление о счастье» – А. Рогачева).

В примере (2a) конструкция *черные круги под глазами* используется для перевода конструкции *眼上黑圈* дословно ‘глаза верх черный круг’. Описываемая пространственная ситуация предполагает потемнение кожи вокруг

глаз как сверху, так и снизу. Однако в обоих сравниваемых языках данная ситуация вербализуется частично, при этом в китайском языке фокусируется верхний полюс, в русском – нижний.

Различия в концептуализации внеязыковой действительности наблюдаются и в случаях, когда в китайском языке некоторый фрагмент реальности вербализуется через пространственные отношения, а в русском – через какие-либо другие. Например, качестве смыслообразующего элемента *上 shàng* ‘верх’ входит в состав глаголов, которые в русском языке никак не соотносятся с пространством. Так, эквивалентом глагола *полюбить* в китайском языке является глагол *喜欢上 xǐ huān shàng*. Этот глагол состоит из трех компонентов: *喜 xǐ* ‘радость’, *欢 huān* ‘веселье’ и *上 shàng* ‘верх’. *上 shàng* в этом случае, реализуя значение ‘верх’, сообщает глаголу завершенность действия. Подчеркнем, что в данном случае речь не идет об образовании совершенного вида, который как категория не характерен для китайского языка.

Анализ способов перевода языковой единицы *上 shàng* на русский язык обнаруживает весьма широкую палитру таких ситуаций, изучение которых с целью выявления особенностей картин пространства в китайском и русском языках станет предметом наших будущих исследований.

Е. В. Прокофьева, Т. В. Цепа

ОСОБЕННОСТИ МОТИВИРОВАННОСТИ ФРАЗЕОЛОГИЧЕСКИХ ЕДИНИЦ, СОДЕРЖАЩИХ В СВОЕМ СОСТАВЕ ИМЯ ЧИСЛИТЕЛЬНОЕ
(на материале английского и немецкого языков)

Мотивированность – это связь между звуковым комплексом и значением, когда выбор звуков комплекса обусловлен определенными свойствами, отношениями и признаками называемого объекта.

Мотивированность фразеологических единиц (ФЕ) – очень неустойчивое понятие. Степень мотивированности зависит от многих факторов, как языковых, так и неязыковых: от того, соответствует ли структура фразеологизма современным грамматическим правилам и действующим моделям языка, продуктивна ли ее синтаксическая модель, есть ли в составе ФЕ архаизмы или неологизмы; от уровня образованности человека, его воображения и общего развития.

При анализе ФЕ, в состав которых входят числительные, было выяснено, что в составе ФЕ числительные претерпевают переосмысление, образуя при этом целостное фразеологического значение, что обусловливает особенности мотивированности фразеологических единиц, содержащих в своем составе имя числительное. При этом в некоторых фразеологизмах числительное сохраняет свое первоначальное значение: счета и количества (например, *two heads are better than one*), а иногда значение числительного совсем не перекликается со значением, которое оно приобретает во фразеологизме (например, *to be dressed up to the nines* – ‘быть разодетым’).

Основная цель нашего исследования – определить, повышает ли наличие в ФЕ числительного вероятность ее правильного понимания, а также повышает ли мотивированность фразеологизма. Чтобы определить степень мотивированности ФЕ, необходимо выяснить, как ведет себя числительное в ее составе. В этой связи нами были выделены следующие группы ФЕ.

Первая группа ФЕ – это те единицы, в которых числительное обозначает число, т.е. количество и меру. К таким ФЕ можно отнести следующие: англ.: *the lesser of two evils* – наименьшее из двух зол, *at one sitting* – в один присест, *seven deadly sins* – семь смертных грехов, *a three-piece suit* – костюм-тройка; нем.: *auf allen vieren* – на четвереньках, *besser ein Übel als zwei* – из двух зол наименьшее, *ein alter Freund ist besser als zwei neue* – старый друг лучше новых двух. Эта группа соотносится с понятием фразеологического сочетания и характеризуется высокой степенью мотивированности.

К данной группе мы также относим лексикализованные сочетания, ставшие воспроизводимыми из-за высокой частотности употребления и яркой образности, например: англ.: *the fourth estate* – четвертая власть (СМИ), *the 10 commandments* – десять заповедей, *a double chin* – двойной подбородок, а также ФЕ типа *the old 13* – старый флаг США, *the Roaring Twenties* – период после Первой мировой войны, *the Swinging Sixties – период "сексуальной революции"*; нем.: *die zwölf Jünger* – 12 апостолов, *das zweite Kommen Christi* – второе пришествие Христа, *das dritte Reich* – Третий рейх, *Gruppe der Sieben* – «Большая семёрка». Числительное в данных ФЕ указывает помимо количества и счет, дату или период.

Во **вторую** группу входят ФЕ, в структуре которых значение числительного слегка переосмыслено и обозначает степень интенсивности признака. Например, англ.: *to give hundred smiles* – голливудская улыбка, *a man in a thousand* – уникальный, *to have zero tolerance* – полное отсутствие терпения, *thanks a million* – огромное спасибо, *a hundred-and-one reasons* – множество причин, *not in a million years* – никогда, *a fifth wheel* – пятое колесо в телеге; нем.: *sauer wie zehn Zitronen* – очень кислый, *in tausend Nöten sein* – иметь много забот, *mit Siebenmeilenstiefeln gehen* – очень медленно идти, *hundert und eins* – бесконечно долго, *wie dreizehn Unglücke* – много несчастий, *hundert Zweifel* – масса сомнений. В данном случае значение фразеологизма является мотивированным в средней степени, достаточной для интуитивного или логического понимания ФЕ. Числительное помогает в выведении значения фразеологизма. Эта группа соотносится с понятием фразеологического единства.

Например, фразеологизм *two bites of a cherry* имеет уже другое качество мотивированности. Его значение – 'нечто очень малое'. На этом же примере четко ясна относительность мотивации. Если у человека нет воображения, он этот фразеологизм не поймет, но если есть, легко представит вишню и бессмысленность действия, указанного в этой ФЕ, соответственно, поймет значение. Или, например, фразеологизм *drei Tage nicht aus den Kleidern*

kommen. Его значение – ‘не ложится спать несколько дней’. Если человек представит себе эту ситуацию, то тут же поймет к чему здесь ‘не выходить из одежды’, ведь когда мы готовимся ко сну, мы всегда снимаем с себя одежду. Или, еще такой например, *in sieben Sprachen schweigen* – молча слушать. Здесь можно догадаться, включив воображение, что молчать на семи языках может означать не высказываться вообще во время дискуссии.

В **третью** группу входят ФЕ, значение которых, на первый взгляд, никак не перекликается со значением числительного в их составе. Для определения смысла таких ФЕ необходимо прибегнуть к этимологическому анализу или выяснить символическое значение числительного. Например, англ.: *at sixes and sevens* – вверх дном, *talk nineteen to dozen* – говорить очень быстро, *a baker's dozen* – чертова дюжина, *cross as two sticks* – быть очень злым, *two sheets to the wind* – быть в стельку пьяным, *at the eleventh hour* – *в самую последнюю* минуту; нем.яз.: *in zwölfter Stunde* – в последний момент, *die böse Dreizehn* – чертова дюжина, *mit links und vierzig Fieber schaffen* – легко сделать что-то, *böse Sieben* – ведьма, *davon geht zwölf auf ein Dutzend* – не представлять собой ничего особенного, *drei Kreuze machen* – отделываться от кого-то, *alle neune!* – полный успех. Все эти ФЕ соответствуют определению фразеологического сращения.

Например, известная библейская притча о работниках в винограднике, которым хозяин заплатил по динарию за работу с самого утра и работниках, которые получили ту же самую плату за работу с одиннадцати часов утра, *at the eleventh hour* – в самую последнюю минуту. В данном случае мотивировочном ядром выступает именно числительное *eleventh*, семантическая коннотация которого кроется именно в знании конкретного библейского сюжета. Нем.: *Elf werfen* – проиграть, потерпеть неудачу (этот фразеологизм связан с игрой в кости, согласно правилам которой, если кто-то выбрасывает одиннадцать, то это непременно сулит проигрыш); *Eine böse Sieben* – злая баба, баба-яга. В карточной игре «Karnöffelspiel» (старинная игра XV–XVI вв.) есть семерка с изображением черта, вместо которого впоследствии стали рисовать ведьму. Эта игра получила свое название от главной карты Karnöffel, которая могла бить все карты кроме «злой семерки».

Мы считаем необходимым выделить пословицы и поговорки в отдельную, **четвертую**, группу, так как здесь мы имеем дело не только со значением, но и с глубинным смыслом. Они в кратких формулах выражают отношение народа к различным жизненным явлениям. Если традиционные сочетания и собственно идиомы (согласно классификации А. И. Смирницкого) являются в большинстве случаев перифразами, переосмыслениями, эвфемизмами и т.п., т.е. они называют, описывают, характеризуют, то пословицы и поговорки представляют собой законченные предложения, выражающие определенные умозаключения, и в отличие от идиом они отражают жизнь, народную мудрость более полно. Мотивированность их значения имеет иное качество, нежели мотивированность первых трех групп фразеоло-

гизмов. Она обусловлена не только образностью, знаниями и т.п., но и самой жизнью народа и человечества, ведь пословицы и поговорки несут в себе концентрированную мудрость, суммируют опыт.

Например, чтобы понять значение ФЕ *between two fires* нужно лишь использовать логику, но чтобы понять значение пословиц *two is a company, three is none, a stitch in time saves nine*; *a bird in hand is worth three in the bush*/*besser ein Vogel in der Hand als zehn über Land* – 'лучше синица в рукаве, чем журавль в небе'; *man soll nicht zwei Hasen auf einmal jagen* – 'за двумя зайцами погонишься, ни одного не споймаешь' нужно иметь некий житейский опыт. До тех пор, пока человек на своем опыте не прочувствует ситуацию, о которой говориться в этой пословице, ее значение останется для него немотивированным, а сам смысл останется нечетким.

Таким образом, можно сделать вывод, что большинство ФЕ, в состав которых входят числительные, являются мотивированными в достаточной для понимания степени, а входящее в их состав числительное вносит некоторую конкретику в значение и облегчает понимание.

А. Н. Чударь

SELFIE: МАЛЕНЬКОЕ СЛОВО, ПОКОРИВШЕЕ МИР

Selfie (*селфи*, *себяшка*) – фотография самого себя, как правило, снятая на смартфон или веб-камеру и размещенная в социальной сети. Несмотря на то что само явление имеет довольно длительную историю (считается, что первые селфи появились еще в XIX веке), термин *selfie* возник относительно недавно. Первым «официально» зафиксированным упоминанием *selfie* считается сообщение на форуме, написанное австралийцем Нэтаном Хоупом в 2002 году. Позже сам Нэтан, однако, опроверг свое авторство, сказав, что в то время это было довольно распространенное в Австралии слово.

У слова *selfie* есть несколько возможных мотивирующих единиц. Так, оно могло быть образовано от существительного *self* 'собственная личность' путем добавления суффикса или же получено в результате сокращения словосочетаний *self-portrait/self-shot photograph* и добавления суффикса. Суффикс *-ie*, при помощи которого и было образовано слово *selfie*, является одним из наиболее продуктивных диминутивных суффиксов английского языка. Диминутив – языковая единица, которая имеет значение уменьшительности и/или выражает отношение говорящего к объекту номинации. Обилие диминутивов, в свою очередь, считается одной из отличительных черт австралийского английского, что отмечается, к примеру, в книге К. Ричардса «The Story of Australian English» (2015).

При помощи слова *selfie* акцент может быть сделан на способе получения фотографии (***self-shot*** *photograph*) или же на самой фотографии как средстве самовыражения (*self*). Кроме того, слово *selfie* может указывать

на юмористический характер таких снимков или даже подчеркивать нарциссические наклонности их автора, что связано с возможностью диминутивов выражать неодобрение, усиливать негативную оценку.

В данном исследовании мы проанализировали изменения в частотности слова *selfie* в периодических изданиях на английском языке (частотность измеряется в ipm – количество словоупотреблений на миллион слов корпуса), вышедших с 2010 по апрель 2018 гг., а также выявили особенности распределения слова *selfie* в разновидностях английского языка. Источником материала послужил корпус NOW (News on the Web – https://corpus.byu.edu/now), содержащий тексты из журналов и газет на 20 разновидностях английского языка (корпус обновляется ежедневно).

Несмотря на то что слово *selfie* появилось в 2002 году, оно начало набирать популярность лишь в начале 2013 года – так, показатель ipm вырос с <1 (с 2010 по 2012) до 1,77 (1-я половина 2013). Согласно данным корпуса, пик популярности *selfie* пришелся на первую половину 2015 года (ipm – 13,42), затем частотность слова в периодических изданиях начала снижаться. Резкий спад пришелся на первую половину 2016 года (с 11,78 ipm до 8,51 ipm), после чего показатель частотности *selfie* уменьшался незначительно (с 8,51 ipm в первой половине 2016 до 6,94 в апреле 2018 гг.) (рис. 1).

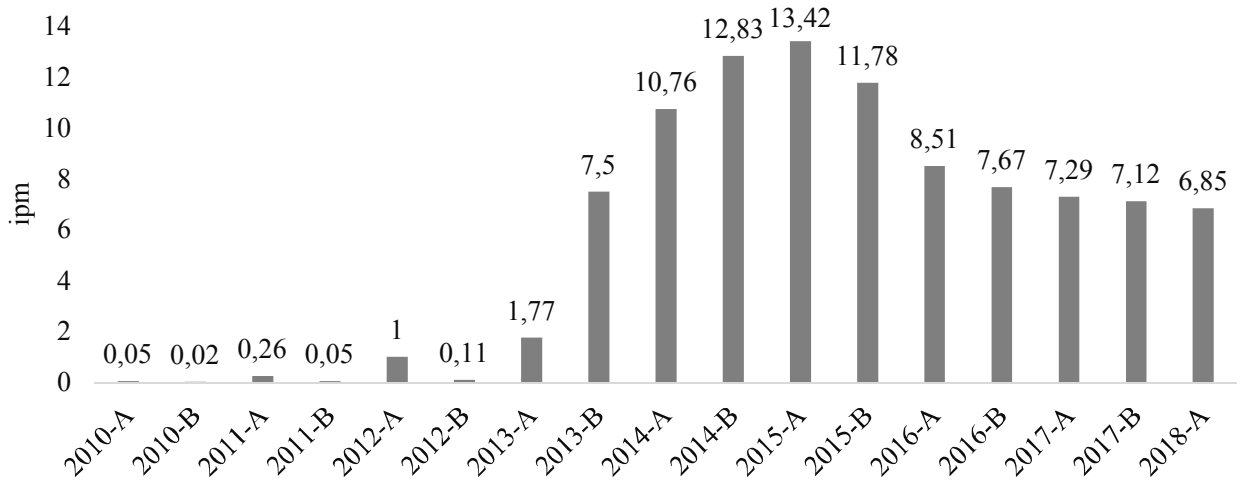


Рис. 1. Частотность *selfie* в различных регионах (2010–2018).
A – январь – июнь; B – июль – декабрь

Помимо изменений в частотности *selfie* с течением времени мы также рассмотрели различия в частотности данного слова в регионах (соответственно, и в разновидностях английского). Несмотря на то что родиной *selfie* считается Австралия, корпусный анализ показал, что в 2010–2018 гг. наиболее часто данная языковая единица использовалась в печатных изданиях Сингапура, Индии, Филиппин и Великобритании (рис. 2).

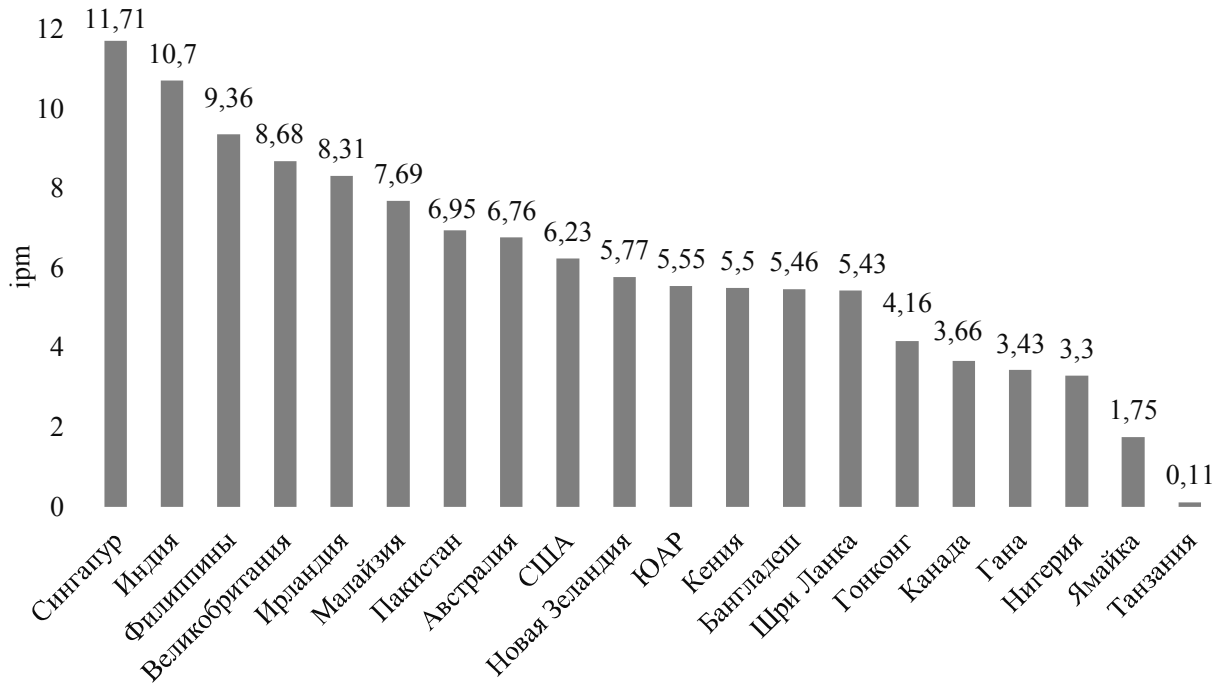


Рис. 2. Частотность *selfie* в различных регионах (2010–2018)

В 2013 году *selfie* было признано словом года по мнению Оксфордского словаря английского языка. С этого момента в «семье» *selfie* появляются такие языковые единицы, как *welfie* ‘селфи в спортзале’, *shoefie* ‘фото своих ботинок’ или *shelfie* ‘фото своего книжного шкафа’. Некоторые единицы – например, *groupie* или *ussie* ‘групповое селфи’ – упоминались в прессе и до 2013 года; показатель их частотности, однако, оставался довольно низким на всем протяжении исследуемого периода. Такие единицы, как *dogfie* или *handfie*, в корпусе NOW обнаружены не были. Тот факт, что данные единицы еще не успели проникнуть в прессу, может быть связан с их относительной новизной, о чем можно судить, например, по данным сервиса Google Trends.

Таким образом, появившись (возможно) в Австралии – стране, жителям которой свойственно использование большого количества диминутивов, – слово *selfie* распространилось по миру, а также дало толчок к образованию новых языковых единиц для обозначения сходных явлений. Как показало наше исследование, на страницах печатных изданий *selfie* появилось не так давно, что, вероятно, может быть связано со сленговым характером данной единицы и, соответственно, (изначально) бóльшей популярностью в устной речи.

Чэнь Тин

АНГЛИЙСКОЕ СУЩЕСТВИТЕЛЬНОЕ *STONE* И ЕГО КИТАЙСКИЙ КОРРЕЛЯТ 石 В СОПОСТАВИТЕЛЬНОМ ПЛАНЕ

Результаты проведенного лексикографического анализа английского имени существительного *stone* [stəun] ‘камень’ и его китайского коррелята 石 [shí] свидетельствуют о том, что обе лексические единицы являются **ключевыми** для своих лексических систем. Так, обе единицы в лексической

иерархии домена ‘природный объект’ занимают серединное место и именуют базовые категории; обе являются исконными по происхождению, простыми по морфологической и деривационной структуре, коммуникативно значимыми, функционально высокочастотными; обладают высоким номинативно-деривационным потенциалом, в том числе, для производства новых слов, новых фразеологических единиц, а также лексико-семантических вариантов.

Вместе с тем каждая из сопоставляемых ключевых лексических единиц имеет *выраженные особенности*, которые обусловлены структурными и системными различиями языков и культур.

Так, когда мы говорим про **исконные лексические единицы** в английском и китайском языках, мы имеем в виду разные их характеристики.

Согласно этимологическому словарю английское слово *stone* [Old English *stan*] является исконным, т.е. оно имеет индоевропейское происхождение [PIE **stai*- ‘stone’], прослеживается в протогерманском и германских языках [Proto-Germanic **stainaz*, Old Norse *steinn*, Danish *steen*, Old Saxon *sten*, Old Frisian *sten*, Dutch *steen*, Old High German *stein*, German *Stein*, Gothic *stains*], а также авестийском, *stay* ‘heap’, греческом *stia*, *stion* ‘pebble’, церковнославянском *stena* и русском *stiena* ‘wall’ .

Но если этимология английского языка изучает происхождение *слов*, их появление в английском языке и развитие до наших дней, то слово *этимология* в китайском языке означает историю развития *иероглифа* с момента его возникновения. Этимология иероглифа 石 [shí] ‘камень’ говорит о том, что он состоит из радикала 厂 ‘холм; утес’ и компонента 口, который как самостоятельный иероглиф обозначает ‘рот’, а как часть другого иероглифа используется в качестве пиктограммы. Иероглиф 石 – древний. В древнекитайской и восточно-ханьской китайской культурах он произносился как [ḍiak], в в постклассическом китайском – как [ʒ́jek], в средне-китайском – [ʒ́ek], а в современном пекинском китайском – [shí].

Английское слово *stone* [stəun] ‘камень’ является **частотным** и занимает 1 225 позицию в списке 5 000 наиболее частотных английских слов, а его китайский коррелят 石 [shí] ‘камень’ занимает гораздо более высокую позицию (401) в списке 5 000 наиболее частотных китайских слов.

Английское слово *stone* ‘камень’ **коммуникативно значимое** и занимает 339 место из 600 существительных в списке 850 самых необходимых английских слов (Basic English) Ч. Огдена. Китайский коррелят 石 ‘камень’ занимает еще более важную коммуникативную позицию: 210 место из списка 3 500 самых необходимых китайских слов (*现代汉语常用字表* – ‘Таблица самых употребительных иероглифов современного китайского языка’).

Существительное *stone* является *источником многочисленных лексико-семантических дериватов* и, соответственно, **высокополисемантичным**. При среднем количестве значений у английского существительного равным 7,8, согласно данным словаря WordNet, в слове *stone* этот словарь фиксирует 13 значений (согласно словарю Shorter Oxford English Dictionary on Historical Principles – 12 лексико-семантических вариантов и целый ряд оттенков).

Примерно такое же количество значений имеет и китайское слово 石 [shí] ‘камень’. Однако в его семантическую структуру входят и специфические, свойственные только английскому языку, значения. Примером может служить значение этого слова ‘цин, музыкальный камень, каменный гонг; каменные музыкальные инструменты’. Цин – это название одного из восьми типов древних музыкальных инструментов (по названию восьми материалов для изготовления музыкальных инструментов: золото, камень, шелк, бамбук, тыква-горлянка, земля, кожа, дерево). Кроме того, в этом слове есть значения ‘минеральное лекарственное средство’, ‘каменная игла (для иглоукалывания)’, ‘летящий камень; болид; град камней’, ‘единица меры веса/объема/исчисления оклада чиновника’ и ряд других.

Английское слово *stone* наиболее активно участвует в древнейшем способе словообразования – **словосложении** (с учетом разных лексикографических данных – более 130 сложных слов с этим компонентом в *конечной позиции*). Особенно активным в этом плане являются такие его ЛСВ, как ‘камень определенной формы и размера (обычно обработанный), используемый для определенной цели, например, для строительства, мощения, в качестве мемориала’: *milestone* ‘веха’, *limestone* ‘известняк’, *sandstone* ‘песчаник’ и т.п.; ЛСВ ‘твердый компактный материал, из которого состоят камни и камни; твердое минеральное вещество, отличное от металла’: *loadstone* ‘магнетит’, *mudstone* ‘аргиллит’ и т.п.; ЛСВ ‘драгоценный камень’: *moonstone* ‘лунный камень’, *greenstone* ‘нефрит/грюнштейн/зеленый камень’ и т.п.

Существительное *stone* весьма активно представлено также *в препозиции*, где оно выполняет адъективную функцию. SOED приводит 65 таких случаев: *stone-blind* ‘совершенно слепой’, *stone-boat* ‘баржа для перевозки камней’, *stone-crusher* ‘камнедробилка’, *stone-oil* ‘нефть’, *stone-pit* ‘каменоломня’ и т.п.

Китайское слово 石 ‘камень’ используется в 928 сложных словах, обозначающих 1) тип минерала, например, *磺* ‘сера’, 2) форма камня, например, *磊* ‘форма сбора многих камней’, 3) звук камня, например, *硠* ‘звук, когда камень сталкивается с камнем’, 4) действие с помощью каменного инструмента, например, *碮* ‘прессование шелка камнем’, а также в 500 словосочетаниях, например, а) бесплодный; безжизненный: *石田* ‘каменистая (бесплодная) земля’, *石婦* ‘бесплодная женщина’; б) надпись на камне: *金石文* ‘надписи на бронзе и камне’, *石碑* ‘стела’.

Английское существительное *stone* занимает важное место во **фразеологическом фонде** английского языка. Оно присутствует во многих фразеологических единицах, в частности, оно есть в составе вербальных фразеологизмах (*to cast*, *put*, or *throw the stone* ‘бросал камень’, *to kill two birds with one stone* ‘убить двух птиц одним камнем’, *to leave no stone unturned* ‘приложить все усилия, сделать все возможное’ и т.д.); субстантивных фразеологизмах (*heart of stone* ‘каменное сердце, быть бессердечным’), а также в пословицах (*A rolling stone gathers no moss* ‘Катящийся камень мхом не обрастает’).

При этом реализуются такие импликациональные признаки этого слова, как ‘образец твердости, устойчивости’ (*Constant dropping wears away a stone* ‘Капля камень точит: терпение и труд все перетрут’), ‘тяжелый, идущий ко дну’ (*sink like a stone* ‘идти ко дну, плавать как топор’), ‘расстояние броска камня’ (*a stone's throw away; a stone's throw* ‘недалеко, рядом, близко’), ‘помеха’, ‘образец нечувствительности’ (*heart of stone* ‘каменное сердце, бессердечный’).

В Китае существует ряд аналогичных фразеологических выражений, например, *水滴石穿* ‘Капающая вода пронзает камень’ или *铁石心肠* ‘каменное сердце, бессердечный’ наряду с целым рядом аутентичных фразеологизмов, имеющих место только в китайском языке.

Следует указать также на наличие большого количества особых омофонов для китайского слова SHI, различающиеся только тоном, которые, однако, передаются разными иероглифами. Китайский лингвист Чжао Юаньжэнь сочинил на их базе целое стихотворение, которое называется «История о том, как поэт по имени Ши Ши поедал львов». Он был противником перехода на латинскую письменность пиньинь и показал трудности, возникающие при передаче китайских омонимов на латинице:

《施氏食獅史》«Shī Shì shí shī shǐ»

石室詩士施氏，嗜獅，誓食十獅。Shíshì shīshì Shī Shì, shì shī, shì shí shí shī.

氏時時適市視獅。Shì shíshí shì shì shì shī.

十時，適十獅適市。Shí shí, shì shí shī shì shì.

是時，適施氏適市。Shì shí, shì Shī Shì shì shì.

氏視是十獅，恃矢勢，使是十獅逝世。Shì shì shì shí shī, shì shǐ shì, shǐ shì shí shī shìshì.

氏拾是十獅屍，適石室。Shì shí shì shí shī shī, shì shíshì.

石室濕，氏使侍拭石室。Shíshì shī, Shì shǐ shì shì shíshì.

石室拭，氏始試食是十獅。Shíshì shì, Shì shǐ shì shí shì shí shī.

食時，始識是十獅，實十石獅屍。Shí shí, shǐ shí shì shí shī, shí shí shí shī shī.

試釋是事。Shì shì shì shì.

Юань Хаошаинь

СТРУКТУРНЫЕ СВОЙСТВА ВЫРАЖЕНИЙ БЛАГОДАРНОСТИ В КИТАЙСКОМ ЯЗЫКЕ

В китайском языке существует целая подсистема выражений благодарности, включающая около 40 формул. Например: 谢谢（你/您）xiexie (ni/nin) ‘Спасибо (тебе/Вам)’, （我）太感谢（你/您）了 (wo) tai ganxie (ni/nin) le ‘Большое (тебе/Вам) спасибо (я тебе/Вам так благодарен)’, 谢谢合作 xiexie hezuo ‘Спасибо за сотрудничество’, 心领谢谢 xinling xiexie ‘Спасибо от всего сердца’ и т.п.

Анализ структурных характеристик формул благодарности в китайском языке показал, во-первых, что все используемые выражения строятся на базе двух ядерных компонентов: 谢 xie ‘спасибо’ и 感 gan ‘благодарить’, каждый из которых выступает в разных комбинациях с именами существительными (谢谢合作 xiexie hezuo ‘Спасибо за сотрудничество’), местоимениями (心领谢谢 xinling xiexie ‘Спасибо от всего сердца’), числительными (多谢 duoxie – ‘большое спасибо, досл.: много спасибо’), наречиями и наречными оборотами (我是真的很感激你 wo shi zhende hen ganji ni ‘Я в самом деле очень признателен тебе’ и т.д.), неся информацию о степени испытываемой благодарности и ее адресате. В ряде формул благодарности говорящий подчеркивает высокую степень чувства благодарности в виде незнания путей, по которым он мог бы отблагодарить своего собеседника:

（我）真是不知道怎么感谢（你/您）才好 (wo) zhen shi bu zhidao zenme ganxie cai hao(ni/nin) ‘(Я) действительно не знаю, как лучше отблагодарить (тебя/Вас)’;

（我）不知道怎么感谢（你/您）才好 (wo)bu zhidao zenme ganxie(ni/nin) cai hao ‘(Я) не знаю как благодарить (тебя/Вас)’;

（我）真是不知道怎么感谢（你/您）才好(wo)zhen shi buzhidao zenme ganxie (ni/nin) cai hao ‘(Я) не знаю, как (тебя/Вас) лучше отблагодарить’.

Очевидно, что соединение этих двух ядерных компонентов в формулах (我）感谢（你/您） (wo) **ganxie** (ni/nin) ‘Я искренне благодарю (тебе/Вам)’, 我终身感谢! wo zhongshen ganxie ! ‘Я всем сердцем и душой благодарен!’ становится указанием не только высокой степени выражаемой благодарности, но и искренности испытываемых говорящим чувств. 我终身感谢! wo zhongshen ganxie ! ‘Я всем сердцем и душой благодарен!’.

Расширение ядерных элементов формул благодарности может осуществляться за счет указания не только высокой степени, интенсивности выражаемой благодарности, но и указания того, за что говорящий благодарит адресата (多谢关照 duo xie guan zhao ‘большое спасибо за заботу’; 多谢关心 duo xie guan xin ‘большое спасибо за то, что тебе не безразлично’; 多谢夸奖 duo xie kua jiang ‘большое спасибо за похвалу’ и т.д.).

Данные формулы, являясь эксплицитными по поверхностно-речевому выражению, различаются своей эмоциональной и стилистической окраской. Нейтральные формулы оказываются наиболее частотными при выражении благодарности за оказанную ему незначительную услугу в какой-либо формальной ситуации.

ЛЕКСИЧЕСКАЯ СЕМАНТИКА

М. Г. Богова

ЯЗЫКОВАЯ ИГРА КАК СРЕДСТВО СОЗДАНИЯ ЮМОРА В РЕКЛАМНЫХ СЛОГАНАХ

Под языковой игрой понимают сознательное нарушение языковых норм, правил речевого общения, а также искажение речевых клише с целью придания сообщению большей экспрессивной силы. В языке рекламы выделяют четыре основные функции использования приемов языковой игры: а) привлечение внимания; б) источник удовольствия; в) один из способов компрессии смысла; г) возможность обойти цензуру.

В рекламе дешифровка того или иного текста не должна занимать много времени и усилий, а его содержание должно легко считываться, ведь излишне запутанный рекламный текст может не донести заложенную идею и вызвать раздражение.

На лексическом уровне важным фактором, влияющим на эффективность слогана, выступают стилистические средства. Самыми распространенными являются метафоры, каламбуры, эпитеты, гиперболы, рифмы и парафразы. В общий список следует добавить полисемию, сравнение, образование неологизмов, жаргонизмы, гротеск, искаженные цитаты, метонимию, иронию, зевгму, оксюморон и эвфемизм. Приведем некоторые примеры.

Полисемия – наличие у языкового знака более чем одного значения. В рекламе геля для бритья «EDGE» находим: *To Shave or Not to Shave: Meeting the Parents. Get Your Edge®.* – ‘Брить или не брить: Первая встреча с родителями любимой девушки’. В последней фразе слово «edge» многозначно, в тексте заложены три плана восприятия. Фразу можно понять дословно, как призыв запастись рекламируемым средством. Прямое значение слова «edge» – острие ножа, отсюда другой смысл фразы – нужно побриться, применив средство. Переносный смысл слова «edge» – то, что дает преимущество перед другими, смысл фразы в этом случае – получи преимущество или добейся превосходства.

Сравнения содержат уподобление одного объекта другому, их сопоставление, что позволяет легче усвоить ключевое рекламное сообщение и активизировать образное восприятие рекламируемого продукта: *«Славка! Гигабайт Интернета — это много? – Да. – А, как много? – Тебя мало, а гигабайт много. – Пррр… класс. Ты уже тридцать лет так шутишь и еще можешь тридцать лет шутить. Я же уже больше не вырасту. Саш, нормально? – Леш, а вот сейчас тебя уже много. – А гигабайт все-таки больше»* (реклама МТС).

Неологизмы, хотя и не обладают особой эстетической выразительностью, привлекают внимание потребителей новой формой лексической конструкции, чем усиливают эффект комедийности: *«Прекрати это бантикоприкладство! – Ну, ты же подарок!»* (Реклама Билайн).

В создании рекламных текстов с юмористическим эффектом часто используются жаргонизмы. Вместе со сленгом они занимают особое место

среди выразительных средств юмористического рекламного контента. Рассчитанная на молодежную целевую аудиторию реклама услуг мобильной связи и Интернета для привлечения внимания к своему продукту использует специфический сетевой сленг, позволяющий придать неформальную тональность. В скрипте фрагмента текста рекламы «МТС коннект» – *Какая нелепая растрата калорий! Глаза боятся, а ноги делают. Ах, чуть не зафрендился…* жаргон позволяет рекламодателю максимально близко взаимодействовать с молодежной целевой аудиторией, апеллируя к ее потребностям. Жаргон направлен на эту конкретную социальную группу и становится понятным ей паролем.

Reality sucks – рекламный текст кинотеатра «Utopolis». Здесь говорится, что «реальность – отстой», что идеально бывает только в фильме. В этом конкретном случае употребление жаргонизма на фоне касатки, пожирающей человека, как и обыгрывание сцены из известного фильма «Титаник», нацелено на создание юмористического эффекта с оттенком иронии.

Гротеск с его причудливым и контрастным сочетанием реального и фантастического, правдоподобия и карикатуры встречается реже, но всегда запоминается. Высокопочтенное обращение к попугаю в рекламе корма гласит: *Sir, dinner is served* (Friskies Nido Bird Food). Мы видим очеловеченное лицо попугая, одетого как лорд, что само по себе уже создает сатирический эффект.

Искаженные цитаты выполняют экспрессивно-игровую функцию. В *рекламе банка «Москва» – Банк вам в помощь!* – искажено устойчивое выражение пожелания удачи: «Бог Вам в помощь». Слово «Бог» заменено на «Банк», игра слов осуществляется на психологическом уровне, пользователь рекламы сам считывает смысл, что не стоит ждать помощи, а следует просто получить ее в банке. *Все идет по PLANO!* – реклама телевизоров «Samsung Plano» построена на обыгрывании общеизвестного выражения и созвучности слов «план» и «Plano».

Языковая игра **на морфологическом уровне** характеризуется использованием слов в чуждой им морфологической категории и созданием новых слов или их форм слова путем контаминации. *The coffee-er coffee* – ‘Более кофейный кофе’ (реклама продукта «Savarin Coffee») – игра связана с созданием окказиональной сравнительной степени прилагательного, что делает рекламное сообщение красочным, эмоционально насыщенным, а употребление одинаковых основ прилагательного и существительного при восприятии придает комический оттенок. В рекламе чипсов «Читос» – *ОтмоЧИТОС* – графическое выделение образует название товара, но все слово целиком рождает смешное слово. В рекламе напитка «Pepsi» – *Пепсиний день календаря* – обыгрывается фраза «красный день календаря», новая форма слов *пепсиний* создается на ее основе.

Следует выделить виды **фонетической игры** слов в рекламных слоганах: оглушение согласных, слияние или разделение звуков, дублирование фонетического ряда, фонетическая полисемичность, фонетические иллюзии, созвучия, паронимические аттракции (семантическое сближение слов, имеющих звуковое сходство). *АОН такой удобный* – реклама определителя

номера, аббревиатура «АОН» фонетически разделяется на союз «а» и местоимение «он». В слогане торговая марка соевых продуктов – *Соя Петровна* – наблюдается оглушение имени «Зоя» и добавление отчества «Петровна». В реклама мебели «IKEA» – *IKEA. Вещные ценности* – буква «ч» заменяется на «щ», что создает двусмысленность фразы и указывает на деятельность фирмы.

Реклама тракторов Джон Дир гласит: *John Deere Tractor – Nothing runs like a Deere.* В слогане используются разные значения слова *run* – ‘бежать’ и ‘работать’ и игра звучания слов *deere – deer*. Название тракторов *Deere* созвучно с *deer* – ‘олень’, с помощью чего передается их сравнение с очень быстрым и сильным животным. Возникающий в восприятии образ оленя вместо трактора придает рекламному тексту комический эффект.

К фонетической игре можно отнести и рифму – одинаковое или сходное звучание окончаний двух или более стихотворных строк, отмечающее их границы и связывающее их между собой. Пример рифмы: *Born to perform* – ‘Рожден, чтобы исполнить’ (автомобиль «Jaguar»); *Попробовав раз, ем и сейчас* (чипсы «Pringles»).

Одним из примеров **графической игры** является – графическое заимствование – представление иноязычного слова без перевода и графической адаптации: *OK NOW (реклама магазина окон), ИСКРЕНЕЕ ТЕЛЕВИДЕНИЕ* (реклама телеканала REN-TV); *Тульский PRяник* (реклама туризма в Туле). Другой пример – в новогодней рекламе минеральной воды компании «Ecovia» игра строилась на визуальном сходстве обозначения формулы воды H_2O и междометия *HO HO HO*, которое традиционно предваряет появление Санта Клауса. Ассоциация химической формулы воды с праздником придает тексту несколько ироническое звучание.

Прием реализации графической игры считается одним из самых эффективных, так как благодаря ярко выраженным рекламным заголовкам и слоганам с выделением группы слов цветом, шрифтом или отличающимся размером от основного текста, люди реагируют на него быстрее; подсознательно они обращают внимание на ту рекламу, на которой остановился взгляд.

Резюмируя, подчеркнем, что использование языковой игры и сознательное нарушение норм и правил речевого общения в рекламном дискурсе помогают придать сообщению большую экспрессивную силу, привлечь внимание адресата путем создания юмористического эффекта и остаться у него в памяти. Четкое разграничение реализации языковой игры по уровням языка достаточно относительно, так как она в рекламном слогане может проявляться на нескольких языковых уровнях одновременно, что способствует более сильному эффекту воздействия на реципиента.

М. П. Булгакова

ОЦЕНОЧНЫЕ ДЕРИВАТЫ ПАРАМЕТРИЧЕСКИХ ПРИЛАГАТЕЛЬНЫХ НЕМЕЦКОГО И ФРАНЦУЗСКОГО ЯЗЫКОВ В СОПОСТАВИТЕЛЬНОМ АСПЕКТЕ

В аспекте когнитивного подхода к изучению языков исследования оценочной семантики занимают особое место. Среди различных классов лексики

выделяются группы слов, образующие целые лексико-семантические поля, которые на базе своей первичной семантики регулярным образом формируют дериваты, имеющие аксиологическое значение. Одним из основных таких классов, выражающих своей вторичной семантикой оценку с точки зрения оппозиции «хорошо / плохо», являются параметрические прилагательные. В числе первых обратил внимание на эту способность прилагательных М. Бирвиш, которому принадлежит каноническое исследование структуры первичной семантики параметрических прилагательных немецкого языка.

Сложность анализа оценочных значений обусловлена не только более высоким уровнем абстракции, но и тем фактом, что оценочная модальность определяется высказыванием в целом, а не отдельными его элементами. При более широком подходе можно заметить, что в аспекте учения о функциях языка оценочное значение, ориентированное, прежде всего, на говорящего субъекта, соответствует понятию эмотивности по Р. Якобсону, а значения, фиксирующие воспринимаемые человеком черты объективного мира, соотносятся скорее с денотативными (референтивными) значениями.

С точки зрения соотношения денотативного и оценочного компонента выделяются три типа прилагательных.

1. В основном значении прилагательных не обнаруживается оценочных элементов (например, прилагательные цветообозначений).

2. В структуре семантики оценочные элементы образуют основное значение совместно с денотативными элементами, но те и другие в общей структуре этого значения достаточно дискретны (например, прилагательные вкуса).

3. Оценочные и денотативные значения присутствуют в структуре слитно как синкретичные элементы (температурные прилагательные, прилагательные силы).

Чтобы вскрыть причины преобразования параметрического значения в аксиологическое по признаку «плохой» – «хороший», необходимо учесть объективную близость этих двух сущностей. Обе они имеют сходную природу образования (соотнесение с нормой), но отличаются прагматической направленностью.

При сопоставлении вторичной семантики параметрических прилагательных немецкого и французского языка очевидным образом проявляется различная степень аналитизма этих двух языков и, как следствие, большая степень развития полисемии во французском. Однако даже первый взгляд на вторичные дериваты позволяет выделить целый ряд общих черт.

Одно из первых производных значений параметрических прилагательных в сравниваемых языках выражает значительность и важность характеризуемого объекта:

– *eine große Sache* ‘великое дело, великое достижение’ (нем.), *grande cause* ‘великое дело’ (фр.), *der große Tag* ‘большой [важный, торжественный] день’(нем.), *les grandes dates* ‘важнейшие даты’ (фр.),

– *große Worte gebrauchen* ‘говорить громкие фразы’ (нем.), *grands mots* ‘высокопарные громкие фразы’(фр.), *Peter der Große* ‘Пётр Великий’ (нем.), *Pierre le Grand* ‘Пётр Великий’ (фр.).

Аналогичным образом проявляются и интенсифицирующие качества прилагательных этой группы в данных языках:

– *das große Laster* ‘большой порок’(нем.), *die große Tugend* ‘большая добродетель’(нем.), *grand sot* ‘отъявленный дурак’ (фр.), *grand travailleur* ‘работяга, большой труженик’ (фр.).

Эти примеры позволяют экстраполировать выводы, полученные при исследовании прилагательных французского языка, на соответствующую группу лексики в немецком языке. Установлено, что фактором, структурирующим вторичные значения параметрических прилагательных, несмотря на разнообразие именных групп с семантическими дериватами, является распределение оценочных компонентов внутри именной группы. При оценочной семантике существительного (*Laster* – отрицательная оценка, *Tugend* – положительная оценка) параметрическое прилагательное используется как интенсификатор, иногда с сохранением смысловых нюансов в значении; при существительном нейтральной семантики актуализируются оценочные потенции прилагательного. Прилагательные, обозначающие большие размеры, выражают положительную оценку, прилагательные, обозначающие малые размеры, – отрицательную, т. е. реализуют обусловленные первичным значением аксиологические потенции, что можно определить как тенденции развития оценочных значений параметрических прилагательных в сравниваемых языках.

Е. А. Бухаткина, Б. Стоянова

СПОСОБЫ ОБРАЗОВАНИЯ ГЛАГОЛОВ ОТ ПРИЛАГАТЕЛЬНОГО *BLACK*

В английском языке существуют различные способы словообразования, которые, безусловно, способствуют обогащению словарного состава языка. Особый интерес у лингвистов вызывает конверсия – наиболее распространенный, продуктивный и вместе с тем спорный способ словообразования в английском языке.

Рассмотрим четыре конверсионные модели (вербализацию, субстантивацию, адъективацию и адвербиализацию) на примере прилагательного *black (черный) в качестве простой исходной основы.*

1. «Вербализация» – образование глаголов:

- *to black something/somebody (UK)* is when a trade union blacks goods, an organization, etc. it refuses to deal with (Cambridge Dictionary).

*The union **blacked** all imports because of unfair conditions.*

- *to black something* means making something black, especially with polish (Oxford Dictionary).

*His arms **were blackened** with tar.*

- *to black* means polishing (shoes, boots, etc.) with blacking (Dictionary.com).

*Every evening before going to bed he **blacks** his shoes.*

2. «Субстантивация» – образование существительных:

- *Black (mass noun)* is black color or pigment (Oxford Dictionary).

***Black** emphasizes Katrina's eyes perfectly.*

- *Black* means relating to any of various population groups having dark pigmentation of the skin; relating to the African-American people or their culture (Merriam-Webster Dictionary).

Blacks matter/Black lives matter.

- *Black (the black) is* the situation of not owing money to a bank or of making a profit in a business operation (Oxford Dictionary).

*I managed to break even this month that boosted my small business and helped to get into **the black**.*

- *Black (British informal)* is blackcurrant cordial (Oxford Dictionary).

*I'd like a glass of rum and a **black** for my friend please.*

3. «Адъективация» – образование прилагательных. Данная модель не рассматривается, так как прилагательное *black* выступает в качестве исходной основы.

4. «Адвербиализация» – образование наречий. На современном этапе развития английского языка данная конверсионная модель не является продуктивной ввиду присутствия в языке суффикса *-ly*. Так, и прилагательное *black* не является исключением.

- Black**ly** is characterized by grim, distorted, or grotesque satire (Merriam-Webster Dictionary).

*He jokes **blackly** all the time that's why many colleges find difficult to get on with him.*

Как видно, такие конверсионные модели, как вербализация и субстантивация являются наиболее продуктивными от прилагательного *black.* Также частотной оказалась конверсия, сопровождаемая наличием послелогов, что в свою очередь меняет лексическое значение слова и ведет к возникновению фразовых глаголов. Типичными послелогами, употребляемыми с глаголом *black*, являются послелоги *out* и *up*. Так, *to black out* имеет несколько значений:

a) to become unconscious (syn. faint, pass out) (Longman Dictionary).

*Having seen a huge noisy crowd from the stage he **blacked out**.*

b) (*Radio and Television*) to impose a broadcast blackout on (an area). (Dictionary.com).

*Some political radio programs **were blacked out** in the U.S.*

c) (*~something*) to have a failure in the supply of electricity, causing a loss of lights (Cambridge Dictionary).

*A power failure **blacked out** the city last night.*

d) (*~something*) to prevent something such as a piece of writing or a television broadcast from being read or seen (Oxford Dictionary).

*Some lines of news report **were black out** to avoid a dart of useless panic.*

e) to forget everything relating to a particular event, person, etc. (Oxford Dictionary).

*Each time she hears about that horribly arson she **blacks out**.*

f) (*~something*) to hide or turn off all the lights in a town or city, especially during war (Longman Dictionary).

*During the war we had **to black out** all our windows for enemies not to see us.*

g) (*theater*) to extinguish all of the stage lights (Dictionary.com).

*The audience fell silent in anticipation when all stage lights **were blacked out**.*

h) to withdraw or cancel (a special fare, sale, discount, etc.) for a designated period (Dictionary.com).

A special discount on a Mediterranean cruise will be blacked out by travel agency during this week.

Анализ вышеприведенных словарных дефиниций показывает, что послелог *out*, как правило, указывает на достижение определенного результата (например, ‘замарывать что-либо ранее написанное’) или может иметь значение, связанное с потерей чего-либо (например, ‘потерять сознание’ или же ‘отключать электричество’). *To black something up* обозначает ‘wearing dark make-up in order to look like a black person or to hide your face’ (Cambridge Dictionary).

*Witnesses couldn’t remember the burglars because it was night and their faces were **blacked up** with cork.*

Другим распространенным способом образования английских глаголов от прилагательных является суффиксальный способ, а именно, суффикс *-en*. Так, глагол *to blacken* имеет значение ‘окрасить в черный цвет’: making something black; becoming black (Oxford Dictionary).

*The fireplace **was blacken** with soot.*

Более того, данный глагол имеет и другое значение, при помощи которого описывается социальное явление, связанное с оклеветанием и подрывом репутации человека: *to blacken somebody’s name/reputation/character* (Cambridge Dictionary).

*He was furious with the newspaper of trying **to blacken** his name.*

Еще одним продуктивным способом образования английских глаголов от прилагательных является словосложение (*composition*) – создание новых слов путем объединения двух или более основ в одно целое: например, *black + list = to blacklist* (заносить в черный список); *black + mail = to blackmail* (шантажировать); *black + ball = to blackball* (забаллотировать)*; black + top = to blacktop* (асфальтировать); *black + berry = to blackberry* (отправлять сообщение при помощи устройства производителя Блекберри).

- *To blacklist somebody/something* means putting on a blacklist (Oxford Dictionary).

*He was **blacklisted** because of his indecent behavior in the restaurant.*

- *To Blackmail somebody* means forcing somebody to give you money or dong something for you by threatening them, for example by saying you will tell people a secret about them (Cambridge Dictionary).

*The kidnapper of a small girl tried **to blackmail** the parents but he didn’t succeed.*

- *To blackball somebody means preventing somebody from joining a club or a group by voting against them* (Oxford Dictionary).

*Despite all attempts to join “Sporting Club” he **was blackballed**.*

- *To blacktop (new AmEng Tarmak) means covering a surface with Tarmac (*a type of road surfacing material) (Oxford Dictionary).

Maintenance-of-way gang are to finish ***blacktopping*** *the road in 3 days.*

- *To blackberry means sending an email or text message using a Blackberry (Trademark. It's a computer with no wires that fits in your hand, and that you can use for documents, email and using the Internet)* (Cambridge Dictionary).

He ***blackberried*** *me to invent for the Birthday party.*

Все вышеизложенное позволяет сделать вывод о том, *что при образовании* глаголов от прилагательного *black (черный)* используются такие способы образования, как конверсия, суффиксация и словосложение.

О. Н. Вербова

ВАРИАТИВНОСТЬ НАУЧНОГО ЗНАНИЯ В СТРУКТУРЕ ЛЕКСИЧЕСКИХ ЗНАЧЕНИЙ ПРЕДМЕТНЫХ ИМЕН (на материале наименований животных в современном английском языке)

Одна из особенностей современного этапа в науке – выявление и доказательство существования не только и не столько в целом и общем вариативности, давно регистрируемой как на семасиологическом, так и на ономасиологическом уровне (А. Вежбицкая, Р. Джакендофф, Р. Гиббс, В. Крофт, Д. А. Круз, Д. Болинджер и др.), а «адресное» внимание к характеру вариативности и степени ее выраженности. В связи с этим определенный интерес представляет выявление степени вариативности научного знания как результата теоретической и эмпирической профессиональной познавательной деятельности, определенного систематизированного опыта, для которого характерна наибольшая степень обобщенности.

Как известно из имеющегося исследования И. В. Кузьминовой, посвященного изучению научного и обыденного знания в структуре лексических значений, научное знание в единицах предметной лексики часто находит отражение посредством латинских или латинизированных научных терминов, которые, с одной стороны, репрезентируют категориальные семантические признаки и дифференциальные признаки, с другой.

На основании проанализированного материала, полученного на базе третьего издания Большого толкового словаря Вебстера (1993 г.), стало возможным выдвинуть следующие тезисы.

1. Научное знание в структуре лексического значения наименований животных в современном английском языке условно можно разделить на несколько подгрупп: репрезентируемое посредством латинских или латинизированных научных терминов (далее – ЛТ) и при помощи научных терминов, выраженных лексическими единицами, которые уходят своими корнями к иным праиндоевропейским истокам (далее – ИТ). Приведем несколько примеров ЛТ – *Crocodylus acutus* или *Carangidae*, а также ИТ – *hound* 'охотничья собака' или *European wrasse* 'радужный губан'.

2. Стал очевиден различный уровень частотности научных терминов разного происхождения.

Таблица 1

Частотность научных терминов в структуре лексических значений наименований животных в английском языке (2000 единиц)

Термины	ЛТ	ИТ	ЛТ + ИТ
Кол-во	1472	1220	819
%	73,6 %	61 %	40,9 %

Так, из табл. 1 видно, что высокая степень частотности характерна для ЛТ (73,6 %), несмотря на то, что данные единицы понятны узкому кругу подготовленных пользователей. Вопреки своей доступности для прочтения, немногим менее частотным является ИТ (61 %). Таким образом, расхождения частотности актуализации ЛТ и ИТ минимальны. Интересным, однако, представляется, насколько справедлива тенденция одновременной репрезентации ЛТ и ИТ. Как показывает проведенное исследование, частотность подобного явления составляет 40,9 %. Данный показатель может быть охарактеризован как средний уровень частотности. Следовательно, фиксация в словарной статье наименований животных специфического, узкопрофильного и сложного для интерпретации знания нередко дополняется терминами, доступными более широкому кругу пользователей.

3. Поскольку термины, которыми в лексическом значении фиксируется научное знание, фиксируются с разной степенью частотности, следовательно, мы можем вести речь о вариативности данного типа знаний. Поскольку и он оказывается вариативен, очевидно, что при отсутствии в лексических значениях наименований животных, на смену научному знанию или в качестве дополнительной информации к уже существующей приходит нечто другое.

4. Кроме названных выше подгрупп терминов (ЛТ и ИТ), необходимым для актуализации знания о той или иной лексической единице также является обыденное знание (далее – ОЗ), которое, по утверждению В. С. Степина, не является результатом целенаправленной теоретической познавательной деятельности, а рассматривается как будничный опыт накопления информации.

Таблица 2

Частотность обыденного и научного знания в структуре лексических значений наименований животных в английском языке (2000 единиц)

Термины	ОЗ	ОЗ + ЛТ	ОЗ + ИТ
Кол-во	731	560	48
%	36,5 %	28 %	2,4 %

Как следует из табл. 2, частотность обыденного знания представлена на уровне ниже среднего показателя (36,5 %). Таким образом, становится понятным, что данный тип знания в лексическом значении того или иного субстантивного имени носит вспомогательный характер и ему присуща еще большая степень вариативности. Выявленные закономерности также говорят

об особенности ОЗ значительно чаще фиксироваться в союзе с ЛТ (28 %), нежели с ИТ (2,4 %). Подобная специфика формирования союзов может указывать на необходимость уточнения научного знания обыденным.

Таким образом, вариативным оказывается необходимое и достаточное научное знание, уточнение которого происходит путем актуализации обыденного знания. Все это, безусловно, облегчает прочтение того или иного лексического значения.

Е. А. Завадская

ОСОБЕННОСТИ СОКРАЩЕНИЙ ВО ФРАНЦУЗСКОМ ПОДРОСТКОВОМ СЛЕНГЕ

В языке современного коммуникативного пространства можно выделить две заметные и в чем-то противоположные тенденции. С одной стороны, в глобальном мире языки пополняются общими терминами с незначительными элементами адаптации, понятными большинству актуальных сообществ. С другой стороны, социальные страты все больше замыкаются в себе, обрастая различными видами сленговой лексики, понятной только им.

Наиболее открытой к сленгу частью социума является молодое поколение, активно пользующееся всеми достижениями научно-технического прогресса и стремящееся к увеличению скорости получения и обмена информации.

Особенно обращает на себя внимание язык подростков, имеющий дополнительную цель, заключающуюся в некотором кодировании своей речи для дистанцирования от речи взрослых. Поэтому подростковый сленг выделяется из молодежного клишированными структурами и аббревиатурами, которые заслуживают места в лексикографических источниках: “ J’ai le SEUM ” de David Kuhu et Violette Duplessier le Editions lpanema, “ Dictionnaire Aolos-Fransaise ” de Stéphane Kibeiro (Editions First).

Среди общего лексического состава подросткового сленга можно выделить значительное число аббревиатур, формирующихся следующими словообразовательными приемами: усечением (французский термин *tronçation*), состоящим из апокопы и аферезы; инициальными словами (французское *siglaision mots mutilés*), которые различаются произношением (произношение алфавитного названия букв или слитное произношение (акроним)) и композитной аббревиацией (французское *téléscopage*), подразумевающей слияние части слов.

Наиболее распространенным способом образования подростковой сленговой лексики являются инициальные слова. Исследовательский материал, полученный методом сплошной выборки из современных художественных произведений общим объемом 920 страниц, позволяет говорить о пяти типах сленговых инициальных слов, употребляемых французскими подростками:

1. Аббревиатура, формируемая за счет словосочетания и дающая производные:

B6 – Beau gosse (niveau le plus élevé de la beaugossitude).

2. Аббревиатура, формируемая за счет английского заимствованного клише:

YOLO – you only live once (on ne vit qu'une fois).

3. Аббревиатура, формируемая за счет вводного устойчивого оборота в транскрипционной форме:

ASKIP – " à ce qu'il parait ".

4. Аббревиатура, предназначенная снизить табуированную лексику: DTC – dans ton cul.

5. Использование существующей аббревиатуры в переносном значении: se fair un GIF – Arrête de le faire un GIF, maman!

Употребление аббревиатур в подростковом сленге является отражением общей тенденции к «экономии усилий», модой и стремлением подростков к самостоятельному словообразованию с элементами табуированности.

Л. Ф. Каравай

КОНЬЮНКТИВ КАК ЯЗЫКОВОЕ СРЕДСТВО ВОЗДЕЙСТВИЯ НА СОЗНАНИЕ СОБЕСЕДНИКА

Годом науки в нашей республике были подведены итоги работы ученых во всех областях, еще раз была подчеркнута мысль о том, что «общественное значение науки о лингвистике принято определять ее практическим вкладом в жизнь социума», т.е. определением тех возможностей языкового воздействия на поведение и разум собеседников, которые позволяют эффективно управлять дальнейшим разумным и успешным развитием мультикультурного соообщества.

В контексте глобализационных процессов XXI века и в связи с происходящими социальными преобразованиями в мире особый интерес вызывает политическая сфера.

Тематика сфер деятельности, регулируемой государствами и прочими субъектами права, обширна и увеличивается все больше. Исследование коммуникативных речевых действий этих субъектов в лингвопрагматическом аспекте и наблюдение за коммуникативным намерением конкретных личностей, которые оказывают определенное влияние на развитие общественного сознания в современной Германии, позволит выявить их особенности.

Каким образом возможно определить это коммуникативное намерение? Необходимо отметить, что в современной лингвистической литературе выделяется достаточно много подходов к изучению политического дискурса.

Семантическое направление ориентировано на выяснение того, как проявляются политические представления в самых обыденных, нейтральных языковых средствах. В идеологической и политической литературе выбор слов и выражений является необычайно важным инструментом власти для структурирования той «действительности», о которой идет речь.

Лингвистов интересует, какие языковые средства используются автором для навязывания тех или иных политических представлений. Предметом их изучения становятся все те языковые средства, которые могут быть применены для осуществления контроля за сознанием собеседника.

Проводя лингвистические исследования выступлений политических лидеров в рамках лингвопрагматики, ученые описывают речевое поведение политика, изучают риторические стратегии в политической деятельности, реконструируют языковую личность политика.

Воздействие на слушателя осуществляется за счет обыкновенных лексических и грамматических маркеров. Такому грамматическому явлению, как конъюнктив свойственны эмоциональные и экспрессивные компоненты содержания, коннотации.

Мы поставили задачу проанализировать, является ли конъюнктив в немецком языке тем грамматическим маркером и языковым средством, которое используется автором для навязывания тех или иных политических представлений. Мы выясняли, как часто встречается данный феномен в речи представителей немецкой политической элиты, с какой целью он употреблен в том или ином случае, дабы определить скрытые мотивы языковой личности и ее истинное отношение к проблеме. Также мы хотели узнать, используют ли немецкие политики конъюнктив в целях манипуляции или ухода от ответа, а также какие иные средства они применяют для достижения данной цели. Поскольку в настоящее время формы конъюнктива не так широко употребляются как раньше, мы поставили цель узнать, может ли конъюнктив являться своеобразной «изюминкой»/особой чертой авторского стиля речи политика. Результаты нашего исследования позволят не только лучше усвоить одну из сложнейших грамматических тем немецкого языка, но также более подробно разобраться в значениях конъюнктива как такового и лучше понять политический мир Германии.

В качестве материала для нашего исследования мы отобрали по 5 интервью пяти ведущих политических фигур Германии, а именно: федерального канцлера Германии Ангелы Меркель, федерального президента Германии (2013–2017 гг. – министр иностранных дел) Франка-Вальтера Штайнмайера, лидера Социал-демократической партии Германии (СДПГ) Марка Шульца, лидера Свободной демократической партии (СвДП) Кристиана Линднера и министра экономики (2013–2018 гг. – глава ведомства федерального канцлера Германии и федеральный министр по особым поручениям Германии) Петера Альтмайера. Интервью были опубликованы в журналах „Spiegel“, „Focus“, на официальных сайтах федерального президента, федерального канцлера Германии, лидера Свободной демократической партии, а также в электронных версиях авторитетных печатных СМИ, таких как „Suddeutsche Zeitung“, „Die Rheinische Post“, „Die Tageszeitung“, „Berliner Morgenpost“, „Rhein-Neckar-Zeitung“, „Frankfurter Allgemeine Zeitung“, „Die Zeit“, радиостанции „Deutschlandfunk“ и ТВ-канала „ZDF“, а также на электронном ресурсе t-online.de в период с 2015 по 2018 год.

Наибольшее число форм сослагательного наклонения – 80 – нами было обнаружено в текстах интервью лидера Свободной демократической партии (СвДП) Кристиана Линднера за 2017–2018 гг. Чаще всего он употреблял конъюнктив для выражения нереальной возможности (Irreale Möglichkeit) – 45 раз, потенциальной возможности (Potentielle Möglichkeit) – 25 раз, косвенной речи (Indirekte Rede) – 5 раз, собственного мнения (Meinung) – 2 раза, сравнения (Vergleich) – 1 раз, желания (Wunsch) – 1 раз, а также политический конъюнктив (Politischer Konjunktiv) – 1 раз. Что касается временных форм, то чаще других господином Линднером использовались плюсквамперфектные формы сослагательного наклонения – 42 раза, претериальные формы – 21 раз, кондиционалис 1 – 14 раз, формы презенса – 2 раза, а также 1 форма модального конъюнктива Futur II. Более того, нами было выявлено 18 форм сослагательного наклонения, содержащих модальные глаголы, а также 8 пассивных форм конъюнктива.

Помимо широкого употребления форм сослагательного наклонения стиль речи Кристиана Линднера характеризуется наличием ярких запоминающихся выражений, фразеологизмов, идиом, а также фраз, которые впоследствии становятся афоризмами.

Весьма необычное описание дал господин Линднер политике госпожи Меркель: «Я ценю ее как личность. Тем не менее, она пыталась сформировать правительство, главным образом, с помощью компромиссов по такой формуле: некоторые ищут стулья, другие столы – на переговорах была заказана «мебель», и было сказано, что мы должны уточнить детали позже. Таким образом, конфликты прикрываются и не решаются.»

Ich schätze sie als Persönlichkeit. Allerdings hat sie versucht, eine Regierung vor allem mit Hilfe von Formelkompromissen zu bilden: Die einen wollten Stühle, die anderen Tische – in den Verhandlungen wurden dann „Möbel“ bestellt und es hieß, dass wir die Details später klären sollten. So werden Konflikte nur zugedeckt und nicht gelöst.

Возможно, именно неповторимый стиль, смелость в высказываниях и харизма позволили Кристиану Линднеру провести реформы в своей партии, вернуть ее в Бундестаг и стать самым молодым главой СвДП за всю ее историю. В настоящее время Кристиан Линднер является одним из влиятельных игроков на политической арене Германии.

В ходе исследования мы определили специфику употребления сослагательного наклонения в немецком политическом дискурсе, влияние экстралингвистических факторов на употребление отдельных форм конъюнктива, проанализировали темпоральное и таксисное использование конъюнктива в текстах интервью представителей немецкой политической элиты.

Наиболее часто представителями немецкой политической элиты были употреблены формы сослагательного наклонения для выражения потенциальной и нереальной возможностей. К использованию значения потенциальной возможности политики главным образом прибегали, когда высказывались о возможных вариантах развития событий или общих перспективах, к функциям нереальной возможности – когда рассказывали о том, что бы они

изменили в своей политике в прошлом, если бы знали, к чему это приведет, или когда говорили об упущенных возможностях. Неоднократное употребление форм конъюнктива и кондиционалиса для передачи косвенной речи обусловлено требованиями немецкой грамматики. Необходимо отметить тот факт, что некоторые политические деятели, такие как господин Линднер, активно используют формы сослагательного наклонения во всем спектре его значений. В тоже время ряд других политиков, например, Ангела Меркель, практически не употребляют формы конъюнктива и кондиционалиса в своей речи. Следовательно, делаем вывод, что использование форм сослагательного наклонения политическими деятелями вызвано как требованиями грамматики, так и личными предпочтениями. Более того, сквозь призму конъюнктива можно судить о чертах характера языковой личности и составить ее политический портрет.

Таким образом, полагаем, что активное употребление конъюнктива в политическом дискурсе не претерпит особых изменений, так как, главным образом, оно обусловлено не манипулированием или навязыванием тех или иных политических представлений, а требованиями немецкой грамматики и личными предпочтениями говорящих. Следует отметить, что представитель нового поколения политиков Кристиан Линднер довольно часто использует сложные формы конъюнктива и кондиционалиса в своей речи, на основании чего можно предположить, что, несмотря на тенденцию языка к упрощению, сложные формы сослагательного наклонения будут употребляться молодыми представителями политической элиты.

Е. С. Колб

СИНКРЕТИЗМ ФУНКЦИОНАЛЬНОГО КОМПОНЕНТА В СЕМАНТИКЕ ВЕЩЕСТВЕННЫХ ИМЕН СУЩЕСТВИТЕЛЬНЫХ (на материале современного английского языка)

Одним из важнейших семантических компонентов значений вещественных имен существительных, согласно лексикографическим данным, является функциональный, который присущ значениям большинства слов данного лексико-грамматического разряда (напр., *crepe*[1] ‘креп’ – ‘tightly pressed rubber **used** especially **for making the bottoms of shoes**’ – ‘плотно спрессованная резина, которая используется главным образом для изготовления обувной подошвы’; *gas*[2] ‘газ’ – ‘a substance of this type which is burnt **for heating or cooking**’ – ‘вещество этого типа (Прим. – типа воздуха), которое сжигается для обогрева или приготовления пищи’; *lacquer*[1] ‘лак’ – ‘a liquid painted onto metal or wood **to form a hard shiny surface**’ **–** ‘жидкость, которой окрашиваются металл или древесина, чтобы сделать их поверхность прочной и блестящей’ и др.).

[1] Здесь и далее цифрой обозначается значение многозначного слова.

Информация о функциональном назначении обозначаемого вещества в значениях вещественных существительных двупланова по своей сути. С одной стороны, это информация о возможностях использования веществ человеком (напр., *coffee*[3] ‘кофе’ – ‘a brown powder that you use to make coffee’ – ‘коричневый порошок, который ты/Вы используешь/используете, чтобы сделать кофе’). С другой стороны, это информация о способах функционирования некоторых веществ вне зависимости от человека (напр., *pigment*[2] ‘пигмент’ – ‘one of the natural substances in humans, plants, and animals that gives colour to skin, blood, hair etc’ – ‘одно из природных веществ в людях, растениях и животных, которое дает окраску коже, крови, волосам и т.д.’).

Указание на функцию в значениях вещественных имен сопровождается различной информацией. Анализ языкового материала показывает, что функциональный компонент их значений включает следующие типы информации об использовании веществ человеком:

- место использования (напр., *refrigerant* ‘хладагент’ – ‘a substance used in refrigeration systems’ – ‘вещество, которое используют в холодильных системах’);
- способ использования (напр., *single cream* ‘нежирные сливки’ – ‘thin cream that can be poured’ – ‘разбавленные сливки, которые можно наливать’);
- объект, на который направлено использование вещества (напр., *washing liquid* ‘жидкий стиральный порошок’ – ‘soap in the form of a liquid used for washing clothes’ – ‘мыло в форме жидкости, которое используют для стирки одежды’);
- субъект, использующий вещество (напр., *toffee*[1] ‘тоффи’ – ‘a sticky sweet brown substance that you can eat, made by boiling sugar, water, and butter together, or a piece of this substance’ – ‘клейкое сладкое коричневое вещество, которое ты/Вы можешь/можете есть, сделанное из кипящих вместе сахара, воды и масла, или часть этого вещества’);
- время использования (напр., *mustard gas* ‘иприт, горчичный газ’ – ‘a poisonous gas that burns the skin, which was used during the First World War’ – ‘отравляющий газ, который обжигает кожу, использующийся во время Первой мировой войны’);
- цель использования (напр., *musk* ‘мускус’ – ‘a strong smelling substance used to make perfume’ – ‘сильно пахнущее вещество, которое используется, чтобы сделать парфюм’);
- распространенность использования (напр., *phosphate* ‘фосфат’ – ‘one of the various forms of a salt[1] of phosphorus, widely used in industry’ – ‘одна из разнообразных форм солей фосфора, которая широко используется в промышленности’);
- сфера использования (напр., *chemical* ‘химикат’ – ‘a substance obtained by or used in a chemical process’ – ‘вещество, которое получают или используют в химическом процессе’).

Кроме того, функциональный компонент может быть представлен в одном значении сразу несколькими типами информации. Так, в слове *milk*[1] ‘молоко’ – ‘a white liquid produced by cows or goats that is drunk by people’

(‘белая жидкость, вырабатываемая коровами или козами, которую пьют люди’) присутствует два типа информации: «способ использования» и «субъект, использующий вещество»; в слове *amalgam*[2] ‘амальгама’ – ‘a mixture of metals, used to fill **holes** *in teeth*’ (‘смесь металлов, которая используется, чтобы заполнять дырки в зубах’) – «цель использования», «место использования», «объект, на который направлено использование вещества»; в слове *carbon paper* ‘копирка’ – ‘thin paper with a blue or black substance on one side, *that **you** put between sheets of paper when typing* in order to make copies’ (‘тонкая бумага с голубым или черным веществом на одной стороне, которую ты/Вы кладешь/кладете между листками бумаги, когда печатаешь, чтобы сделать копии’) – «цель использования», «способ использования», «место использования», «субъект, использующий вещество», «время использования».

В наименованиях веществ, которые функционируют/используются в природе, т.е. независимо от человека, выделяются следующие типы информации:

- способ использования (напр., *pollen* ‘пыльца’ – ‘a fine powder produced by flowers, which is carried by the wind or by insects to other flowers of the same type making them produce seeds’ – ‘мелкий порошок, вырабатываемый цветами, который переносится ветром или насекомыми на другие цветы такого же типа, порождая их к выработке семян’);
- место функционирования (напр., *blood*[1] ‘кровь’ – ‘the red liquid that your heart pumps round your body’ – ‘красная жидкость, которую качает твое/Ваше сердце по кругу в твоем/Вашем теле’);
- условие использования (напр., *neon* ‘неон’ ‘gas that produces a bright light when electricity is passed through it’ – ‘газ, который вырабатывает яркий свет, когда сквозь него проходит электричество’);
- объект, на который влияет вещество (напр., *bile*[1] ‘желчь’ – ‘a bitter green-brown liquid formed in the liver[1], which helps you to digest[1] fats’ – ‘горькая зелено-коричневая жидкость, вырабатываемая в печени, которая помогает тебе/Вам усваивать жиры’);
- результат действия вещества (независимый от человека) (напр., *protein* ‘протеин’ – ‘one of the many substances that exist in food such as meat, eggs, and beans, which help your body to grow and keep it strong and healthy’ – ‘одно из тех многочисленных веществ, которые присутствуют в еде, такой как мясо, яйца и бобы, которое помогает твоему/Вашему телу расти и оставаться сильным и здоровым’).

Так же, как и в наименованиях веществ, используемых человеком в наименованиях веществ, которые функционируют в природе, возможно наличие в одном слове нескольких типов информации одновременно (способ использования, объект, на который влияет вещество и т.д.). Например, в слове *venom* ‘яд животного происхождения’ – ‘a liquid poison that some snakes, insects etc produce and that they use when biting or stinging another animal or insect’ (‘жидкий яд, который вырабатывают некоторые змеи,

насекомые и т.д., и который они используют, когда кусают или жалят другое животное или насекомое') присутствуют следующие типы информации: «способ использования», «условие использования», «объект, на который влияет вещество»; в слове *adrenalin*[1] (адреналин) 'a chemical produced by your body when you are afraid, angry, or excited, which makes your heart beat faster so that you can move quickly' ('химическое вещество, которое вырабатывает твое/Ваше тело, когда ты/Вы испуган, зол или взволнован, которое заставляет твое/Ваше сердце биться чаще, так, что ты/Вы можешь быстро двигаться') – «способ использования» и «объект, на который влияет вещество».

Таким образом, анализ значений вещественных существительных, обозначающих различные типы веществ, демонстрирует, во-первых, многоликость функционального семантического компонента в их значениях, тем самым подтверждая его синкретический характер. Это проявляется в разноплановости типов информации, представленной в семантике вещественных имен. Во-вторых, можно предположить, что закономерности, обнаруживаемые в семантической структуре вещественных имен, носят моделируемый характер, а, следовательно, семантическое пространство вещественного имени возможно представить с помощью семантических моделей.

Т. С. Котик

ЛОКАЛЬНЫЙ ДЕЙКСИС В НЕМЕЦКОМ ЯЗЫКЕ

Термин «дейксис» существует еще с античных времен и переводится с греческого языка как «указание». Однако его изучение никогда не выходило за пределы грамматики и вплоть до XX века не привлекало к себе особого внимания исследователей. Со второй половины XX в. дейксис приобретает новую актуальность в связи с тем, что получает характеристику универсальной категории, функционирующей на всех уровнях языка. Дейксис определяется как «функция указания, соотнесения с лицами, предметами или событиями, находящимися в определенном отношении к говорящему лицу или моменту речи», иными словами, это использование в речевом акте лексических и грамматических ресурсов языка, понимание которых может быть достигнуто только при наличии контекста, знании всей коммуникативной ситуации и обращении к ее участникам, месту и времени. Говорящий может указывать на людей, предметы, моменты времени, а также на то, что было сказано ранее.

В настоящий момент в лингвистике представлены различные мнения по вопросам сущности дейксиса как лингвистического понятия, количеству дейктических категорий, степени дейктичности слов.

Впервые внимание к дейксису привлек немецкий индоевропеист К. Бругманн. В 1904 была издана его работа «Die Demonstrativpronomina der indogermanischen Verben». В ней он рассмотрел понятие дейксиса и выделил

следующие его типы или типы указания (Zeigarten): 1) Der-Deixis – *этот, такой, поименованный*, «нейтральный тип»; 2) Ich-Deixis – «указание на сферу говорящего, на его местоположение»; 3) Du-Deixis – «указание на сферу, местоположение собеседника»; 4) Jener-Deixis – *тот, некий*, «указание на удаленность от говорящего или на объект, находящийся по другую сторону границы между указывающим и указываемым».

На работу Бругманна опирался известный немецкий психолог и лингвист К. Бюлер, который в своей книге «*Sprachteorie. Die Darstellungsfunktion der Sprache»* много места посвятил исследованию дейксиса. Бюлер первым указал на два явления, производные от собственно дейксиса: анафору и Deixis. К. Бюлер, который по праву считается основоположником теории дейксиса в языкознании, выделил три основных типа дейксиса, или способа «языкового указания»: 1) наглядный дейксис (лат. «demonstratio ad oculos»), 2) анафорический дейксис, или анафора (нем. «Anaphora») и 3) дейксис к воображаемому (нем. «Deixis am Phantasma»).

Еще одна традиция изучений дейксиса ведет начало от О. Есперсена, который в 1922 предложил понятие *шифтер* для характеризации языковых единиц, употребление и понимание которых прямым образом зависит от говорящего и других коммуникативных координат.

Следует также отметить роль Ч. Филлмора в изучении дейксиса. Он выделяет пять видов дейксиса: личный, пространственный, временной, социальный и дискурсивный, причем два последних вида выявлены им впервые.

Исследователь Дж. Лайонз в своей работе «Лингвистическая семантика» выделяет локутивный и когнитивный виды дейксиса. Эта классификация связана с понятием локутивного акта – акта высказывания. Каждый локутивный акт совершается в определенном пространственно-временном контексте, то есть имеет свою точку отсчета – здесь и сейчас (*here and now*). Под *здесь* подразумевается место, где говорящий находится в момент высказывания, а под *сейчас* имеется в виду момент времени, в который совершается локутивный акт.

Во многих работах других лингвистов происходит уточнение и расширение представления о видах дейксиса, которые уже включены в систему дейктических координат. Однако анализируя различные классификации данного понятия, видно, что такая разновидность, как локальный дейксис в том или ином виде встречается в большинстве классификаций дейксиса в целом.

Под локальным (пространственным) дейксисом мы понимаем тип дейксиса, который определяется как указание на приближение/удаление в пространстве по отношению к говорящему и слушающему. Следует отметить, что для пространственного дейксиса чрезвычайно важна такая фигура, как наблюдатель. Наблюдатель и говорящий – это не всегда одно и то же лицо.

Рассмотрим лексические и грамматические средства актуализации пространственного дейксиса в немецком языке.

К лексическим средствам выражения пространственного дейксиса относятся:

1) словосочетания с указательными местоимениями *dieser (этот), jener (тот), derjenige (тот самый), derselbe (такой же), solcher (такой), derartige (такого типа*), которые обычно примыкают к существительному и отсылают читающего к тому, что было написано ранее, до этого, если речь идет о письменной речи. Важно отметить, что указательные местоимения часто указывают не на какой-то объект в пространстве, а на определенное место в тексте, в то время как именные группы чаще указывают именно на объект. Рассмотрим примеры:

An diesem Paragraphen *scheiden sich die Geister (**По поводу этого параграфа** мысли расходятся) [http://www.fixmbr.de/ehrensold-ehre-wem-ehre-gebhrt/]*.

*Auch Mitleid ist **in diesem Fall** unangebracht (Жалость **в этом случае** также неуместна) [http://www.fixmbr.de/ehrensold-ehre-wem-ehre-gebhrt/]*.

2) именные группы (имена существительные или топонимы с предлогами). В немецком языке топологические отношения обозначаются при помощи соответствующих предлогов. Внутреннее пространство передается, например, предлогом *in*, а внешнее пространство может передаваться, например, предлогом *neben* и многими другими;

3) локальные наречия *dort (там), hier (здесь), da (здесь), überall (повсюду), oben (наверху)*, а также местоименные наречия, например, *daneben (рядом, наряду с этим)*. *Hier* является наречием места, соответствующим первому лицу, а *dort* соответствует второму лицу. Наречия, как и указательные местоимения, – это самые яркие носители дейктической функции, они не имеют недейктического значения и расматриваются в современной лингвистике как дейктические доминанты;

4) некоторые глаголы, которые в связи со своей семантикой могут быть признаны носителями дейктической функции. Под дейктичностью глаголов понимается их лексико-грамматическая характеристика, требующая выполнения определенных условий для их употребления – контекста. Самым ярким примером является пара глаголов kommen/gehen.

К грамматическим средствам выражения пространственного дейксиса причисляются относительные придаточные предложения, в которых осуществляется указание на место или событие, относительные местоимения *der, die, das, welcher, welche, welches, wer, was*, относительные наречия *wo, wohin, woher, von wo aus* или относительные наречия с предлогом *wodurch, worüber, worauf* и т.д. Относительные придаточные предложения не указывают непосредственно на точку в пространстве, а лишь уточняют, характеризуют ее. Относительные местоимения и наречия рассматриваются не самостоятельно, а в контексте относительных придаточных предложений, потому что они употребляются именно в них и служат для уточнения одного из членов главного предложения, а в дейктической концепции – как уточнение точки в пространстве, обозначенной в главном предложении.

Таким образом видно, что дейктики присутствуют как в лексике, так и в грамматике. Пространственный дейксис представлен словосочетаниями с указательными местоимениями, наречиями, именными группами с существительными или топонимами, относительными придаточными предложениями.

Н. В. Кузьменко

ХОЛО-МЕРОНИМИЧЕСКИЕ СТРУКТУРЫ КАК РЕПРЕЗЕНТАЦИЯ ЧЛЕНЕНИЯ МИРА В ЯЗЫКЕ
(на материале имен существительных современного английского языка)

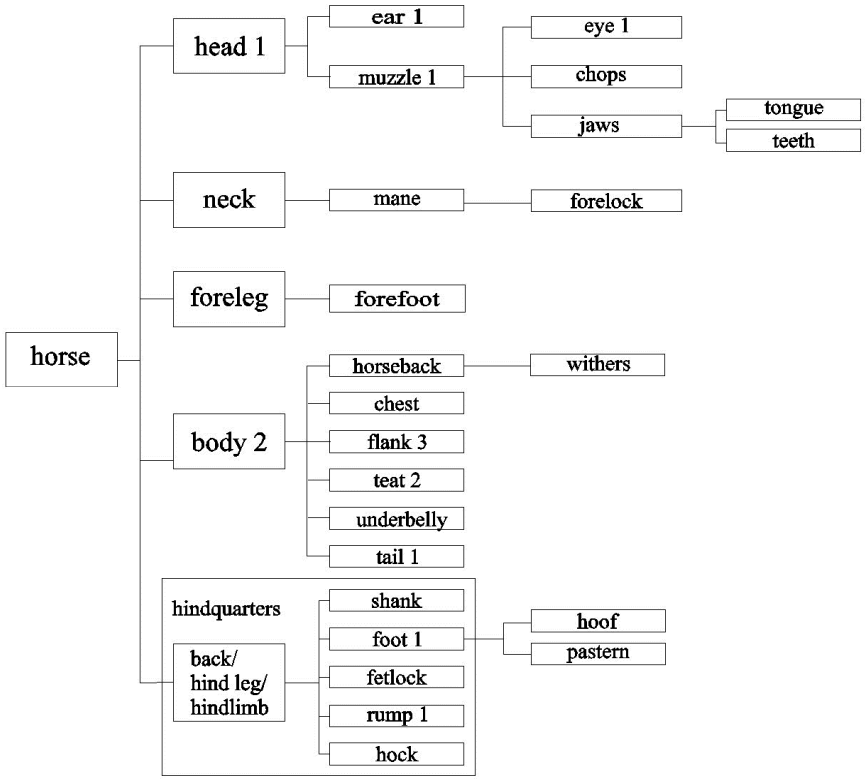
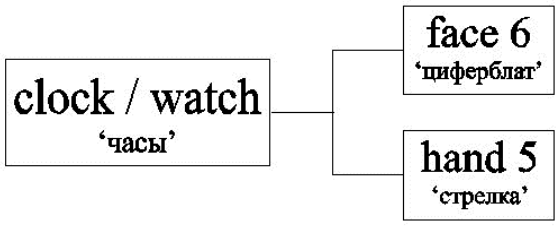
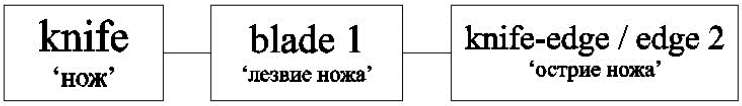
В системе меронимических имен существительных современного английского языка (1683 ЛЕ) существует подсистема холо-меронимических имен, которые в своей семантике содержат одновременно указание как на часть, так и на целое (*foot 1* ‘the lowest **part** of the **leg**, below the ankle, on which a person or an animal stands’ ‘нижняя **часть ноги**, ниже лодыжки, на которой стоит человек или животное’). Данные имена образуют в совокупности своих взаимосвязей холо-меронимические структуры, или мерономии (136) – объединения лексических единиц, репрезентирующих в своей иерархии последовательное членение объектов и явлений действительности.

Наша работа посвящена выявлению характеристик холо-меронимических структур и установлению господствующего типа структур для системы имен существительных английского языка.

Согласно результатам нашего исследования, холо-меронимические имена существительные современного английского языка обладают следующей особенностью. В пределах одного холо-меронимического ряда они могут выступать одновременно как меронимами (обозначениями части), так и холонимами (наименованиями целого). Именно данное свойство лежит в основе образования ими холо-меронимических иерархий. Ср., например: *horse* ‘лошадь’ – *hind leg / hindlimb* ‘задняя нога’ – *fetlock* ‘надкопытье, путовый сустав’, где *hind leg* является меронимом относительно *horse* и холонимом по отношению к *fetlock* (the **part** at the **back of a horse’s leg**, just above its hoof, where long hair grows ‘**часть задней ноги** лошади над копытом, откуда растут волосы’). Ср., также *horse* ‘лошадь’ – *body 2* ‘туловище’ – *horseback* ‘спина лошади’ – *withers* ‘загривок’, где *withers* ‘the highest **part of a horse’s back**, between its shoulders’ ‘самая высокая часть спины лошади, расположенная между лопатками’. Вся совокупность холо-меронимических рядов каждой конкретной ЛСГ формирует иерархию/структуру (см. таблицу).

Холо-меронимические имена существительные образуют мерономии трех типов: *радиально-цепочечные* (обладают несколькими ярусами в глубину и несколькими ветвями в ширину), *радиальные* (распространяются только в ширину) и *цепочечные* (распространяются только в глубину). Из них

ведущим является радиальный тип, составляющий 70 % от общего количества холо-меронимических структур и отражающий непосредственную связь между холонимом и меронимом. Радиально-цепочечные структуры составляют 29 %, а цепочечные – только 1 %.

Тип структур	Примеры	Количество
Радиально-цепочечный		40 (29 %)
Радиальный		95 (70 %)
Цепочечный		1 (1 %)
Всего		136 (100 %)

Таким образом, выявленные конфигурационные свойства холо-меронимических структур (преобладание одноуровневых радиальных мерономий среди всех иерархий) свидетельствуют о неглубоком членении большинства объектов и явлений действительности.

Н. А. Курило

ОТАББРЕВИАТУРНЫЕ ПРОИЗВОДНЫЕ В СОВРЕМЕННОМ АНГЛИЙСКОМ ЯЗЫКЕ

Сокращенные лексические единицы современного английского языка, в частности сокращенные лексические единицы инициального типа, могут принимать участие практически во всех основных словообразовательных процессах, а именно: в процессах аффиксации, конверсии, словосложения, обратной деривации и аббревиации (в данном случае – вторичной). Например:

– *pro-EU* ← *pro-* + *EU* (слово *pro-EU* образовано в результате добавления приставки *pro-* к сокращению *EU (European Union)*);

– *to radar* ← *radar* (глагол *to radar* является результатом процесса конверсии существительного *radar*);

– *Nato-friendly* ← *Nato* + *friendly, EU-wide* ← *EU* + *wide* (слова *Nato-friendly* и *EU-wide* образованы в результате сложения сокращений *Nato* и *EU* и прилагательных *friendly* и *wide*);

– *to lase* ← *laser* (глагол *to lase* является результатом процесса обратной деривации и образован от существительного *laser*);

– *vCJD* ← *variant CJD* (сокращение *vCJD* образовано в результате процесса вторичной аббревиации от исходного выражения *variant CJD (Creutzfeldt-Jacob disease)*).

Результат словообразовательного процесса с участием сокращения может обозначаться разными терминами: «аббревиатурное производное», «отаббревиатурное производное (слово)», «производное от аббревиатуры», «производное отаббревиатурного характера», «корневая аббревиатура» и т.д. Так, например, А. Т. Липатов предлагает использовать термин «аббревема», который, по его мнению, удобен тем, что он однословен и по своей структуре встает в один ряд с такими привычными названиями, как фонема, лексема, морфема, семантема, синтаксема, фразема и т.д. В настоящем исследовании мы остановились на терминах «отаббревиатурное производное» и «аббревема».

Участие сокращенных лексических единиц в словообразовательных процессах характерно для сокращений, употребляемых в текстах разных стилей. Однако лидирующее положение по количеству случаев образования отаббревиатурных производных занимают тексты научного стиля. Объясняется это, на наш взгляд, тем, что для текстов научного стиля в большей мере, чем для текстов других стилей, характерны случаи образования слов по аналогии. Например: *ARPAnet, BITnet, DECnet, IEUnet, NFSNET* и т.д., *CSO-style, FTP-style, Internet-style, MOO-style, VT100-style* и т.д.

При этом анализ отаббревиатурных производных свидетельствует о том, что наиболее активно сокращения участвуют в процессе словосложения: более 70 % аббревем являются его результатом. Например: *IBM-only, Internet-compatible, NASA-funded, UNIX-related* и т.д.

Словообразовательные ряды отаббревиатурных производных могут насчитывать от двух до десяти и более слов. Так, термин *radar* способствовал в английском языке появлению целой серии таких новообразований, как *AIRPASS (aircraft interception radar and pilots attack sight system), antiradar (missile), ARSR (air route surveillance radar), ASR (airport surveillance radar), ASRE (Admiralty Signal and Radar Establishment), CART (collision avoidance radar trainer), counterradar (maneuver), ESAR (electronically steerable array radar), EWR (early-warning radar), GCR (ground-controlled radar), GPR (ground-penetrating radar), LATCRS (London air traffic control radar station), MSR (missile-site radar), MRS (master radar station), RACON* или *racon (radar beacon), RAD* или *rad (radar), RADAG (radar guidance), radar-armed, radar-controlled, radar-directed, radar-equipped, radar-guided, radar-homing, radarman, radarproof, radar-scope, RADCM* или *RCM (radar countermeasures), radtel (radar telescope), RAM (radar absorbing material), RAS (Radar Automatic System), RATAN (radar and television aid to navigation), r.c.i. (radar coverage indicator), RDF (Radar Direction Finding), REA (Radar and Electronics Association), RO (radar operator (or observer)), R/R (radio/radar), SPANDAR (space and range radar), SPAR (superprecision-approach radar), TACMAR (tactical multifunction array radar), TASR (terminal area surveillance radar), TR (tracking radar), to radar* и многие другие.

Очевидно что, чем выше словообразовательная активность сокращения, тем оно самостоятельнее в системе языка (имеется в виду возможность использования сокращенной лексической единицы без полного наименования, являющегося ее прототипом). Более того, словообразовательная активность инициального сокращения свидетельствует о том, что оно уже воспринимается не как набор букв, за которыми стоят компоненты неоднословного наименования, а как единый комплекс, нерасчлененная лексическая единица.

А. О. Макоўскі

НАЦЫЯНАЛЬНА-КУЛЬТУРНАЯ СПЕЦЫФІКА ФРАЗЕАЛАГІЧНЫХ АДЗІНАК З ЗААНІМІЧНЫМ КАМПАНЕНТАМ У АНГЛІЙСКАЙ І БЕЛАРУСКАЙ МОВАХ

Нацыянальная спецыфіка мовы выяўляецца ў адлюстраванні асаблівасцей прыроды, побыту, звычаяў, гісторыі і культуры, галоўным чынам у страявых моўных адзінках, да якіх адносяцца таксама фразеалагізмы. Фразеалагізмы з семамі-заонімамі з’яўляюцца адной з самых шматлікіх груп фразеалагічнага фонду. Пад заонімамі разумеюць назоўнікі, якія ў першасным значэнні абазначаюць пэўную жывёлу. Для заонімаў характэрны значны інфармацыйны патэнцыял. Яны могуць выконваць розныя функцыі ў мове, напрыклад, характарызаваць чалавека.

У працэсе даследавання было прааналізавана 300 англійскіх і 370 беларускіх фразеалагізмаў з кампанентам-заонімам і устаноўлена, што лексіка-семантычная група заонімаў англійскай мовы ўключае 49 адзінак, беларускай – 70, што ў працэнтных адносінах складае 16,3 % для англійскай мовы

і 18,9 % для беларускай. Гэтыя дадзеныя сведчаць аб тым, што разнастайнасць заанімічных кампанентаў у фразеалагічных адзінках беларускай і англійскай моў адрозніваецца. Пры гэтым у беларускай мове такія адзінкі з'яўляюцца больш разнастайнымі.

Праводзячы частотны аналіз заанімічнага кампанента ў беларускіх і англійскіх фразеалагічных адзінках, нельга не звярнуць увагу на падобны характар іх ужывання. Назіраецца частае супадзенне назваў жывёл: *сабака* (загойвацца як на сабаку – heal like a dog); *кот* (жыць як кот з сабакам – to live a cat-and-dog life); *свіння* (сыпаць бісер (перлы) перад свіннямі – to cast pearls before swine); *заяц* (за двума зайцамі пагонішся – ніводнага не зловіш – if you run after two hares, you will catch none).

Вынікі даследавання паказалі, што найбольшую фразеалагічную ўтваральную актыўнасць у абедзвюх мовах праяўляюць назвы жывел, якія распаўсюджаны на тэрыторыі гэтых краін. У беларускай мове самымі частотнымі з'яўляюцца фразеалагізмы з наступнымі заонімамі: 'сабака' – 29 фразеалагічных адзінак (7,8 %), 'конь / кабыла' – 23 (6,2 %), 'кот / кошка' – 22 (5,9 %), 'казёл / каза' – 21 (5,7 %), 'муха' – 21 (5,7 %), птушка – 17 (4,6 %). Што датычыцца англійскіх фразеалагізмаў, у іх часцях ужываюцца такія заонімы, як 'dog' (сабака) – 48 фразеалагічных адзінак (16 %), 'cat' (кот) – 34 (11 %), 'pig' (свіння) – 20 (7 %), 'horse' (конь) – 18 (6%), 'sheep' (авечка) – 14 (5 %) і 'duck' (качка) – 13 (4 %). Пры гэтым у абедзвюх мовах маецца нязначная колькасць фразеалагізмаў, якія уключаюць у сябе назвы экзатычных жывёл. У беларускай мове гэта такія адзінкі, як 'слон', 'вярблюд', 'кракадзіл'; у англійскай – 'a camel', 'an elephant', 'a leopard', 'a lion', 'a monkey', 'a seal', 'a whale', 'a tiger'. Але было выяўлена, што ў англійскай мове колькасць такіх адзінак большая, чым у беларускай, пры гэтым агульная разнастайнасць заанімічных кампанентаў, як вызначалася раней, большая ў беларускай мове. Можна зрабіць выснову, што беларускія заанімычныя фразеалагічныя адзінкі маюць большую нацыянальную скіраванасць, чым англійскія. Аднак цікавым з'яўляецца той факт, што многія з найбольш частотных заонімаў з'яўляюцца агульнымі для абедзвюх моў, што сведчыць аб блізкасці адлюстравання карціны свету ў свядомасці двух народаў. Напрыклад, такой агульнай адзінкай з'яўляецца найбольш частотны ў абедзвюх мовах заонім 'сабака'. Пры гэтым фразеалагічная актыўнасць дадзенага заоніма ў англійскай мове складае 16 % супраць 7,8 % ў беларускай. Таму трэба адзначыць, што фразеалагічная ўтваральная актыўнасць заанімічных кампанентаў адваротна прапарцыянальна іх разнастайнасці, і адпаведна, у беларускіх заонімах у параўнанні з англійскімі яна з'яўляецца значна меншай.

К. Г. Никитенкова

ОСОБЕННОСТИ ФУНКЦИОНИРОВАНИЯ КОНСТРУКЦИИ […-*TOURISMUS*] В СОВРЕМЕННОМ НЕМЕЦКОМ ЯЗЫКЕ

В современном немецком языке продуктивность словосложения непрерывно растет, что создает благоприятную почву для активного использо-

вания самостоятельных лексических единиц в функции словообразовательных средств. Для таких единиц было предложено обобщенное понятие «второй переходный компонент». Поскольку образования с таким компонентом не могут быть причислены ни к сложным словам, ни к производным, объективно встал вопрос об обозначении комплексной единицы со вторым переходным компонентом. В свете последних тенденций в современном словообразовании – становление и развитие грамматики и морфологии конструкций – по отношению к подобным словообразовательным продуктам предлагается применять термин «конструкция».

В целом конструкции со вторым переходным компонентом характерны как для имен существительных, так и для имен прилагательных. Объектом исследования в настоящей работе стала конструкция […*-tourismus*], целью – выявление характера семантической связи между вторым переходным компонентом *-tourismus* и его коррелятом – именем существительным *Tourismus*, а также установление принципов, лежащих в основе сочетаемости второго переходного компонента с первыми основами в составе конструкции […*-tourismus*].

В языке конструкция […*-tourismus*] реализуется в более чем 500 единицах. При этом, с одной стороны, компонент может сохранять значение самостоятельной единицы, т.е. функционировать как компонент сложного слова, ср.: *Tourismus* ‘**das Reisen**, der Reiseverkehr [in organisierter Form] **zum Kennenlernen** fremder Orte und Länder und **zur Erholung’** (путешествие, пассажирское движение (в организованной форме) с целью знакомства с новыми местами и странами, а также с целью отдыха) – *Alpentourismus* ‘путешествие в Альпы’*, Aktivtourismus* ‘активный отдых’*, Bustourismus* ‘путешествие на автобусе’ и другие. С другой стороны, были выявлены единицы, в которых компонент имеет переходный статус, ср.: *-tourismus* ‘bezeichnet in Bildungen mit Substantiven, die **jemanden, etwas** oder **einen bestimmten Anlass, Zweck** nennen**, ein Reisen**, ein betriebsames Herumfahren’ (в сочетании с существительными, которые называют кого-л., что-л. либо определенное событие, цель, обозначают путешествие, частые разъезды) – *Adoptionstourismus* ‘выезд за пределы страны (въезд в другую страну) с целью усыновления или удочерения’. Таким образом, исходя из сравнительной характеристики дефиниций, существительное и компонент имеют общую сему «Reisen» (поездка), однако семы причины, цели выезда/въезда, частоты таких поездок у описанных единиц различаются. Если для самостоятельного существительного целями выезда являются «знакомство со страной» (*Kennenlernen*) и «отдых» (*Erholung*), то для второго переходного компонента *-tourismus* этих целей значительно больше, и они разнообразнее, что достигается за счет первого компонента.

В терминах фреймовой семантики […*-tourismus*] – конструкция с открытым левым слотом, который заполняется лексемами разнообразной семантики, т.е. наименованиями разных субъектов и объектов. Подобное семантическое расширение характерно как для компонента сложного слова, так и второго переходного компонента. Однако слоты и семантика заполнителей различаются (см. табл.).

Таблица

Сравнительная характеристика фреймов

Фрейм компонента сложного слова		Фрейм второго переходного компонента	
Слоты	Заполнители/ Языковая фиксация	Слоты	Заполнители/ Языковая фиксация
суть: путешествие		*суть*: частые разъезды	
субъект: кто путешествует	*Jugendtourismus* ‘путешествие молодежи’; *Kindertourismus* ‘путешествие детей’; *Familientourismus* ‘семейное путешествие’.	*субъект*: кто в разъездах	*Patiententourismus* ‘выезд за пределы страны (въезд в другую страну) в роли пациента с целью прохождения лечения’; *Schülertourismus* ‘смена места обучения (школы)’; *Lehrertourismus* ‘направление учителя на работу в другую школу’.
объект: куда когда на чем	*Bali-Tourismus* ‘путешествие на Бали’; *Wintertourismus* ‘путешествие зимой’; *Autotourismus* ‘путешествие на автомобиле’.	*объект:* для чего	*Casinotourismus* ‘…с целью посещения казино’; *Benzintourismus* ‘…с целью (выгодной) покупки топлива’; *Abtreibungstourismus* ‘…с целью прерывания беременности’; *Mülltourismus* ‘…с целью вывоза мусора и других отходов’; *Führerscheintourismus* ‘…с целью получения (нового) водительского удостоверения’; *Sterbetourismus* ‘…с целью совершения эвтаназии’.

Как следует из табл., семантика второго переходного компонента *-tourismus* формируется на основе расширения тематической принадлежности заполнителей определенных слотов – объекта и субъекта, ср.: *Ärztetourismus* ‘выезд за пределы страны с целью посещения врача’; *Abtreibungstourismus* ‘выезд за пределы страны с целью прерывания беременности’; *Mülltourismus*

‘вывоз мусора и других отходов за пределы страны’ и другие. Можно утверждать, что компонент претерпел метафорическое переосмысление. Были выявлены и случаи метонимии, например*: Zahntourismus* ‘выезд за пределы страны с целью посещения стоматолога’*, Sofatourismus* ‘отдых с размещением в частной комнате (по объявлению о сдаче комнаты)’, *Wassertourismus* ‘путешествие, отдых на берегу реки, озера, моря, океана и под.’. При этом в первом случае речь идет о конструкции со вторым переходным компонентом, в остальных двух – о компоненте сложных слов.

Если в случае со сложными словами установление принципа, лежащего в основе сочетаемости компонента *-tourismus* с первыми основами в составе конструкции […*-tourismus*], не вызвало особых трудностей, то взаимодействие составных частей конструкции со вторым переходным компонентом может приводить к ряду возможных интерпретаций. Они были выявлены в следующих примерах: *Autotourismus* ‘путешествие на машине’ или ‘выезд за пределы страны с целью покупки автомобиля’; *Jobtourismus* ‘выезд за пределы страны с целью поиска работы’ или ‘ежедневные поездки на работу в другую страну и обратно’; *Schülertourismus* ‘путешествие школьников’ или ‘смена школьником места обучения’, *Lehrertourismus* ‘путешествие учителей’ или ‘направление учителя для работы в другое учреждение образования’; *Ärztetourismus* ‘путешествие врачей’ или ‘выезд за пределы страны (въезд в другую страну) с целью посещения врачей’, а также упомянутые выше *Zahntourismus, Sofatourismus, Wassertourismus*. Подобную неоднозначность можно констатировать на основании популярного в теории словообразования примера сложного слова *Fischfrau* ‘женщина, торгующая рыбой’, ‘жена рыбака’, ‘женщина, употребляющая в пищу рыбу’ и другие.

Таким образом, в ходе заполнения открытого левого слота конструкции со вторым переходным компонентом […*-tourismus*] происходит становление более обобщенной семантики компонента, которая формируется у него вследствие метафорического переосмысления самостоятельного существительного *Tourismus.*

С. В. Паремская

ОБРАЗ МЕДВЕДЯ ВО ФРАЗЕОЛОГИЗМАХ С КОМПОНЕНТОМ-ЗООНИМОМ (на материале немецкого и русского языков)

Фразеологизмы с компонентами-зоонимами – обширный пласт языка. Происхождение фразеологизмов этой лексико-семантической группы связано с особенностями поведения диких и домашних животных, птиц, насекомых. С именами многих животных в разных странах связаны более или менее сходные образы или символы. Лиса обычно является символом хитрости, змея – коварства, лев – силы и великодушия, осел – глупости, упрямства и т.д. Особенности поведения животного порождают одинаковые исходные

образные идеи и определяют близкие формы их вербального выражения у разноязычных народов. Символика обычно совпадает только в самой общей своей части, но может серьезно отличаться в деталях и функционировании символа.

Активность использования того или иного названия животного во фразеологизмах неодинакова. Одной из наиболее частотных лексем с компонентом-зоонимом являются лексема *Bär – медведь*. Для фауны Германии характерно то, что до XIX века на всей территории страны были распространены медведи, а леса Германии представляют собой исторический ареал обитания этого животного, поэтому возможность для наблюдения за медведями у немцев существовала уже давно. Стали обнаруживаться сходства, аналогии в поведении медведя и человека. Результаты этих наблюдений закреплялись в языке в форме разнообразных пословиц, поговорок, устойчивых выражений, представляющих метафорический перенос характерных особенностей животного на человека.

Образ жизни, повадки медведей послужили основанием для возникновения целого ряда ФЕ с компонентом-зоонимом *Bär* в немецком языке. Так, в разных источниках нами зафиксированы в немецком языке 31 фразеологическая единица с зоонимом *Bär*, а в русском языке – 57 фразеологические единицы.

Образ медведя, представленный в немецких и русских фразеологизмах, имеет в обоих языках много общего. Медведь – крупный неуклюжий зверь. Это животное связывается у русских с представлением о большой физической силе, неуклюжести и незлобливости в сочетании с умением постоять за себя: рассерженный медведь способен смести все преграды и одолеть любого противника. Слово *медведь* употребляется в речи как зооморфная метафора – для характеристики человека. При этом обращает на себя внимание актуализация внешних черт, присущих животному и человеку. Медведем называют человека крупного, сильного, но неуклюжего. Немцы также обратили внимание на физическую силу медведя, это иллюстрируют следующие фразеологизмы: *Er ist stark wie ein Bär* – ‘он силен как медведь’, *Er ist ein rechter Bär* – ‘он настоящий медведь’, а также *Bärenkräfte haben* – ‘быть сильным как медведь, обладать медвежьей силой’. В немецком языке медведь ассоциируется с особым здоровьем, об этом свидетельствует такие фразеологизмы, как *gesund wie ein Bär* – ‘здоровый как медведь’, а также *eine Bärennatur haben* – ‘иметь железное здоровье, быть здоровым как бык’.

Как русские, так и немцы обращаются к образу медведя для характеристики неуклюжего, неотесанного человека неумеющего себя вести, идущего напролом: *er ist plump wie ein Bär* – ‘он неуклюж как медведь’. Фразеологизм *ein ungeleckter Bär* ‘грубый, неотесанный человек’ связан с древним народным поверьем о том, что медведь рождается как бесформенный кусок мяса и мать-медведица вылизывает его и придает ему таким образом правильную форму.

В немецкой фразеологии медведь относится к числу таких образов, которые отражают множество человеческих качеств: *wie ein Bär schwitzen* – ‘сильно потеть, взмокнуть’. В русском языке в аналогичной ситуации мы

употребим фразеологизм *быть мокрым как мышь.* О ворчливом неприветливом человеке немцы говорят: *Er brummt wie ein Bär* – ‘он ворчит как медведь’ или называют сложным словом *Brummbär.*

Как известно, медведь всю зиму проводит в спячке в своей берлоге. В связи с этим в немецкой фразеологии медведь связывается с представлением о лени, примером этому является фразеологизм *auf der Bärenhaut liegen* – ‘бездельничать, бить баклуши’. Происхождение данного фразеологизма связано с преувеличенным и преукрашенным представлением о привычках древних германцев. По свидетельству Тацита, древние германцы, если они не были заняты войной или охотой, лениво лежали на шкурах, предоставляя женщинам возможность выполнять домашнюю работу. В русской культуре медведь тоже предстает как ленивое животное, но эта его черта не отражена во фразеологизмах с компонентом-зоонимом *медведь*. С зимней спячкой медведя также связан фразеологизм *Er schläft wie ein Bär* – ‘он спит как медведь’, т.е. крепко спит, спит как сурок, а также фразеологизм *wie ein Bär schnarchen* – ‘храпеть богатырским храпом’.

Происхождение немецкого фразеологизма *jemandem einen Bärendienst erweisen* – ‘оказать кому-то плохую услугу, больше навредить, чем помочь’, связано с басней Лафонтена «Пустынник и медведь». В этой басне медведь, который всегда оказывает отшельнику хорошие услуги, убивает камнем надоедливую муху, садящуюся на кончик носа отшельника. В итоге муха мертва и пустынник тоже. В русском языке употребляется фразеологическая единица *медвежья услуга,* которая содержит производный компонент *медвежья.* Во фразеологическом образе находит отражение зооморфная метафора: действия и поступки человека уподобляются действиям и поступкам, соответствующим типичному (стереотипному) образу животного. Медвежьей в русском языке называют услугу, помощь неумелую, неуместную, способную навредить, приносящую неприятности человеку, которому она оказывается. Неуклюжесть, неделикатность медведя приводят к плачевным последствиям, к разрушению не только физических объектов, но и человеческих взаимоотношений, намеченных планов. Компонент *медвежий* в данном фразеологизме является ключевым в семантическом плане, то есть несет основную смысловую нагрузку.

Очень интересно происхождение фразеологизма *jemandem einen Bären aufbinden*. Переводя дословно на русский язык этот фразеологизм, мы получаем ‘подвязывать кому-либо медведя’, но практически это невозможно. Отсюда и появилось значение ‘обманывать кого-то, говорить кому-то неправду, рассказывать небылицы’. Как показывает фактический материал, еще раньше появился фразеологизм *jemandem einen Bären anbinden* с тем же значением. Данный фразеологизм не исчез, а частично уступил место фразеологизму *jemandem einen Bären aufbinden* по частотности употребления. В настоящее время глагол *aufbinden* в одном из своих значений переводится как ‘обманывать’. Также в немецком языке есть устойчивое выражение *sich einen Bären aufbinden lassen*, что в переводе означает ‘поверить какой-нибудь небылице, принять что-то за чистую монету’.

Фразеологическая единица *das Fell/ den Pelz aufteilen, bevor der Bär erlegt ist* ‘делить шкуру неубитого медведя’ восходит к пословице *Man soll nie die Bärenhaut verkaufen, bevor man den Bären erlegt hat* – ‘Не убив медведя, шкуры не продавай’. Данные выражения имеют значение ‘преждевременно планировать успех, положительно оценивать результаты, распределять прибыль от еще не осуществленного предприятия, какого-либо трудно выполнимого или невыполнимого дела’. Образ медведя не проявляет в этом случае каких-либо ярких стереотипных внутренних или внешних качеств, присущих этому животному. Компонентом образной основы становится не сам медведь, а шкура медведя, которая представляется как нечто ценное, как то, что может принести выгоду, дивиденды, успех.

В немецком языке существует несколько фразеологических единиц, которые соотносятся с медведями, которые танцевали на ярмарках или выполняли трюки в цирке: *tanzen wie ein Bär* ‘танцевать как медведь’*, den Bären machen* ‘быть у кого-то на поводу (как медведь на ярмарке), работать на кого-то, использовать для любых услуг’.

Таким образом, анализ фразеологических единиц немецкого и русского языков с компонентом-зоонимом *медведь* позволяет сделать вывод о том, что стереотипные представления обоих народов о действительности в немецком и русском языках имеют много общего: в обоих языках медведь ассоциируется с неуклюжестью, силой и фразеологизмы данной группы имеют как положительную, так и отрицательную коннотацию. И вместе с тем наблюдаются различия: в русском языке нет обязательной ассоциации со здоровьем. Кроме того, в русском языке много жаргонно-уголовных выражений с компонентом *медведь*, в которых под медведем понимается сейф или крепкий алкогольный напиток. Мотивированность данных выражений, вероятно, связана с тяжестью, большим весом и размерами медведя.

Ю. И. Петракова

ВЗАИМОДЕЙСТВИЕ СЛОВООБРАЗОВАНИЯ И СЕМАНТИЧЕСКОЙ ДЕРИВАЦИИ ПРИ НОМИНАЦИИ ЛИЦ
(на материале имен существительных немецкого языка)

Среди многообразия лексических классов наименования лиц составляют один из наиболее богатых пластов словарного состава языка. Основными способами пополнения данного класса единиц выступают словообразование и семантическая деривация, позволяющие использовать именующему субъекту уже существующий лексический материал как базу для порождения соответствующих наименований. Возникает вопрос о том, с какой целью человек привлекает для номинации лиц оба способа, каждый из которых, используя производящие базы того или иного лексического класса, уже может служить для лексической объективации целого ряда ономасиологических заданий. С одной стороны, возможность применять оба номинативных способа дает именующему субъекту определенную свободу выбора и обеспечивает гибкость и компенсаторность номинативной системы языка:

там, где в силу морфонологических, синтаксических или иных причин не может быть использовано словообразование, его «заменяет» семантическая деривация. С другой стороны, можно предположить, что взаимозаменяемость способов номинации возможна далеко не всегда, поскольку каждый из них при выполнении одного и того же смыслового задания реализует специфичные функции.

Данное предположение подтверждается на материале наименований лиц, образованных с помощью словообразования и семантической деривации на базе наименований частей тела, орудий труда и психических свойств в немецком языке. В качестве основания для сопоставления результатов словообразования и семантической деривации нами выбраны семантические связи между производными и производящими единицами, составляющие неотъемлемый компонент акта вторичной номинации. Семантические отношения между производящими и производными единицами, отражая связи, устанавливаемые человеком в процессе познания мира, позволяют выделить те признаки именуемых сущностей, которые являются значимыми для именующего субъекта в момент наречения и потому ложатся в основу создаваемых наименований. Словообразование и семантическая деривация, опираясь на разные семантические отношения, позволяют объективировать разные структуры знания об именуемых сущностях, распределяя свои функции и обеспечивая семантическое многообразие результативных единиц внутри одного и того же лексического класса.

Так, прерогативу словообразования на базе наименований частей тела составляет выбор объектных отношений в качестве когнитивного основания: лицо обозначается с позиции воздействия на ту или иную часть тела: *das Auge* ‘глаз’ – *der Augenarzt* ‘врач-окулист (обследующий и лечащий глаза)’, *der Bart* ‘борода’ – *der Bartscherer* ‘барбер, специалист по стрижке бороды’, *das Fleisch* ‘мясо’ – *der Fleischer* ‘мясник (работник, разделывающий мясо)’, *das Herz* ‘сердце’ – *der Herzchirurg* ‘кардиохирург’ и др. Вторая специфичная для словообразования функция заключается в опоре на инструментативные отношения между лицом и соответствующей частью тела: *der Fuß* ‘стопа’ – *der Fußsoldat* ‘пехотинец (солдат, идущий пешком)’, *das Gehirn* ‘мозг’ – *der Gehirnakrobat* ‘(разг., шутл.) эквилибрист интеллекта, мыслитель’, *die Hand* ‘кисть руки’ – *der Handweber* ‘ткач на ручном станке (работающий вручную)’, *der Handsetzer* ‘ручной наборщик’ и др. Еще один тип отношений, актуализируемый только в словообразовании, представлен комбинацией партитивных и гиперо-гипонимических связей: обозначение части тела используется для именования целого (человека) при одновременной конкретизации характера или внешности: *das Bein* ‘нога’ – *das Langbein* ‘длинноногий человек’, *der Hals* ‘шея’ – *der Geizhals* ‘(разг.) скряга, скупой’, *der Schreihals* ‘(разг.) крикун’, *der Wagehals* ‘смельчак, сорвиголова’, *der Fuß* ‘стопа’ – *der Leichtfuß* ‘легкомысленный, ветреный человек’. Примечательно, что в ряде случаев характеристика, как правило, относится не столько к самой части тела, сколько к поведению человека, что свидетельствует об идиоматичности подобных экзоцентрических композитов.

Семантическая деривация наименований частей тела, напротив, выбирает при номинации лиц иные семантические отношения между производящими и производными единицами. Например, сходство между головой (*das Haupt*$_1$, *der Kopf*$_1$) и руководителем (*das Haupt*$_2$, *der Kopf*$_3$) может определяться функциональной общностью этих сущностей: как голова «управляет» телом, так и начальник координирует деятельность организации. Однако возможна и интерпретация указанного сходства как локативного: голова представляет собой верхнюю часть тела, в то время как руководитель занимает верхнюю позицию в иерархической структуре соответствующего предприятия. Вместе с тем любая трактовка данного сходства не противоречит тому факту, что словообразование в немецком языке не использует данную связь в качестве мотивировочного признака при номинации лиц на базе наименований частей тела.

Партитивные отношения, позволяющие обозначать лицо с помощью наименования какой-либо части тела, используются, как отмечалось выше, в словообразовании – но лишь в комбинации с гиперо-гипонимическими связями. В то же время семантическая деривация способна опираться на партитивную связь как самостоятельное когнитивное основание для переноса имени: *die Fratze* 1. ‘(разг.) гримаса, рожа’, 2. ‘(разг.) неприятный человек’; *das Gesicht* 1. ‘лицо’, 2. ‘лицо (человек)’; *der Kopf* 1. ‘голова’, 5. ‘голова (человек)’; *der Spitzbart* 1. ‘эспаньолка’, 2. ‘человек с эспаньолкой’.

Таким образом, сопоставление семантических отношений, актуализируемых в словообразовании и семантической деривации, показывает, что данные способы номинации при порождении наименований лиц на базе наименований частей тела идут разными путями, выбирая в качестве оснований связи разные признаки именуемых сущностей. Отчасти это приводит к семантической дифференциации возникших наименований: если словообразовательные производные в большинстве случаев представлены наименованиями лиц по профессии или по характеру, то имена существительные во вторичных значениях либо относятся к общим обозначениям человека, либо служат для номинации лиц, исходя из их социального положения.

Аналогичное разделение функций словообразования и семантической деривации наблюдается и при участии во вторичной номинации наименований орудий труда. Словообразование используется для номинации лиц, которые, как правило, производят или обслуживают орудия труда, т.е. происходит актуализация объектных отношений: *das Messer* ‘нож’ – *der Messerschmied* ‘точильщик ножей’, *die Nadel* ‘игла’ – *der Nadler* ‘игольщик’, *der Nagel* ‘гвоздь’ – *der Nagelschmied* ‘гвоздильщик’. Сфера действия семантической деривации представлена объективацией общности таких семантических компонентов, репрезентирующих соответствующие характеристики цели и источника номинации, как оценка (*der Stift* 1. ‘шпенек’, 2. ‘ученик, подмастерье (занимающий малозначительное место в мастерской, так же как шпенек в составе механизма)’), функция (*die Säge* 1. ‘пила’, 3. ‘неприятный человек, «пилящий» нервы’) и внешний вид (*die Maschine* 1. ‘двигатель,

мотор’, 4. ‘крупная, высокая женщина (устанавливается аналогия с двигателем как сложной, крупной системой)’). Итак, на базе наименований орудий труда исследуемые номинативные способы разделяют свои функции, что обеспечивает номинацию лиц как по профессии (с помощью словообразования), так и по эмоциональным, интеллектуальным и физическим свойствам (как результат семантической деривации).

При номинации лиц на базе наименований психических свойств словообразование и семантическая деривация также дополняют друг друга, выбирая разные связи между тем, чье имя используется в качестве производящей единицы, и тем, что требуется назвать. Оба способа номинации представляют психические свойства как значимую часть человека. Однако если семантическая деривация, как и при употреблении наименований частей тела, использует данный признак в качестве самостоятельного основания и порождает общие обозначения лиц (*die Individualität* 1. ‘совокупность уникальных черт человека’ – 2. ‘личность, индивидуальность’), то словообразование применяется для номинации лиц по интеллектуальным и эмоциональным свойствам, дополнительно конкретизируя исходное психическое свойство: *das Gemüt* ‘душа, характер’ – *der Gemütsmensch* ‘флегматик, человек со спокойным характером’.

Обобщая результаты сравнения двух ведущих номинативных способов, действующих на базе одних и тех же лексических классов и используемых для выполнения общего смыслового задания, можно прийти к выводу о взаимодополняемости результатов словообразования и семантической деривации. Потребность именующего субъекта в объективации многочисленных структур знания о человеке, сопряженная с выбором разных признаков именуемых сущностей, удовлетворяется за счет гармоничного распределения функций основных способов номинации – словообразования и семантической деривации.

О. Ю. Сидорко

ДИСТРИБУТИВНЫЕ ОСОБЕННОСТИ ГЛАГОЛОВ ПРОСТРАНСТВЕННОГО ПОЛОЖЕНИЯ В РУССКОМ И АНГЛИЙСКОМ ЯЗЫКАХ

Базовыми глаголами положения в пространстве являются глаголы *стоять*, *лежать*, *сидеть*, *висеть* в русском и *stand*, *lie*, *sit*, *hang* в английском языках. Первоначально характеризовавшие положение человеческого тела, эти глаголы со временем стали использоваться для описания положения и неживых объектов.

В силу своего категориального значения глагол обозначает не только динамический признак некого объекта действительности, но и содержит в своем значении всю кодируемую ситуацию в свернутом виде (представлена актантной структурой глагола). Из этого следует, что дистрибуция пространственных глаголов дает возможность увидеть, какие признаки объектов

и ситуаций их пространственного размещения предопределяют выбор глагола, и выявить сходства и различия в обозначении их пространственного положения в исследуемых языках.

Дистрибуция имен денотатов с глаголами пространственного положения в английском и русском языках в принципе сходна. В русском и в английском языках позиционные глаголы могут обозначать пространственные характеристики таких объектов, как ограниченные пространства (территории, населенные пункты и т.д.), неподвижные объекты (горы, здания, сооружения и т.д.), подвижные объекты (транспортные средства, мебель, предметы одежды и т.п.) и условно подвижные объекты (тело человека и его части). К отдельному типу относятся объекты, не имеющие четких пространственных границ (свет/тень, мрак и т.п.) и при этом нередко не воспринимаемые зрительно (звуки, запахи, температура). Так, глаголы *стоять* и *stand* характеризуют положение ограниченных пространств (деревня, поля и т.д.), неподвижных (здания и т.п.) и подвижных объектов: *На пристани Низьмы, что оказалась весело* ***стоящей*** *на крутом берегу* ***деревушкой***[1] *... In the north can be found* ***fields of banana plantations standing*** *against the island's dormant volcano* 'На севере можно обнаружить поля банановых плантаций, расположенных рядом со спящим вулканом острова' *...у отца была* ***вилла,*** ***стоявшая*** *на мысе Сирмион. The* ***cottage stood*** *at the end of Lime Street...* 'этот дом стоял в конце Лайм Стрит' *...* ***стоит шкаф*** *на двух ножках и на двух подставках... ...a dais on which* ***stood a table*** *and a hand microphone* 'кафедра, на которой стоял стол и ручной микрофон'. Глаголы *лежать* и *lie*, в отличие от *стоять* и *stand*, употребляются не только с именами ограниченных пространств, неподвижных и подвижных объектов, но и с названиями условно подвижных объектов, т.е. частями тела человека: ***Лежала*** *под окнами пустая* ***улица*** *... On the Pembrokeshire border* ***lies Efailwen****...* 'на границе Пембрукшира находится Эфейлвен' *...****корабль*** *еще* ***лежал*** *на дне моря... This* ***boat is lying*** *in the Bay of Biscay* 'эта лодка находится в Бискайском заливе'. *…беспокоиться о том, чтобы* ***руки*** *плотно* ***лежали*** *на руле... The* ***lens lies*** *immediately behind the pupil...* 'хрусталик находится непосредственно за зрачком' Глаголы *сидеть/sit* и *висеть/hang* сочетаются с именами неподвижных и подвижных объектов: *Знаменский* ***погост сидит*** *на заливе Иртыша... The* ***town sits*** *at/in the bottom of a valley* 'Город располагается в долине'. ***Перчатки*** *должны* ***сидеть*** *как влитые, но не стеснять движений. That* ***coat sits*** *very well on you* 'То пальто сидит на тебе очень хорошо'.

Поскольку объекты могут варьировать свое пространственное положение, то не удивительно, что разные ситуации их локализации, и в русском, и в английском языках, описываются различными глаголами положения, при этом выбор глаголов в этих языках также может быть сходным: *…хлебом можно было подпирать* ***стоящие*** *на полке* ***книги****. ...на полу, среди груды* ***лежащих*** *как попало* ***книг,*** *сидит маленький Андрей... Titles of books are*

[1] Примеры взяты из Национального корпуса русского языка и British National Corpus.

usually lettered on the spine in order to be fully visible as ***the book stands*** *on the shelf* ‘названия книг обычно печатают на корешках для того, чтобы они были полностью видны, когда книги стоят на полке’. *On the tables* ***lie*** *opened* ***books****…* ‘на столе лежат открытые книги’.

На фоне общего сходства в дистрибуции глаголов пространственного положения в русском и английском языках особенно ярко проявляются различия в сочетаемости этих глаголов как с именами разных групп денотатов, так и с именами одной группы. Например, в русском языке глагол *стоять* сочетается с именами объектов, обладающих нечеткими границами и воспринимаемыми органами слуха и осязания, что не характерно для его английского эквивалента: *Утром* ***стояла тишина****. Здесь* ***стояла*** *такая* ***жара****, что легко было сообразить – вулкан не потух, а только дремлет.*

В то же время из группы объектов – ограниченных пространств русский глагол *стоять* описывает пространственное положение населенных пунктов, а глагол *stand* – регионов, областей и им подобных объектов: *На пристани Низьмы, весело* ***стоящей*** *на крутом берегу* ***деревушки****, на длинной скамье сидели нарядные бабы и старушонки... ...****Haibach has stood*** *by the meandering river since 1121* ‘Хайбах стоит у реки с 1121’.

Межъязыковые различия в дистрибуции позиционных глаголов существуют и при репрезентации ими идентичной ситуации локализации определенного объекта. Так, обычное положение автомобиля на дороге в русском языке обозначается глаголом *стоять* (*Покосившаяся узкая улочка, на которой* ***стояла*** *его машина, уже спала*), а в английском языке – глаголом *sit* (*...half of Scotland had left their cars* ***sitting*** *in the middle of roads...* ‘пол-Шотландии оставило свои машины на середине дороги’). Но если машина не в состоянии функционировать, то и в русском и в английском языках ее пространственное размещение будет описываться глаголами *лежать/lie*: ***Машина лежала*** *метрах в десяти, уткнувшись в дерево и кверху колесами. Burned-out* ***cars lie*** *covered in foam…* ‘сожженные машины лежали в дыму’.

Возможность выбора глагола позиции в сочетании с одним и тем же именем денотата, как правило, подразумевает, что репрезентируемый этим именем объект находится в разных пространственных положениях. Однако возможны ситуации, когда объект не меняет своих пространственных характеристик, но возникающая при этом экстралингвистическая ситуация репрезентируется в языке разными глаголами. Например, туман и солнце описываются как *висящие* для обоих языков, в то время как в русском они могут еще и *стоять*: *The* ***mist hangs*** *over the mountains... ‘*туман висит над горами’, *When* ***the sun hangs*** *right over our heads, it is noon...* ‘Когда солнце стоит над головой – это полдень’, *...за окном* ***висел*** *ноябрьский* ***туман****... ...****стоял*** *такой* ***туман****, что самолету пришлось кружить над городом…, «...яркое* ***солнце висит*** *над теснинами Манхэттена ...», ...говорили, обращаясь к* ***стоящему*** *в зените* ***солнцу****...* Кроме того, в английском языке положение населенных пунктов может описывается и глаголом *sit*, что не свойственно русскому языку: *…****Manhattan sits*** *in murky river...* ‘Манхэттен находится на грязной реке’, *...the small* ***village of Leck sits*** *snugly amongst lush trees* ‘Маленькая деревушка Лек скрывается среди роскошных деревьев’.

Таким образом, дистрибуция русских и английских базовых глаголов положения в пространстве характеризуется не только общим сходством, но и рядом различий. Наблюдаемые различия ставят вопрос о причинах, влияющих на выбор глаголов пространственного положения, что требует дальнейшего исследования.

Р. В. Соловьёва

ГАЗЕТНЫЙ ЗАГОЛОВОК „SPRICHT BÄNDE“

Известно, что газетному заголовку отводится ключевая роль в привлечении внимания читателя и общего ознакомления с поднимаемой в статье проблемой. Существует целый ряд статей и более глубоких исследований газетного заголовка как одного из типов рекламного текста, а также палитры существующих приемов, к которым прибегают журналисты в рамках прагматики данного типа текста.

Предлагаемый нами ракурс рассмотрения газетного заголовка как одного из типов дискурса является новым и, вероятно, дискуссионным.

Если понимать дискурс как связный текст в совокупности с различными жизненными, социокультурными, психологическими и другими факторами, т.е. как текст в событийном аспекте, то газетный заголовок вполне может соответствовать данной интерпретации дискурса, а значит быть дискурсивным феноменом. Вполне логично предположить, что не каждый заголовок соответствует дискурсивным требованиям в силу краткости изложения, а порой и некомпетентности автора статьи.

Чаще всего в силу коллизии между требованием краткости заголовка и дискурсивности подачи информации с целью привлечения внимания и дополнительного информирования читателя о проблеме, поднимаемой в предлагаемой статье, авторы прибегают к широко используемому в журналистике приему введения дополнения к заголовку, подзаголовка, своеобразного трафика для читателя. Автору статьи это дает возможность компенсации недостающей дискурсивности.

Профессионально оформленный дискурсивный заголовок может говорить о многом. В качестве примера можно привести заголовок статьи в газете „Frankfurter Allgemeine Zeitung“ от 14 декабря 2014 года *Putins Tempelberg* с достаточно пространным подзаголовком *Der Präsident füttert sein Volk mit großrussischem Opium – und setzt sich selbst unter Zugzwang.*

Следует отметить, что название статьи, несомненно, рассчитано на политически осведомленного читателя, обладающего к тому же фоновыми знаниями. Для выполнения рекламной задачи привлечения внимания достаточно было бы одного упоминания имени «Путин», превратившимся из имени собственного в имя нарицательное, за которым в западной прессе и в западном общественном сознании стоит нарратив негативных представлений, тем самым вызывается мгновенный интерес. Однако автор статьи подключил еще один стилистический прием, а именно, аллюзию, намек на знаковое историческое и сакральное событие – Храмовую гору.

Для непосвященного читателя это может показаться странным, что тоже способствует ознакомлению со статьей. Посвященного же читателя, знающего к тому же историю Храмовой горы, тем самым отсылают к словам русского президента на ежегодном обращении к нации, где Владимир Путин образно сравнил Крым с Храмовой горой. Это сравнение обошло средства массовой информации всего мира. Слова Путина широко цитировались и интерпретировались в немецких средствах массовой информации, в том числе в указанной выше газете: *Die Krim habe für Russland eine große zivilisatorische Bedeutung – jetzt und für immer.*

Krim sei für den Russen so heilig, wie der Tempelberg denjenigen, die sich zur Judentum oder zum Islam bekennen.

Храмовая гора является наиболее священным местом для представителей иудаизма и третье по святости для представителей ислама. Кроме того, по христианскому преданию, Богородица была введена в «Святая Святых» по ступеням южной стороны Храма, которые сохранились по сей день.

Подзаголовок данной статьи выполняет свою самостоятельную функцию, а именно, создает уже до прочтения статьи негативное отношение к русскому президенту и его действиям. Об этом свидетельствует коннотативно маркированный лексический состав подзаголовка *Der Präsident füttert sein Volk mit großrussischem Opium – und setzt sich selbst unter Zugzwang*. Употребление слова «президент» без привязки к конкретной стране уже не корректно и выполняет задачу уничижительного отношения к личности и стране, которую данная личность представляет.

Анализ лексики подтверждает выдвинутый нами тезис о задаче подзаголовка настроить читателя на негативное восприятие действий русского президента и его личности в целом. К тому же, хотя везде подчеркивается, что «негация» не распространяется на русский народ, употребление слова «великорусский» с явно негативным оттенком свидетельствует об обратном. Слово «великорусский» синонимично слову «русский». Однако, поскольку в социалистической и либеральной пропаганде оно употреблялось в сочетании со словом «шовинизм» (понятие великорусского шовинизма использовалось для обозначения господствующего уничижительного отношения русского народа и его государственной власти к остальным народам России, а позднее и СССР), слово «великорусский» приобрело коннотативное значение.

Сочетание слов *sein Volk füttern* «**свой** народ» можно интерпретировать как намек на диктаторский режим Путина.

Народ (das Volk) проглатывает все, что ему навязывают: *füttern – jmdm. Nahrung in den Mund geben.*

Более того, в качестве пищи предлагается опий: *das Opium – als Rauschgift verwendeter, eingetrockneter milchiger Saft von unreifen Fruchtkapseln des Schlafmohns.*

Этим автор дает читателю понять, что Путин видит в народе некую массу людей, находящихся в его безраздельной собственности, которую он потчует великорусскими одурманивающими идеями.

Апофеозом звучат слова, представленные через тире и соединительный союз *und* в значении эллиптического вывода, что призвано усилить впечатление неизбежности результата действий президента: – *und setzt sich selbst unter Zugzwang*. Существительное *Zugzwang* заимствовано из шахматной игры. Термин «цугцванг» часто применяется в шахматных композициях как парадок-сальный элемент, т.е. это положение в шахматах, в котором любой ход игрока ведет к ухудшению его позиции. В эту позицию либо старается загнать игрока его визави, либо он сам себя туда загоняет по каким-то причинам. Таким образом, речь идет о том, что президент России в вопросе Крыма сам себя «загнал» в угол, и любое его дальнейшее действие ухудшает позиции.

На основании анализа приведенного в качестве примера заголовка можно сделать вывод о том, что заголовок может быть чрезвычайно информативным, полифункциональным, дискурсивно значимым.

A.-A. Soroka, A. Lavrovsky

GENDER MARKED AND GENDER NEUTRAL JOB TITLES: A MATTER OF COMMUNICATION

The language is a mirror of different processes happening in the society. Effective communication in a language is possible only when these processes are clearly understood. This is why we got interested in the ways job titles reflect gender-related issues in the sphere of professions. Having two major groups of job titles in the English language: 1) gender-specific job titles; 2) gender-neutral job titles – seriously complicates effective communication in professional sphere, as one should be able to name people by their professions correctly.

The importance of correct usage of job titles in communication makes our research topical. We assume that the possibility to outline the correlation between gender neutral and gender specific job titles helps to choose correct communication strategies in the modern English, especially for native speakers of Russian.

Historically men have always been considered the principal breadwinners, so there are quite a lot of male-identified job titles in the English language such as baker, builder, butcher, carpenter, tailor, etc. Fortunately, the world of different professions is becoming more accessible to women. The gender issues have become a matter of vital importance nowadays. This matter is especially important as Russian and Belarusian speakers of English find it difficult to choose the best strategy of communication because they tend to interpret certain job titles as male-identified. To confirm this idea we conducted a survey involving 107 respondents to see if they identify traditional forms of English job titles as male, female or neutral.

The results show that the respondents tend to interpret the job titles as male- or female-identified according to the suffixes. Surprisingly, we did not get any significant amount of neutral interpretations.

In addition to suffixation, the English language also uses a certain number of words which form compounds with female meaning. However, it was discovered that female versions of job titles had a disparaging effect. As a result women worldwide are paid less than men in the same position.

Nowadays using special forms to name female job titles is considered to be a form of gender-biased language, as female versions of traditional job titles started to gain disparaging, lower and even negative associations. To avoid these negative effects there have been attempts to introduce some special suffixes to form new, gender-neutral job titles, for example: *actron* (both actor and actress), *waitron* (both waiter and waitress).

However, these new suffixes haven't gained much popularity.

This is why nowadays there is a movement towards removing female suffixes from job titles altogether. The solution lies in creating new job titles, which do not contain any gender marked elements, either female or male.

М. В. Турчинская

УНИВЕРСАЛЬНОЕ И СПЕЦИФИЧЕСКОЕ В ЗНАЧЕНИЯХ СЛОВ *MAN/WOMAN* В АНГЛИЙСКОМ ЯЗЫКЕ И *МУЖЧЫНА/ЖАНЧЫНА* В БЕЛОРУССКОМ ЯЗЫКЕ

Изучение лексико-семантических универсалий представляется одним из наиболее интересных и актуальных направлений современных сопоставительно-типологических исследований, способствующих выявлению не столько специфических, сколько общих закономерностей формирования и функционирования семантических категорий на фоне разных языков. В рамках этой проблематики особый исследовательский интерес представляет изучение семантической категории пола, коррелирующей с соответствующей естественной категорией и репрезентирующей информацию о биологическом поле денотата. Например, значения таких слов, как *daughter* 'дочь', *actress* 'актриса', *ewe* 'овца', помимо иных признаков, заключают в себе информацию о женском биологическом поле обозначаемой сущности, в то время как значения слов *father* 'отец', *boy* 'мальчик', *bull* 'бык' указывают на мужской биологический пол денотата.

Естественное деление живых существ по половому признаку, в той или иной степени, манифестируется во всех языках, что позволяет говорить об универсальном характере этой семантической категории (М. Кронгауз, 2001). В терминологии Л. Талми данная универсалия является «инонаправленной» "other-directed" (или, согласно Дж. Гринбергу, «импликационной» (Дж. Гринберг, 1970)), так как «наличие одного признака обусловливает существование в языке определенного иного» (L. Talmy, 2008). Иными словами, существование семантического признака 'мужской' подразумевает наличие противоположного ему 'женского' признака, и, если в языке имеется слово *мужчина*, обозначающее 'лицо, противоположное женщине по полу', в данном языке будет существовать и лексическая единица со значением 'лицо, противоположное мужчине по полу'.

Результаты исследований, проведенных А. Вежбицкой и К. Годдардом, свидетельствуют о том, что слова *man* и *woman* и их эквиваленты в других языках представляются одними из первых кандидатов на статус универсальных семантических молекул, из которых выстраивается представление о людях противоположных полов в разных языках мира (C. Goddard, 2014). Очевидно, что эти номинации обладают не только гиперонимическим статусом по отношению ко всем иным наименованиям лиц мужского/женского пола, но и являются прототипичными представителями данной категории. Исходя из этих наблюдений, возникает вопрос: какие знания о дифференциации по половому признаку фиксируются в значениях этих лексико-семантических универсалий в системах разных языков? Результаты комплексного исследования значений лексических единиц *man/woman* в английском языке и *мужчына/жанчына* в белорусском языке (дефиниционно-сопоставительный анализ, контекстуальный анализ, сопоставительный анализ исходного значения слова и значений его производных) указывают на то, что в значениях данных единиц актуализируется целая система характеристик, сопряженных с семантическим признаком пола. Типы установленных признаков идентичны в сопоставляемых языках и репрезентируют элементы знаний о перцептивных и физиологических (например, *as* ***big*** *as a* ***man's hand*** ‘большой, как ладонь мужчины’, *as* ***tall*** *as a* ***man*** ‘высокий, как мужчина’; *дужыя* ***мужчынскія рукі***; *...у ім ляжалі* ***вялікія*** *– па* ***мужчынскаму*** *кулаку – кавалкі мяса*; *…she recalled thinking how* ***small*** *his hands were: rather* ***like a woman's***. ‘…она постоянно вспоминала о том, какие маленькие у него были руки: как у женщины’; *...з па-****жаночаму маленькім*** *ртом*); поведенческих и психологических характеристиках обозначаемых сущностей (например, *man* → ***to man*** ‘мужаться, брать себя в руки’; *…штосьці* ***смелае, мужчынскае*** *праступала ў яго танцы*; *з* ***мужчынскаю доблесцю*** *ў сэрцы; She's a beautiful woman, but she can be as* ***hard*** *as a* ***man*** ‘Она красивая женщина, но может быть твердой, как мужчина’; *У братавых вачах было больш хлапецкай гарэзлівасці, чым* ***мужчынскай цвёрдасці;*** *woman* → ***womanly*** ‘женственный, мягкий, нежный’; *сонечнай паэзіяй залатога лісця і амаль* ***па-жаночы пяшчотных*** *дотыкаў ціхага, светлага, лёгкага павуцiння; ціха і па-****жаночаму ласкава***).

Несмотря на то, что исследуемые наименования в белорусском и английском языках характеризуются практически аналогичным спектром свойств, сопряженных с семантическим признаком пола, в проанализированном массиве данных были выявлены и специфические признаки, свойственные значениям *man/woman* в английском языке и *мужчына/жанчына* в белорусском языке. Например, в отличие от белорусского языка, в английском языке в значениях слова *man* профилируется свойство ‘агрессивность’ (*...so parents tend to approve of* ***aggression*** *in their male offspring as* ***'manly'*** ‘…родители склонны оправдывать агрессивность своих отпрысков мужского пола как «свойственную мужчине»’); признак ‘трусливость’ реализуется в значениях слова *woman* (*to play the* ***woman*** ‘плакать, трусить; вести себя,

как не подобает мужчине, быть «бабой»). Специфическими для белорусского языка являются признаки ‘помощь’, ‘ласка’ в семантике слова *мужчына* (*…і ён павінен чымсь* ***пасабіць, як мужчына****…*; *адчувалася нерастрачаная жаночая пяшчотнасць і жаданне* ***мужчынскай ласкі і моцы***) и ‘болтливость’ в значениях слова *жанчына* (*Ты шмат п’еш*, *Дзітрых*, *а калі чалавек вып’е, ён робіцца* ***балбатлівы, як жанчына***).

Лингвоспецифические свойства, сопряженные с семантическим признаком пола в значениях исследуемых единиц, представлены единичными признаками из группы психологических и поведенческих свойств и, вероятно, обусловлены социально детерминируемыми стереотипными представлениями об отличительных чертах представителей разных полов. Таким образом, гамма свойств, профилируемых в значениях этих слов, репрезентирует представления не только о естественном противопоставлении по признаку пола, но и о гендерной дифференциации лиц в исследуемых языковых сообществах. Некоторые выявленные в исследуемом материале компоненты репрезентируют элементы концептуальной информации о весьма тонких ассоциациях с гендерно-обусловленными характеристиками, которые ложатся в основу сложных авторских образов и идентифицируются носителями языка в созданном контексте посредством широкого спектра фоновых знаний и ассоциаций: *…джунглі.* ***Дыханне*** *іх было,* ***як подых жанчыны*** *ля яго вуснаў*; *I was told once that* ***a good vintage*** *should be* ***like a woman*** *–* ***full-bodied*** *and* ***generous***. ‘Однажды мне сказали, что **хорошее винтажное вино** должно быть, **как женщина – полнотелое** и **благородное**’.

В силу того, что лексические единицы *man, woman* в английском языке и *мужчына, жанчына* в белорусском языке формируют ядро семантической категории пола, репрезентируя в своих значениях все многообразие концептуального знания о типичных характеристиках оппозиции ‘мужское – женское’, встает вопрос об универсальности и культурной обусловленности выявленных характеристик. Результаты проведенного исследования показали наличие широкого круга общих свойств в значениях данных номинаций. Тем не менее, установление того, какие из выявленных общих признаков репрезентируют общеевропейские представления об исследуемой категории, а какие свойства репрезентируют кванты универсального для всех людей знания о противопоставлении по признаку пола, должно стать целью дальнейшего исследования вопросов взаимодействия языка, мышления и культуры.

З. А. Харитончик, Лю Янь

МОДЕЛЬ ЛЕКСИКОГРАФИЧЕСКИХ ДЕСКРИПЦИЙ НАИМЕНОВАНИЙ ЖИВОТНЫХ В ТОЛКОВЫХ СЛОВАРЯХ

Важнейшей задачей и главной трудностью лексикографов при составлении толкового словаря, как известно, является выбор из всего имеющегося объема знаний об именуемых классах объектов, явлений, отношений и т.д. той информации, которая позволит его пользователям легко и однозначно

распознать семантику лексических единиц и идентифицировать обозначаемые ими сущности. Насколько неоднозначными могут быть решения, принимаемые авторами словарей, легко увидеть из вариативности лексикографических дефиниций, репрезентирующих значения одних и тех же слов в разных толковых словарях того или иного языка, и еще более из своеобразия лексикографических дескрипций эквивалентных единиц в словарях разных языков. Так, в Семантическом словаре под редакцией Н. Ю. Шведовой слово *лошадь* имеет значение ‘крупное домашнее животное, используемое для перевозки людей, грузов и т. д.’[1], в то время как в Словаре современного китайского языка о Mǎ 马 сообщается: Bǔ rǔ dòng wù, jǐng shàng yǒu zōng, wěi shēng zhǎng máo, sì zhī qiáng jiàn, shàn pǎo, gōng rén qí huò lā dōng xī. 1. 哺乳动物，颈上有鬃，尾生长毛，四肢强健，善跑，供人骑或拉东西。, что это ‘млекопитающее, с гривой на шее, длинным волосяным хвостом, сильными конечностями, умеет бегать, используется для перевозки людей, грузов’. В толковом словаре Лонгман современного английского языка слову «horse» ‘лошадь’ дается следующая дефиниция – a large strong animal that people ride and use for pulling heavy things ‘большое сильное животное, на котором ездят люди и которое они используют для перевозки тяжестей’. Различия, как явствует из приведенных описаний, затрагивают не только классифицирующий компонент значения, иерархический уровень представления которого не совпадает – ‘млекопитающее’ в китайском языке, ‘животное’ в английском и ‘домашнее животное’ в русском, но и более конкретные типы информации об обозначаемом животном. На фоне общего для дефиниций в анализируемых словарях указания на функции лошади (ее использования для перевозки людей, грузов и т. д.) выявляются различия в описании физических свойств лошади. В словаре китайского языка дается детальная дескрипция внешнего вида, строения лошади (наличия гривы, хвоста, конечностей с их перцептивными характеристиками), подчеркивается умение бегать. Дефиниция в словаре английского языка оказывается в этом плане более краткой и содержит только информацию о размере и силе лошади, в то время как в словаре русского языка она ограничивается лишь указанием на размер животного.

Нельзя не заметить, однако, что при всех различиях в информации, содержащейся в словарных семантических дескрипциях словозначений одной лексико-семантической группы (в данном случае – наименований животных), лексикографы следуют некоторой модели описания значений единиц группы (единому семантическому стержню, в концепции А. Вежбицкой). Относительно наименований животных эта модель в ее максимальном виде включает, в первую очередь, классифицирующий компонент, а также информацию о строении, размере, силе и других перцептивных свойствах как животного в целом, так и его частей, возможностях использования людьми (функцию), месте обитания (для диких животных).

[1] При анализе лексикографических дескрипций мы ограничиваемся только той частью дефиниции, которая представляет собой экспликацию значения слова, и не затрагиваем грамматические аспекты в описании.

Очевидно из сравнения лексикографических дескрипций словозначений одной лексико-семантической группы и то, что внутри модели существует дифференциация компонентов, ее составляющих, на обязательные и факультативные. Примечательно, что обязательным компонентом семантического описания в толковых словарях является информация о принадлежности обозначаемого к тому или иному классу. В описаниях наименований животных эта информация может быть частью научной таксономии животного мира (млекопитающее, парнокопытное, жвачное и т.д.) или составлять фрагмент наивной систематики мира (домашнее/дикое животное). Полученные данные свидетельствуют также и о том, что важным фактором при выборе знаний, репрезентируемых в значениях лексических единиц, является известность того или иного животного носителям языка. Если авторы толковых словарей русского языка считают необходимым включить в семантическую дескрипцию слов *тигр*, *леопард*, *слон* и др. сведения о местах обитания обозначаемых видов диких животных, то в толковом словаре китайского языка данная информация в описании слова Hǔ 虎 ‘тигр’ опускается, по-видимому, как хорошо известная жителям Китая.

Таким образом лексикографическая практика демонстрирует самым убедительным образом то, что в репрезентируемом языковыми единицами знании о мире ядерным и самым значимым является знание о категориальной принадлежности обозначаемого класса объектов, явлений, в обобщенном виде предстающее в классифицирующем компоненте значений слов, за которым следует функция, отражающая связь обозначаемого с человеком. Разнообразие характеристик объектов, объединяемых в категорию по принципу фамильного сходства, лежит в основе вариативности лексикографического описания как в единой, так и в разных лексикографических традициях.

Е. Э. Шуранова

О КЛАССИФИКАЦИИ ИМЕН СУЩЕСТВИТЕЛЬНЫХ, ОБОЗНАЧАЮЩИХ ПУСТЫЕ ПРОСТРАНСТВА

Традиционно под именами понимаются все слова и словосочетания, выступающие в суждениях как обозначения каких-либо объектов, денотатов. Однако во всех европейских языках есть имена, которые способные к нереференциальному, безденотатному употреблению, например, *дыра/das Loch, прорубь/das Eisloch, глазок/das Guckloch, лазейка/das Schlupfloch, шурф/der Schurf, впадина/die Senke.* Из примеров видно, что сущности, выражаемые данными именами, обозначают пустые пространства. В работе представлены результаты исследования типов пустых пространств, получающих обозначения данными именами в немецком и русском языках. Для этого из толковых словарей немецкого и русского языков методом сплошной выборки отобраны все имена, в дефиницию которых входят слова типа *отверстие, пустота*. Выборка для немецкого языка составила 114, а для русского – 79 единиц.

Анализ дефиниционного состава отобранных имен показал, что их можно подразделить на три класса в зависимости от типа прототипических слов – названий пустот – в их значениях: 1) отверстия; 2) углубления; 3) полые пространства. Установлено, что все отобранные субстантивы включают в себя информацию о том, расположена ли эта пустота внутри объекта (*die Kaverne* – «künstlich angelegter unterirdischer **Höhlraum** ‘*каверна* – «искусственно созданное подземное **полое пространство**»’) либо снаружи. Информация о расположении снаружи извлекается путем логического вывода из эксплицитных указаний на нарушение или сохранение целостности поверхности объекта, например, нарушение целостности поверхности: *der Schlitz* – «längliche, schmale **Öffnung** in etwas» ‘*разрез* – «длинное, узкое **отверстие** в чем-либо»’; *die Furche* – «linienmäßige **Vertiefung** im Boden» ‘*борозда* – «линейное **углубление** в земле’».

В количественном плане данные имена в немецком и русском языках представлены различно. Так, в немецком языке в большей степени представлены отверстия (45 лексических единиц), на втором месте – углубления (43 лексические единицы). В русском языке превалирующими в количественном плане оказались имена, обозначающие углубления (33 лексические единицы), имена, обозначающие отверстия, занимают второе место (24 лексические единицы). В обоих языках в меньшем количестве представлены полые пространства (17 – в русском языке и 22 – в немецком языке). Можно предположить, что большее количество наименований для отверстий и углублений обусловлено их расположением на поверхности и отсюда доступностью для зрительного восприятия.

Установление причин количественной асимметрии имен для обозначения выделяемых типов пустот в немецком и русском языках станет задачей дальнейших исследований.

СТИЛИСТИКА И ЛИНГВИСТИКА ТЕКСТА

Т. Ф. Бурлак

ЛИНГВОСТИЛИСТИЧЕСКИЕ ХАРАКТЕРИСТИКИ АНГЛОЯЗЫЧНЫХ РЕКЛАМНЫХ СЛОГАНОВ

В настоящее время реклама стала неотъемлемой частью современного мира, она выходит за рамки экономической сферы, используется и в политике, и в религии, отражает разные стороны жизни людей, формирует его и воздействует на него посредством широкого комплекса методов и приемов. Экономическая реклама направлена на пропаганду и продвижение новейших достижений в области товаров и услуг, а с появлением на конкурирующем рынке все большего количества предметов, предлагаемых для продажи, становится более изощренной, ибо это важное средство формирования у потенциального покупателя знания о новом продукте и услуге с целью стимулирования спроса.

При этом большое значение придается выбору вербальных средств речевого воздействия, которые варьируются в зависимости от целевой группы – объекта воздействия рекламы, т.е. женщин, мужчин, молодежи, – и от средств, предназначенных для удовлетворения потребностей человека в самореализации, жизнеобеспечении, самосохранении.

Социальная задача рекламы, таким образом, определяет ее коммуникативную задачу, решение которой связано с прагматической установкой на регулирование социального поведения потенциального потребителя. Основной функцией рекламы, реализующей акт коммуникации, является функция психологического воздействия (манипулирования) и убеждения (персуазивности) через информирование. Все это может осуществляться как эксплицитно, так и имплицитно.

Классическая структура рекламы предполагает наличие слогана, заголовка, подзаголовка, основного текста, заключения (эхо-фразы). И хотя все эти составляющие важны для рекламы, слоган, который может использоваться и вне текста, играет в ней особую роль.

Слоган (*slogan*: *этим. sluagh – ghairm = army-shout*) – это шотландский боевой клич. В современном рекламном бизнесе с л о г а н – это спрессованная до формулы суть рекламной концепции, доведенная до совершенства легко запоминающаяся мысль, краткая фраза, своеобразный словесный портрет фирмы, товара или политического деятеля, если говорить о политической рекламе. Вспомним, например, знаменитую фразу из инаугурационной речи Дж. Ф. Кеннеди: *Ask not what your country can do for you, ask what you can do for your country*.

Основные требования к слогану – быть кратким и запоминающимся, его цель – привлечь внимание, вызвать интерес, запомниться и вызывать ответные действия. То есть слоган должен полностью соответствовать известной

формуле AIDA, предложенной в 1899 году Э. Льюисом. AIDA расшифровывается как *Attention* (‘внимание’), *Interest* (‘интерес’), *Desire* (‘желание, потребность’), *Action* (‘действие’), причем вызывать все эти реакции необходимо быстро, точно и целенаправленно, так как полный текст рекламы читают не всегда и не все. Исходя из этого, роль слогана в создании имиджа компании, ее продукта и т.п. чрезвычайно высока, а его персуазивный характер неоспорим.

Роль персуазивной техники эксплицируется в слогане через систему стилистических средств различных языковых уровней. При этом цель использования стилистических средств не в создании образности, не в обогащении языка, а в убеждении.

Важность и роль слогана в рекламе подчеркивает то значение, которое придают слогану некоторые фирмы. Так, фирма, производящая «Coca-Cola», за время своего существования создала 57 вариантов слогана, которые она использовала в разных странах и регионах мира, начиная с *Drink Coca-Cola and enjoy it* (1886), заканчивая *Taste the Feeling* (2016). При этом самым популярным стал слоган *The pause that refreshes* (1929).

Компания «McDonald’s» может похвастаться 46 слоганами, начиная с 1961 г., из которых самым популярным является *I’m Lovin’ It* (2003), использующий строку из песни Джастина Тимберлейка.

Структура слогана может варьироваться от словосочетания – *The Listening Bank* (Midland Bank) – до предложения: *The car in front is a Toyota* («Toyota»). При этом он может включать от двух до одиннадцати слов: *Get More* («T-Mobile»); *The Milk Chocolate Melts in your Mouth, Not in your Hand* («M&Ms»).

В среднем же в слогане используется от трех до шести слов: *Fly the Friendly Skies* («United Airlines»).

В слоганах встречаются лингвостилистические средства самых разных уровней. Так, в группе фонографических средств можно отметить вариации шрифтами, цветом, а также использование аллитерации, ономатопии, графона и графических символов:

I love What You Do To Me («Toyota»);

Mischievous. Mixable. Magical («Bacardi Lemon»);

Snap! Crackle! Pop! («Kellog’s Rice Crispies»).

Лексические синтаксические и морфологические стилистические средства могут быть самыми разнообразными: метафоры, метонимии, эпитеты, параллельные конструкции, инверсия и т.п. Интересно отметить, использование игры слов и зевгмы, вызывающих улыбку и создающих юмористический эффект, атмосферу задушевности и непринужденности:

Have a coke and a smile («Coca-Cola», 1979);

If you want to Get ahead, Get a hat («Hat Council»).

Такая атмосфера может создаваться и комбинацией нескольких стилистических приемов, например, в знаменитом слогане компании «MacDonald’s» *I’m Lovin’ It*, в котором есть графические средства: использование прописных

букв; графон – отсутствие буквы «g» в окончании создает эффект разговорной речи, свойственной обычным людям; транспозиция – использование глагола *love* в форме Continuous Tense, чтобы подчеркнуть длительность процесса наслаждения продуктом. Функция лингвостилистических средств заключается в том, чтобы привлечь внимание потенциальных покупателей (потребителей) разного интеллектуального уровня, например, обыграть известную идиому или поговорку: *A Mars a Day Helps You Work, Rest and Play* («Mars») или использовать латинское выражение, оригинал которого может быть известен не всем: *I Think, therefore IBM* (IBM) (трансформация фразы Декарта: *Cogito, ergo sum = I think, therefore I am*).

Синтаксические и морфологические средства служат той же цели: установлению контакта, доверительной атмосферы с потенциальным собеседником, например, рекламируя товар в повелительном наклонении, которое воспринимается не как императив, а как совет:

Have a break. Have a Kit-Kat («Kit-Kat»);

Just Do it («Nike»);

Don't just book it. Thomas Cook it («Thomas Cook Travelling Agency»).

В двух последних примерах слово *just* снижает определенную императивность предложения.

Таким образом, для придания слогану экспрессивности могут использоваться самые различные лингвостилистические средства, относящиеся к разным уровням. Их умелое сочетание помогает создать наиболее запоминающийся и уникальный слоган, обеспечивающий оптимальное выполнение его функций и целей. Знаменитый слоган компании «De Beers» *A Diamond is Forever*, может сегодня звучать следующим образом: *A Good Slogan is Forever!*.

М. А. Гладко

СТРАТЕГИЯ ПОБУЖДЕНИЯ К ДЕЙСТВИЮ В РАДИОПРОСТРАНСТВЕ БЕЛАРУСИ

Радиовещание оказывает несомненное психологическое влияние на людей. В системе СМИ радио, ориентированное прежде всего на слуховое восприятие, более других воздействует на воображение человека. Оно помогает слушателю выйти из той эмоциональной «стабильности», в которую приводят его бесконечно повторяющиеся служебные, рабочие и бытовые обстоятельства, условия среды, регламентирующие развитие личности. Эти свойства радио позволяют успешно взаимодействовать с телевидением, сохраняя при этом неповторимые методы и формы воздействия на аудиторию, а также интерес слушателей.

С появлением FM-рынка и развитием конкуренции в радиовещательном пространстве появился новый подход в понимании работы радиоведущего и необходимости разработки новых творческих методов их работы: радиопублицистика стала не востребована на «современных» станциях. На FM-станциях наступило время ди-джеев, а их главной задачей – веселить

и развлекать аудиторию любыми средствами: музыкальной мозаикой, импровизациями и подготовленными шоу, телефонными розыгрышами, шутками и анекдотами, играми и т.п.

Рассмотрим некоторые востребованные тактики, реализующие стратегию побуждения к действию в передачах популярных радиостанций Беларуси «Юнистар» и «Русское Радио». Перед ведущими утренних программ стоит непростая задача не только разбудить своих слушателей, но и привлечь их внимание к контенту. Именно поэтому радиоутро начинается с конкурсных передач, например, «Утро в большом городе». Отметим, что слушатели проявляют высокую заинтересованность в конкурсах. Практически все запросы ведущих вызывают ответные отклики к установленному времени. Показателями взаимопонимания между коммуникаторами «Утра в большом городе» и его слушателями являются sms-сообщения, звонки в эфир, сообщения в Интернете, сосредоточенность при ответах на вопросы ведущих, возгласы одобрения, смех, рабочая тишина в эфире.

Особенностью стиля ведущих утреннего шоу является использование юмора и подшучивания друг над другом, что также помогает быстро завоевать аудиторию.

Особое место в палитре тактик побуждения к действию занимает тактика б л а г о д а р н о с т и, которая укрепляет отношения «слушатель – ведущий», способствует благоприятному отношению к радиостанции и передаче: *Спасибо, что вы с нами! Спасибо, что слушаете нас!*. Данная тактика используется в сочетании с тактиками: обращения к эмоциям, ценностям, пользе. Лексика благодарности успешно комбинируется с положительно заряженными лексемами, описывающими эмоции *приятно*, *удивительно*, *радостно*. Цепляют внимание слушателей программирующие высказывания, содержащие апелляции к новому, пользе, интересу: *Спасибо, что вы с нами! Далее будет много* ***интересного****! Оставайтесь с нами, и вы* ***узнаете****, что… .*

Тактика п о х в а л ы неразрывно вплетается в ткань радиопространства. Использование различных жанров похвалы весьма продуктивно, способно изменить ситуацию в нужном ключе. При помощи похвалы адресант может добиться от адресата желаемого поведения. В ходе ее реализации радиоведущий намеренно эксплицирует превосходство слушателя в области принятия правильного решения, знаний, умений. Для этого используются эмотивно-оценочные регулятивы – тип речевых оценочных высказываний, включающий все виды похвал, выраженные прилагательными положительной оценки: *умница*, *молодец*, *великолепный*, *отличный*, *замечательный*. Убеждающий потенциал эмотивно-оценочных регулятивов заключается в том, что они являются обязывающими, так как требуют от человека определенного действия, имплицитно побуждают получателя сообщения к дальнейшему соблюдению такой же схемы действия: *Спасибо за то, что были с нами! Спасибо за активное участие в диалоге! Вы* ***молодцы****!*.

Тактика п о о щ р е н и я стимулирует слушателей к дальнейшему прослушиванию радиопередач, активному участию в конкурсах, обсуждению и т.п. Применение данной эмоционально-настраивающей тактики позволяет одновременно оценить предыдущие действия слушателей и дать им установку на дальнейшую деятельность в долгосрочной перспективе.

Поощрение может быть представлено несколькими вариантами трехкомпонентной формулы: «благодарность (выраженная лексемой *спасибо*, иногда в сочетании с усиливающим прилагательным) + тактика обращения к ценностям (оценочное прилагательное/наречие/существительное) + побуждение к действию»: *Большое спасибо за то, что вы с нами!* ***Желаю удачи всем, кто будет участвовать в нашей игре!***.

Особой побуждающей тактикой, направленной на формирование атмосферы доверия, сотрудничества, является тактика обращения к э м о ц и я м. Апеллируя к эмоциям, адресант имеет возможность получить положительный отклик на просьбу, побудить слушателя к действию. В пространстве белорусских радиопередач активно задействуется палитра положительных эмоций (уважения, гордости, радости). Воздействие на группу положительных эмоций способствует созданию ощущения у адресата комфорта, удовлетворенности, желания продолжать позитивно ориентированное общение.

Таким образом, позитивно окрашенная, моделирующая поведение слушателей стратегия побуждения к действию является одной из ключевых коммуникативных стратегий, поддерживающих интерес к современному радио.

О. М. Долженкова

ХРОНОТОП «ЭКСПЕРИМЕНТ» В НАУЧНОМ ТЕКСТЕ

Пространственно-временная структура текста – это сегмент семантики, который отражает пространственные и временные параметры (т.е. структуру и динамику) представленной в тексте модели действительности. Минимальным структурно-смысловым элементом пространственно-временной структуры (далее П-В) мы считаем хронотоп как сегмент семантики текста, отображающий пространственные и временные параметры одного референтного центра.

Для комплексного анализа П-В структуры текста необходимо учитывать состав субъектов текста (т.е. вычленить основные элементы описываемой ситуации), видо-временную отнесенность предикатов, а также весь набор разноуровневых языковых средств, имеющих пространственное и временное значение в той или иной степени выраженности (эти средства мы называем П-В маркерами).

На материале 10 статей по психологии, физике, лингвистике, литературоведению была выявлена типовая структура, состоящая из пяти хронотопов с разной степенью выраженности в тексте. К хронотопам научной статьи относятся основные «объект исследования» и «эксперимент», а также вспомогательные «область науки», «данная статья» и «автор».

Остановимся на хронотопе «эксперимент». Он встречается не во всех статьях, его удалось выявить только в пяти статьях из десяти (психология, физика). В исследованных статьях по лингвистике и литературоведению этот хронотоп отсутствует. Таким образом, основные характеристики данного хронотопа приводятся на базе пяти научных статей.

Хронотоп «эксперимент» имеет конкретную референцию и в большинстве случаев направлен на прошлое, является закрытым, завершенным. Например, в статье «Can young preschool children be trained to perform percept deprivation tasks?», П-В маркеры, относящиеся к данному хронотопу, имеют определенные артикли, встречаются числительные, топоним, а также преобладают глаголы в форме Past Indefinite: ***the number of positions*** *in which* ***the screen could be placed was limited****, as* ***the screen was attached*** *to* ***a set of runners on the table****;* ***thirty participants (15 girls) from nursery schools in central Scotland took part****;* ***at the beginning of each trial****,* ***the child was seated at a small table (55×55 cm)*** *either* ***to the right-hand side of the experimenter****,* ***the left-hand side of the experimenter****, or* ***opposite the experimenter****.*

Направленность на настоящее также встречается, например, в статье *Binary black holes, gravitational waves, and numerical relativity* преобладают глаголы в форме Present Indefinite, что связано с панхроночностью самого объекта исследования: *We then* ***evolve*** *the black holes using the coordinate conditions for moving punctures [22], which* ***allows*** *the black* ***holes to move freely across the grid***; ***Initially****, we* ***set up*** *the black hole binary* ***in a numerical domain***; *We* ***begin*** *with two or more boxes* ***centered on each individual black hole****, and then* ***a box centered on the origin*** *that* ***encompasses*** *both black holes.*

Основные элементы ситуации определяются по частотности употребления в позиции подлежащего в предложениях с П-В маркерами. В хронотопе «эксперимент» основными элементами могут являться как объекты исследования, так и участники эксперимента, а при отсутствии участников – субъекты исследования (ср.: *we* в последнем примере).

Структурно хронотоп «эксперимент» является смешанным и развивается одновременно по двум моделям: описание процесса или процедуры эксперимента (физический, примарно время) и представление результатов эксперимента (моделирующий, примарно пространство). Эти два измерения хорошо прослеживаются, например, в статье «Confirmatory factor analysis of the social anxiety scale for children».

Процесс эксперимента описывается при помощи лексических единиц и конструкций с семантикой длительности, глаголов в прошедшем времени: *While there was some variation* ***in the length of survey sessions*** *across classes,* ***the time taken to complete the scale never exceeded 15 minutes****.* ***During the survey sessions****, students* ***were assured****; Although classroom* ***teachers were present during the testing sessions****.*

Результаты эксперимента представлены диаграммами «Final confirmatory factor **model**», а также пространственной лексикой со значением «больше – меньше»: *Freeing this parameter produced* ***a further significant decrease in χ2****; all associated fit indices* ***were within acceptable ranges****; error variances for some items (e.g., "thinkof" on FNE)* ***were still moderately high****.*

Таким образом, хронотоп «эксперимент», наряду с хронотопом «объект исследования», относится к основным, наиболее информативным хронотопам научной статьи. Они чаще всего противопоставлены друг другу по параметрам направленность в прошлое/панхроничность, а также конкретная/обобщенная референция. И тот и другой хронотопы обычно являются сложными и объединяют в себе две базовые П-В модели: динамичный процесс

с преобладанием времени и статичную структуру с преобладанием пространства. Основные функции хронотопов «эксперимент» и «объект исследования» в научной статье – это решение научной проблемы и информирование, их прагматика выражается в силе самой концепции и аргументации. Воздействующий аспект проявляется лишь в соответствии нормам научной речи.

Г. А. Каспирович

ПОНЯТИЕ *ТИП ТЕКСТА* И ОСОБЕННОСТИ ЕГО ТОЛКОВАНИЯ В ГЕРМАНИСТИКЕ

К настоящему времени лингвистика текста оформилась как отдельная научная дисциплина, однако ее статус среди других научных дисциплин еще далеко не определен, так как проблемами текста занимаются и другие науки. Обращение к научной литературе по лингвистике текста показывает, что многие отечественные и зарубежные лингвисты уделяют большое внимание в своих работах проблеме типологизации текстов, однако сегодня не существует единого и четкого определения *типа текста*.

Известный российский германист К. А. Филиппов дает следующее толкование: «В современной лингвистике для характеристики устойчивых текстовых форм и конкретной реализации данной формы в речи применяют термины *тип текста* (*Textsorte*) и *экземпляр текста* (*Textexemplar*). Общеизвестно, что понятие *тип текста* является центральным в немецкой и русской лингвистике текста. Оно основывается на регулировании признаков, которое позволяет классифицировать тексты. В качестве основы при идентификации в зависимости от предмета исследования могут служить различные признаки». Однако понятию типа текста не дается однозначная дефиниция. Принципиально понятие *тип текста* может рассматриваться в качестве обозначения группы текстов (как письменных, так и устных), которые отличаются констелляцией определенных признаков.

Таким образом, термин *тип текста* трактуется неоднозначно, и многие ученые понимают его по-своему, именно поэтому существуют различные подходы к его определению и к проблеме типологизации текстов. По мнению К. А. Филиппова, под типом текста (*Textsorte*) понимается форма текста, в которой реализуется коммуникативное намерение говорящего, а также которая строится по определенным правилам и нормам. Таким образом, каждый конкретный текст (*Textexemplar*), наряду с грамматическими, лексическими, фонетическими и иными особенностями своей структуры, обладает также специфическими для данного типа речевых произведений текстовыми признаками.

В российской и зарубежной лингвистике существуют серьезные различия в традициях и сложившихся подходах к членению текстового континуума. Кроме того, объективные трудности создания более или менее универсальной классификации с непротиворечивыми иерархическими отношениями порождают определенные проблемы при выработке единого интернационального понятия. Актуальной является проблема разграничения понятий *жанр* и *тип текста* в трудах российских и зарубежных лингвистов.

Во-первых, в зарубежных исследованиях нет общепринятого термина для текстотипологического анализа. Как отмечает В. Е. Чернявская, в немецких работах, используется понятие *Textsorte*, общепринятое немецкими лингвистами, но не ставшее, однако, интернациональным термином. Наряду с ним используется понятие *жанр* (*Genre*), закрепленное преимущественно за сферой литературоведения для обозначения исторически возникших структурно-организационных форм произведения. Иная ситуация наблюдается в британских и американских работах по лингвистике текста. В них термин *Genre* типичен для обозначения образца, формы организации типа текста.

Вместе с этими терминами используются и собственно *text type*, также неоднозначно. С одной стороны, в англоязычных источниках *text type* (тип текста) употребляется для выражения того же содержания, что и немецкое *Textsorte*.

С другой стороны, в известной работе Э. Верлиха «Типология текстов» термин *text type* обозначает иное, а именно, общие типовые когнитивные операции по структурированию текста. При этом выделяются дескриптивный, нарративный, аргументивный, инструктивный, экспозиторный типы текста, реализующиеся уже в конкретных текстовых формах, в терминологии автора.

Отсутствие единообразного термина в работах российских, немецких и американских германистов затрудняет заимствование определенной терминологии для достижения необходимого единообразия подходов.

В разработках ученых определяющее значение имел и имеет функционально-стилистический метод. Его суть состоит в выявлении закономерных особенностей организации речи/текста и способов осуществления текстовой деятельности как предопределяемых спецификой формы общественного сознания и вида социокультурной деятельности.

В зарубежной лингвистике текста (мы основываемся, главным образом, на анализе немецких и английских публикаций), которая как самостоятельная дисциплина сложилась позднее функциональной стилистики и развивалась в иных национально-исторических условиях, сформировался принципиально иной подход к выделению типологической единицы текстового анализа.

Так, в немецкой лингвистике текста традиционно оперируют понятием *Textsorte* – род или «сорт» текста, если использовать буквальный перевод. Оно вошло в научный оборот после конференции 1972 г. в Билефельде и выхода фундаментального исследования «Лингвистические модели текста. Основы и возможности», а восходит к работам П. Хартмана «Тексты как лингвистический объект текст» и М. Бензе «Семиотика. Общая теория знаков». Понятие *Textsorte* является основным, наряду с ним в научном обороте существуют *Textgenre*, *Textklasse*, *Textsortenklasse*, *Textsortenvariante*, *Textgruppe*, *Texttyp*, *Textart*.

Поскольку сложно подобрать абсолютно точный перевод, который соответствовал бы значению *Textsorte* в русском языке и не выглядел бы неорганичным в системе типологических разработок (калька представляется также неудачной), мы будем использовать здесь термин *тип текста* как наиболее адекватный для обозначения того, что в немецкой лингвистике называется *Textsorte*.

Итак, под *типом текста* понимается модель, образец, схема построения и восприятия аналогичных текстов (*Textmuster*, *Textteilmuster*, *Textbildungsmuster*, *Textentfaltungsmuster*) или *структурный прототип* (*struktureller Prototyp*) – термин, впервые употребленный немецким лингвистом В.-Д. Краузе в работе «Типы текста как структурные прототипы».

При этом следует исходить из того, что каждый носитель языка обладает определенной *типологической компетенцией* (*Textsortenkompetenz*; *Textmusterwissen*), благодаря которой он способен идентифицировать тексты одной типологической принадлежности, различать тексты разных типов и узнавать нарушения текстообразовательной нормы (распознавать неверно написанное заявление о приеме на работу, объявление о продаже и т.д.).

По мнению некоторых авторов, тип текста – это феномен, интуитивно знакомый носителям определенного языка. Они в состоянии идентифицировать различные типы текста, а также выявлять и применять на практике правила, лежащие в основе типологии текстов. Немецкий лингвист Х. Вайнрих в лингвистическом исследовании «Тезисы к лингвистике типов текста» считает, что наряду с традиционным литературоведением этой проблемой должна заниматься новая научная дисциплина – *лингвистика типов текста* (*Textsorten-Linguistik*), способная применить языковедческую теорию к анализу разнообразных форм ежедневного общения людей.

В настоящее время можно выделить несколько похожих определений типа текста (*Textsorte*). В самом общем плане под различными типами текстов понимаются классы текстов, характеризующихся определенным набором лингвистических и экстралингвистических признаков.

Пока лингвистика текста не пришла к терминологическому консенсусу относительно понятий *тип текста* и классификации текстов. Перед ней стоит непростое задание – научно обосновать понятие типа текста и создать систему классификации, в которой возможно учитывать все потенциальные экземпляры текстов.

Е. Ю. Кирейчук

ОСНОВНЫЕ СТРУКТУРНЫЕ ТИПЫ АРГУМЕНТА В ПРАКТИЧЕСКОЙ РИТОРИКЕ

Разнообразие структур письменного аргументативного дискурса, являющееся предметом изучения в курсе практической риторики, восходит к структуре классического аргумента, предложенной еще ораторами Античности. Классический аргумент стал базой для современных вариантов построения риторической аргументации, появление которых обусловлено необходимостью учета плюралистических ценностей сегодняшнего мультикультурного мира для ведения конструктивного диалога. В неориторике важно понятие *аудитория*, которая рассматривается как настроенная нейтрально, враждебно либо доброжелательно в зависимости от предполагаемой степени согласия с точкой зрения говорящего. Для общения с аудиторией, не

информированной о проблеме, либо не интересующейся ею, рекомендуется Тулминовская структура аргумента. Для обращения к аудитории, настроенной заведомо критически, предпочтительна Рогерианская тактика. Для аудитории, склонной разделить точку зрения оратора, эффективен так называемый односторонний аргумент. Разнообразие типов риторического аргумента обеспечивается при помощи определенного набора и последовательности структурных элементов.

Существенным различием между моделями аргумента, влияющим на эффективность взаимодействия с аудиторией, является предъявление тезиса на различных этапах обращения к слушателям. Так, в Тулминовском аргументе тезис располагают в конце вводной части. Рогерианский аргумент требует формулировки тезиса в заключительной части высказывания. Односторонняя аргументация, призванная не столько к убеждению слушателей, сколько к побуждению действовать, начинается с тезиса. Таким образом, развитие многообразия форм письменного риторического аргумента вызвано необходимостью учета точки зрения и состава аудитории, а местоположение тезиса в письменных высказываниях имеет основополагающее значение для эффективного построения риторического аргумента.

Тезис является декларацией точки зрения автора высказывания по теме/проблеме. Поиск максимального количества возможных аспектов темы/проблемы для ее результативного и разностороннего обсуждения протекает в форматах «мозговой штурм», «свободное письмо», «за и против», «ассоциативная/интеллект-карта» (англ. *mind map*). Полученная таким образом информация логично распределяется для формирования и развития всех основных структурных частей высказывания. Особое внимание уделяется формулировке тезиса на основе отобранных контрольных мыслей и связи тезиса как структурного элемента с начальными предложениями каждого абзаца текста, манифестирующей и реализующей структуру письменного высказывания.

Достаточно разнообразный инструментарий приемов доказательства тезиса включает в себя использование информации фактического и числового характера (статистические данные, графики, опросники/анкеты и т.д.), из личного опыта, интернет- и библиотечных ресурсов, изложенной при помощи перечисления, определения, детализированного объяснения, приведения примеров, установления причинно-следственных связей, сходств и различий и т.п.

Составление и презентация риторического аргумента необязательно является конечным этапом работы над темой. Письменный аргумент может также быть промежуточным этапом в работе над темой и начальным этапом развернутого итогового группового творческого задания (например, дебатов), поэтому для всех типов аргумента, кроме одностороннего, также предполагается анализ контраргументации и ее опровержение.

В конце аргумента принято суммировать основные доказательства тезиса, повторять тезис в перефразированной форме, предлагать решение поставленной проблемы, давать прогнозы развития ситуации в зависимости от того, будет ли принято предложение говорящего или нет и т.п.

Ниже приводятся примерные опорные схемы, наглядно иллюстрирующие различия в основных структурах письменного риторического аргумента, которые могут быть предложены студентам для более эффективного усвоения темы и организации аудиторной и самостоятельной работы в курсе практической риторики.

Toulmin Argument

Introduction (Background/attention grabber/plan)
Introduce the issue and create exigence for your claim. Why is this an issue? Why do we need to pay attention? Supply the context needed to understand the case you present. What circumstances, occurrences, or conditions do we need to be made aware of?

Claim
State your position (claim/thesis), based on the information you have presented, and outline the major points that will follow.

Backing
Present your reasons and evidence. Establish inferences between claim and support. Provide additional evidence, where necessary. Explain and justify assumptions.

Counterarguments + Refutation
Anticipate and refute opposing arguments. In this section, you demonstrate that you have already considered the issue thoroughly and have reached the only reasonable conclusion.

Conclusion + Qualifiers
Summarize the most important points. Make a **final** appeal to values, motivations, and feelings that are likely to encourage the audience to identify with your argument.

Rogerian Argument

Introduction (Background)
State the problem you hope to resolve. By presenting your issue as a problem, you raise the possibility of positive change. Often opponents will want to solve the same problem.

Summary of counterarguments
As accurately and neutrally as possible, state the views of the people with whom you disagree. By doing this, you show that you are capable of listening without judging and have given a fair hearing to people who think differently from you.

Statement of understanding (+ Refutation)
Show that you understand that there are situations in which these views are valid. Which parts of the opposing arguments do you concede? Under which conditions might you share these views?

Claim
Now that readers have seen that you've given full consideration to views other than your own, they should be prepared to listen fairly to your views. State your position (claim/thesis).

Backing + Qualifiers
Describe situations in which you hope your views will be honored. By showing that your position has merit in specific contexts, you recognize that people won't agree with you all of the time. However, opponents are allowed to agree in part and share common ground.

One-Sided Argument

Conclusion
Appeal to the self-interest of your opponents by showing how they would benefit from accepting your position; this concludes your essay on a hopeful, positive note.

Introduction (Attention grabber + Proposition/Claim)
Capture the audience's attention (e.g., by giving an extreme example). Introduce the issue. State your position (claim/thesis).

(Background)
Create exigence for your claim. Supply the context needed to understand the case you present. Why is this an issue? Why do we need to pay attention? What circumstances, occurrences, or conditions do we need to be made aware of?

Backing
Present your reasons and evidence. Establish inferences between claim and support. Provide additional evidence, where necessary. Explain and justify assumptions. Filled with motivational language, one-sided arguments ignore opposing views or reduce them to "enemy" stereotypes. Issues are not examined from a different perspective, no alternative view is given. Since the intended audience already believes in the cause, readers are not invited to consider the issues more logically. Rather, the goal is to solidify support, increase the fervor of belief, and inspire action.

Conclusion
Make a final appeal to values, motivations, and feelings that are likely to encourage the audience to identify with your argument. List the benefits that will ensue from your position or the horrible consequences that will follow if the other side wins.

Самостоятельное осмысление темы, поиск наиболее интересных студенту аспектов для освещения, выбор лексических средств для постановки тезиса как выражения собственной точки зрения и стратегий организации письменного дискурса способствует индивидуализации обучения, стимуляции эмоциональной вовлеченности студентов в процесс обучения, развитию навыков аналитического и логического мышления, предотвращению списывания.

Л. Г. Крот

ЭСТЕТИЧЕСКАЯ ФУНКЦИЯ ЛЕКСИЧЕСКОЙ МОТИВАЦИИ В ТЕКСТЕ

Известно, что текст (от лат. *textus* 'сплетение', соединение) – это объединенная смысловой связью последовательность знаковых единиц, основными свойствами которой являются связность и цельность. Текст всегда следует определенным закономерностям своей организации.

Структура текста обусловлена не только его содержанием, но и его типом и имеет два уровня: поверхностный и глубинный, причем оба уровня являются неотъемлимой частью любого текста. Поверхностная структура текста определяется его формальными конституентами: лексическим и грам-

матическим наполнением, его синтаксисом, типом текстовой связности. Кроме того, воспринимая текст на поверхностном уровне, реципиент должен приобщать к получаемой информации собственные фоновые знания и в результате данной интеракции находить смысл сообщаемого.

Пожалуй, из всех типов текста наиболее сложной структурой отличается художественный текст. Это связано с его коммуникативными задачами, с одной стороны, и первичностью эстетической функции, с другой. Для создания эстетического художественного объекта важную роль играют те свойства языка, которые позволяют повысить художественную ценность и выразительность текста. При этом повествовательная структура должна отражать смысл, заложенный в глубинной структуре и на уровне содержания, и на уровне языковой формы в соответствие с критериями художественности.

Рассуждая о тексте как функциональной единице языка, мы не можем не обратиться к особенностям функционирования лексических средств, формирующих смысловую структуру текста, а именно к явлению лексической мотивации, к условиям актуализации мотивационных отношений в тексте.

Сущность явления мотивации составляют мотивационные отношения слов, реализующие один из видов системных связей в лексике – вид ассоциативной (Ф. де Соссюр), или эпидигматической, связи, представляющей собой «третье измерение» (Д. Н. Шмелев). В отличие от парадигматических отношений слов, базирующихся на общности или различии одной из сторон слова – звуковой оболочки или лексического значения – эпидигматические отношения строятся на общности обеих сторон слова одновременно (*snow – snowdrop*, *snowdrift*, *snowflake*; *forest – forester*; *silver – silvery*; *fox* ‘animal’ – *fox* ‘a cunning person’). Своим названием явление мотивации обязано тому, что в итоге двусторонних соотношений слов выявляется объяснимость, мотивированность связи звучания и значения слова или отдельных ее компонентов. Под мотивированностью принято понимать структурно-семантическое свойство слова, позволяющее осознать рациональную связь значения и звуковой оболочки слова на основе его лексической и структурной соотнесенности.

Объектом данного исследования являются мотивационно связанные слова (МСС) под которыми, мы, вслед за О. И. Блиновой, понимаем два или более слова, актуализующие в тексте (метатексте) отношения лексической и/или структурной мотивации.

Проведенный анализ фактического материала показывает, что функции МСС исключительно разнообразны и распределяются по трем основным сферам языка – коммуникативной (75 %), экспрессивной (15,5 %) и эстетической (9,5 %). Необходимо отметить, что анализ коммуникативной и экспрессивной функций МСС был представлен нами ранее в наших предыдущих исследованиях. Предметом же анализа данной работы является изучение мотивации в эстетической функции, связанной с созданием образности, изобразительности, поэтичности, с особым характером работы сознания и мышления, с которыми соотносится язык художественной литературы.

Поскольку внутренняя форма служит одним из ярких средств создания образности, мотивационные пары и мотивационные цепочки, по сравнению с отдельным словом, обладают большими возможностями в качестве слагаемых образной речи.

Образность создается за счет попарного или группового употребления одноструктурных мотиватов, как правило, глаголов или прилагательных, обозначающих разные конкретные действия, признаки предмета, создающие целостную картину, единство материального выражения которой можно было бы передать одним словом, а в тексте оно поддерживается единством формантных частей слов: *Now, for the final part of our evening's entertainment we present… the **un**shock**able**… the **un**stopp**able**… the **un**forgett**able**… Miss LIGHT. He thought it was a professional name*.

Мотивация, лексическая и структурная, используется как средство создания контраста, для выражения которого обычно привлекаются мотивационно связанные антонимы. Контрастность противопоставления в таких случаях усиливается за счет одинаковой формальной выраженности мотивировочных признаков контрарных понятий: *We have only to make sure that the ship cannot come into port between **sunset** and **sunrise** without our being warned, and we shall be safe*.

Употребление мотивационно связанных слов при противопоставлении достигает яркого стилистического эффекта, когда один из мотиватов эмоционально окрашен: происходит как бы двойное противопоставление по семантике при сходстве форм и противопоставление по коннотативности: *It has to be the right jacket – not too **boxy**, not too **stiff**. The trousers would look fantastic if to have the right shoes. My face is **beetroot**. "It's clothes **storm**"*.

Примером, иллюстрирующим прием порождения одноструктурных единиц, могут послужить случаи сближения узуальных и окказиональных ремотивированных слов: *You are going **to win**. You are going **to wow** them all tomorrow. And you are going **to wow** them at your screen test*. Так, роль ведущих языковых средств для создания звукового эффекта и ритмизации речевого текста выполняют мотивационно связанные слова *to win – to wow.*

Звуковые картины выражены с помощью звукоподражательных слов. Это единицы с абсолютной мотивированностью, которая создается при соотнесении слова с внеязыковыми явлениями. Звуковые комплексы используются для передачи шумовых эффектов, звуков, издаваемых живыми и неживыми объектами и порождает даже развитие дублетных синонимических рядов: *…On a windy night when snow was coming from the north my grandmother would put her finger to her lips and make us listen, and she'd whisper: "**Shh**. **Shh**. Can you hear her? Can you hear her calling?"*. Так, повторы ***Dah-dah-dah-dah**, **daaah**, **dah**, **dah**… Oh, my God, he is singing. Not loudly, admittedly – but really intensly* напоминают пение, которое удачно передается с помощью мотивационных цепочек .

А вот пример, в котором автор с помощью графического выражения долготы звука подчеркивает эмоциональное настроение героини, всю глубину ее переживаний в день, когда был убит ее муж : *…and I wasn't married. Girls these days wouldn't believe how they used to talk to you when you weren't*

married. *I was a fool not to buy a ring from Woolworth's and say my husband had been killed on* ***D-D-Day***. *But I didn't*. *I couldn't be bothered, really*. Эта часть – композиционный центр глубинной структуры – имеет цель достичь яркого эмоционального эффекта за счет контраста ожидаемого и фактического.

В описанных фрагментах текста меняется ритмический рисунок с размеренного на динамический, то нагнетая, то ослабляя напряжение.

Сопоставляя содержание прочитанного с опытом своей жизни, каждый человек наверняка вспоминает подобные моменты отчаяния, потрясения, каких-то других подобных эмоций. Все эти смыслы заложены в глубинную структуру текста и мастерски выражены на поверхностном уровне. Меняющиеся темпоритмы текста, точные и лаконичные описания, создают необходимый стилистический эффект и отражают черты идеостиля каждого автора.

Образность слов особенно выразительна в контекстах, которые содержат не только мотивирующие единицы, обусловливающие высвечивание внутренней формы мотивируемых слов, но и другие изобразительные средства – антонимы, синонимы, метафоры, сравнения и т.п.

Использование мотивации, как и многих других языковых средств, полифункционально: выполняя экспрессивную функцию, мотивация одновременно служит и коммуникативным средством, а эстетическая функция нередко сопровождается экспрессивной и т.п. Выполняя ту или иную функцию, мотивационные пары слов способны связывать смысловые компоненты высказывания в единое целое как по линии формы, так и по линии содержания; способствуют установлению неразрывной связи формы и содержания художественного текста, реализации его эстетической функции.

Л. С. Крохалева

О ДИСКУРСИВНО-ДИАЛОГИЧЕСКОМ ПОДХОДЕ К АНАЛИЗУ ХУДОЖЕСТВЕННОГО ТЕКСТА

На современном этапе развития языкознания, для которого характерны междисциплинарный подход и общая антропоцентрическая направленность, описание такого многопланового явления, как текст (тем более текст художественный) предполагает привлечение принципиально новой системы понятий и методов анализа по сравнению с теми, которые применялись в рамках традиционной структурно-системной парадигмы.

К такого рода методам, наиболее полно разработанным и широко применяемым в практике дискурсивно-стилистического анализа художественного текста, могут быть отнесены дискурсивно-диалогический, композиционно-стилистический, интертекстуальный и лингвопоэтический. Всех их объединяет смещение исследовательского интереса в сторону изучения текста с точки зрения коммуникативной деятельности человека и общая концептуальная основа – лингвофилософская теория М. М. Бахтина об адресованности речи, ее установке на собеседника, а также вытекающие отсюда положения о многоголосом звучании текста (полифония), о так называемых

вводных жанрах (в современной терминологии *интекстах*), о высказывании как основной единице анализа, а также необходимости учета широкого социо-культурного контекста («великого интертекста культурной традиции») при интерпретации художественно-речевого целого.

Известно, что в трудах западных исследователей оригинальные идеи М. М. Бахтина развивались и развиваются в основном в литературоведческом, культурологическом, философском аспектах. В отечественной филологии термины *полифонический роман* как особый литературный жанр и *интертекстуальность* как частный случай диалогического взаимодействия текстов широко используются в работах, имеющих в основном литературоведческую направленность. Здесь прежде всего следует упомянуть концепцию Б. А. Успенского, согласно которой полифонизация художественного произведения создается переплетением различных точек зрения в авторском нарративе (по терминологии И. В. Арнольд «точек зрения рефрактора»), носителями которых могут выступать как сам автор/рассказчик, так и другие персонажи, которым «перепоручено» вести повествование на отдельных участках текстового пространства.

Что касается собственно лингвистического аспекта концепции многоголосого текста, то ее начало было положено трудами чешского лингвиста Л. Долежела, предпринявшего попытку дифференциации текстового пространства на персонажный план и план автора/рассказчика. Дальнейшее изучение этих планов выявило их неоднородность, маркированную и функционально, и лингвистически. Так, в персонажной партии были выделены, помимо графически обозначенной прямой речи, и иные виды высказываний, в частности, различные типы несобственно-прямой речи, представляющей собой смешение голосов автора и героев. Неоднородность авторского плана первоначально рассматривалась в рамках теории лингвистической композиции текста (В. В. Одинцов) на уровне так называемых композиционно-речевых форм/дискурсивных контекстов – описательных, нарративных (повествование), аргументативных (рассуждение).

В современной дискурсивно-диалогической парадигме такой структурный элемент текстовой организации, как «рассуждение» позиционируется в качестве одного из способов полифонизации авторского дискурса и терминологически обозначается как «явный авторский диалог» (Т. Ф. Плеханова). Отмечается, что прямое обращение автора/рассказчика к читателю характерно в основном для художественной литературы XVIII–XIX в. и оформляется в виде различного рода комментариев, авторских отступлений, парентетических вставок. В произведениях современных авторов создание многоголосого полифонического мира осуществляется в основном за счет различных структурных типов так называемых скрытых авторских диалогов, представленных отдельными предложениями, простыми или сложными, либо частью предложения вставного парентетического характера. Общим признаком имплицитных диалогов является смена субъекта речи, маркированная такими формально-семантическими признаками, как временной сдвиг, изменение модального плана, семантический сдвиг к обобщению/концептуализация дискурсивной ситуации (Т. Ф. Плеханова).

В рамках дискурсивно-стилистического подхода продолжается разработка проблемы и так называемого внешнего/интертекстуального взаимодействия, объективируемого такими маркерами присутствия «чужих голосов», как метатекстовые включения (заглавие, эпиграф), цитаты, аллюзии, реминисценции, интексты (И. В. Арнольд). Весьма актуальными остаются замечания И. В. Арнольд о различных функциях, выполняемых разноплановыми цитатными включениями, и их роли «в повышении имплицитного и модального потенциала текста, который таким образом оказывается звеном в общей цепи культурного общения человечества».

Развивая концепцию интертекстуального диалога, в частности ее композиционно-стилистический аспект, В. Е. Чернявская вводит понятие *типологический интертекст*, который предполагает взаимодействие различных жанров в процессе текстообразования и «базируется на явлении стереотипности компонентов в структурно-композиционной организации соответствующих текстов».

В работах Н. В. Петровой идея межтекстового взаимодействия уточняется в плане классификации видов интертекстуальности (интердискурсивная, интерсубъектная, референтная) и выявлении языковых сигналов смены субъектов речи – авторов интекстов. К ним, помимо уже известных иностилевых лексических средств и грамматических форм, трансформированных и модифицированных цитатных включений, могут быть отнесены, по мнению автора, топонимы, антропонимы, имена-ассоциаты, интекст-цитатные заголовки, аллюзивные сюжетные компоненты и иные прецедентные высказывания «из существующего и существовавшего в реальном времени и пространстве социокультурного дискурса».

В настоящее время в рамках лингвопоэтической концепции, соединяющей собственно лингвистический и литературоведческий подходы к интерпретации художественного произведения (А. Н. Морозов, Т. Г. Никитина, А. С. Сидоренко), постулируется тезис о решающей роли так называемого двуголосого слова (М. М. Бахтин) как лингвистической категории в полифонической организации текста на всех его уровнях, включая образно-композиционный и идейно-тематический. Такого рода филологический анализ, учитывающий наряду с вербальной и «поэтическую» составляющую текста, а именно – «объективно заложенную имплицитную информацию общекультурного характера» (Т. Ф. Плеханова) – позволяет выявить не только функционально обусловленную специфику художественного текста, но и особенности конкретного речевого произведения и идейный замысел его автора.

С. Е. Кунцевич

ПРОБЛЕМА ИНТЕРФЕРЕНЦИИ РОДНОГО И ИНОСТРАННОГО ЯЗЫКОВ В ТИПОЛОГО-СТИЛИСТИЧЕСКОМ АСПЕКТЕ

В рамках научно-исследовательской темы кафедры стилистики английского языка «Проблемы интерпретации и перевода разножанровых текстов в типологическом аспекте», которой автор данной публикации руководит

с 2014 г., рассматриваются многоплановые вопросы современной лингвистики, что объясняется комплексным характером названной коллективной разработки.

Исходной гипотезой данного исследования было утверждение о том, что качество перевода текста любого жанра находится в прямой зависимости от адекватной интерпретации смысла исходного текста. При этом чрезвычайно важно знание изоморфных (сходных) и алломорфных (отличительных) типолого-стилистических характеристик родного и иностранного языков не только на традиционно выделяемых языковых уровнях (фонологическом, морфологическом, синтаксическом, лексическом), но и на уровне жанра/текста/дискурса. В процессе порождения иноязычного либо переводного текста явственно обнаруживает себя проблема *стилистической интерференции* родного и иностранного языков, под которой понимается влияние определенного регистра (официального/неофициального, возвышенного/нейтрального/низкого) либо конкретного функционального стиля одного языка на другой в процессе их использования.

Типологический анализ способствует решению многочисленных задач лингвистической науки, устанавливая национально-специфические элементы в сопоставляемом языковом и текстовом материале. Это проливает свет на этнокультурный калорит единиц языка, расширяет возможности эффективной межкультурной и межъязыковой коммуникации, а также практики перевода. Типологические характеристики наиболее четко выявляются на базе сопоставления разноуровневых языковых единиц, что позволяет уточнить взаимосвязь и взаимозависимость уровней языковой структуры. Данное обстоятельство чрезвычайно важно для образовательного процесса, где особое внимание следует уделять случаям частичного сходства сопоставляемых явлений, ведь именно здесь прослеживается сильная интерференция родного и иностранного языков, что необходимо учитывать в практике преподавания последнего.

Сопоставительная стилистика является наименее разработанной ветвью сравнительной типологии. Задачи этого перспективного направления типологических исследований решаются по нескольким векторам:

1) сопоставление стилистических систем родного и иностранного языков с целью установления их сходства и различия как в плане экспрессивной, так и в плане функциональной/дискурсивной стилистики;

2) сопоставление традиционных литературных стилей – классицизм, сентиментализм, романтизм, постмодернизм и т.п., а также отдельных литературных жанров – ода, элегия, басня, сетевая лирика и т.п.;

3) сопоставление культурно-исторических особенностей, влияющих на формирование литературных традиций, которые характерны для анализируемых языков;

4) сопоставление индивидуального стиля/манеры изложения автора оригинала текста и переводчика этого текста на другой язык.

Стилистическая типология находится на начальном этапе своего становления, что делает актуальным любые исследования, выполняемые в ее

рамках. Вопрос об уяснении истоков стилистической интерференции контактирующих языков относится к ряду наименее разработанных в рамках рассматриваемого направления сопоставительных исследований.

К универсальным стилистическим категориям принято относить оппозиции экспрессивность/нейтральность, динамичность/статичность, обобщенность/конкретность, варьирование/однообразие, ясность/нечеткость выражения. Основные различия между языками заключаются в языковых средствах и стилистических приемах, которые используются для актуализации обозначенных категорий. В русском языке, например, с целью достижения экспрессивности активно используются выразительные слова конкретного значения (приставочные глаголы, существительные с оценочными суффиксами) и свободный порядок слов. В английском языке для создания экспрессивности предпочтение отдается словам в переносном значении, инверсии, двойному отрицанию, изменению синтаксической функции слова, расчленению и обособлению.

Несмотря на имеющиеся терминологические расхождения в представлении функционально-стилевых систем различных языков, исследователи исходят из таких основных сфер общения, как общественная и производственная жизнь человека, быт, художественное творчество. К стилистическим универсалиям, как правило, относят такие функциональные стили, как газетно-публицистический, разговорно-бытовой, деловой, научный и художественный. Однако функциональные стили исторически изменчивы, особенно ввиду технологического прогресса человеческой цивилизации. Едва ли в эпоху стремительного развития коммуникационно-информационных технологий и Интернета можно вести речь о газетно-публицистическом стиле. Вероятно, следует признать реальное становление функционального стиля новостных СМИ. Этот стиль проявляет большую нейтральность в английском языке, нежели в русском, где он характеризуется некоторой возвышенностью (*President Putin* ***told*** ‘Президент Путин ***заявил***’), наличием большего числа научных терминов, абстрактных существительных, литературно-художественных приемов. Между тем русскоязычная спортивная хроника нейтральна, в то время как англоязычная тяготеет к разговорно-бытовому стилю (*Для* ***улучшения*** *физической подготовки теннисистов* ***приглашен*** *специальный тренер* ‘A special trainer has been ***brought in*** to ***work on*** the tennis players’ physical fitness’).

Общая номенклатура функциональных стилей в английском и русском языках совпадает, однако каждому из них присущи не только сходные, но и специфические черты. Это становится серьезной предпосылкой стилистической интерференции, поскольку границы между стилем художественной литературы, научным и разговорно-бытовым стилем в русском языке более четкие, чем в английском; в свою очередь, в английском языке наибольшее различие наблюдается между деловым и разговорно-бытовым стилями.

Обучаемый должен овладеть двумя нормами иностранного языка, который он изучает, – литературной письменной и литературной разговорной как

самостоятельными системами средств выражения – с осознанием ситуационной закрепленности каждой из норм. Так, отдавая предпочтение высокопарному стилю вместо разговорного, можно изменить смысл живой речи, результатом чего зачастую оказывается «провал» коммуникации. Дело в том, что письменная речь нередко отличается помпезностью и витиеватостью, возвышенным тоном высказывания, причем тон особенно важен для русского языка. Высокий стиль передается на английский язык словами с латинскими корнями, а русский разговорный – лексикой с англосаксонскими корнями. Категоричный тон русского предложения при переводе на английский язык можно сохранить за счет использования оценочной лексики, как в примере со словом *один,* которое стилистически нейтрально: *Ответ будет* ***один****: это невозможно допустить* 'The answer is **utterly clear/unequivocal**'.

В отличие от английской, в русской разговорной речи большую роль играет интонация, благодаря которой допускаются опущения слов (эллипсис) и достаточно вольные изменения в порядке слов, что создает известные трудности, когда пустые синтаксические позиции приходится заполнять недостающими лексическими единицами. К примеру, *Вы бы – покороче* означает 'Вы бы рассказывали покороче'; *Я обедать – пошли вместе* подразумевает 'Я иду обедать, пойдем со мной', именно восстановленные фразы следует переводить на английский язык.

Различие между литературным письменным и разговорным стилями в русском языке гораздо сильнее, чем в английском, причем даже официальные английские тексты обычно написаны менее высокопарно, нежели соответствующие русские. Стилистическая интерференция письменной русской и английской речи хорошо прослеживается в переводе следующего предложения, сделанного носителем русского языка: *Названия стран должны располагаться в алфавитном порядке и писаться с прописной буквы* 'The names of the countries should be written with a capital letter and put into alphabetical order'. Носитель английского языка отредактировал этот перевод, страдающий некоторой многословностью и стилистической небрежностью, следующим образом: 'The names of the countries should be alphabetised and capitalised'.

Единицы типологического сопоставления, представляющие характерные трудности при изучении английского языка, составляют лингвометодические основания для эффективного отбора и организации языкового и текстового материала. Такая организация нацелена на то, чтобы избежать негативной (деструктивной) межъязыковой интерференции за счет использования аналоговых по отношению к родному языку форм иностранного языка, т.е. положительной (конструктивной) интерференции.

Сопоставительный метод не только позволяет выявить случаи негативной интерференции, но и создает научно обоснованную базу для методики их предупреждения и устранения. Предвидение и преодоление нежелательной стилистической интерференции создает надежное лингвистическое обеспечение для процесса преподавания иностранного языка, а также для теории и практики перевода.

В. В. Лавицкий

СТРУКТУРА АНГЛИЙСКИХ ПРЕДЛОЖЕНИЙ С ГЛАГОЛАМИ РЕЧЕВОЙ ДЕЯТЕЛЬНОСТИ И ОСОБЕННОСТИ ИХ ПЕРЕВОДА НА РУССКИЙ ЯЗЫК

В данном исследовании были проанализированы формальные особенности предложений с глаголами речевой деятельности в английском языке, особенности их перевода на русский язык и выявлены закономерности, обусловливающие разные варианты предложений с исследуемыми глаголами.

В данной работе была использована концепция композиционного синтаксиса, согласно которой форма предложения является результатом формализации множества семантических структур, главными из которых считают сигнификативную (пропозициональную) и денотативную (ситуативную).

Соотнесение же аспектов семантической структуры предложения происходит при помощи двух операций: центра эмпатии, которым определяется, какой участник ситуации должен занять первую аргументную позицию в пропозициональной структуре предложения, и фокуса интереса, занимающего вторую аргументную позицию. Именно говорящий выбирает наиболее информационно важный элемент ситуации и ставит его во вторую аргументную позицию, что отражается в формальной структуре предложения.

Анализ формальных структур предложений с некоторыми глаголами речевой деятельности, а именно *to read*, *to request*, *to tell*, показал возможность вариативного заполнения аргументных позиций участниками ситуации. Первую аргументную позицию, как правило, занимает субъект. Вторую же позицию может занимать как адресат, так и объект. В предложениях с вышеперечисленными глаголами от этого зависит употребление предлога (он необходим, если вторую позицию занимает объект):

He was reading his child a fairytale. – Он читал своему ребёнку ***сказку****.*

He was reading a fairytale ***to*** *his child. – Он читал сказку* ***своему ребёнку****.*

She will request her boss to give her an access to the files. – Она попросит своего начальника ***дать ей доступ к файлам****.*

She will request an access to the files ***from*** *her boss. – Она попросит доступ к файлам* ***у своего начальника****.*

I will tell you a secret. – Я расскажу тебе ***секрет****.*

I will tell my secret only ***to*** *him. – Я расскажу свой секрет* ***только ему****.*

Таким образом, при переводе данных предложений на русский язык порядок слов меняется в зависимости от того, на каком элементе автор акцентирует внимание читателя. Как правило, наиболее значимый элемент ставится в конец предложения.

Г. А. Назина

ХАРАКТЕРИСТИКИ ВОЕННОГО ДИСКУРСА В АНГЛОЯЗЫЧНЫХ СМИ

В настоящем исследовании с помощью военного дискурса, специфического типа медиадискурса, изучается репрезентация военно-политического

конфликта. Под военным дискурсом понимаются тексты СМИ о военно-политическом конфликте в любом его проявлении. Согласно социолингвистической типологии дискурса, предложенной В. И. Карасиком, такой дискурс представляет собой институциональный тип дискурса, где адресант выступает как лицо, представляющее один из социальных институтов и, соответственно, действующее в рамках статусно-ролевых отношений. В данном случае социальным институтом является военно-политическая сфера.

При рассмотрении того или иного институционального дискурса В. И. Карасик предлагает учитывать определенные его категории: 1) участники, 2) хронотоп, 3) материал/тематика, 4) стратегии, 5) цели, 6) разновидности и жанры, 7) ценности (в том числе, ключевой концепт), 8) прецедентные тексты, 9) дискурсивные формулы. В ходе детального изучения практического материала о военно-политическом конфликте в Косово и Сирии, а также анализа результатов современных лингвистических диссертаций о военно-политическом конфликте, нам удалось выявить характеристики военного дискурса в соответствии с данными параметрами.

Участниками военного дискурса являются участники военно-политического конфликта: непосредственные, периферийные и международное сообщество. Среди непосредственных участников выделяются: оппозиция, которая, в свою очередь, может быть представлена этническими меньшинствами и террористическими группировками, действующее правление страны военно-политического конфликта и мирное население. К периферийным участникам обычно относятся мировые могущественные державы: (США, Россия, Иран, Канада, Великобритания, Саудовская Аравия). Международное сообщество состоит из международных организаций и мирового сообщества.

Под хронотопом военного дискурса понимается время и место интерпретируемых событий военно-политического конфликта. Поскольку оба исследуемых конфликта являются глобальными военно-политическими конфликтами мирового сообщества с присущими им свойствами продолжительности и масштабности, категории времени и места, в особенности времени, играют большую роль в их экспликации.

При рассмотрении того или иного военно-политического конфликта категория времени указывает на такие его аспекты, как история, актуальность, длительность, незавершенность, прогноз развития и пути разрешения.

Например, история военно-политического конфликта репрезентируется посредством: наречий времени *then*, *at that time*; обстоятельств времени с указанием года *in the 1990s*, *in the early 1990s*, *in 1999*, *in 2011* и придаточных предложений времени во временной форме Past Indefinite. В текстах о Косово такие маркеры указывают на период балканских войн, которые послужили причиной конфликта в Косово, а в текстах о Сирии на начало в ней гражданской войны: *Kosovo's rupture with Serbia* ***was sealed*** *the day Slobodan Milosevic* ***dispatched*** *troops to crush the rebellious province* ***in 1999*** *during the Balkan wars*. *Some 10,000 Kosovars* ***died***. *The United States*, *Canada and European allies* ***bombed*** *Serbia to force an end to the ethnic cleansing*, *and the United Nations* ***made*** *Kosovo a protectorate*.

Оценочные прилагательные *a never ending war*, *a protracted campaign*, *a long war* и временной аспект Perfect используются для обозначения незавершенности военно-политического конфликта, а его длительность маркируется посредством обозначения количества лет как самостоятельно *six years*, так и в словосочетаниях, например, *a six-year war*. Так же, как и описанная категория, категория места имеет большое значение при освещении военнополитического конфликта. Она используется, главным образом, при обозначении: местности/типа местности нахождения участников военно-политического конфликта и проведения вооруженных действий (с помощью: топонимов *Kosovo*, *Syria*, *Aleppo*, *the Balkans*, *Russia*, *England*, *the US*, *Canada*, *Washington*, *Moscow, the Middle East* и оценочных словосочетаний с ними *an independent Kosovo*, *the unstable Middle East*/существительных *area*, *country*, *region*, *province*, *zone*, *territory*, употребляемых как самостоятельно, так и в словосочетаниях оценочного характера *contested regions*, *a divided country*, *a zone of violence*), а также масштабности по охвату территории (посредством оценочных прилагательных в словосочетаниях, типа *a far-flung civil war*, *a global conflict*, *a vast territory* и лексических единиц во множественном числе, которые указывают на местность/тип местности и используются как самостоятельно, так и с определениями *most*, *whole*, *all* в словосочетаниях *to destabilize other areas of the world*, *countries of the whole world*, *all the Balkans*).

Тематика военного дискурса сосредоточена вокруг речевой деятельности о военно-политическом конфликте. Автор исследуемых текстов рассматривает такие его вопросы, как причины, предмет, противоречия между участниками конфликта, прогноз развития, пути разрешения и проблемы мирного населения.

В зависимости от того, какая проблема находится в центре внимания медиатекста, адресант формирует свою цель: проанализировать противоречия между участниками военно-политического конфликта и выбрать ту или иную сторону; рассмотреть дальнейшее развитие военно-политического конфликта и показать его последствия; указать на необходимость срочного урегулирования военно-политического конфликта о определить пути его разрешения.

Все перечисленные цели тесно связаны со стратегией воздействия, которая является основной в военном дискурсе, исходя из обзора проведенных исследований, посвященных экспликации военно-политического конфликта в СМИ. Указанная стратегия находит свое отражение в данном типе дискурса в информационных войнах, в виртуальной дискурсивной реальности, в особой идеологической направленности медиатекстов и в «языке вражды».

С точки зрения формы репрезентации военно-политического конфликта в военном дискурсе СМИ могут использоваться различные жанры: информационные, аналитические и художественно-публицистические. Практический материал настоящего исследования представляет собой тексты аналитического характера, опубликованные в рубриках: *opinion*, *analysis*, *editorial*, *op-ed*, *comment*, *point of view*.

В понимании сущности самого военно-политического конфликта реципиенту помогает ценность «борьба». Она пронизывает весь военный дискурс СМИ и наблюдается, прежде всего, при раскрытии основных вопросов военно-политического конфликта.

Прецедентными текстами в данном типе дискурса выступают различные документы международного сообщества, регулирующие вопросы политического и военного характера; исторические документы; Библия; статьи экспертов по военно-политической проблематике, а также статьи СМИ о предыдущих событиях военно-политического конфликта.

К дискурсивным формулам военного дискурса относятся принятые в военно-политической сфере клише и функционально-обусловленные обороты, которые однозначно определяют тип данного дискурса.

Все вышеперечисленные характеристики военного дискурса в англоязычных СМИ так или иначе проявляются в медиатекстах о военно-политическом конфликте, поскольку такой тип текста является материализованным продуктом военного медиадискурса. Проведя дискурсивный анализ медиатекста, представляется возможным получить полную картину об изучаемом событии, военно-политическом конфликте, с лингвистической точки зрения.

Э. И. Протасевич

К ВОПРОСУ О ВЫДЕЛЕНИИ КОММУНИКАТИВНО-ПРАГМАТИЧЕСКИХ ХАРАКТЕРИСТИК НАУЧНОГО ТЕКСТА

В рамках современного социолингвистического подхода научный текст понимается как дискурс, т.е. как текст, погруженный в ситуацию общения. Научный тип дискурса, с одной стороны, как часть научной системы представляет собой сложную когнитивную структуру, в основе которой лежит отражаемое в языке соответствие между нашим представлением о мире и репрезентацией этого представления в языке, и потому является составным элементом общей системы, а с другой стороны, обладает рядом собственных конститутивных, системообразующих признаков, отличающих его от других типов дискурса.

Главной целью научного дискурса является «процесс вывода нового знания о предмете, явлении, их свойствах и качествах, представленный в вербальной форме и обусловленный коммуникативными канонами научного общения – логичностью изложения, доказательством истинности и ложности тех или иных положений, предельной абстрактизацией предмета речи». Письменный научный дискурс осуществляется в рамках научного функционального стиля, а также его подвидов. Что касается содержательно-смысловой структуры письменного научного дискурса, представленного текстами научных статей, то она является коммуникативно-прагматической по своей сути, представляя собой сложное единство, состоящее из двух типов смыслового содержания: коммуникативно-информационного и прагматического.

Коммуникативно-прагматическая структура текста научной статьи конституируется речевыми образованиями разной природы. М. Н. Кожина отмечает значимость роли текстовых компонентов поверхностной структуры в выражении смыслового содержания. Коммуникативно-информационное содержание научного текста соотносится с эксплицированной в тексте структурой научного знания, отражает этапы познавательной деятельности ученого и реализует отношение субъекта познания к объекту познания. Прагматическое содержание представляет собой своего рода «упаковку» коммуникативно-информационного содержания и формирует общую прагматическую направленность всего произведения. Коммуникативно-информационное содержание текста образовано посредством коммуникативно-прагматических блоков, прагматическое содержание представлено системой прагмаустановок. Таким образом, коммуникативно-прагматическая структура научного текста формируется отношением таких текстовых компонентов, как коммуникативно-прагматические блоки и прагматические установки. В качестве коммуникативно-прагматических блоков выделяются: введение темы, описание результатов исследования, выводы, заключение и другие. Типичными средствами выражения коммуникативно-прагматических блоков являются определенные клишированные конструкции, которые характеризуются особыми речевыми средствами выражения на текстовой плоскости.

Содержание научного текста, вне зависимости от вида науки и жанра произведения, получает выражение в ряде стандартных блоков научного текста, среди которых обязательными являются следующие:

- формулировка проблемы и/или постановка задачи;
- определение и дифференциация понятий с установлением между ними логико-семантических отношений;
- представление идеи, гипотезы или основного тезиса научной концепции;
- доказательство гипотезы с использованием разнообразных средств аргументации;
- характеризация изучаемого объекта;
- демонстрация эмпирического материала, подтверждающего достоверность нового знания;
- выводы.

В качестве коммуникативно-прагматических блоков во французских и белорусских научных статьях в области языкознания можно выделить следующие: «постановка темы», «краткая история вопроса», «выдвижение гипотезы», «описание стадий эксперимента», «описание результатов исследования», «выводы – заключение», «выражение признательности» и др.

Таким образом, коммуникативно-прагматическая структура научного текста конституируется речевыми образованиями разной природы: с одной стороны, коммуникативно-прагматическими блоками, выражающими коммуникативно-информационный аспект смыслового содержания, с другой –

прагматическими установками, служащими для формирования прагматической направленности данного содержания. Все это позволяет рассматривать коммуникативно-прагматическую структуру научного текста как многомерное, объемное образование.

О. Е. Рымкевич

МОДАЛЬНЫЙ АСПЕКТ ПУБЛИЦИСТИЧЕСКОГО ТЕКСТА

Модальная семантика является непременной составляющей смыслового и прагматического аспектов текстов газетной публицистики. Согласно своему статусу коммуникативно-прагматической категории, модальность воздействует на адресата, модифицируя в заданном автором ключе пропозициональное ядро информации. Модальность не только активно участвует в формировании текстовой семантики и прагматики, но и играет весомую роль в процессах текстообразования, поскольку текст строится в сущности сообразно законам текстовой модальности. Проявление модальности в текстах публицистики в целом отмечено семантической и функциональной вариативностью и комплексностью, при том, что различные по своей семантике модальные элементы смысла тонко взаимодействуют между собой в текстовой реализации, в определенной степени создавая адресату условия для «многогранной» интерпретации предложенного ему содержания.

Модальность понимается нами как отношение высказывания к действительности с точки зрения реальности/нереальности пропозиционального содержания (объективная модальность) и как отношение отправителя информации к высказыванию с точки зрения его достоверности, точнее, достоверности отраженных в высказывании связей (субъективная модальность в узкой ее трактовке). В таком представлении субъективная модальность включает в себя различные оттенки отношения, от уверенности до предположения и сомнения, и выступает в контекстах реализации в роли модификатора предикативной связи.

Модальные отношения выражаются в текстах специально предназначенными языковыми средствами – лексическими и грамматическими, такими как модальные слова, модальные глаголы, модальные частицы, конъюнктив II в различном, присущем ему, функциональном воплощении, конъюнктив I для передачи косвенной речи с возможностью представления дистанцированной субъективно-оценочной позиции автора к излагаемому содержанию и др.

Вышеуказанная комплексность модальной семантики проявляется в текстовом воплощении в виде модальных когезий, позволяющих дифференцированно представить позицию автора. Модально-оценочные языковые средства маркируют те или иные участки информационного содержания, каждый раз подавая их в заданном прагматическом формате. Прагматика же модального (в особенности субъективно-модального) смыслового компонента в значительной степени связана с реализацией авторских интенций оказания влияния на адресата.

Модальные слова, например, появляясь позиционно в различных частях предложения и текста, способны модифицировать высказывание либо весь текстовый фрагмент, придавая ему определенный оттенок субъективной оценки. Они выступают в качестве субъективного комментария адресанта и переводят пропозиции в оценочные высказывания, как бы программируя заранее декодирование адресатом получаемой информации. Модальные слова вовлечены непосредственно в создание когерентности дискурса, а модальный аспект в целом формирует метатекстовый вторичный пласт отношений как своего рода «каркас», обеспечивающий структурную организацию текста и его связность. Модальные слова и другие средства выражения модальности служат сигналами активации схемы возможного развития референтной ситуации. Например: ***Sicher****, Europa zu „erleben“ scheint zunächst eine schier entmutigende Aufgabe. Schließlich ist es gerade die Vielfalt, die Europa einzigartig macht* (Internationale Politik, 2009).

Модальное слово *sicher* с семантикой высокой степени уверенности адресанта в достоверности собственной позиции, появляясь в зачине текстового фрагмента, выполняет роль модально-смыслового звена, воздействующего своей семантикой двунаправленно: с одной стороны, на посттекст, с другой стороны, выступая в качестве логического «мостика» к предыдущему контексту, сплачивая при этом текст воедино.

В подобной функции могут выступать и другие модальные слова с семантикой высокой степени достоверности, в частности, *natürlich*, *tatsächlich*, *offensichtlich.* Например: *Das ist* ***offensichtlich*** *bei Teilen dieser 16,5 Prozent. Nur: Dieser Protest ist in sich unlogisch* (Die Zeit, № 50, 05.12.2013).

Модальные средства выражения с оттенками неуверенности или сомнения (*vielleicht*, *vermutlich*, *möglicherweise)* являются для адресата прагматическим сигналом ситуативной неопределенности и неоднозначности оценки или дальнейшего развития ситуации. Например: *In zwei Monaten werde ich 73, dachte ich.* ***Vielleicht*** *kommt es zum Prozess,* ***vielleicht*** *nicht* (Там же).

Модальные когезии могут формироваться путем различного рода повторов модальных средств выражения. В подобных случаях происходит усиление модального компонента, благодаря чему достигается и убеждающий эффект. Например: *2010 schreibt Snowden in einem Onlineforum: „Die Gesellschaft hat* ***offenbar*** *blinden Gehorsam gegenüber Spionen entwickelt. “…****Tatsächlich*** *hätte Snowden von seinem Wissen persönllich profitieren können. <…>* ***Wahrscheinlich*** *profitieren die deutschen Dienste von Programmen wie Prism und Tempora, wissentlich oder unwissentlich. <…>* ***Sicher*** *ist hingegen, dass die Datensammelei viele Terrorattacken nicht verhindert hat...* ***Es gehört zur Wahrheit*** *dieses Falles, dass die Öffentlichkeit vieles nicht weiß* (Die Zeit, 27.06.2013).

Модальные операторы коррелируют между собой в текстовом пространстве ретроспективно и проспективно, обеспечивая смысловую нюансировку содержания. В данном текстовом фрагменте прагматика убеждения, характерная для газетной публицистики, доводится до адресата с помощью модальных слов с семантикой высокой степени достоверности (*offenbar*, *tatsächlich*, *wahrscheinlich*, *sicher*) и предикативной конструкции *Es gehört zur Wahrheit.*

Итак, модальный аспект публицистического текста носит комплексный характер и участвует в формировании его содержательной и прагматической структуры путем выдвижения на передний план модально маркированных смыслов, значимых для прочтения текста.

Т. А. Силаева

СТИЛИСТИЧЕСКИ МАРКИРОВАННАЯ ЛЕКСИКА В ХУДОЖЕСТВЕННОМ ТЕКСТЕ: КОММУНИКАТИВНО-ПРАГМАТИЧЕСКИЙ АСПЕКТ

Под стилистически маркированными единицами словарного состава языка (СМЕ) в специальной литературе понимают эмоционально-оценочные слова, в которых оценочное значение является компонентом семантической структуры слова, и эмоционально-образные слова, оценочное значение которых характеризуется коннотативностью (М. П. Брандес). Такие единицы, как известно, не являются спорадическим явлением. В словаре они организованы как одна из субсистем лексикона, элементы которой в функциональном плане указывают на коммуникативную сферу, в которой существует языковая данность, выполняющая определенные коммуникативные задачи. Соответственно, их актуализация в тексте придает последнему эмоциональную насыщенность, экспрессивную интонацию, выражает эмоционально-образную оценку описываемым событиям.

В настоящем сообщении мы рассмотрим СМЕ словарного состава немецкого языка и попытаемся определить функции, выполняемые такими единицами в немецкоязычных художественных текстах. В качестве материала для исследования особенностей функционирования стилистически маркированных языковых единиц с точки зрения их коммуникативного предназначения нами были выбраны два популярных романа на немецком языке: «Мое столетие» Г. Грасса и «Идеальный друг» М. Зутера. Интерес представляет то, как для реализации своего замысла и, соответственно, воздействия на читателя авторы добиваются с помощью названных единиц стилистического эффекта.

Стилистически маркированная лексика, как известно, обладает большими эмотивными и эмоционально-оценочными возможностями. В художественном тексте эти возможности раскрываются в полной мере не только благодаря ситуативному контексту, но и лексическому окружению, т.е. лингвистическому контексту, поскольку стилистически немаркированная, т.е. нейтральная, стандартная лексика является своего рода эталоном для определения стилистической окрашенности слов в текстах и воспринимается нами как фоновая. Другими словами, она является своеобразным лексическим обрамлением для единиц, отмеченных стилистической возвышенностью либо сниженностью, экспрессивностью, эмотивной оценочностью, что может привести к появлению у слова дополнительных коннотаций, нюансов, а в ряде случаев и окказиональных значений. В результате

возрастает эффект воздействия подобных единиц на читателя. Неудивительно, что для авторов обращение к подобным лексическим единицам является весьма привлекательным. Однако следует отметить, что писатели не злоупотребляют использованием СМЕ в своих произведениях. В противном случае имело бы место, с нашей точки зрения, искажение социального контекста события, ситуации, описываемых в конкретной сцене. Более того, изменение всего экспрессивного фона могло бы дезориентировать читателя и затруднить восприятие литературного произведения в целом. Именно поэтому авторы используют данные лексические единицы только при описании конкретных ситуаций, сцен, представляющих героев произведения в момент острых переживаний, душевного волнения, решительных действий и поступков. Данный факт находит подтверждение и в количественных данных, выделенных нами СМЕ из вышеназванных романов: 31 единица в романе М. Зутера и 64 единицы в романе Г. Грасса.

Достижению стилистического эффекта в романах в известной мере способствует использование экспрессивной лексики в оппозиции к неэкспрессивной, например: *still – mäusenstill*, *egal – scheißegal*, *rot – kupferrot*, *kurz – milimeterkurz*, *glänzend – firnisglänzend*, *mutig – todesmutig*, *schön – engelschön*, *Job – Scheißjob*, *unerträgliche Hitze – Sauhitze*, *dumm – saudumm*. Как видим, первый компонент таких образований имеет аугментативное значение, но это не просто усиление значения одного компонента в словообразовательной структуре при помощи другого, как правило, полупрефикса. Аугментатив служит также для передачи эмоционально выраженной оценки действующими лицами произведений, в приведенных примерах в основном для выражения отрицательной оценки в свободной, неформальной сфере общения.

Приведем пример эффектного и оригинального использования Г. Грассом возвышенного существительного *Gebein* ‘мощи’ в новелле «1927 год» названного романа. Автор при описании танцовщиц варьете использует существительное *Gebein – Gebein der Girls*. *Gebein* в значении ‘мощи’ является производным от устаревшего *Bein* ‘кость’. Сразу же возникает образ необыкновенно худых девушек-танцовщиц. С другой стороны, это слово можно рассматривать как окказиональное образование от существительного *Bein* с современным значением ‘нога’ по словообразовательной модели «*Ge*-...+ нулевой суффикс» в значении собирательности, подобно *Gebrüder*, *Gestein*, *Gewässer* и т.п. В результате возникает семантико-стилистическое наложение значений двух разных существительных. Такая игра слов производит неожиданный эффект на читателя: невероятно худые, можно сказать, костлявые девушки, танцующие на сцене, мелькание множества ног в танце, переданное в компримированной форме с помощью вышеназванной словообразовательной модели, создают нелепый, комичный образ происходящего и выявляют однозначно ироничное отношение рассказчика к выступлениям в этом варьете.

Эмоционально-оценочная составляющая СМЕ настолько значительна, что одно колорированное слово в окружении нейтрального лингвистического контекста способно воздействовать на читателя не только эмоционально, но

и передать ему художественную информацию, а также сообщить об отношении автора к кому-либо или чему-либо. Так, в новелле «1915 год» упоминается возвращение В. И. Ленина в Россию – *sein unter reichsdeutschem Geleit stehende Reise nach Russland*. Только одно возвышенное *Geleit* ‘эскорт’ вместо нейтрального *Begleitung* ‘сопровождение’ влияет на тональность текста, придавая ему оттенок торжественности, даже некоторой пафосности, говорит об огромном уважении рассказчика к личности В. И. Ленина, признании его великим революционером, изменившим ход истории.

На стилистический эффект «работает» и отход авторов от литературного языка как при описании и характеристики героев, так и при создании их речевого портрета или социального контекста. С этой целью писатели включают в речь своих героев часто стилистически сниженную (разговорную, фамильярную, а иногда и грубую) лексику, например: *Flitzer*, *Lausbub*, *Lump*, *ulkige Klamotten*, *Klugscheißer*, *Pack*, *Pißbude*, *Saukerl*, *Scheiße*, *meschugge*, *kramen*, *kapieren*, *kotzen*. Такие вкрапления производят эмоциональный эффект нарушения предсказуемости (А. И. Домашнев): герой, интеллигентный, образованный человек, имеющий хорошее, иногда аристократическое воспитание, от которого читатель ждет соответствующей формы выражения мыслей и чувств, в состоянии крайнего эмоционального возбуждения, даже аффекта, дает выход своим эмоциям с помощью подобных слов. В произведениях используются для этого прямая, косвенная либо несобственно-прямая речь, что свидетельствует о стремлении авторов, с одной стороны, дистанцироваться от подобного изъявления чувств персонажем, а с другой – подчеркнуть напряженность и даже безвыходность положения, в котором оказался герой, что оправдывает использование им такой лексики. Однако подобные выражения в речи персонажей с более низким социальным статусом не являются диссонирующими, а наоборот, просторечная, фамильярная лексика – своеобразный маркер принадлежности таких героев к определенной социальной группе и, соответственно, важная составляющая их речевого портрета.

Итак, на основании вышеизложенного можно сделать следующие выводы:

- в произведениях экспрессивная лексика выполняет эмотивно-оценочную функцию, т.е. позволяет передать все оттенки чувств героев, а также оценить описываемую ситуацию. Она отражает также субъективное восприятие действительности говорящим. Кроме того, использование СМЕ позволяет автору создать доверительные отношения как между персонажами произведения, так и между его героями и читателем;
- СМЕ дают возможность более точно охарактеризовать как внешность, так и внутренний мир героя, выявить его мировоззрение, интеллектуальный и культурный уровень, принадлежность к определенному социальному классу. С полным правом можно сказать, что СМЕ являются изобразительным средством речевой характеристики персонажей. Более того, при помощи колорированной лексики автор «оживляет» действия и поступки своих героев;
- с помощью СМЕ авторы обозначают коммуникативную ситуацию, например, как ситуацию неформального, доверительного или наоборот формального, делового, официального общения;

- особенностью стилистически маркированной лексики, с нашей точки зрения, является ее полифункциональный характер: в конкретной ситуации, описываемой в произведении, данная лексика может выполнять не одну, а несколько функций.

М. А. Соловьева

«АББАТСТВО ДАУНТОН» КАК ПРЕЦЕДЕНТНЫЙ ТЕКСТ АНГЛОЯЗЫЧНОГО ДИСКУРСА

Исторический сериал «Аббатство Даунтон» (*Downton Abbey*) по сценарию Джулиана Феллоуза представляет собой знаковое явление британской культуры и мирового англоязычного дискурса в целом. Несмотря на то, что фильм транслировался несколько лет назад (с сентября 2010 по декабрь 2015 г.), темы, затронутые им, продолжают обсуждаться в англоязычном дискурсе по сей день. Сериал стал толчком для возрождения интереса к постэдвардианской эпохе, написания научных, научно-популярных книг, а также создания документальных фильмов о данном периоде.

Можно без преувеличения сказать, что «Аббатство Даунтон» является «прецедентным текстом культуры» в трактовке Ю. Н. Караулова, поскольку этот ученый относит к «прецедентным текстам» и театральные спектакли, кино, телевизионные программы, музыкальные произведения, которые представляют собой явления культуры, известные всем, используемые как критерии оценки и сравнения, аргументы в дискуссии, факторы принадлежности коммуникантов к одному и тому же речевому коллективу или социально-культурному слою и т.п.

Влияние фильма на жизнь британского общества оказалось настолько велико, что оно коснулось даже законодательной деятельности Парламента. В начальных сериях фильма повествуется о том, что старшая дочь графа Кроули леди Мери не может быть полноправной наследницей титула и имения отца и необходимо отыскать дальнего родственника, чтобы имущество Лорда Грэнтэма и его титул не отошли к чужому человеку. Общеизвестно, что этот сюжет послужил предпосылкой для создания и рассмотрения в парламенте в 2013 году проекта «Билля о равноправии» (*Equality* (*Titles*) *Bill*), называемом в народе «Законом Даунтон» или «Законом Аббатства Даунтон», который был призван положить конец гендерной дискриминации и позволить женщинам-аристократкам наследовать титул и имущество. Состоялось только два чтения этого Билля, и он не был принят, причем ситуация такова, что некоторые титулы в британской системе находятся под угрозой вымирания, поскольку в аристократических семьях, обладающих ими, нет наследников мужского пола.

Что касается сюжета сериала, то он охватывает отрезок времени с момента крушения «Титаника» (1912) до 20-х годов XX века и повествует о жизни аристократической семьи Кроули (*Crawley*), прототипом которой

частично является семья египтолога Джорджа Герберта, 5-го графа Карнарвона, чье имя связано с раскопками гробницы Тутанхамона. Джордж Герберт известен обывателю тем, что именно его смерть от воспаления легких в Каире 5 апреля 1923 года послужила началом распространения легенды о «проклятии фараонов».

Постэдвардианский период, отраженный в драме, является очень важным в истории Великобритании, так как он связан со многими общественными, политическими и культурными переменами в жизни Британии и мирового сообщества. Может показаться, что фильм является просто красивым повествованием об аристократической семье и ее взаимоотношениях с друзьями и слугами. Часто, когда речь идет об исторических неточностях в фильме или недостоверном использовании классовых различий в языковом употреблении (в особенности актерами, исполняющими роли аристократов), защитники сериала указывают на то, что это просто развлекательная телевизионная программа (*a light entertainment programme*), шоу (*show*). Однако такое утверждение было бы поверхностным, так как в сериале многие сложные исторические события не только упоминаются и обсуждаются его героями, но и непосредственно влияют на их судьбу как представителей своего класса. Это такие перипетии, как Первая мировая война, Октябрьская революция в Российской империи, эпидемия испанки 1918 года, война за независимость Ирландии, британские выборы 1923 года, зарождение нацистского движения в Германии и другие. При этом изображается в той или иной мере, как эти и другие события сказываются на жизни большого английского поместья, включая его владельцев, их друзей, гостей, слуг, представителей местного сообщества (врача, фермеров, арендаторов, учителей). Таким образом, историческая эпоха, связанная с кардинальными (хотя и не такими радикальными, как в бывшей Российской империи) изменениями в жизни Великобритании, может быть осознана зрителями через образы персонажей фильма, что, на наш взгляд, способствует эмоциональной вовлеченности интерпретатора и иллюзии его личной погруженности в события, возникновению эмпатии как фактора, способствующего максимальному осознанию нарратива.

Ключевой темой фильма является противостояние традиции и серьезных общественных изменений, многие из которых оказались весьма прогрессивными для британского общества. Одной из наиболее явных тенденций, затрагиваемых сериалом, является тема эмансипации женщин. В первую очередь речь идет о сестрах Кроули, которые, нарушают условности, определяющие место женщины-аристократки. Девушки работают сестрами милосердия в Первую мировую войну. Леди Сибил увлекается социалистическими идеями и выходит замуж за шофера – социалиста и ирландца. Леди Мери борется за право управлять имением. Леди Эдит учится водить автомобиль, работает трактористкой на ферме и в итоге, по стечению обстоятельств, становится владелицей журнала. В американском дискурсе взгляды, передаваемые фильмом «Аббатство Даунтон», определяются как феминистские (*decidedly*

feminist), несмотря на то, что классовое устройство общества в 1910–1920-х годах интерпретируется в сериале с позиций Тори, а сам создатель фильма, Джулиан Феллоуз, является консервативным членом Палаты лордов. Джулиан Феллоуз подтверждает, что он осознанно ввел тему феминизма в фильм. Сценарист сериала подчеркивает, что вплоть до 60-х годов XX века женщины жили в рамках бесконечных ожиданий касательно своего поведения и должны были каким-то образом искать свой путь, находясь в тисках традиций своего времени. В качестве наиболее явного примера драмы женщины, которая поневоле становится феминисткой, будучи вынужденной принимать вызовы судьбы, автор фильма называет Эдит Кроули.

Сериал «Аббатство Даунтон» пробуждает интерес публики не только к истории Великобритании в целом, ее аристократии и эмансипации ее представителей в частности, но и к положению низших классов в постэдвардианскую эпоху. Говоря об Англии того времени, надо помнить, что, по утверждению журналиста Би-би-си Люси Уоллис, Англия – это страна слуг. Так, при общем числе населения в 36 миллионов в начале XX века количество слуг составляет 1,5 млн и превышает число тех, кто трудится на земле и на заводах.

Обязанностью поместного аристократа было обеспечить представителей местного сообщества работой, в частности предоставить работу слуги, что было важно в отношении сирот и безработных, что отражается в фильме. Однако уже в десятые годы XX века у людей появляются иные возможности. Число слуг сокращается с 1,38 миллионов человек в 1891 году до 1,27 миллионов в 1911 году, при этом растет буржуазный средний класс, который мог бы быть заинтересован в найме слуг на работу. Тяжелый и малооплачиваемый ручной труд по дому уже до Первой мировой войны становится менее привлекательным для британцев. Условия труда и проживания слуг были совсем не благоприятными, часто далекими от того идиллического образа, который создается фильмом. Нельзя забывать, что речь идет о работе в больших поместьях, со множеством комнат, которые нужно содержать в чистоте и порядке, с многочисленными лестницами, которые нужно преодолевать, часто с тяжелыми емкостями для воды, а званые ужины готовятся на сорок человек. Первая мировая война и вовсе меняет ситуацию, поскольку на фронте гибнут и владельцы поместий и их работники, а имения разоряются. Во время войны открываются вакансии для женщин, появляется работа на фабриках, затем и в офисах, магазинах, растет средний класс. Новое время предоставляет и новые шансы для представителей более низких слоев общества при переходе в более высокий класс или при выборе более комфортных, выгодных условий труда, что находит отражение в сериале.

В сериале имеется несколько примеров того, как тенденции того времени отразились на жизни одного загородного поместья. Так, служанка Гвен еще до Первой мировой войны, купив печатную машинку и пройдя заочные курсы машинистки и стенографистки, с помощью леди Сибил находит работу секретаря сначала в телефонной компании, а потом в правительстве.

Безграмотная помощница поварихи Дейзи обучается грамоте, чтобы вести дела на ферме своего тестя, что повышает ее статус по сравнению с работой служанки. Дворецкий Вайолет Кроули, надменный Септимус Спрэт, в конце фильма ведет колонку советов в журнале леди Эдит под псевдонимом Мисс Кассандра Джоунс. А неудачник-лакей и добряк Джозеф Моузли, сдав необходимые экзамены, прощается с карьерой слуги и реализует свою мечту, став школьным учителем.

Таким образом, на общем фоне изменений, имевших место в британском обществе в 10–20-х годах XX века в сериале «Аббатство Даунтон», ставшем прецедентным феноменом культуры, наиболее ярко отражены темы эмансипации женщин и слуг как представителей общества, не имевших ранее таких возможностей для самореализации и обретения самостоятельности.

Л. А. Федоренко

К ВОПРОСУ О ПРЕЦЕДЕНТНЫХ ФЕНОМЕНАХ ВО ФРАНЦУЗСКОМ ТОК-ШОУ

В настоящее время ток-шоу является одной из самых рейтинговых передач французского телевидения и самостоятельным жанром телевизионного дискурса.

Жанр ток-шоу обусловливает использование определенных языковых средств. Так, для ток-шоу характерны коммуникативные клише (*Bonsoir à toutes et à tous. Bienvenue au studio Gabriel pour ce nouveau numéro ‘On n’est pas couché’. Heureux de vous retrouver chaque samedi soir avec, évidamment, à mes côtés, Christine Angot et Yann Moix. Bonsoir, Christine, bonsoir Yann. Ensemble nous recevons encore l’invité politique de la semaine)* ‘Добро пожаловать всем. Добро пожаловать в студию «Габриэль» для очередного выпуска « On n’est pas couché ». Рад вас видеть снова в субботу вечером. Добрый вечер, Кристин. Добрый вечер, Ян. У нас в гостях сегодня политик’); элементы разговорности (*Il faut du cul* ; *arrête de déconner* ‘Нужно быть чертовски смелым; прекрати валять дурака’) и идеологизации (*Front National* ‘Национальный фронт’; *mondialisation* ‘мондиализация’; *syndicalisation* ‘профсоюзы’; *terrorisme* ‘терроризм’), маркированные модальные слова (*franchement* ‘откровенно’; *à vrai dire* ‘по правде говоря’; *autant que je sache* ‘насколько я знаю’), употребление оценочной лексики (*faire vibrer* ‘заставить дрожать’; *racoler* ‘пиликать об одном’; *la cinquième roue du carosse* ‘пятое колесо от телеги’), использование прямого и косвенного цитирования и прецедентных феноменов, которые представляют собой совокупность знаний и представлений всех говорящих на данном языке. Распознавание прецедентных феноменов в дискурсе свидетельствует о принадлежности к данной эпохе и к ее культуре, а также к определенной социальной группе.

Использование различных видов прецедентных феноменов следует отнести к одной из характерных черт дискурса французских телевизионных ток-шоу. Прецедентные феномены представлены в ток-шоу прецедентными текстами и прецедентными ситуациями (событиями), вводимыми в «прини-

мающий» текст посредством прецедентных единиц в виде прецедентных высказываний и имен, к которым необходимо также добавить прецедентные названия, даты, аллюзии.

Как известно, основными критериями прецедентности являются: 1) отсылка или намек на оригинальный текст или ситуацию в силу параллельности контекстов, 2) свернутость смыслового содержания, 3) ассоциативность, 4) эмоциональная нагруженность и 5) познавательная значимость. Проанализируем на конкретных примерах случаи употребление прецедентных единиц.

Использование прецедентных имен основано на параллельности контекстов. Так, например, в одном из ток-шоу один из журналистов, комментируя выборы мэра Марселя говорит: *Oui, il y a quand même quelque chose de très sympathique chez lui* (Jean-Claude Gaudin). *C'est un personnage immense, Pantagruel, je ne sais pas* 'Да, есть в нем что-то симпатичное. Это огромный персонаж, Пантагрюэль, я даже не знаю'. Прецедентное имя *Пантагрюэль* отсылает к роману (прецедентному тексту) «Гаргантюа и Пантагрюэль» Франсуа Рабле. Жан-Клод Годен, мэр Марселя, является значимой фигурой города. Будучи мэром с 1995, он внес очень большой вклад в развитие города. Именно при нем Марсель стал культурной столицей Франции. Роль Жана-Клода Годена настолько значима для процветания города, что образ мэра может быть приравнен лишь к образу великана Пантагрюэля.

Источниками прецедентных имен в ток-шоу являются всемирно известные литературные произведения, библейские тексты (*David et Goliath)*, мультфильмы для детей (*Calimero*, *Donald*), политические события (*Charlie*, *Dalaï Lama* – духовный лидер тибетского народа, духовный лидер буддистов, проповедующей мирное урегулирование конфликтов, социальное равенство).

Прецедентные названия (ПН) стоят очень близко к прецедентным именам. Прецедентным может быть название торговой марки, продукта, название закона, произведения, передачи. Так, Ян Муакс в ответ на замечание одного из приглашенных гостей о том, что он не любит рубрику «происшествия», отвечает: *Madame Bovary est un fait divers, mais c'est un chef-d'oeuvre de la literature* 'Мадам Бовари – это происшествие, но это шедевр литературы'. «Мадам Бовари» – название романа Гюстава Флобера. По сути, сам роман представляет собой череду происшествий, ведущих к смерти главной героини. Несмотря на это, роман считается шедевром мировой литературы. Ян Муакс, упоминая о романе, актуализирует в сознании адресантов его содержание, проводя параллель между происшествиями в реальной жизни и происшествиями в романе.

Под прецедентным высказыванием понимается цитация (Ю. Н. Караулов, В. В. Красных, Г. Г. Слышкин), квазицитация (Ю. Н. Караулов, Г. Г. Слышкин), пословицы и поговорки (В. В. Красных, Ю. А. Сорокин), афоризмы (В. В. Красных, Ю. А. Сорокин). Роль цитаты заключается не просто во введении чужого слова, наподобие прямой речи, а в привнесении дополнительного смысла в высказывание, в расширении ассоциативного поля. Например, в одном из ток-шоу Тьерри Ардиссон представляет Ракель Гарридо

следующей репликой: *Elle sait qu'on ne peut pas détourner un avion sans monter dedans. Et elle est là* 'Она знает, что нельзя угнать самолет не поднявшись на борт. Она уже на борту'. Речь идет о цитате из романа «99 francs» французского писателя Фредерика Бегбедера. Как считает Тьерри Ардиссон, участие Ракель Гарридо в ток-шоу даст ей возможность рассказать о своих убеждениях миллионам телезрителей, что поможет донести до широкой аудитории идеи ее партии, изменить их взгляды.

Прецедентная дата также апеллирует к прецедентному тексту или ситуации, основываясь, подобно прецедентному имени, на параллельности контекстов. Источниками прецедентных дат являются реальные исторические события. Например, Ян Муакс об агрессивности Ж-Л. Меланшона говорит так, *On n'est pas en 1793* 'Мы не в 1793 году', подразумевая период террора во времена французской революции.

Аллюзия представляет собой соотнесение предмета общения с ситуацией или событием, описанным в определенном тексте, без упоминания этого текста или события. Представляется, однако, что аллюзия может соотноситься не только с определенным текстом, но также и с определенной ситуацией. Так, например, высказывание Тьерри Ардиссона относительно Флориана Филиппо: *Florian Philippot, l'ex FN, a dîné de la charcuterie et du vin rouge. Finis les couscous* 'Флориан Филиппо, бывший приверженец НФ, пообедал мясом и красным вином. Кускус больше не в его тарелке'. Речь идет об аллюзии на фотографию Флориана Филиппо, где он ест традиционное алжирское блюдо кускус как символ несогласия с националистической политикой (Национального фронта) НФ. Считается, что фотография ускорила его выход из НФ. Во французских ток-шоу источниками аллюзии являются в основном текущие политические события.

Анализ частотности прецедентных единиц во французских ток-шоу свидетельствует о том, что наиболее употребительными оказываются прецедентные имена (31,6 % от общего числа выявленных единиц) и прецедентные высказывания (27,2 %), за которыми следуют аллюзии (19,3 %) и прецедентные названия (18,4 %). Наименьшей частотностью отличаются прецедентные даты (3,5 %).

С точки зрения функций количественное соотношение прецедентных единиц существенно различается в зависимости от вида ток-шоу. Так, в развлекательных ток-шоу преобладают прецедентные единицы, направленные на выполнение следующих функций:

- экономия времени в условиях телеэфира, прецедентные феномены предоставляют говорящему возможность лаконично передать значительный объем информации;
- номинативная функция: «обозначение всего отражаемого и познаваемого человеческим сознанием всего сущего и мыслимого: предметов, лиц, действий, качеств, отношений, событий, эмоций, переживаний». Использование номинативной функции обусловлено стремлением говорящего к оригинальности, нестандартности выражения;

• сатирический эффект, людическая функция;

• парольная функция, т.е. прецедентные феномены являются показателем принадлежности к определенной эпохе и к ее культуре;

• привнесение дополнительного экспрессивного оттенка, желание оживить знакомыми образами текст, не претендующий на оригинальность.

Л. М. Якубёнок

ВИДЫ И ФУНКЦИИ ВОПРОСОВ В МОНОЛОГИЧЕСКОЙ РЕЧИ АДВОКАТА

Защитительная речь адвоката произносится на главном судебном заседании по уголовным делам. 18 исследованных защитительных речей адвокатов, по экономическим и политическим преступлениям Германии и Швейцарии, достаточно объемны – от 20 до 80 страниц. В текстах семнадцати из восемнадцати речей были обнаружены вопросительные высказывания. На 700 страницах текста было найдено 184 вопросительных предложения. При таком количестве вопросов в монологической защитительной речи исследовательский нтерес вызывают следующие моменты:

- какие виды вопросов можно выделить в речи защитника;
- каким образом вопросительность включается в систему средств аргументации и убеждения;
- какая роль отводится при этом риторическому вопросу;
- какие языковые средства сигнализируют о риторичности вопроса;
- каким образом риторический вопрос поддерживает установку на создание уверенного тона при изображении достоверной/приемлемой картины деяния.

В результате анализа выделено три вида вопросов: обычные (47), полуриторические (91) и риторические (46).

О б ы ч н ы е в о п р о с ы при прочтении контекста воспринимаются как запрос информации, после них в большинстве случаев следует ответ на него. В защитительной речи вопросы данного вида выполняют следующие функции:

1) формальное приглашение аудитории к совместному рассуждению с последующим приведением ответа, который подтверждает правильность позиции говорящего, например:

Was also tat Jan Litwinski als CEO der Lot? Er bangte um die Zukunft seiner Gesellschaft, der er fast 30 Jahre verpflichtet war… ;

2) постановка проблемы с последующим называнием ее решения, акцентирование внимания на проблеме, например:

Das Wesen des politischen Strafprozess; was kennzeichnet ihn?;

3) логическое членение выступления, в том числе для выражения названия подзаголовка раздела речи. Как правило, заголовок в виде вопроса имплицирует сомнение в пункте обвинения, который необходимо опровергнуть, например:

2.1. Bewusstes Ausnützen der unwahren Angabe?;

4.2. Überschuldung oder Zahlungsunfähigkeit?.

Названные прагматические функции использования обычных вопросительных высказываний можно объединить в одну: они придают рассуждению форму диспута, создают иллюзию совместного ведения мысли. При этом манипулятивным образом адресату внушается, что выссказываемые соображения – это плод мыслительного процесса не только убеждающего, но и самого адресата.

П о л у р и т о р и ч е с к и й в о п р о с представляет собой пограничное явление обычного вопроса и вопроса риторического. Основание для выделения данного пограничного вида вопросов видится в том, что на первый взгляд при их помощи как бы формально запрашивается информация у слушающих, и выражаемый ими смысл не равен утверждению. Но в ситуации общения, в которой говорящий стремится подчеркнуть правильность своей позиции и одновременно дискредитировать оппонента, такие вопросы могут быть истолкованы слушающим как косвенное утверждение о несостоятельности оппонирующей позиции и, соответственно, правильности мнения защитника. Полуриторические вопросы задаются в речи адвоката со следующими целями:

1) передача хода размышления, высказывание предположений, перечисление возможностей со следующим подтекстом: предположения следует рассматривать как потенциальное подтверждение невиновности подзащитного/несостоятельности обвинения. Иными словами на эти вопросы-предположения можно дать уверенный однозначный ответ в пользу защиты, например:

Vielleicht hat sich die Anklage da an einen missglückten Bundesgerichtsentscheid gehalten?;

Unkonzentrietheit, schlechtes Gedächtnis oder das typische Nachbessern durch denjenigen, der lügt?.

2) выражение недоумения, упрека относительно хода мыслей оппонента, опровержение его позиции, ирония по поводу утверждаемого оппонентом положения дел, порицание за невыполнение им необходимых действий, например:

Aber warum hat die BAW eigentlich keine Anklage wegen Hochverrat gewählt?;

Gelten diese Grundsätze auch da oder stehen sie nur auf dem – geduldigen – Papier?.

В приведенных примерах полуриторических вопросительных высказываний прослеживается явное намерение говорящего подчеркнуть несостоятельность позиции оппонента, а выбранная для этой цели форма вопросительности является лишь маневром для привлечения к подобной точке зрения и аудитории.

И, наконец, р и т о р и ч е с к и е в о п р о с ы, т.е. вопросы, которые по сути равны утверждению, также достаточно часто используются в адвокатских речах. В качестве критерия для определения риторического вопроса

выбран метод трансформации. Если вопросительное высказывания свободно трансформируется в утвердительное/повествовательное, то его можно причислить к разряду риторических.

Было установлено, что однозначная трансформация вопросительных высказываний в утверждение возможна при наличии в них определенных языковых маркеров. Одним из этапов анализа адвокатских речей было составление списка языковых маркеров, при наличии которых вопросительное высказывание свободно трансформируется в утвердительное/повествовательное, т.е. является риторическим вопросом. К таковым относятся синтаксический тип вопроса (с или без вопросительного слова), маркеры отрицания и средства модальности. С опорой на данные языковые маркеры был выведен видовой список риторических вопросов адвокатской речи:

1) отрицательное вопросительное высказывание без вопросительного слова (трансформация в положительное повествовательное высказывание с учетом контекста), например:

*War es **nicht** die Aufgabe des Angeklagten, die Mittel so effektiv und zielgerichtet zu verwenden, wie nur möglich? = Es war die Aufgabe des Angeklagten*;

2) отрицательное вопросительное высказывание без вопросительного слова с модальными наречиями *etwa*, *wirklich*, *gerade*, *auch*, *denn* (трансформация в положительное повествовательное высказывание с или без модального наречия), например:

*Steht **nicht etwa** die Verurteilung von Beginn dieses Verfahrens an fest?*;

3) Положительное вопросительное высказывание без вопросительного слова с модальными наречиями *denn*, *wirklich*, *überhaupt*, *aber* (трансформация в отрицательное повествовательное высказывание с или без модального наречия), например:

*Macht es **wirklich** Sinn, ein Anwaltsbüro resp. dessen Vertreter aus demselben Grund auf die Anklagebank zu setzen?*.

Как видно из примеров, риторический вопрос с отрицанием трансформируется в утверждение без отрицания, и наоборот. Языковыми средствами для определения риторичности вопроса в адвокатских речах являются синтаксический тип вопроса, отрицание и модальные маркеры.

Риторические вопросы как самостоятельная языковая единица, а также дополняемые и уточняемые средствами модальности активно вплетаются в общий модальный план адвокатской речи. Они поддерживают модальность нереальности и предположительности и тем самым участвуют в создании достоверности/приемлемости представляемой адвокатом картины деяния. Риторический вопрос в убеждающей речи – это еще один способ манипулировать сознанием, вести слушающего к принятию нужной точки зрения.

Круглый стол
«АСПЕКТЫ НАЦИОНАЛЬНОЙ СПЕЦИФИКИ ЯЗЫКА»

Ю. В. Бекреева

ОБРАЗНЫЙ ПОТЕНЦИАЛ СУБЪЕКТНЫХ ГЛАГОЛОВ В АНГЛИЙСКОМ ЯЗЫКЕ

Семантико-когнитивный подход к метафоре активно разрабатывается отечественными и зарубежными семасиологами в исследованиях явления многозначности на системном и функциональном уровнях. Теория концептуальной метафоры рассматривает метафоризацию как процесс взаимодействия между структурами знаний двух концептуальных областей – сферы-источника (source domain) и сферы-мишени (target domain). Концептуальные элементы сферы-источника, сформировавшиеся в результате опыта взаимодействия человека с окружающим миром, структурируют менее понятную концептуальную сферу-мишень. Область-источник и область-мишень характеризуются общностью не только определенных концептуальных компонентов, но и аналогичными типами отношений между этими компонентами. В центре внимания исследователей находится проблема определения семантических признаков, которые служат основанием для смысловых преобразований в процессе метафоризации и построения моделей семантического перехода из сферы источника в сферу мишени. В рамках нашего предмета исследования мы рассматриваем роль семантического компонента «субъект» в процессах перекатегоризации и метафоризации глагольного значения.

В метафорическом суждении выделяются два субъекта – главный и вспомогательный, которые следует рассматривать как системные сущности. Метафора в имплицитном виде включает в себя такие суждения о главном субъекте, которые обычно прилагаются к вспомогательному субъекту. Благодаря этому метафора отбирает, выделяет и организует одни, вполне определенные, характеристики главного субъекта и устраняет другие.

Усложнение глагольной семантики через конкретизацию по субъектному компоненту влияет на развитие смысловой структуры глагольного значения. Сема прототипического субъекта, например ‘ребенок’ в значении глагола *mewl* ‘хныкать’, отражает конкретный образ наиболее вероятного, типичного исполнителя обозначаемого действия. Аналитическую часть семы прототипического субъекта составляет набор семантических признаков, определяющих онтологический класс субъекта и его психофизические особенности (например, ‘ребенок’ – ‘человек’, ‘маленький’, ‘слабый’, ‘беспомощный’).

Присутствие образа прототипического субъекта способствует сохранению образности во вторичных значениях глагола. Прототипический способ представления субъекта в первичном значении прогнозирует ряд возможных исполнителей обозначенного действия от наиболее вероятного (типичного) до менее вероятного.

Эпидигматическая связь лексико-семантических вариантов (ЛСВ) по компоненту «субъект» в структуре глаголов с внутренним субъектом-

прототипом обнаруживается в 78 % вторичных ЛСВ. Наиболее частотной моделью отношений является уподобление субъекта во вторичном значении по линии прототипа первичного значения. Все многозначные субъектные глаголы, обозначающие действия животных (например, *bark* ‘лаять’, *bleat* ‘мычать’, *gallop* ‘мчаться галопом’, *growl* ‘рычать’, *peck* ‘клевать’ и др.), включают в смысловую структуру вторичные значения, определяющие действие человека. В данной закономерности проявляется действие концептуальной метафоры «человек – животное». В первичном значении глагола присутствует сема прототипического субъекта-животного. Во вторичном значении семантический признак категориальной принадлежности обычно выражен имплицитно и определяется на основе ономасиологической ориентированности атрибутных семантических признаков на антропоморфную концептуальную сферу. Например, в значении глагола *buck 2* ‘противостоять, артачиться’ представлен атрибутный семантический признак ‘упрямый’, который является типичной чертой характера человека.

Следует отметить сохранение фактора непрототипичности при смене категории субъекта. Во вторичном значении человек с определенными психофизическими особенностями не относится к типичному антропонимическому агенсу: особенности физического и психического состояния человека снижают его способность осознанно контролировать действие или регулировать поведение согласно принятым в обществе нормам. Например, глагол *bleat* во вторичном значении указывает на слабого исполнителя действия, который поддается эмоциям – плачет, стонет, хнычет. Характер действия отражает неспособность субъекта контролировать свое эмоциональное состояние.

На синтагматической оси все глаголы с внутренним субъектом-прототипом, в том числе однозначные, сочетаются с именами агенсов, категория которых не совпадает с категорией, заявленной в первом значении глагола. При этом наблюдается метафоризация имен существительных в позиции субъекта под влиянием семантики глагола-предиката.

По мере развития смысловой структуры глагольного значения ассоциативная связь с прототипическим субъектом ослабляется и возрастает значимость семантических признаков атрибутного типа. Расширение сочетаемостной парадигмы глагола по левостороннему актанту приводит к формированию вторичного центра, в котором интегральную функцию выполняют признаки атрибутного типа. Например, в Британском национальном электронном корпусе текстов для глагола *squirm* ‘извиваться, вертеться’ обнаружен лишь один пример с прототипическим агенсом *worm* ‘червяк’. Другие примеры представляют антропонимические агенсы в различных ситуациях движения: человек воодушевлен, боится, неудобно сидит, нервничает, испытывает стыд, удовольствие, сдерживает ярость и т.д. Во всех контекстах профилируется нетипичность движения для человека вследствие временной неспособности контролировать свое тело, физические реакции. Подобие с червяком (ср. рус. *вертеться как уж*, а также англ. конверсив *worm* ‘вертеться, ползти’) сохраняется на уровне концептуальной метафоры.

В экстенсионал компонента «субъект» глагола *squirm* включены агенсы, которые характеризуются как минимум одним из прототипически значимых признаков: ‘гибкий’, ‘вёрткий’, ‘не способный контролировать тело’. К этим признакам примыкают атрибуты, ориентированные на субъект, который обладает сознанием и психикой: ‘непоседливый’, ‘нетерпеливый’, ‘нервный’.

Содержание семантического компонента «субъект» в структуре глаголов с внутренним субъект-прототипом составляют признаки наивного понятия (совокупность субъектных признаков, которые с определенной степенью вероятности обнаруживаются в характеристике членов категории) и представление о стандартном образце – прототипе категории. Такой подход позволяет установить образный потенциал субъектных глаголов и адекватно интерпретировать случаи употребления глагола-предиката в сочетании с именами агенсов, которые не соответствуют включенной семе субъекта-прототипа.

Н. А. Волковинская

НАЦИОНАЛЬНАЯ СПЕЦИФИКА ЛЕКСЕМЫ *SCONE*

Семантика лексических единиц вбирает в себя и фиксирует национальную специфику носителей той или иной культуры. Традиционным способом представления значения как объективной данности служит его описание в лексикографических источниках. Еще одним способом доступа к значению являются ассоциативные данные, полученные в ходе проведения свободного ассоциативного эксперимента. Интерес вызывает вопрос соответствия информации об описываемом понятии, представленной в словаре, той информации, которая хранится в сознании носителей языка.

Для этого мы сопоставим лексикографическую модель значения лексемы *scone* ‘лепешка, булочка’ с ее психолингвистической моделью. Нами был проведен свободный ассоциативный эксперимент с 250 носителями английского языка, в ходе которого им был предложен список слов-стимулов, на которые требовалось отреагировать первым пришедшим в голову словом. Сумма всех слов-реакций, связанных со словом стимулом в сознании носителей языка, представляет собой психолингвистическую модель значения. Компонентная структура психолингвистического значения *scone* представлена в табл. 1.

Таблица 1

Состав и структура психолингвистического значения *scone*

Семантическиегруппы	Реакции, %	Состав
Сопутствующие продукты	71,6	*jam, cream, butter, tea, currant(s), cheese, jam & cream, clotted cream, cream & jam, strawberry jam*
Наименования изделий	7	*cake, bread, food, bagel, bun*

Окончание табл. 1

Характеристики изделий	6,8	*delicious, dry, sweet, English, Cornish, scrummy, buttered, hard, crispy, disgusting, British, round*
Компонентны изделий	5.8	*raisins, fruit, mix, sultana, raisins, blueberry, currant*
Время	5,2	*cream tea, Cornish tea, party, cream teas, teatime, afternoon tea, teas*
Кухонные инструменты	0,8	*griddle, box*
Место	0,8	*England, pantry*
Лица	0,8	*baker, mum*
Состояние	0,4	*excited*
Действия	0,4	*eat*
Фонетические реакции	0,4	*stone*

Каждая реакция, представленная в списке ответов, рассматривается нами как компонент психолингвистического значения. Все выделенные компоненты были объединены в 14 семантических групп в зависимости от отражаемого ими параметра описываемой действительности. Структура психолингвистического значения определяется по полевому признаку с выделением ядерных и периферийных компонентов. Ядерные члены – наиболее частотные реакции. Малочастотные относятся к периферии. Как мы видим, для данной модели наиболее частотными являются компоненты группы «Сопутствующие продукты», далее идет группа «Наименования изделий».

Рассмотрим лексикографическую модель значения лексемы *scone,* структура которой определялась на материале толкового словаря (Oxford online dictionary). Лексема *scone* в данном источнике описывается следующим образом: *a small unsweetened or lightly sweetened cake made from flour, fat, and milk and sometimes having added fruit.* Объединив представленные в дефиниции семантические компоненты в группы, мы получили следующую структуру (табл. 2).

Таблица 2

Состав и структура лексикографического значения *scone*

Семантические группы	Состав
Наименования изделий	*cake*
Компоненты изделий	*flour, fat, milk, fruit*
Характристики изделий	*Small, unsweetened, lightly sweetened*
Действия	*make*

Таким образом, компоненты лексикографического значения *scone* распределяются по 4 семантическим группам по сравнению с 11 группами, выделенными в рамках психолингвистического значения данной лексемы.

Отсутствует ядерная в психолингвистическом значении группа «Сопутствующие продукты», компоненты которой проявили максимальную частотность. Для носителей языка более существенным оказалось совместное употребление продуктов, чем их рецептура. Действительно, данное популярное изделие британцы традиционно разрезают, намазывают маслом и употребляют с вареньем и сливками. Самыми частотными ответами в эксперименте как раз и стали реакции *jam* ‘варенье’ (встретилась 72 раза), *cream* ‘сливки’ (49 раз) и *butter* ‘масло’ (25 раз).Отличия касаются не только структур моделей значений, но и их содержания. Группа «Действия» в обоих моделях состоит лишь из одного компонента, но если в психолингвистическом значении это *eat*, то в лексикографическом – *make*.

Таким образом, моделирование психолингвистической модели значения по результатам свободного ассоциативного эксперимента позволяет определить, что реально связано с данной звуковой оболочкой в сознании носителей языка, и на основе этого корректировать лексикографическую модель согласно актуальной значимости компонентов смысла

О. А. Зинина

ОЦЕНОЧНОСТЬ В ПОЛИТИЧЕСКОМ ДИСКУРСЕ

В политической коммуникации важнейшую роль играет оценочность. Как правило, политические выступления направлены не на передачу фактов, сведений, информации, а на выражение их оценки. Оценочность в политических выступлениях приводит к тому, что политическая лексика, являясь, главным образом, безоценочной, не содержащей коннотацию оценки, приобретает оценочный компонент в определенном политическом контексте. Например, термин *formula,* употребляющийся в политическом дискурсе в значении ‘доктрина’, ‘лозунг’, может обладать

- нейтральной оценкой:

*We support the following **formula**: if you harbor a terrorist, you’re equally as guilty as the terrorist* (B. Obama);

- ярко выраженной положительной оценкой, что обусловлено раскрытием понятия через словосочетание *values we believe in:*

*My basic argument is that in today’s interdependent world, we need an integrated approach, **a formula** of international community based on the **values we believe in*** (T. Blair);

- ярко выраженной отрицательной оценкой, возникающей при сочетаемости с глаголом *mire* (*завязнуть, быть втянутым)*, что определяет пейоративность рассматриваемой лексемы:

*Too many of the planners who designed today’s defense policies are still **mired** in the post-Vietnam **formula** of fighting “big wars” against strong hostile states, not wars in and against “failed states” in which enemy armies are the least of our problems* (J. Kerry).

Оценочность создает возможность реализации персуазивной функции политической речи, способствует ее экспрессивности, манипуляции обще-

ственным мнением. Отчетливо выраженная негативная оценочность присутствует в употреблении слов-ярлыков, которые служат цели дискредитации политического противника, создания негативного имиджа. Обилие слов-ярлыков наблюдается в случае политического противостояния, возникновения кризисных ситуаций. В таких случаях могут нарушаться нормы политической корректности, которые широко распространены в условиях американской и британской политической коммуникации. Например, в ситуации обострения отношений между Россией и Великобританией в выступлениях британских политических лидеров Т. Мэй, Б. Джонсона, Г. Уильямсона в адрес России употребляются такие слова, как *aggressor, aggressor-nation, aggression, offending state,* что способствует формированию негативного имиджа России. Нагнетанием чувства угрозы и страха, а следовательно, манипуляцией общественного мнения проникнуты выступления упомянутых политиков: *This is a direct act of the Russian state against our country* (T.May); *a brazen act to murder innocent civilians on our soil* (B.Johnson); *direct hostile act of the Russian state* (B.Wallace); *Russian attempt to undermine our security and stability* (G.Williamson).

Одновременно с созданием резко негативного имиджа России политики формируют в сознании британцев идею о необходимости ей противостоять, например: *to counter Russian thre*at (G. Williamson); *to counter Russian attack* (B. Wallace); *our response must be robust* (T. May); *We now come together – with our allies – to defend our security, to stand up for our values and to send a clear message to those who would seek to undermine them* (T. May).

Таким образом, реализация негативной оценочности в политическом дискурсе может осуществляться при помощи такой разновидности стратегии убеждения, как дискредитация, с использованием тактики аргументации, подбора и интерпретации информации в негативном свете, создания негативного образа.

А. П. Клименко

ОБЯЗАТЕЛЬНОСТЬ ЗНАЧЕНИЯ В ПСИХОЛИНГВИСТИЧЕСКОМ ЭКСПЕРИМЕНТЕ

За последние годы усилилось внимание к методам изучения семантики, позволяющим объективно раскрыть значения лингвистических единиц. Среди этих методов определенное место занимает психолингвистический анализ семантики, основанный на обращении к информантам – носителям языка за прямой или косвенной информацией относительно значений слов.

Существенной чертой современного психолингвистического анализа значений является стремление к большей объективности исследований, осуществляющихся в двух направлениях. С одной стороны, совершенствование психолингвистических наблюдений над семантикой состоит в привлечении не одной интуиции, а многих интуиций рядовых носителей языка. При этом не происходит полного отказа от индивидуальной интуиции. При

помощи статистических методов осуществляется не только интеграция индивидуальных интуиций в коллективную, но и установление отношений между ними, выявление специфики индивидуального и коллективного и т.д. С другой стороны, совершенствуется экспериментальная методика проведения исследований интуиции.

В психологических исследованиях была показана роль слова как важнейшей семантической единицы в речевой деятельности (А. А. Леонтьев). Тем самым для психолингвистических исследований, как и для лингвистических вообще, слово оказывается чрезвычайно существенным элементом функционирования языковой системы, а потому анализ семантики слова относится к числу важнейших направлений психолингвистических исследований. В их ходе подтверждается обязательность содержательной стороны, значения слов, настоятельное стремление носителей языка к выяснению, поиску значения некоторого звукового комплекса. Одной из часто используемых психолингвистических методик является «угадывание» или «приписывание» значений звуковым комплексам, предъявляемым в той или иной форме испытуемым. Само применение этой методики базируется на том, что обычно не представляет труда убедить испытуемых в наличии у представляемого звукового комплекса значения (возможно, по тем или иным причинам неизвестного испытуемому). Можно предположить, что это слово другого подъязыка (территориального или профессионального диалекта) или мало распространенное собственное имя (в том числе аббревиатура, малоизвестное название учреждения) и т.д.

В процессе поиска значений для задаваемых звуковых комплексов производится перебор лексики. Возможно, если судить по уточняющим вопросам испытуемых, он происходит несколько иначе, если требуется учесть и косвенные формы слов. Видимо, поиск среди собственных имен также представляет собой несколько иную задачу (судя по уточняющим вопросам и пропускам в ответах, в частности, в том случае, если слова задаются в письменной форме и печатаются строчными буквами). Важным элементом поиска является словообразовательный анализ слов на предмет установления возможной их производности. Интересны в этом случае встречающиеся подчас ошибочные осмысления, моделирующие народную этимологию.

Если звуковой комплекс напоминает реальное слово, испытуемые во что бы то ни стало стремятся «разыскать» несуществующее значение слова. Так, например, о комплексе *пок* зафиксировано показание, что это звукоподражательное междометие для обозначения лопающейся посуды, хотя в русских словарях такого слова не зафиксировано. Комплекс *лум* расшифровывался как иностранная фамилия, а комплекс *рял* – как аббревиатура (предлагалась и ее расшифровка) и т.д.

В этом плане интересно свидетельство С. Лема о невозможности для писателя быть уверенным в семантической стерильности неологизмов. Не всегда созданный писателем неологизм будет правильно понят читателем. Определенная группа поэтических неологизмов ориентирована не на то, чтобы читатель (слушатель) находил точное значение предложенного слова,

но на сам процесс поиска, который будет производить читатель, причем в процессе поиска у читателя будут складываться те (пусть неясные и не до конца осознаваемые) ассоциации, которые хочет вызвать поэт.

Детский лепет отличается отсутствием значения, но когда у ркбенка начинает складываться императив поиска значения, он, стремясь связать план выражения с планом содержания, производит соответствующий анализ поступающего материала, причем ребенок меньше, чем взрослый, ограничен в путях поиска и оценки получаемых результатов, что и создает определенную специфику в детском понимании незнакомых слов.

Как показывают эксперименты, значение осознается носителями языка как обязательная сторона слова: слов без значения в естественном языке не должно быть, только соединение значения со звучанием делает последнее словом. Носитель языка допускает свое неведение, незнание значения слова, но стремится его найти. Разнобой в ответах о значении псевдослов указывает на возможность различных подходов к их осмыслению, хотя, вероятно, могут быть установлены некоторые общие пути поиска значений (хотя бы в рамках данной языковой системы для данного типа звуковых комплексов), если только признать, что в индивидуальной памяти отражаются общеструктурные свойства языка. По-видимому, изучение путей, позволяющих реализовать императив поиска значений, может дать материал, свидетельствующий об объективном устройстве словаря (в его части для слушающего).

Экспериментальные исследования семантики отдельных лексических групп показали, что семантика слова – явление столь сложное и разностороннее, что для полноты ее представления полезно комплексное применение нескольких психолингвистических методик, соединение которых может дать полное и объективное отображение реальной семантики слова в его соотношении с действительностью, с другими словами, в его функциях и использовании.

Т. П. Ключенович

ГЛАГОЛЫ С НЕОСНОВНЫМ ЗНАЧЕНИЕМ РЕЧИ В АВТОРСКОЙ РЕМАРКЕ

В результате анализа текстового материала было установлено, что в современном британском художественном дискурсе в составе ремарки помимо речевых и неречевых глаголов используются глаголы с неосновным значением речи. В рамках выделенной группы мы дифференцируем два типа глаголов:

1) с *узуальным* речевым значением (речевое значение является лексикографически зарегистрированным, но вторичным);

2) с *окказиональным* речевым значением (речевое значение не зафиксировано в словаре и проявляется только в результате текстовой реализации).

Рассмотрим пример текстовой реализации глаголов первого типа с узуальным значением речи, где речевое значение зафиксировано в словаре, но является вторичным.

Don't call me Sam,' he ***growled****, in a voice Archie did not recognize.*

В ремарке используется речевводный глагол *growl* ‘рычать’, основное лексикографическое значение которого является неречевым: ‘(esp. of a dog) make a low guttural sound, usu. ofanger’ – ‘(особенно о **собаке**) издавать низкий гортанный злобный звук’. При этом словарь фиксирует и речевое значение данного глагола в качестве вторичного: *togrowl* ‘murmur angrily’ ‘недовольно ворчать’. В подобных случаях необходимо рассмотрение контекста с целью уточнить, какое из значений реализуется в данной ремарке. Под контекстом мы пониманием оба элемента конструкции с ЧР: ремарку и реплику. В рамках самой ремарки, во-первых, субъект при данном глаголе (*he* ‘он’) подсказывает нам, что речь идет о человеке, а не о животном. Конкретизатор образа действия при глаголе (*in a voice Archie did not recognize* ‘голосом, который Арчи не мог узнать’) также является дополнительным маркёром того, что глагол используется в своем речевом значении, поскольку характеризует особенности произнесения высказывания говорящим субъектом. В выборе текстуального речевого значения глагола играет роль и сама реплика. Так, отнесенность ремарки к фразе, произнесенной человеком (*don’t call me Sam* ‘не называй меня Сэм’), также свидетельствует о том, что в ремарке под влиянием процесса речевой метафоризации актуализируется вторичное речевое значение глагола *growl*.

Рассмотрим также пример окказионального текстового употребления неречевого глагола в речевом значении.

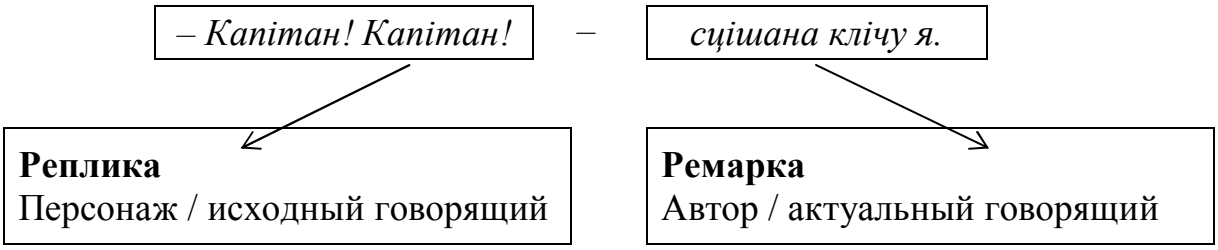
‘Anyway,’ Em said quickly, ‘Dad’s getting a new car.’

‘Not new new,’ Arie ***corrected****. ‘But new for us’* (E. Freud).

Словарная дефиниция глагола *correct* ‘исправлять, вносить поправки, корректировать’ следующая: ‘setright; amend (anerror, omission, etc., or the person responsible for it)’ – ‘приводить в порядок; восполнять пробел, исправлять ошибку или человека, ответственного за нее’. Как мы видим, в лексикографическом источнике речевой компонент значения глагола *correct* не фиксируется, поэтому нам необходимы основания для того, чтобы доказать его окказиональное употребление в речевом значении. Во-первых, следует учитывать тот факт, что основанием для отнесения неречевых глаголов к речевым может быть наличие в их семантике потенциальных имплицитных сем говорения, которые в конкретном контексте превращаются в эксплицитные и уточняют процесс говорения. Так, в семантике рассматриваемого глагола присутствует потенциальная имплицитная сема ‘говорение’, а также сема ‘воздействие’, которое может осуществляться и в форме речевого воздействия. Во-вторых, как и в отношении глаголов первого типа, важным является рассмотрение контекста как информации об условиях употребления высказывания. Как мы видим, в самой ремарке *Arie corrected* ‘исправила Эри’нет указаний на речевую деятельность. Однако на отнесенность к речевой деятельности указывают сами реплики. Рассмотрим последовательно расположенные реплики двух говорящих в диалоге, к которому относится данная ремарка: *Dad’s getting a****new*** *car […]. Not* ***new new****, […]. But* ***new*** *forus* ‘Папа покупает **новую** машину’ […] ‘Это **не будет новая** машина’ […] ‘Но **новая** для нас’. Как мы видим, исходный говорящий (*Arie*) словесно исправ-

ляет своего собеседника, что свидетельствует о текстовой реализации речевого значения глагола *correct*. Таким образом, как семантическая структура глагола, так и контекст указывают на его окказиональное речевое значение.

В составе ремарки текстуальное значение глаголов с неосновным значением речи всегда является речевым независимо от фиксации такового в лексикографических источниках. Большинство глаголов данного блока обладают богатым прагматическим потенциалом и служат средством меткой, образной, емкой характеристики говорящего лица и процесса говорения (рисунок).



Конструкция с ЧР

И. И. Комаристова

ГЕРМЕНЕВТИКА КАК ОДИН ИЗ МЕТОДОВ ЛИНГВИСТИЧЕСКОЙ АНТРОПОЛОГИИ

Термин *герменевтика* произошел от имени *Гермес* – посланник богов, который в древнегреческой мифологии был посредником между богами и простыми смертными; он должен был истолковывать людям повеления богов, а богам – просьбы людей.

Вначале термин *герменевтика* относился только к интерпретации (толкованию) библейских текстов. В Средневековье герменевтика была неразрывно связана с теологией, с толкованием сочинений «отцов церкви» (Б. Н. Бессонов). С IX в. этот термин используется в широком значении как искусство понимания текстов, как общая теория понимания и метод интерпретации произведений, в которых находит воплощение внутренняя жизнь, авторская интенция и индивидуальный опыт. Основными теоретиками герменевтики были философы Ф. Шлейермахер, Е. Д. Хирш, М. Хайдеггер, Х.-Г. Гадамер. В современной лингвистике и философии языка основными продолжателями идей герменевтики стали П. Грайс и Дж. Серль (И. И. Токарева).

Современная герменевтика как метод оформилась благодаря деятельности Х.-Г. Гадамера, особенно его работе «Истина и метод». Сам исследователь указывает, что во многом на развитие его научных идей повлиял М. Хайдеггер. Что касается основной задачи герменевтики, то «собственная проблематика понимания, попытка овладеть пониманием как искусством – это есть тема герменевтики» (Х.-Г. Гадамер).

Центральным понятием в концепции Х.-Г. Гадамера, призванным обеспечить понимание, является понятие герменевтического круга. Оно было унаследовано Х.-Г. Гадамером от М. Хайдеггера, в свою очередь переосмыслившего концепцию классической герменевтики, согласно которой текст как целое должен пониматься из его частей, а части – из целого. Х.-Г. Гадамер рассматривает «целое» в этой формуле как пред-понимание, пред-рассудок, пред-суждение, гипотезу о смысле всего текста, которая позволяет интерпретировать его части и одновременно подвергается в процессе интерпретации проверке (Х.-Г. Гадамер). «Понимание начинается с того, что нечто к нам обращается. Таково первейшее герменевтическое условие. Мы знаем теперь, что для этого требуется: принципиальное воздержание от собственных пред-суждений. Однако, всякое воздержание от суждений – а, следовательно, и в первую очередь, от пред-суждений имеет, с логической точки зрения, структуру вопроса» (Х.-Г. Гадамер). Итак, начиная читать, интерпретатор всегда уже имеет определенное предварительное понимание текста (пред-понимание), детерминированное условиями, в которых он живет: семья, общество и т.д. Х.-Г. Гадамер отмечает, что «пред-рассудок не означает ложного суждения, он может быть оценен и положительно, и отрицательно» (Х.-Г. Гадамер). Исследователь отмечает, что эти пред-рассудки неизбежны, они коренятся в объективных исторических условиях. Соответственно, задача интерпретатора не в том, чтобы отбросить эти пред-рассудки, а в том, чтобы их осознать, так как тот, кто, «полагаясь на объективность своих методов и отрицая свою собственную историческую обусловленность, мнит себя свободным от пред-рассудков, тот испытывает на себе могущество этих предрассудков, господствующих над ним без всякого контроля с его стороны» (Х.-Г. Гадамер). Таким образом, Х.-Г. Гадамер указывает, что для того, чтобы истолковать текст, необходимо понимать историческую ситуацию, обстоятельства, т.е. «вжиться в текст»: «Всякое толкование должно привести себя в соответствие с той герменевтической ситуацией, которой оно принадлежит» (Х.-Г. Гадамер).

Наибольший интерес для нас представляет предложенная Х.-Г. Гадамером интерпретация известных в классической герменевтике процедур: понимания, истолкования и применения. Ученый показывает, что наряду с пониманием и истолкованием, которые традиционно рассматривались как внутренний и внешний аспекты понимания, феномен понимания включает в качестве необходимого и момент применения понимаемого к наличной ситуации: «Применение оказалось не соотнесением чего-то всеобщего, данного заранее, с той или иной особенной ситуацией. Интерпретатор, имеющий дело с преданием, стремится его аппликировать. Но это вовсе не значит, что дошедший до него текст дан ему и понят им как нечто всеобщее и затем лишь используется как применение к особенному. Напротив, интерпретатор ни к чему иному не стремится, как именно понять это всеобщее (текст), то есть понять то, что говорит предание, то, что составляет смысл и значение текста. Но чтобы понять это, он не должен абстрагироваться от самого себя

и от конкретной герменевтической ситуации, в которой он находится. Он должен связать текст с этой ситуацией, если он вообще хочет его понять» (Х.-Г. Гадамер). И все же центральным моментом в процессе понимания автор считает истолкование, то есть «перевод» текста на язык, наличный у понимающего в момент понимания: «Благодаря истолкованию текст должен обрести язык. Но никакой текст, никакая книга вообще не говорят, если они не говорят на языке, способном дойти до их читателя. Поэтому истолкование должно найти правильный язык, если оно действительно хочет помочь тексту заговорить» (Х.-Г. Гадамер). Однако этот «правильный язык» – не язык текста, а язык, на котором могут говорить как текст, так и интерпретатор. Теоретики герменевтики отмечают, что герменевтика – истолкование того или иного явления, опирающееся на разнообразные дискурсы и типы знания, субъектом которого является отдельная личность (П. Рикер). Именно в сознании читателя осуществляется работа со смыслом и временем (имеется в виду время написания текста и время его прочтения). «Подлинное понимание требует учета исторической дистанции между интерпретатором и текстом, всех исторических обстоятельств, которые непосредственно или опосредованно их связывают, что не только не затрудняет, а, напротив, способствует процессу понимания истории» (Х.-Г. Гадамер). Поскольку любой текст имеет своего автора, то возникает вопрос о том, какую роль играет он сам при работе исследователя со смыслом: «Художник, создающий образ, не является его признанным интерпретатором. В качестве интерпретатора он не является высшим авторитетом, не имеет никакого принципиального преимущества перед реципиентом, поскольку он сам себя осмысливает, он выступает как собственный читатель» (Х.-Г. Гадамер).

Таким образом, процесс «вживания в текст» оказывается детерминированным не только фактом принадлежности интерпретатора к определенной культуре, но и зависит от его эрудиции, которая, в свою очередь, определяется социальной принадлежностью интерпретатора.

Однако возникает вопрос о том, в чем именно заключается роль интерпретатора, каково отношение между самим интерпретатором и интерпретируемым им «объектом». Ответ на этот вопрос позволяет постичь суть герменевтического подхода, которую авторы видят в том, что при герменевтическом подходе аналитик представляет себя в роли говорящего: он спрашивает себя, что бы он подумал, почувствовал, если бы он сказал то, что было сказано (W. Brennenschtull). Герменевтический метод основан на способности исследователя самому совершить наблюдаемые действия (K. Liberman). Герменевтика утверждает, что существует качественное различие между естественнонаучными методами и методами гуманитарных наук. Если естественнонаучные методы включают только один тип сознания, сознание исследователя, то гуманитарные науки включают сознание как исследователя, так и исследуемого объекта. Связь между этими сознаниями осуществляется через понимание: ученый, который берется описывать группу человеческих существ и не владеет способностью понимать их, не способен описать эти человеческие существа. Соответственно, гуманитарные науки должны

строиться на знании агента, а не наблюдателя (E. Itkonen). В частности, Х.-Г. Гадамер пишет о роли исследователя при герменевтическом подходе следующим образом: «Понять текст всегда означает применить его к нам самим, сознавая, что всякий текст, хотя его всегда можно понять иначе, остается тем же самым текстом, лишь раскрывающимся нам по-разному. Тем самым ни в малейшей мере не релятивизируется притязание на истинность, выдвигаемое истолкованием»; более того, «интерпретатор не в состоянии полностью воплотить идеал собственного неучастия». Но необходимо правильно относиться к роли интерпретатора, так как понимание того, что говорит кто-либо, связано, прежде всего, с пониманием того, что говорится, а уже потом, во вторую очередь, с возможностью разобраться в том, что подразумевает говорящий (Х.-Г. Гадамер). Таким образом, задачей герменевтического подхода является проникновение в сознание коммуникантов и стремление понять то, что не доступно самим коммуникантам. Именно поэтому герменевтический подход представляется нам эффективным в целях интерпретации «следов» культуры посредством «вживания в текст».

Н. А. Копачева

КОММУНИКАТИВНО-НОМИНАТИВНЫЙ ПОТЕНЦИАЛ СЛОВ ШИРОКОЙ СЕМАНТИКИ В АНГЛОЯЗЫЧНЫХ ИНТЕРВЬЮ

Исследование слов широкой семантики получило достаточное освещение в работах разных авторов. В большинстве из них внимание исследователей в основном сконцентрировано на их лексическом аспекте. Но понятие широкозначности многоаспектно, кроме лексического значения слова с широкой семантикой выполняют важные структурно-грамматическую и коммуникативно-номинативную функции.

В настоящем исследовании делается попытка проанализировать функционирование слов типа *stuff*, *thing* в номинативно-коммуникативном аспекте в медийном дискурсе на материале интервью Д. Трампа газете “Washington Post” с целью изучения использования этих слов в речевом поведении известного политика в условиях спонтанной непринужденной речи.

В лингвистике существует мнение, что само наличие и масштабы широкозначности в определенном языке находятся в прямой зависимости от его типологической характеристики. В частности считается, что во флективных языках слов широкой семантики меньше, чем в аналитических. Высказывается и другое мнение, согласно которому широкозначность в одинаковой степени характерна для языков как аналитического, так и синтетического типа. В подтверждение этой точки зрения следует отметить широкое функционирование таких слов, как *вещь*, *штука*, *предмет*, в русском языке, который является языком синтетического строя. Вполне понятно, что в аналитических языках, ввиду отсутствия достаточных морфологических признаков, возрастает роль синтаксиса и потребность в словах с широкой понятийной основой для структурной и семантической организации предложения.

Мы придерживаемся такой точки зрения, что к словам широкой семантики относятся такие, которые соотносятся с понятиями, отражающими объективную действительность в максимально обобщенном виде.

С позиции теории номинации в основе значения широкозначных слов находится сигнификат в виде общего признака, не полного и далеко не очерченного понятия, и денотат в виде самого общего представления предметности. Таким образом, на уровне языковой номинации анализируемые слова выступают для обозначения обобщенных понятий о конкретных и абстрактных предметах, событиях, явлениях. Слова с широкой понятийной основой обозначают некий общий признак, присущий многим предметам. В лексическом значении этих слов предметный фактор чрезвычайно ослаблен либо отсутствует вовсе, а понятийная основа настолько широка по объему и бедна по содержанию, что позволяет им закреплять в речи самые разнообразные понятия. В связи с этим за такими словами в лингвистике закрепились названия «шифтер», «слово-пустышка», «слово-заместитель», «заменитель», «субститут» и др. Приведенные термины не только раскрывают содержательное сходство этих лингвистических понятий, но и свидетельствуют об их функциональной нагрузке в тексте.

Например: *And, uh, I would have kept it. I mean, I would have kept it, because, look: Iran has the oil, and they're going to have the oil, well,* ***the stuff*** *they don't have, because Iran is taking over Iraq as sure as you're sitting there. And I've been very good on this* ***stuff****.* Слово ***stuff*** выполняет важную функцию опосредованной номинации. Соотнесенность речевого высказывания с окружающей внеязыковой действительностью осуществляется не прямо, путем наименования объектов или действий, а опосредованно, путем указания на них при помощи слова *stuff.*

Отличительной чертой слов широкой семантики является их привязанность к контексту. Они содержательно наполняются за счет других элементов. В этом отношении такие слова сходны с дейктическими словесными знаками. Например: *... Look, I see NATO as a good* ***thing*** *to have – I look at the Ukraine situation and I say, so Ukraine is a* ***thing*** *that affects us far less than it affects other countries in NATO,*

Материал настоящего исследования подтверждает мнение исследователей в этой области о том, что слова широкой семантики, как и дейктические слова, требуют обязательной конкретизации, уточнения своего содержания, ибо в противном случае их коммуникативная ценность будет сведена к минимуму. Поэтому их сочетаемость с другими словами носит обязательный характер. Слова широкой семантики синсемантичны, так как они требуют обязательного присутствия синтаксического распространителя, который раскрывает, уточняет, конкретизирует широкое значение. Например:… *I want to make it more fair from the side where I am, because* ***things*** *are said that are libelous****,*** ***things*** *are said about me that are so egregious and so wrong.* Слово ***things*** выступает субститутом неопределенной номинации. Употребление слова ***things*** в номинативно-заместительной функции мотивируется речевым поведением говорящего в ситуации интервью. В условиях

спонтанной речи у говорящего обычно нет времени для точной вербальной передачи своего речевого замысла, поскольку коммуникативная обстановка не позволяет ему редактировать сообщение, говорящий нередко заменяет полноценный, содержательный коммуникативный акт формальным речевым действием, коммуникативным по форме, но чрезвычайно неопределенным по содержанию.

Результаты исследования показывают, что в структуре интервью вербальное сообщение в акте коммуникации основывается на определенной ситуации общения. Например:… *We're borrowing money from China, which is a sort of an amazing situation. But* ***things*** *are a much different* ***thing****.* В данном примере слова ***things***, ***thing*** выполняют функцию замещения без эксплицитно выраженного антецедента. Антецедентом выступает вся ситуация, наименование осуществляется не прямо, оно является значимым и обеспечивает тем самым коммуникативно-номинативный акт речи. Например: … *Okay, look, I've had stories written about me – by your newspaper and by others – that are so false, that are written with such hatred – I'm not a bad person. I'm just doing my* ***thing*** *– I want to do something that's good. It's not an easy* ***thing*** *to do.*

Анализ практического материала показывает, что исследуемые слова могут выступать в различных типах номинаций, разграничиваемых как по характеру референции имени, так и по их синтаксической позиции в структуре предложения. Что касается последней, то они могут замещать позицию подлежащего, части составного именного сказуемого, дополнения, обстоятельства. Например: …*but I don't see other people doing much about it. I see us doing* ***things*** *about it.*

Анализируемые лексемы ***thing***, ***stuff***, являющиеся словами-заместителями, выполняют важную номинативно-коммуникативную функцию. Их номинативная специфика заключается в том, что соотнесенность речевого высказывания с именуемыми ими объектами или действиями осуществляется не путем прямого наименования, а опосредованно, путем указания на них. Заместительная функция данных слов необходима для структурной и семантической организации высказывания. Неопределенность и диффузность их сигнификативного значения способствуют реализации их коммуникативно-номинативного потенциала, обеспечивая тем самым емкость и гибкость коммуникативного акта.

Е. В. Кротюк

ПОЛИТКОРРЕКТНЫЕ ЭВФЕМИЗМЫ КАК ОТРАЖЕНИЕ ЦЕННОСТЕЙ СОВРЕМЕННОГО АМЕРИКАНСКОГО ОБЩЕСТВА

В 1970-е г. XX в. в американском обществе начала формироваться концепция политкорректности (ПК) с целью развития ценностей гуманизма и терпимости, сглаживания межрасовых, межэтнических и межкультурных различий и социальных противоречий в американском обществе. За несколько десятилетий ПК приобрела статус новой американской ценности, корректируя традиционные социокультурные ценности, фундированные идеями

протестантского наследия (классификация Л. Р. Кольса), в соответствии с культурно-поведенческими и языковыми требованиями, характерными для феномена ПК.

По определению Н. Г. Комлева, ПК – это «утвердившееся в США понятие-лозунг, демонстрирующее либеральную направленность американской политики, имеющее дело не столько с содержанием, сколько с символическими образами и корректировкой языкового кода. Речь декодируется знаками антирасизма, экологизма, терпимого отношения к национальным и сексуальным меньшинствам, борьбы против СПИДа». С. Г. Тер-Минасова добавляет к сферам, нуждающимся в ПК-корректировке, половую принадлежность, возраст, состояние здоровья, социальный статус, внешность.

За относительно короткий промежуток времени идеи ПК нашли свое четкое отражение в английском языке, обогатив его множеством политкорректных эвфемизмов, под которым понимается смягченное слово или выражение, употребляемое взамен другого в соответствии с языковыми требованиями категории ПК с целью не задеть чувства и достоинство, не ущемить человеческие права отдельного индивидуума либо определенной группы меньшинств.

Прибегая к использованию эвфемизмов, в том числе и политкорректных, участник коммуникации неизбежно отталкивается от системы ценностей, принятой в данном обществе. Сферы, подверженные наивысшей степени ПК-эвфемизации, указывают на существование уязвимости, нерешенности проблемы и свидетельствуют о попытках ее «решения/элиминации» через корректировку языкового кода.

Анализируя основные лексико-семантические группы ПК эвфемизмов, отобранные нами в качестве фактического материала из предвыборных речей американских политиков Х. Клинтон и Д. Трампа за 2016 год, мы выявили 355 примеров таких единиц. Наиболее высокой степени эвфемизации подвержены тематические группы, смягчающие дискриминацию 1) по социальному статусу (26,7%); 2) половую и гендерную (19,7%); 3) расовую, этническую (14,7%); 4) связанную с вопросами гражданства и иммиграции (12,6%); 5) религиозную (11,2%).

Приведем несколько примеров. Эвфемизмы, созданные для исключения дискриминации по социальному статусу, отражают идеи ПК через замену лексем *poor* и *needy* на ПК-варианты *deprived*, *underprivileged, economically disadvantaged.* Во избежание акцентирования социальных полюсов социальная принадлежность эвфемизируется с помощью выражений *working class, middle class, the struggling*, *the more successful*; противопоставление *poor – rich* актуализируется через метонимическую замену *Main Street* VS *Wall Street.* Высокая степень эвфемизации в данной тематической группе свидетельствует о принятом в современном американском обществе правиле уважительного отношения к человеку как личности вне зависимости от его социального статуса (бедные, богатые, рабочий или средний класс), о стремлении к равенству и социальной гармонии, к «выравниванию» социальных различий.

Эвфемизмы, смягчающие половую дискриминацию (гендерно-немаркированные слова и выражения *humankind*, *service member*, *police-officer, intelligence expert)* и дискриминацию сексуальных меньшинств (*same-sex marriage, LGBT community*), повышают статус женщин и исключают проявления сексизма в языке. Эвфемизмы, отражающие равноправие женщин в целом и, в частности, право на аборт (*reproductive rights*, *women's rights*, *a woman's right to make her own health care decisions и т.д.*), являются примером доминирования такой американской ценности, как гендерное равенство и свобода выбора.

Эвфемизмы, смягчающие расовую, этническую дискриминацию, часто представлены лексемами *African-Americans*, *Native Americans*, *Asian-*, *Arab-*, *Italian-*, *Korean-*, *Latino-*, *Mexican-Americans* и т.п., что свидетельствует о зарождении нового образа мышления: этнические меньшинства являются прежде всего американцами. Такая языковая политика отражает терпимость к другим нациям и принятие их как полноправных граждан американского общества. К тому же выводу приходим, анализируя эвфемизмы, затрагивающие вопросы гражданства и иммиграции. По алгоритму *foreigners > newcomers* нелегальные эмигранты приравниваются в языке к гражданам страны: вместо *illegal aliens/ immigrants, people that came into the country illegally* следует употреблять *undocumented people/ labor* в значении 'незарегистрированные постоянные жители'.

Эвфемизмы, касающиеся вопросов религии (*people of different faith*, *nonbelievers, Christians, moderate Muslim reformers, Muslim-Americans*), акцентируют принятие поликультурализма и свободы вероисповедания, свидетельствуют о желании избежать дискриминации по религиозному признаку.

Таким образом, ПК-эвфемизмы реализуют основные идеи такой ценности как ПК: терпимость, принятие, искоренение всех типов дискриминации, создание нейтрального либо положительного образа различных групп меньшинств. В основе по-прежнему лежат идеи индивидуализма, свободы и равенства каждого отдельного представителя общества. Однако отношение к ПК-лексике остается неоднозначным. Все чаще языковую норму ПК, выраженную понятиями *inclusive* или *neutral language,* ассоциируют со скрытой цензурой: языковые запреты (табу на объективное обсуждение расовых и межэтнических проблем, отношения к сексуальным меньшинствам, проблем феминизма), существующие на данный момент в США, фактически противоречат Первой поправке конституции США, гарантирующей свободу слова.

М. М. Лойша

РЕПРЕЗЕНТАТИВ КАК РЕЧЕВАЯ ТАКТИКА АРГУМЕНТАТИВНОГО ДИСКУРСА

Для современных диалектиков аргументация – это часть процедуры, направленной на разрешение спорного мнения с помощью средств програм-

мируемой дискуссии. Первые шаги в направлении новой диалектики были предприняты в формальной логике Р. Бартом и Э. Краббом и впоследствии в прагмалингвистике – Ф. ван Еемереном и Р. Гроотендорстом.

Прагмадиалектический подход объединяет в себе элементы формальной диалектики и прагматики, заимствованные из работ философов языка Дж. Остина, Дж. Серля и П. Грайса. Прагмадиалектическая аргументация приводит к одному из самых многообещающих уровней анализа аргументативного дискурса – уровню речевого акта. По мнению Ф. ван Еемерена и Р. Гроотендорста, все речевые акты могут встретиться в аргументативном дискурсе, но только некоторые из них могут способствовать успешному исходу процесса аргументации. Остальные речевые акты не играют такой решающей роли в процессе аргументации, и их вклад в этот процесс носит преимущественно опосредованный характер.

Одним из приемов убеждения является высказывание своего мнения или суждения, представленного речевыми актами «утверждение». Утверждение, согласно классификации Д. Вундерлиха, относится к иллокутивному классу репрезентативов. Репрезентатив обозначает утверждение чего-либо, информирование о чем-либо, направленное на то, чтобы сигнализировать ответственность говорящего за сообщение о положении дел, за истинность выражаемого суждения. К репрезентативным речевым актам относится широкий ряд информативных высказываний: предсказания, утверждения, констатации, описания, прогнозирование, осуждения, признания, ответы на вопросы, квалификации, характеристики, отчеты, заверения в чем-либо, объяснения.

Для эксплицитного выражения репрезентативов в речи задействованы как лексические, так и грамматические средства, которые обеспечивают связность и эффективность аргументации. Говорящий избирает такие средства вербализации, которые бы в полной мере реализовывали перформативную силу данной категории речевого акта.

На материале дебатов британского парламента среди лексических средств, активно фигурирующих в аргументативном дискурсе, выявлены, например, перформативные глаголы *believe*, *hope*, *conclude*, *suppose*, *assure* и др. По мнению Н. Д. Арутюновой, перформативные глаголы вводятся тогда, когда говорящий определяет меру своей ответственности за содержание сделанного сообщения.

Активную роль в формировании убеждающих высказываний играют слова с определенной семантикой. Среди них стоит выделить использование порядковых числительных *first*, *secondly*, *thirdly*, которые не только помогают организовать аргументы в линейной последовательности, но также создают эффект весомости используемых репрезентативов. Употребление таких слов, как *of course*, *right*, *obviously*, *clear*, *confident*, также играет немаловажную роль в создании прагматического эффекта убеждения в истинности слов говорящего. Заслуживающими внимания высказываниями являются предложения с местоимением *we*, которые, по мнению Ю. Д. Апресяна, демонстрируют собеседнику вовлеченность адресата и адресанта в происходящее.

Среди грамматических средств реализации репрезентативных высказываний стоит отметить в первую очередь повествовательные высказывания. В данном случае предшествующий контекст и сама ситуация позволяют однозначно интерпретировать коммуникативную интенцию говорящего. Однако репрезентативную функцию осуществляют не только утвердительные высказывания. Были выявлены случаи использования вопросительных предложений для выражения утверждения, получивших название риторических вопросов. Отличительной чертой этих утверждений является то, что они более экспрессивны, окрашены определенными эмоциями говорящего. Как известно, риторические вопросы не подразумевают ответа, хотя и обращены к собеседнику, они призваны оказать убеждающее воздействие на адресата, побуждая слушателя самому найти ответ и в то же время убедить себя самого в этом единственно правильном ответе.

Таким образом, для фокусировки внимания слушателя на агрументативной составляющей репрезентативов говорящий может использовать как лексические, так и грамматические средства выражения, совокупность которых и способствует реализации перформативной силы данного типа речевого акта.

А. Б. Окаева

ОСНОВНЫЕ ХАРАКТЕРИСТИКИ ЛЕКСИЧЕСКОГО КОМПОНЕНТА ЯЗЫКА СМИ

Как известно, сегодня на английском языке выходят тысячи печатных и электронных изданий в десятках стран, при этом сетевые информационные ресурсы в большинстве случаев либо доступны только на английском языке, либо предлагают англоязычную версию наряду с основной на национальном языке. Сами же тексты средств массовой информации выступают в качестве одной из самых употребительных форм современного функционирования языка и вносят существенный вклад в распространение английского языка в качестве международного средства коммуникации. Количество текстов, ежедневно производимых и передаваемых по разнообразным каналам СМИ, продолжает постоянно увеличиваться.

Интерес к лексическому компоненту медийного текста может быть обусловлен в первую очередь тем, что данная среда способствует появлению новых лексических единиц или возникновению новых толкований уже существующих слов.

Освещение в СМИ разнообразных политических, экономических, социальных и технологические процессов неизменно приводит к появлению новой лексики.

Так, например, начиная с 2012 г., англоязычное медийное пространство приобретало одну за другой лексические единицы, связанные с возможным выходом Великобритании из Европейского союза. Привлекающие внимание и достаточно хорошо понятные большинству такие слова, как *Brexit*, *Brexiter Brexiteer*, *Brexitophobia*, постепенно заполнили многие тексты СМИ, которые

хотя бы косвенно затрагивают данную проблему. Важно вспомнить, что до *Brexit* был еще и *Grexit*, но поскольку выход Греции из Евросоюза так и не состоялся, эта новообразованная единица исчезла из медийного пространства, так и не получив своего лексического развития. Таким образом, возможно сделать вывод о том, что появление той или иной новой единицы в СМИ далеко не всегда означает ее закрепление в словаре.

Если на протяжении многих лет язык СМИ рассматривался исследователями как воплощение определенного стандарта и нормы литературного языка, то в последние несколько десятков лет отмечается неуклонный переход к большей упрощенности языковой подачи. Каноны представления материала весьма существенно сместились к трем постулатам, хорошо известным как *simplicity*, *clarity* and *force* 'простота, ясность и сила', а переход от более официального к практически неформальному стилю успешно реализуется как электронными, так и печатными англоязычными СМИ.

Приводимый ряд заголовков текстов СМИ позволяет нам проследить эту тенденцию: *'Youthquake' behind Labour election surge divides generations* (The Guardian, June 2017); *Trump administration offers two more ways to escape Obamacare's penalty* (CNN, April 2018); *Eurosceptics are enjoying the crisis in Italy – but its effects on the Brexit negotiations could be dire* (The Independent, May 30, 2018).

В каждом из приведенных примеров можно обнаружить как минимум одно слово, которое является лексическим новообразованием и несомненно способствует реализации всех описанных выше принципов подачи материала в прессе. В частности, такие единицы, как *youthquake, Obamacare, Eurosceptics* и *Brexit*, достаточно легко идентифицируются читателем, поскольку они имеют простую и четкую структур, по способу словообразования представляют собой примеры словосложения, а также содержат элемент новизны, обладают определенной силой воздействия и повышают интерес читателя ко всему тексту.

Естественно, не стоит недооценить также и *readability formula*, или «формулу читабельности» текста. Существует целый ряд таких формул, рассмотрим, в частности, одну из них, предложенную Р. Флэшем еще в середине XX в.:

1) для текста важны как наименьшая оптимальная длина абзаца, так и лаконичность каждого отдельного предложения;

2) существенным является использование личных местоимений, имен собственных, географических названий и знаковых дат;

3) большую роль играет включение в текст *human interest elements*, или 'стимуляторов интереса', в частности *buzzwords*, или 'модных словечек';

4) требуется наличие упрощенного синтаксиса и лексики.

Приведем несколько примеров, иллюстрирующих указанные особенности медийных текстов:

Selfie: Australian slang term named international word of the year (Australian Associated Press, Nov. 2013); *#MeToo, #TakeAKnee and #Covfefe: Hashtags that dominated in 2017* (http://www.bbc.com/news/world-42251490); *#Metoo trend highlights sexual harassment in wake of Weinstein claims*

(The Guardian, Oct. 2017); *I Tried to Befriend Nikolas Cruz. He Still Killed My Friends* (The New York Times, March 2018); *Anyone who thinks Brexit won't bring back violence to Ireland doesn't understand the Good Friday Agreement* (The Independent, Apr. 2018); *Elon Musk joins #DeleteFacebook effort as Tesla and SpaceX pages vanish* (The Guardian, Oct. 2017); *How Trump's Election Shook Obama: 'What if We Were Wrong?'* (The New York Times, May 2018).

Выделим еще одну характерную черту языка современных СМИ − эмоциональную насыщенность материала, которая приближает медийный текст к тексту художественной литературы. Присутствие образных сравнений, идиом, игры слов задает определенный тон современной медийной коммуникации, предполагающей непринужденный, эмоциональный и яркий диалог журналиста и читателя. Смешение разговорных и книжных элементов языка становится часто ведущей лексической характеристикой текстов СМИ.

Наличие в текстах СМИ эмоционального фона негодования, возмущения, оценочных суждений негативного характера сочетается часто с преувеличенно-восторженным описанием некоторых фактов. К сожалению, такая подача информации наряду с ее яркой эмоциональной окрашенностью зачастую содержит весьма поверхностное описание событий и явлений. Стилистически нейтральные и эмоционально экспрессивные средства языка присутствуют в одном и том же медийном тексте, но в некоторых случаях такое «соседство» оправдано, а в других скорее нарушает его целостность.

Однако медийное пространство в отличие, к примеру, от текста художественной прозы не только использует готовый набор средств последней, а преобразует, трансформирует слова из разных сфер языка, придавая им оценочное значение и формируя особою информационную среду.

Таким образом, основными характеристиками англоязычного медийного текста являются наличие новых лексических единиц, широкое использование разговорной лексики, эмоциональная окрашенность лексического компонента, а также лаконичность и доступная форма изложения информации. Языковые особенности англоязычных СМИ обусловливаются их функциональным назначением − подачей материала в наиболее сенсационном виде с целью увеличения количества читателей и безусловной нацеленностью информационного материала на массовую аудиторию.

Т. Н. Руденко

ОСОБЕННОСТИ РЕЧЕВОГО АКТА БЛАГОДАРНОСТИ В ОФИЦИАЛЬНОЙ ЭПИДЕЙКТИКЕ

Традиционно высказывания с семантикой благодарности репрезентируют речевой жанр реактивного характера и представляют собой ответные реплики на реплики-стимулы в составе диалога или на действия адресата. Между тем публичное выступление в русле официальной эпидейктики предполагает оставление ответных реплик в пресуппозиции, что мы намерены продемонстрировать на примере результатов анализа, проведенного на

материале победной речи Д. Трампа, которую он начинает именно с выражения благодарности: *Thank you. Thank you very much, everybody. Sorry to keep you waiting. Complicated business. Complicated. Thank you very much.*

Примечательно, что практически сразу политик переходит к немногословному поздравлению и оценке продолжительной и упорной работы своей соперницы, признанию ее заслуг перед страной. Отдав дань вежливости, ввиду временно́го ограничения, накладываемого жанром публичного выступления, политик практически без перехода напрямую обращается к аудитории с воззванием к действию и единству, которое сменяется подробным изложением планов на будущее. При этом политик последовательно подтверждает свою приверженность идеологии американской исключительности, подчеркивая стремление к миру и созиданию, и снова выражает благодарность всем, кто был рядом в течение предвыборной гонки. Этот шаг вполне обоснован, так как благодарность задается правилами социального поведения, и цель выражения благодарности как ответного этикетного действия – показать, что автор ценит сделанное для него добро. Резкий же переход от одного тематического фрагмента к другому может как свидетельствовать о неустойчивом эмоциональном состоянии политика, так и быть продиктованным стремлением вызвать к себе расположение аудитории, что является подтверждением логичности модели речевого жанра благодарности А. Вежбицкой, включающей следующие компоненты: 1) я знаю, что собеседник для меня нечто хорошее; 2) я говорю, что я чувствую к собеседнику нечто хорошее по этой причине; 3) я говорю это, потому что я хочу, чтобы собеседнику было приятно.

Удельный вес выражения благодарности стремится к 50 % всего лексического инвентаря текста победной речи и содержит 719 из 1 613 лексем, относящихся как к самостоятельным, так и несамостоятельным частям речи.

Важным условием успешности при реализации комплексного речевого акта благодарности является искренность, демонстрации которой Д. Трамп достигает за счет использования выразительного инвентаря, в частности, полного спектра повторов – обычных, расширенных и варьируемых. Упорядоченное повторение слов и словосочетаний пронизывает благодарность ныне покойным родителям победителя: *First, I want to thank my parents, who I know are looking down on me right now. Great people. I've learned so much from them. They were wonderful in every regard. Truly great parents.*

Политик 14 раз использует прямой речевой акт благодарности (именно в прямых речевых актах реализуется иллокутивная сила), произнося *thank you*, применяет форму неперфектного инфинива *to thank* и выражение *to give a very special thanks*. Однако при более пристальном рассмотрении используемые прямые речевые акты обнаруживают комплексный характер ввиду наличия в них непосредственного адресата и косвенной благодарности, реализуемой в форме комплимента и похвалы: *So I want to thank my family very much. Really fantastic. Thank you all. Thank you all. Lara, unbelievable job*.

Особый интерес представляет количественная дистрибуция получателей вербальной благодарности победителя – семье адресовано 234 слова (*Great*

brothers, sisters, great, unbelievable parents.), команде – 226 (*We have got tremendously talented people up here, and I want to tell you it's been very, very special.*), Рейнсу Прибасу, «генсеку» республиканцев – 143 (*A very special person who, believe me, I read reports that I wasn't getting along with him. I never had a bad second with him. He's an unbelievable star.*), секретным службам – 65 (*The Secret Service people. They're tough and they're smart and they're sharp and I don't want to mess around with them, I can tell you.*), съезду республиканской партии – 31 (*Our partnership with the RNC was so important to the success.*), силам обеспечения правопорядка в Нью-Йорке – 20 (*And law enforcement in New York City, they're here tonight. These are spectacular people, sometimes underappreciated unfortunately. We appreciate them.)*.

Речевой акт благодарности, вербализуемый 45-м президентом США в победной речи, является актом социального этикета, иллокутивной целью которого выступает выражение психологической реакции говорящего на положение дел, при этом Д. Трамп не делал полемических высказываний, ограничился выражением благодарности всем, кто прямо или косвенно оказал ему поддержку, а специфика его речевого акта благодарности, ввиду высокой степени ритуальности, может быть сведена к особенностям средств авторизации и адресации, реализуемыми лексическими, грамматическими и стилистическими средствами выразительности, при максимальном использовании разнообразных повторов.

В. В. Хомич

ТЕКСТОВОЕ АССОЦИАТИВНОЕ ПОЛЕ И ЕГО ЛЕКСИЧЕСКОЕ ВЫРАЖЕНИЕ

Богатство и многообразие связей между словами составляют текстообразующий потенциал лексикона. Создается определенная ситуация, возникают мысли по этому поводу, эти мысли выражаются при помощи слов, это значит, что может возникнуть текст, поскольку текст и состоит из связанных между собой по смыслу слов. Оригинальность и неповторимость тексту придают присутствующие в нем ассоциации, как единичные, авторские, отражающие его индивидуальный стиль, так и читательские, возникающие при прочтении того или иного художественного произведения. Взаимосвязь между структурой текста и системой лексикона проявляется при помощи формирования ассоциативных полей текста.

Согласно определению Н. С. Болотновой, «под ассоциативным полем текста понимается система стимулированных текстом в сознании адресата вербальных ассоциаций, организованных по принципу поля, имеющего ядро (наибольшие частотные ассоциации и периферию)». Таким образом, в тексте данное – стимул, новое – реакция.

«Само слово «текст» (лат. textus) означает ткань, сплетение, соединение. Поэтому важно установить и то, что соединяется, и то, как и зачем соединяется. В любом случае текст представляет собой объединенную по смыслу

последовательность знаковых единиц, основными свойствами которой являются связанность и цельность».

Текстовое ассоциативное поле, состоящее из выделяемых в нем ключевых слов и слов с ними ассоциирующихся, во многом помогает создать и связность, и цельность текста, реализовать его основные свойства. Это происходит благодаря наличию тематических групп в структуре текстового ассоциативного поля. Каждая из тематических групп представляет одну из подтем рассказа. В тематические группы входят слова, связанные между собой по смыслу, независимо от того, какой частью речи они являются.

Например, в рассказе Х. Кэсвелл «Thoughts on Autumn» в текстовое ассоциативное поле ключевого слова *autumn*входят такие тематические группы, как названия пор года: *spring, winter, summer, fall;* названия месяцев*: September*, *October*, *November*; цвета: *gold*, *brown*, *yellow*, *red*, *purple*; прилагательные, описывающие осень: *cold*, *consummate*, *profitable*, *reflective*, *useful*, *warm*, *sad*, *bright*; группа слов, обозначающих абстрактные понятия, ассоциирующиеся с осенью: *thoughts*, *changes*, *flightoftime*, *occasions*, *unthinking*, *pausing*, *reflection*, *feelings*.

А в рассказе Э. Хэмингуэя «Catintherain» текстовое ассоциативное поле ключевого слова *cat* представлено такими группами, как названия лиц: *signora*, *wife*, *husband*, *maid*, *padrone*; описание действий: *keep*, *want*, *have*, *stroke, get, held, bring;* прилагательные, описывающие кошку: *wet*, *crouched*, *compact*, *poor*, *big*, *tortoiseshell*; местоположение: *square*, *table*, *bed*, *lap*, *hands.*

Все эти тематические группы описывают ключевые слова, выделяемые в текстах рассказов, которые, как известно, представляют содержание текста в сжатом виде, они как бы предлагают его план. Таким образом, текстовые ассоциативные поля, включающие в себя как ключевые слова, так и их ассоциации, помогают автору создавать текст, описывать его основную тему и идею. Читатель же, в свою очередь, выделяя ключевые слова и их ассоциации при прочтении будет лучше понимать авторский замысел и сюжетную линию художественного произведения.

Картина мира, то, как человек воспринимает и понимает окружающую действительность, формируется в результате мыслительной деятельности. В сознании автора возникают образы, которые он воплощает в текстовой деятельности при помощи ассоциаций, группирующихся тематически в поля. Благодаря изучению текстовой ассоциативной структуры текста становится возможным рассмотреть картину мира автора, создателя текста, отраженную в читательских ассоциациях на текст.

Круглый стол
«ИССЛЕДОВАНИЕ НАЦИОНАЛЬНО-КУЛЬТУРНОГО КОМПОНЕНТА В ЯЗЫКЕ И РЕЧИ»

А. В. Алимпиева, Ю. В. Овсейчик

ФУНКЦИОНИРОВАНИЕ МОДАЛЬНОГО ГЛАГОЛЫ *VOULOIR* ВО ФРАНЦУЗСКОМ ПОЛИТИЧЕСКОМ ДИСКУРСЕ

Политический дискурс определяет языковую картину мира и языковое сознание современного общества. В последние десятилетия эта область знания стала объектом пристального внимания лингвистов. Многомерность и сложность политического дискурса проявляются в возможности дифференциации его жанрового пространства по ряду параметров. Жанровая принадлежность в значительной степени определяет выбор языковых средств, которые позволяют реализовать цели и функции политического дискурса. Цель политического дискурса – борьба за власть, успех которой зависит от поддержки большинства населения, именно поэтому он должен быть открыт для всех членов языкового сообщества и не может быть ограничен институциональными формами общения.

В основе модальной категории «волюнтативность» лежит соотнесение модели внешнего мира с его отображением в сознании человека на материале адекватно оцениваемого и предпочитаемого субъектом фрагмента действительности, выбранного им в качестве той потенциальной ситуации, в реализации которой он заинтересован, и отражение этой модели в особым образом структурированной системе языковых единиц. Данные единицы организованы в виде функционально-семантического поля, где присутствуют эксплицитные и имплицитные средства выражения на уровне лексическом, грамматическом, просодическом, распределяемые от центра к периферии, ядерным элементом которого является модальный глагол *vouloir* ‘хотеть’. Модальный глагол *vouloir*, обслуживая лишь ту область модальности, которая отвечает за волю и желание, является одним из самых частотных среди французских модальных глаголов, используемых двумя политиками для выражения своих намерений с целью достижения желаемого результата.

Выступления Э. Макрона и М. Ле Пен в предвыборной президентской гонке 2017 года послужили практическим материалом исследования, что позволило выделить семантические, морфологические, синтаксические и прагматические особенности модального глагола *vouloir* во французском политическом дискурсе.

Во французском политическом дискурсе модальный глагол *vouloir* используется для выражения намерения, желания и попытки. Так, например, Э. Макрон выражает свое намерение сказать пару слов молодежи: *Et c’est ici*

que je ***veux*** *aussi* ***adresser*** *en quelques mots, un discours à vous toutes et tous, et un discours pour notre jeunesse*. → *Et c'est ici que* ***j'ai aussi l'intention d'adresser****, en quelques mots, un discours à vous …*. Либо М. ле Пен изъявляет желание, чтобы ее действия были полезными для Франции: *Avec ces 10 premières mesures, … , je* ***veux*** *vous* ***démontrer*** *que chaque seconde de mon mandat sera une seconde utile à la France et aux Français et…* → *Avec ces 10 premières mesures,…, je* ***souhaite de vous démontrer*** *que chaque seconde de mon mandat sera une seconde utile à la France et…*, а также она сообщает своей аудитории о том, что пытается продвинуться дальше, услышать своих избирателей и выполнить их просьбы: *Mais je* ***veux aller*** *plus loin, beaucoup plus loin. Je* ***veux rendre*** *au peuple sa parole, et par là donner à toutes et à tous, surtout à nos jeunes, le moyen de construire leur avenir!* → *Mais j'* ***aspire à aller*** *plus loin, beaucoup plus loin. J'* ***aspire à rendre*** *au peuple sa parole, et par là donner à toutes et à tous, surtout à nos jeunes, le moyen de construire leur avenir!*

Анализ фактического материала показал, что французские политические лидеры чаще всего используют глагол *vouloir* для передачи своего намерения совершить действие, обозначаемое диктальным глаголом. Так, Э. Макрон в 52 % случаев, а М. ле Пен в 49 % используют модальный глагол для выражения своего намерения осуществить действия, а для выражения желания они используют этот глагол в 35 и 29 % случаев соответственно, тогда как для выражения попытки совершить потенциальное действие они используют данный глагол 13 и 22 % соответсвенно.

Немаловажен факт, что два претендента на пост президента, говоря о своих желаниях в борьбе за власть, используют модальный глагол в первом лице единственного числа в изъявительном или условном наклонении: *je veux* 'я хочу', *j'ai voulu* 'я хотел', *je voulais* 'я хотел', *je voudrais* 'я хотел бы', например: *Je* ***voulais*** *leur réponse. Deux d'entre eux m'ont dit "oui, cela ne sera pas facile, mais venez, parce que cela nous renforcera"* (Э. Макрон). В данном случае форма имперфекта прошедшего времени обозначает модальный признак независимо от его начала до конца его проявления. *Je* ***voudrais*** *vous* ***parler*** *de politique, de vraie politique et répondre à ces questions qui sont essentielles, essentielles pour nous bien sûr, mais aussi pour nos enfants* (М. ле Пен). Данный пример свидетельствует о сомнениях в позиции данного кандидата.

Говорящий везде выступает в роли субъекта желания в семантике сослагательного или изъявительного наклонений. Классические эгоцентрики, такие как *ici* 'здесь', *maintenant* 'сейчас', *aujourd'hui* 'сегодня', *demain* 'завтра' усиливают референцию к лицам, объектам, событиям, пространству и времени. В диалогическом режиме наречия *ici* 'здесь' и *maintenant* 'сейчас' позволяют идентифицировать абсолютное время и место действия через отношение высказывания к месту и моменту речи. Эгоцентрик, личное местоимение *я* эксплицитно выражает говорящего. Высказывание Э. Макрона *je veux ici saluer* иллюстрирует эгоцентричный контекст говорящего.

Так, в нашем примере *ici* – это в том месте, где говорящий произносит высказывание, *saluer* – это то действие, которое говорящий хочет совершить, *veux* – это желание говорящего в настоящий момент.

Модальный глагол *vouloir* во французском политическом дискурсе в большинстве случаев передает директивные и комиссивные интенции претендентов на пост президента. Э. Макрон выражает просьбу-пожелание об объединении нации: *Alors oui, je* ***veux que toutes ces forces vives puissent participer*** *à l'action démocratique tout au long du quinquennat*, а М. ле Пен имплицитно призывает к действию: *Je l'assume pleinement: je* ***veux que les citoyens français soient privilégiés*** *dans leur pays.* Как Э. Макрон, так и М. ле Пен прибегают к комиссивам, чтобы дать обещания аудитории: *Alors moi, ce que je* ***veux****, avec vous, c'est* ***donner*** *à tous ces territoires la même chance pour réussir demain.* Также Э. Макрон выражает благодарность, используя данный модальный глагол: *Aux millions de Françaises et de Français qui m'ont ce soir fait confiance en votant pour moi je* ***veux dire merci***, в то время как М. ле Пен не использует его для выражения экспрессивных интенций.

Статистические данные показывают, что Э. Макрон употребляет данный модальный глагол для выражения комиссивных интенций (37 % случаев), директивных (34 %), репрезентативных (20 %) и экспрессивных (9 %), в предвыборных же речах М. ле Пен модальный глагол чаще всего используется для передачи директивной интенции (47 %), комиссивной интенции (44 %), а также репрезентативной (9 % случаев).

Таким образом, модальный глагол *vouloir*, как ядерный элемент модальности волюнтативности, часто используется в речи политиков с целью воздействия на публику для достижения большего успеха в «борьбе за власть». Ориентируясь на электорат, претенденты на пост президента преимущественно употребляют директивные и комиссивные интенции, чтобы выразить просьбу, призвать к действию, обещать, а также показать свою готовность совершить определенное действие в будущем.

Н. Н. Бартош

ФУНКЦИОНАЛЬНО-ПРАГМАТИЧЕСКИЙ АСПЕКТ СИНТАКСИЧЕСКИХ СТРУКТУР «N + *IL Y A*»

Спецификой функционирования безличной бытийной формулы *il y a* во французском языке является возможность употребления именного компонента в препозиции (N + *il y a*). Данные структуры формально представлены в форме придаточного предложения (в начальной, срединной или конечной позиции), вводимого союзами *si* 'если; раз'*, puisque* 'поскольку'*, car* 'так как'*, quand / lorsque* 'когда; даже если'*, que* 'что'. При этом, как и в постпозиции, в препозиции может употребляться именной компонент любой лексико-семантической группы. Однако, в отличие от структур «*il y a* + N»,

он вводится не впервые, так как представлен в предшествующем контексте (эксплицитно – путем прямого повтора, дескриптивного представления или имплицитно – через общие или фоновые знания):

*Il lui faut trouver une princesse de haute noblesse, car c'est à ce prix seulement que la légitimité de son fils – **si fils il y a** – paraîtra incontestable* (J.-P. Cartier).	'Ему нужно найти принцессу из древнего дворянского рода, так как только такой ценой легитимность его сына – **если сын будет** – окажется неоспоримой' (Ж.-П. Картье).
*Parlons des gravures sur bois, **puisque gravures sur bois il y a*** (V. Hugo).	'Поговорим о гравюрах на дереве, **поскольку гравюры на дереве существуют**' (В. Гюго).
*Le Val-André est alors envahi par une foule de vacanciers qui apprécient cette station balnéaire à l'ensoleillement idéal. **Quand soleil il y a**, bien sûr* (M. Dural).	'В это время в Валь-Андре вторгается толпа отдыхающих, которые ценят этот морской курорт с идеальной инсоляцией. **Когда солнце есть**, конечно' (М. Дюраль).
*Je dis **que meurtre** il y a, et qu'il a été commis par un sadique* (J.-Cl. Anscombre).	'Я говорю, **что убийство есть,** и что его совершил садист' (Ж.-Кл. Анскомбр).
*Le duo apporte son abnégation dans la tempête. **Car tempête il y a**: entre 2011 et 2012, le chiffre d'affaires a chuté de 5,5 à 4,5 millions d'euros* (Les Echos, 19/11/2013).	'Дуэт проявляет свою сплоченность во время шторма (зд. финансового). **Так как шторм имеет место**: между 2011 и 2012 гг. торговый оборот упал с 5,5 до 4,5 млн €'.

Очевидность или известность, т.е. фактически пресуппозиционный характер начального именного компонента, не требует его обязательной экспликации в форме придаточного предложения. Последнее без проблем может опускаться или трансформироваться в один член предложения (как правило, в начальной позиции), не разрушая смысловой завершенности сообщения в целом. Выбор говорящего в пользу синтаксической структуры «N + *il y a*» осуществляется целенаправленно. Начальная позиция именного компонента, воспринимаемая как «нарушение» системных правил порядка слов, приводит к его эмфатизации, что позволяет адресанту сфокусировать внимание адресата на прагматически значимом элементе представляемой ситуации, который он выделяет из предшествующего контекста.

Эмфатизация именного компонента не всегда ограничивается только его логическим выделением. Функционируя как вводные предложения (как правило, в срединной или конечной позиции), синтаксические структуры «N + *il y a*» нередко выражают дополнительные отношения говорящего к сказанному, чему способствует семантика подчинительных союзов. Это может быть отношение к достоверности называемой именным компонентом информации. Если *puisque, car, si* (в значении 'раз уж') позволяют акцентировать достоверность, неоспоримость предмета или явления, то союз *si* (в значении 'если') эксплицирует неуверенность, сомнение, скептицизм.

Отношение к достоверности может сопровождаться эмоционально-экспрессивной реакцией говорящего: удивление, изумление, негодование, возмущение, неодобрение, презрение (с союзом *si*) или, наоборот, восхищение, восторг, акцентирование аксиологической ценности предмета речи (с союзами *puisque, car*). Степень выраженности эмоционально-экспрессивной реакции говорящего зависит от содержания общего контекста и характера именного компонента (абстрактный / конкретный). Так, в высказывании

C'est pourtant une équipe amputée de quelques membres qui a réussi cet exploit. ***Car exploit il y a****, vu la qualité de l'opposition gersoise…*(La Dépêche du Midi, 19.05.2006).

'Однако этот подвиг совершила команда, лишенная некоторых игроков. **Так как подвиг имеет место**, учитывая уровень команды противника из города Жер...'

речь идет о победе женской футбольной команды на местном чемпионате. Ввиду некоторых обстоятельств (невозможности участия сильных игроков) автор (журналист) расценивает данную победу как подвиг. При помощи предложения *Car exploit il y a* он не только акцентирует внимание на факте победы спортсменок, но и, эмфатизируя слово *подвиг*, подчеркивает свое восхищение сплоченностью, силой духа, волей к победе, проявленными местными футболистками.

Таким образом, функционирование структур «N + *il y a*» характеризуется следующими коммуникативно-прагматическими особенностями:

1) они имеют *интенциональный* характер, так как целенаправленно используются говорящим для выделения прагматически значимого компонента высказывания;

2) обязательное присутствие в них говорящего как субъекта, эмфатизирующего значимый в момент речи (устной или письменной) элемент ситуации и нередко выражающего в отношении к нему определенное субъективное мнение, позволяет рассматривать их как *эгоцентрические* синтаксические единицы;

3) направленность данных структур на адресата с целью привлечь его внимание и побудить к некоторой ответной реакции (не только вербальной, но и интеллектуальной, эмоциональной) предопределяет их *интерактивный* характер.

В. Д. Бурло

ЛЕКСИКО-СЕМАНТИЧЕСКОЕ ПОЛЕ ВЫРАЖЕНИЯ ЭМОЦИИ «НЕНАВИСТЬ» ВО ФРАНЦУЗСКОМ ЯЗЫКЕ

В современном мире, насыщенном постоянно происходящими событиями, сфера эмоций не может остаться незамеченной. Представители разных наук исследуют характер и причины порождения тех или иных эмоций, выясняют последствия их влияния на организм, ищут способы изменения эмоций, их интенсивности и управления ими. Лингвистическая

наука не остается в стороне от исследования данной проблематики. Вспомним работы В. И. Шаховского, Б. И. Додонова, недавно вышедшую монографию Р. Мишели «Les émotions dans les discours» и др. Для лингвиста, по словам Ж. Вандриеса, чувства приобретают значение только тогда, когда они выражены языковыми средствами – лексическими, грамматическими, стилистическими, фонетическими. Хотя, по общему мнению лингвистов, наиболее изученной является система лексических средств, вызывает интерес номинация эмоции «ненависть» («la haine») во французском языке.

Попытаемся идентифицировать лексико-семантическое поле (ЛСП) выражения этого эмоционального состояния. Состав поля определялся в два этапа: на первом этапе из толковых словарей, словарей синонимов путем сплошной выборки были выделены слова, связанные по ассоциации и аналогии с обозначением отрицательного эмоционального состояния, так или иначе семантически связанного со словами *la haine* и *haïr*. На втором этапе мы определили, какие из выделенных слов имеют общие или сходные элементы значения. Как известно, при организации состава ЛСП важным является понятие ведущего слова, так называемого гиперонима в иерархической парадигме. Оно возглавляет ее, семантически и функционально подчиняет другие слова. Естественно, что статус иерархически ведущего слова будет иметь существительное *la haine*, свободная дефиниция которого была составлена на основе анализа словарных дефиниций ряда словарей – *vive hostilité qui porte à souhaiter ou à faire du mal à qn.; vive répugnance pour qch.; sentiment violent qui pousse à vouloir du mal à qn. et se réjouir du mal qui lui arrive; aversion profonde pour qch*.; syn. *antipathie, aversion, détestation, exécration, hostilité,* r*épulsion*, *ressentiment, phobie* (Le Petit nouveau Robert).Таким же образом были составлены свободные дефиниции для всех остальных членов ЛСП, семантически связанных с гиперонимом: *antipathie −aversion non raisonnée, répugnance; aversion − haine, répugnance extrême, antipathie; animosité − antipathie, haine; amertume − sentiment durable de tristesse, melé de rancoeur, dégoût, dépit, ressentiment; dépit −rancoeur, melé de colère , amertume; ressentiment* ; *rancoeur; détestation − haine violente, aversion, horreur; dégoût − répugnance physique et morale, répulsion, exécration; exécration − haine violente pour ce qui est digne de malédiction; écoeurement − dégoût profond, répugnance; hostilité − antipathie, haine, malveillance; répulsion − vive répugnance, dégoût, aversion, écoeurement, antipathie; rancune − rancoeur, ressentiment, amertume profonde.*

Проанализировав семантическую структуру всех выделенных слов и сопоставив ее с семантикой гиперонима, мы определили состав ЛСП «La haine», приведенный выше. Выделенная группа неоднородна и состоит из нескольких ярусов. К ядерным членам относятся существительные, содержащие семантический компонент ‘haine’: *exécration, détestation, aversion, animosité*, *hostilité.* В остальных словах главный семантический компонент уступает место другим, но входящим в семантическую структуру слова *haine.*

Идентификация ЛСП эмоционального состояния «ненависть» является первым шагом на пути исследования способов его выражения, как вербальных, так и невербальных. Следует, по-видимому, различать ненависть как эмоцию, внутреннее состояние человека, которое оказывает влияние на все аспекты его деятельности, и ненависть как чувство, которое человек может только испытывать по отношению к другому лицу или чему-нибудь. Соответственно, способы выражения их будут различными. Точно так же, как будут отличаться описание чувств автором или говорящим и непосредственное выражение чувства ненависти в речевом акте.

Г. А. Змудяк

ОСОБЕННОСТИ РЕЧЕВОГО ОБЩЕНИЯ ВО ФРАНЦУЗСКИХ ТЕЛЕИНТЕРВЬЮ

В речевом общении может быть выделен ряд аспектов, соответствующих поставленной говорящими задаче: информативный, прескриптивный (воздействие на адресата), экспрессивный (выражение эмоций, оценок), межличностный (регулирование отношений между собеседниками), игровой (апелляция к эстетическому восприятию, воображению, чувству юмора) и т.д. (Н. Д. Арутюнова).

Речевое общение несет в себе различные функции, что позволяет его классифицировать. По характеру передаваемого содержания различают общение информативное и фатическое. Фатическое общение имеет основную установку на речевой контакт и поддержание с собеседником речевых и социальных отношений, на их регулирование.

В естественной коммуникации трудно представить ситуации, когда поставленную цель можно достичь с помощью одного-единственного обращения к партнеру. Речевое общение вариативно: решение коммуникативной задачи допускает несколько способов (ходов). Участники диалога корректируют свои действия в зависимости от сложившейся ситуации, оставаясь в рамках единой сверхзадачи. Сверхзадача и коммуникативные ходы соотносятся с понятиями стратегии и тактики.

Стратегия речевого поведения охватывает всю сферу построения процесса коммуникации, когда целью является достижение определенных долговременных результатов. Речевая стратегия, представляя собой комплекс речевых действий, направленных на достижение коммуникативной цели, включает в себя планирование процесса речевой коммуникации в зависимости от конкретных условий общения и личностей коммуникантов, а также реализацию этого плана (О. С. Иссерс);

Речевая стратегия определяет семантический, стилистический и прагматический выбор говорящего. В зависимости от степени «глобальности» намерений речевые стратегии могут характеризовать конкретный разговор

с конкретными целями (обратиться с просьбой и т.п.) и могут быть более общими, направленными на достижение общих социальных целей (установление и поддержание статуса, подтверждение власти и т.д.). В связи с этим разграничиваются общие и частные стратегии. Так, общая стратегия дискредитации реализуется в частных стратегиях обвинения, оскорбления, насмешки.

С функциональной точки зрения можно выделить основные и вспомогательные стратегии. Основная стратегия − это стратегия, которая на данном этапе коммуникативного взаимодействия является наиболее значимой для реализации мотивов и целей. В большинстве случаев это те стратегии, которые непосредственно связаны с воздействием на адресата, его модель мира, его поведение. Вспомогательные стратегии способствуют эффективной организации диалогового взаимодействия (стратегия самопрезентации, статусные стратегии и т.п.).

Конечной целью любой речевой стратегии является коррекция мира адресата. Рядом предложений, реакций, контрпредложений коммуниканты вводят в разговор свои собственные интерпретации, желая сделать их общими и тем самым добиться реализации своего замысла.

Типичная речевая ситуация включает говорящего и слушающего, а также высказывания говорящего, с которыми связаны самые разнообразные виды речевых актов. Однако говорящие могут осуществлять речевые акты не только по отношению к одному адресату, но и по отношению к определенному кругу других слушающих. Так, в телепередачах разговоры состоят из последовательных высказываний, которыми обмениваются два и более человека. С помощью каждого высказывания говорящий осуществляет иллокутивный акт, направленный на адресата. Однако именно зритель является конечным адресатом в данной речевой ситуации. Поэтому говорящий использует широкий набор языковых средств и речевых тактик, различных по способу воздействия на адресата (гостя телепередачи), чтобы максимально воздействовать на конечного адресата (телезрителя).

Важную роль в регулировании межличностных отношений играет тактика-комплимент. Основной функцией комплимента является установление контакта и поддержание добрых отношений. Говорящий стремится вызвать симпатию у своего собеседника, расположить его к себе. Отличительной чертой комплимента выступает явная демонстрация интенции говорящего − желание сказать нечто приятное собеседнику. Такое прагматическое толкование комплимента обусловлено фатической функцией данного речевого акта, которая сводится к установлению и поддержанию контакта. Телеведущий целенаправленно воздействует на адресата с тем, чтобы установить, поддержать, изменить, перевести в новую плоскость или на новый уровень диалог.

В телеинтервью широко представлена тактика «контроль над темой». Телеведущий осуществляет контроль − интеллектуальный, эмоциональный,

поведенческий. Именно он является доминирующим партнером диалога. Он способен изменить тему, отслеживает очередность ролей, контролирует, кто говорит, сколько и о чем.

Тактики «запрос информации» и «контроль над пониманием» также позволяют осуществлять воздействие на ход диалога, коррелируя между собой и являясь взаимодополняемыми и взаимообусловливающими, так как их цель − получение и уточнение информации.

Благодаря использованию тактик «комплимент», «контроль над темой», «запрос информации» и «контроль над пониманием» речевое поведение получает контактоустанавливающую, контактоподдерживающую, контактоконтролирующую модальность (фатическую), что создает особую личностно-доверительную обстановку и максимально приближает к личности говорящего. Все это, в свою очередь, дает возможность адресанту (телеведущему) воздействовать на адресата (гостя телепередачи), а в итоге – на конечного адресата (телезрителя), что и является основной задачей телеинтервью.

И. Ю. Климанская

ЛИНГВОКУЛЬТУРОЛОГИЧЕСКИЕ ОСОБЕННОСТИ РЕАЛИЗАЦИИ ИЗВИНЕНИЯ НА МАТЕРИАЛЕ ФРАНЦУЗСКИХ ТОК-ШОУ

Речевой этикет, являясь важной частью национального языка и культуры, представляет собой систему правил речевого поведения, нормы использования средств языка в определенных условиях. К нему, в частности, относятся слова и выражения, употребляемые людьми для прощания, просьбы, извинения, принятые в различных ситуациях формы обращения, интонационные особенности, характеризующие вежливую речь.

Феномен *извинения* на протяжении многих лет привлекает внимание исследователей. Изучая различные аспекты коммуникативного взаимодействия, лингвисты пытаются понять, каким образом использование определенных слов и выражений после совершения действия, которое, по мнению говорящего, нанесло моральный или физический ущерб его собеседнику, приводит к исправлению сложившейся ситуации.

Что касается реализации извинения во французских ток-шоу, то проведенный анализ 15 выпусков на разные темы позволил установить, что для них выражения извинения не являются частотными. Приблизительно в двухчасовом показе ток-шоу извинение может прозвучать всего два-три раза. В 15 ток-шоу удалось обнаружить 64 примера выражения извинения.

Исследование показало, что существует два способа выражения извинения во французских ток-шоу: *прямые* и *косвенные*. При этом п р я м ы е значительно превосходят косвенные и весьма однообразны. Они представлены такими стилистически нейтральными лексемами, как *excuser* и *pardonner*, а также их производными. На выбор той или иной формы извинения влияет ситуация общения, степень знакомства с человеком, которому адресовано извинение, и повод извинения.

Выражения извинения можно считать к о с в е н н ы м и, если по контексту мы понимаем, что оно требуется однозначно, а говорящий объясняет причины своих действий, признает вину, ссылается на ненамеренность действий и т.д. Достаточно часто во французских ток-шоу извинения приносятся косвенно при помощи лексемы *désolé* ‘сожалею’, а также глагола *regretter* ‘сожалеть’. В таких случаях говорящий приносит извинения не за саму ситуацию, а за то, что вынужден сообщить негативную информацию.

Кроме этого, было отмечено наличие невербальных способов извинения, к которым относятся поклоны, кивки головой, взгляды, направленные вниз, слезы и т.д. Все это передает спектр чувств от раскаяния и стыда за сказанное до сожаления о сложившихся обстоятельствах, не позволивших поступить иначе. Однако невербальные способы извинения не являются распространенными во французских ток-шоу, хотя невербальная коммуникация сопутствует и во многом дополняет вербальную, а также усиливает значимость семантики слов.

Таким образом, было выявлено, что во французских ток-шоу существует два ядерных элемента, используемых в ситуациях, когда необходимо извиниться: глаголы *excuser* и *pardonner*. При этом на выбор той или иной формулы влияет и степень серьезности проступка, и то, насколько знаком человек, перед которым необходимо извиниться. Многообразие личностей и их индивидуального мировосприятия обусловливают открытость перечня поводов для извинения и, соответственно, значений ядерных глаголов, поскольку причинением ущерба может считаться любое действие в специфической прагматической ситуации при специфической расстановке сил.

А. Е. Крючкова

ЛЕКСИКАЛИЗАЦИЯ БИБЛЕЙСКИХ ИМЕН СОБСТВЕННЫХ ВО ФРАНЦУЗСКОМ И БЕЛОРУССКОМ ЯЗЫКАХ

Во французском и белорусском языках библейские имена дали основу образования немногочисленным нарицательным лексемам.

Значение имен *le benjamin* и *le moïse* во французском языке формируют дескрипции объективных сведений о происхождении Вениамина (он был самым младшим в семье) и о спасении младенца Моисея от воинов фараона в плетеной корзине, отправленной по реке: *benjamin (de Benjamin, n. pr.) – le plus jeune enfant d’une famille, la plus jeune personne d’un groupe* ‘вениамин (от имени *Вениамин*) – самый младший ребенок в семье, самый молодой человек в группе’; *moïse (de Moïse, n. pr.) – berceau portatif en osier* ‘моисей (от имени *Моисей*) – переносная плетеная колыбель’.

В белорусском языке факт лексикализации этих имен не установлен. Объективное знание о Вениамине как о самом младшем ребенке в семье не является значимым для представителей белорусской нации, а для обозначения плетеной переносной колыбели используется выражение *кошык Майсея*, в котором имя собственное сохраняется.

В белорусском языке отсутствуют и нарицательные неодушевленные лексемы *le mathusalem* и *le nabuchodonosor,* которые эксплицированы в словарях французского языка, – признаки обоих имен включают указание на количественность *gros* ‘большой’, но ее объем для каждой из лексем разный:

mathusalem (de Mathusalem, n. pr.) – grosse bouteille de champagne d’une contenance de huit bouteilles champenoises ordinaires ‘мафусаил (от имени *Мафусаил*) – большая бутылка шампанского, содержащая по объему восемь традиционных бутылок этого напитка’;

nabuchodonosor (de Nabuchodonosor, n. pr.) – grosse bouteille de champagne d’une contenance de vingt bouteilles champenoises ordinaires ‘навуходоносор (от имени *Навуходоносор*) – большая бутылка шампанского, содержащая по объему двадцать традиционных бутылок этого напитка’.

Образование лексемы *le mathusalem* эксплицируется через объективное знание продолжительности жизни библейского патриарха *Mathusalem* – 969 лет. Связь же нарицательного имени *le nabuchodonosor* с исходным именем собственным *Nabuchodonosor* остается неясной: можно высказать предположение, что в основе лексикализации лежат сведения об экономическом и военном могуществе Вавилона во времена правления Навуходоносора II (*il embellit Babylone*).

Появление во французском языке одушевленного имени лица: *nicodème (de Nicodème, n. pr.) – homme simple, borné, niais* ‘никодим (от имени *Никодим*) – простой, ограниченный и глупый человек’ – имеет в своей основе сведение о принадлежности Св. Никодима к религиозно-общественному течению фарисеев. Их учение отличалось демонстративным и лицемерным проявлением добродетели и благочестия (*manifestation ostentatoire et hypocrite de vertu ou de piété*). При этом французская лексема *le pharisien* и аналогичная ей белорусская *фарысей* стали употребляться по отношению к человеку, добродетель и благочестие которого только внешние (*personne dont la piété, la vertu sont purement extérieures*). По сути нарицательное имя *le nicodème* переносит на неопределенное количество референтов обобщенные, а не сугубо индивидуальные качества носителя исходного имени *Nicodème* как сторонника движения фарисеев. Употребление имени *Нікадзім* для обозначения простого и глупого человека для белорусской культуры не свойственно.

Имя нарицательное *le judas* во французском языке получило двойное означивание: *judas (de Judas, n. pr.) – 1. Traître. 2. Petite ouverture ou système optique aménagés dans une porte, pour voir ce qui se passe de l’autre côté sans être vu* ‘иуда (от имени *Иуда*) – 1. Предатель. 2. Небольшое отверстие или оптическое приспособление в двери, предназначенное для того, чтобы наблюдать за происходящим по ту сторону, оставаясь при этом незамеченным’.

Одушевленное (в значении *le traître*) и неодушевленное (в значении *la petite ouverture ou système optique qui permet de voir sans être vu en «trahissant» ainsi la confiance* ‘«предавая» тем самым доверие’) имена образовались через переосмысление одного и того же поступка Иуды,

предавшего Иисуса. В белорусском языке имя *Юда* в процессе лексикализации получает только одно значение и используется по отношению к человеку-предателю.

Производная лексема от библейского имени *Caïn* отсутствует во французском языке. В белорусском же языке лексикализованное имя переносится на человека-преступника, что связано с переосмыслением сведения об убийстве Каином своего брата Авеля: *каін – злачынец.*

Библейское имя *Adam* участвует в образовании раздельнооформленной лексемы – *la pomme d'Adam* 'адамово яблоко' – верхняя часть щитовидного хряща, выступающая на передней поверхности шеи мужчины.

Семантику раздельнооформленной лексемы *la pomme d'Adam* эксплицирует следующий факт из библейского текста: *le nom vient de fruit défendu, que selon la Bible, Ève fait consommer à Adam, fruit (en français le mot «pomme») qui lui serait «resté en travers de la gorge»* 'имя происходит от названия запретного плода (во французском языке – яблоко). Согласно Библии, Ева дает плод Адаму, и он застревает в его горле'. Форма застрявшего яблока, создает видимость «выступа». В белорусском языке отмечается использование аналогичной раздельнооформленной лексемы *адамаў яблык*, что может быть эксплицировано одинаковой значимостью события, описанного в Библии, для белорусской и французской культур.

Таким образом, результатом лексикализации библейских имен во французском языке являются два лексико-грамматических разряда нарицательных, образованных на основе *обобщения* или *переосмысления* когнитивной составляющей исходного имени: *неодушевленные имена* и *одушевленные имена лица*. При этом очевидна тенденция французского языка к образованию неодушевленных имен. Для белорусского языка, напротив, характерно использование одушевленных имен лица при переосмыслении когнитивной составляющей. Неодушевленные имена, образованные при обобщении когнитивной составляющей библейского имени, в белорусском языке практически отсутствуют.

А. Е. Крючкова, О. Хотько, Д. Цырельчук

ЛЕКСИКО-СЕМАНТИЧЕСКОЕ ПОЛЕ ЭТНОНИМА «БЕЛОРУС»

Первые строки национального гимна Республики Беларусь четко определяют черты белорусского характера, то, какими мы видим сами себя:

Мы, беларусы – мірныя людзі,
Сэрцам адданыя роднай зямлі,
Шчыра сябруем, сілы гартуем
Мы ў працавітай, вольнай сям'і.

По сути речь идет об автостереотипе, который предполагает совокупность этнооценок, сложившихся в данной культуре. Однако далеко не всегда мы задаемся вопросом, что вкладывают в этноним «белорус»

представители других наций, и как на нас смотрят извне. Иными словами, проблема того, какие элементы входят в понятие гетеростереотипа, опирающиеся на более широкие пространственные возможности, до сих пор остается открытой.

Тот, кто никогда не был в Беларуси, ошибочно полагает, что люди здесь живут, как во времена Советского Союза, не имеют вкуса в одежде и проводят свободное время в очереди в магазин или аптеку. Проведенный анализ мнений, представленных на форумах о Беларуси, показал, что такое видение изменяется в первый же день пребывания в стране. Исследование также позволило выявить те черты внешности и национального характера, традиции и привычки, которые иностранцы ценят или критикуют.

Американцы в большинстве случаев не знают, что такое Беларусь и где она находится. Но, побывав здесь, они нередко отмечают высокий рост белорусов, их яркие голубые глаза и светлые волосы, трепетное отношение к чистоте и порядку. При этом американцы признают, что суждение о неумении белорусов развлекаться и весело проводить время с друзьями в реальной жизни оказывается ложным.

Представителей Армении, приезжающих в Минск учиться по кратковременной программе, привлекают образованность и интеллигентность людей, с которыми им приходится общаться. Однако они обращают внимание на имеющийся в нашей молодежи большой потенциал, которым, к сожалению, она не пользуется. И красота белорусских девушек для настоящего армянина также оказывается достаточно сомнительной.

Многие европейцы (испанцы, финны, французы, бельгийцы) уверены в том, что Беларусь – это прибалтийское государство, являющееся частью Евросоюза. Их очень часто удивляют многие белорусские привычки, которые настолько плотно вошли в быт, что считаются для нас абсолютной нормой.

Так, например, испанцы и португальцы не понимают того, как каша на завтрак может составлять утренний рацион большинства белорусских семей. В южных европейских странах, где почти не едят супы, а также в тех странах, где суп по консистенции представляет собой пюре, наш традиционный мясной бульон с овощами в разных вариациях остается сомнительным пищевым продуктом. В таких странах, как Италия, Испания, Франция, нет чайной культуры. На пьющих по несколько чашек чая в день белорусов они смотрят с недоверием. Но самая странная в глазах европейцев белорусская пищевая привычка – это кисломолочные продукты. Им трудно представить, что кефир, сметана и ряженка – это для нас жизненно важные продукты. Невозможно объяснить, почему в Беларуси скисшее молоко считается вкусным, а иногда запекается в духовке.

Еще одна белорусская традиция, поражающая европейцев, – это правило снимать обувь, когда заходишь в дом. В Европе не существует и понятия «домашняя одежда», а дома носят то, в чем выходят на улицу. Отказ от создания такого столь необходимого для нас гардероба, возможно, является причиной того, что европейцы более легки на подъем, у них нет нашей привычки «мне надо собраться», которая затягивается на час или два.

Концепция белорусских дач для иностранцев также остается загадкой. Они не понимают, почему вместо того, чтобы отдыхать на загородном участке, мы предпочитаем там трудиться. Не привыкли представители других наций и к тому, что балкон в Беларуси – это не место для отдыха городских людей на свежем воздухе, где стоят небольшие столы, стулья или даже кресла и соседи общаются друг с другом, а в большинстве случаев это место для сушки одежды и хранения того, чему не нашлось уголка в квартире. С большим трудом они воспринимают информацию о том, что мусор у нас сортировать до сих пор не принято, несмотря на то что некоторые шаги в эту сторону уже были сделаны.

Таким образом, полученные в ходе работы данные показали высокую степень идентичности оценок этнонима «белорус» независимо от отдаленности культур (американцы, европейцы, представители бывшего СССР). В частности, общими для всех оценочных поясов оказываются такие свойства белорусского национального типа, как патриотизм, гостеприимство, высокий интеллектуальный потенциал, уважительное отношение к другим, стремление к порядку и чистоте, внешнее спокойствие. Наибольшее удивление у представителей других наций вызывают гастрономические привычки белорусов. Во внешних чертах особо подчеркиваются голубые глаза и светлые волосы. При этом красота белорусских девушек не всегда воспринимается однозначно и остается предметом для дискуссий.

А. Е. Крючкова, А. Макеенко

ЛЕКСИЧЕСКИЕ ОСОБЕННОСТИ ПРЕСС-РЕЛИЗОВ ООН НА АНГЛИЙСКОМ И ФРАНЦУЗСКОМ ЯЗЫКАХ

Анализ 50 пресс-релизов ООН на французском и английском языках позволил установить особенности использования в них лексических единиц.

Основная задача текстов ООН заключается в привлечении внимания общества к наиболее важным проблемам современного мира. В этой связи для исключения потенциально возможного искажения смысла в посланиях ООН употребляются доступные для понимания однозначные слова: *vivre dans la paix* ‘жить в мире’; *garantir la dignité et l’égalité* ‘гарантировать достоинство и равенство’; *les changements climatiques* ‘климатические изменения’; *les droits de l’homme* ‘права человека’; *ending the AIDS epidemic* ‘прекращение эпидемии СПИДа’; *a human rights violation* ‘нарушение прав человека’; *future of peace, dignity and prosperity on a healthy planet* ‘будущее на мирной, достойной и процветающей здоровой планете’.

Закономерным для пресс-релизов ООН как на английском, так и на французском языках является избыточное в зависимости от тематики употребление ключевых слов, таких как *personnes faibles / the weak* ‘слабые люди’; *victimes/ victims* ‘жертвы’; *les personnes âgées / seniors / old persons* ‘пожилые люди’; *les femmes / women* ‘женщины’; *les personnes jeunnes / young*

people ‘молодые люди’; *les jeunes enfants / young children* ‘дети младшего возраста’; *les enfants de moins de 15 ans / children under* 15 ‘дети младше 15 лет’ и др. Так, например, в статье на английском языке, в которой речь идет о повсеместном принижении достоинства людей в возрасте, ключевое словосочетание *older persons* ‘пожилые люди’ встречается с частотностью 15 раз на 440 слов (1/29).

Уже представленная ранее информация также может переписываться в пресс-релизе ООН несколько раз:

The International Day of Older Persons is our chance ***to take a stand against the destructive problem of ageism****...* ‘В Международный день пожилых людей мы имеем возможность **выступить против пагубной дискриминации по возраст**у…’;

Ending ageism *and securing the human rights of older persons is an ethical and practical imperative…* ‘**Положить конец дискриминации по возрасту** и обеспечить защиту прав пожилых людей безусловно необходимо как с этической, так и с практической точки зрения…’;

Rejecting all forms of ageism *and working to enable older persons to realize their potential...* ‘**Остановить все формы дискриминации по возрасту** и приложить усилия для того, чтобы пожилые люди могли реализовать свой потенциал...’.

Повторы имеют место и при указании временного среза. Тем самым акцент смещается на актуальность описываемого события. При этом временные коннекторы находятся в начале предложения перед подлежащим, отделяясь от него графически запятой, а в речи – паузой:

En cette Journée mondiale *de la santé mentale, l’Organisation des Nations Unies aimerait souligner qu’il est essentiel de pouvoir offrir des soins de santé mentale à toutes les personnes qui en ont besoin...* ‘**Сегодня, во Всемирный день** психического здоровья Организация Объединенных Наций хотела бы подчеркнуть необходимость оказания помощи всем тем, кто в ней нуждается…’ и далее ***En cette Journée mondiale*** *de la santé mentale, exprimons notre compassion et notre empathie à l’égard de ceux qui ont survécu à un épisode traumatique* ‘**Сегодня, во Всемирный день** психического здоровья я призываю всех нас проявить сострадание и сочувствие к тем, кто пережил кризис’.

Особенностью пресс-релизов ООН на французском языке является употребление большого количества эмоционально-оценочных наречий, прилагательных и глаголов: *je prie instamment* ‘я настойчиво прошу’; *je suis ravi* ‘я рад’; *je félicite chaleureusement* ‘я от всей души поздравляю’; *nous avons impérativement besoin* ‘мы очень нуждаемся’; *voyage inoubliabe* ‘незабываемое путешествие’. В текстах на английском языке их число значительно меньше, что в определенной мере оказывает влияние на общий объем информации и говорит о ее более нейтральном оформлении.

В пресс-релизах на французском языке отмечается также и разнообразие логических коннекторов противопоставления: *mais* ‘но’, *bien que* ‘хотя’, *malgré* ‘несмотря на’: *Les progrès sont manifestes,* ***mais*** *les acquis restent*

fragiles ‘Прогресс очевиден, **но** достигнутые успехи по-прежнему не имеют под собой прочной основы’; ***Bien que*** *l’on dise souvent qu’elles jouissent d’un respect particulier, la réalité est que dans un trop grand nombre de sociétés les personnes âgées se voient imposer des limites...* ‘**Несмотря на то что** часто говорят, что они [*пожилые люди*] пользуются особым уважением, на самом деле во многих странах их возможности ограничивают...’ В английском языке им соответствует союз *while* с идентичным значением ‘несмотря на’ и ‘в то время как’: ***While*** *there is clear progress, gains remain fragile* ‘**Несмотря на** очевидный прогресс, достигнутые успехи по-прежнему не имеют под собой прочной основы’.

Таким образом, изложенные выше факты позволяют сделать вывод о том, что для языка пресс-релизов ООН характерны повторы и постоянное акцентирование ключевых слов. Пресс-релизы на французском языке благодаря широкому использованию эмоционально-оценочных наречий, прилагательных и глаголов экспрессивны, в отличие от более нейтральных пресс-релизов на английском языке.

И. Г. Лебедева

ОСОБЕННОСТИ ФОРМИРОВАНИЯ ЭТАЛОНОВ ПРОСОДИЧЕСКИХ ЕДИНИЦ В ПЕРЦЕПТИВНОЙ БАЗЕ ИНОСТРАННОГО ЯЗЫКА

Перцептивная база представляет собой совокупность хранящихся в памяти полимодальных эталонов сегментных и просодических единиц, а также правил сличения с этими эталонами. Формируясь в процессе освоения языка, перцептивная база обеспечивает речевосприятие и речепроизводство на нем. Ввиду полимодальности эталонов перцептивной базы одинаково важным является адекватное формирование как акустических, так и зрительных и тактильно-кинетических образов.

Несмотря на то, что исследования, подтверждающие факт полимодальности эталонов, появились еще в прошлом веке, при обучении фонетике, и особенно в период вводно-корректива курса у студентов языковых специальностей, преподаватели ставят себе задачей сформировать правильные артикуляторные привычки. Не всегда уделяется должное внимание выработке корректных эталонов зрительных, тактильно-кинетических, а иногда и акустических образов у звуков и их последовательностей, в то время как именно они должны обеспечивать в дальнейшем аутокоррекцию, то есть переход при говорении от контроля преподавателем к собственному контролю.

Следует отметить, что полимодальность эталонов в той или иной степени учитывается при формировании эталонов единиц сегментного уровня. При формировании единиц просодического уровня факт полимодальности, как правило, игнорируется, что приводит к несформированности или неадекватной сформированности эталонов просодических

единиц. Последствия бывают катастрофичны: по завершении вводного курса на уроках грамматики или практики устной речи студенты возвращаются к прежнему «школьному» произношению. Отсутствие должной работы над формированием просодических моделей приводит к банальному замещению моделей иностранного языка уже сформированными родными моделями. Поскольку просодия выступает в роли цемента, который удерживает конструкцию из сегментных единиц, то в нашем случае разрушается практически все с трудом выстроенное здание. Из сказанного следует, что работа над формированием единиц просодического уровня должна вестись параллельно, а иногда и предварять работу над эталонами сегментного уровня. Кроме того, за основу должны браться реализованные носителями языка образцы, поскольку неносители языка не всегда улавливают и передают с помощью просодии разницу между оттенками и нюансами смысла, особенно на уровне текста.

В ходе нашего исследования студентам второго курса предлагалось записать фрагмент телепередачи на французском языке, в случае затруднений разрешалось использование транскрипции. Речь телеведущих была нормативной и не содержала региональных отклонений. Отобранных для участия в эксперименте студентов можно охарактеризовать как успешных, о чем свидетельствуют хорошие результаты во время предыдущих сессий. В целом студенты справились с заданием, однако анализ сделанных ими ошибок позволяет говорить о недостаточной корректности в формировании единиц именно просодического уровня и необходимости дополнительной работы по исправлению имеющихся отклонений. В частности, нами было выявлено, что студенты не всегда улавливают стилистические нюансы на уровне просодии. Так, если диктор использовал такой стилистический прием, как понижение тона внутри фразы, осуществлялся перенос существующих в родном языке моделей и в этом месте появлялась точка, указывающая на конец фразы, – фрагменты фразы не объединялись в единое целое. Например: *On est bien en 2015 et vous êtes dans « le Pourquoi ↑ du comment ↓ » qui vous accompagne jusqu'au mois de juin …* ‘Уже наступил 2015 год, и вы смотрите передачу «Почему и как» ↓. Которая будет с вами вплоть до мая месяца ...’ Аналогичные затруднения возникали и в сверхфразовых единствах, где несколько фраз произносятся с восходящим на конце тоном, – испытуемые не понимали, что нужно ставить точки и записывали текст через запятые.

О несформированности ритмических структур свидетельствует неумение услышать реальную длину акцентной единицы, особенно, если она состоит из нескольких коротких безударных слов. Например: *Les Romains aussi* $_{se\ sont}$ *longtemps appuyés sur la date de prise de pouvoir de leurs empereurs* ‘Римляне также долго вели летоисчисление с момента прихода к власти своих императоров’. Нами обнаружена четкая взаимосвязь: если попросить испытуемого прочитать такую акцентную единицу, в ней появляются

несуществующие в языке дополнительные ударения, ударным становится каждое неакцентогенное слово: *Les Roˈmains auˈˈssi se* sont[1] longtemps[2] *appuyˈés sur la ˈdate de ˈprise de pouˈˈvoir de leurs empeˈˈreurs*. Налицо присутствует факт переноса словесного ударения из родного языка.

Нами обнаружена взаимосвязь между сокращением длительности воспринимаемой акцентной единицы и появлением дополнительных, не свойственных французскому языку, заударных слогов при последующем прочтении этих единиц. Этому явлению в большей степени подвержены аналитические французские конструкции. Например, во фразе *elle ˈdure 366 ˈjours, au lieu de ˈ365...* ‘он длится 366 дней вместо 365’ образуется дополнительная единица *au-ˈlieu-de* с ударением на втором слоге. Или во фразе *Au sixième ˈsiècle après Jésus-ˈˈChrist un ˈmoine du ˈnom de Denys le Peˈˈtit avait été charˈgé de calcuˈler la ˈdate eˈxacte de ˈˈPâques* ‘В шестом веке монаху по имени Дионисий Малый было поручено вычислить точную дату Пасхи’ имя монаха записывалось как *Denylos Peˈˈtit*, а при прочтении испытуемые ударяли каждое слово: *De*[1]*nys le Peˈˈtit.*

Проведенный эксперимент доказывает необходимость своевременного формирования адекватных просодических моделей с учетом полимодальности эталонов перцептивной базы.

Ю. В. Овсейчик, Я. Н. Леонтьева

АССИМИЛЯЦИЯ ФРАНЦУЗСКОЙ ГАСТРОНОМИЧЕСКОЙ ЛЕКСИКИ В БЕЛОРУССКОМ ЯЗЫКЕ

Заимствования, отвечая на потребности номинации, представляют собой определенную экономию языковых усилий при порождении речи, так как для заполнения номинативных лакун, возникших в родном языке, используются готовые единицы чужого языка. В результате контактов двух неродственных языков французская гастрономическая лексика, которая является национальным культурным компонентом, вошла в культуру и обиход носителей белорусского языка.

Методом полной выборки из этимологических толковых словарей (ред. В У. Мартынов) были выявлены 59 лексических единиц, заимствованных напрямую из французского языка. Среди них можно выделить несколько типов:

1) собственно заимствованные слова (которые перешли из одного языка в другой, сохранив и значение, и звуковую оболочку) – *карамель* (м) ‘caramel’ (m), *кальмар* (м) ‘calmar’ (m);

2) кальки (морфемы иностранного языка и значение слов сохраняются, а звуковая оболочка изменяется под влиянием языка-реципиента) – *булён* (м) ‘bouillon’ (m), *маянез* (м) ‘mayonnaise’ (f), *рэстаран* (м) ‘réstaurant’ (m).

Семантические заимствования (слова, которые переносят из языка-донора только смысл, значение) не были выявлены в ходе нашего исследования.

По степени ассимиляции заимствования подразделяются на

1) полностью ассимилированные, то есть соответствующие всем морфологическим, фонетическим и орфографическим нормам заимствовавшего языка и воспринимаемые говорящими как белорусские, а не иностранные слова: *круасан* (м) ‘croissant’ (m), *ракамболь* (м) ‘rocambole’ (f), *нуга* (ж) ‘nougat’ (m);

2) частично ассимилированные, то есть оставшиеся иностранными по своему произношению, написанию или грамматическим формам: *жэле* (ср) ‘gelée’ (f), *суфле* (ср) ‘souflé’ (m), *пюрэ* (ср) ‘purée’ (m), *дражэ* (ср) ‘dragée’ (f);

3) неассимилированные слова, которые сохраняют свою фонетическую, графическую, лексическую и грамматическую форму, не были выявлены в ходе нашего исследования.

Полностью ассимилированные заимствованные слова подверглись графической, фонетической, морфологической и семантической адаптации и всецело соответствуют системе грамматических норм и законов во французском языке.

Графические и фонетические особенности ассимиляции заимствований связаны с тем, что французский и белорусский являются неродственными языками и отличаются фонетическим и графическим строем. Фонетическая ассимиляция в первую очередь заключается в субституции звуков французского языка звуками белорусского: носовые звуки [о], [а] произносятся как [он], [ён] [ан] и [ам] (*патысон* (м) ‘pâtisson’ (m), *шампіньён* (м) ‘champignon’ (m), *круасан* (м) ‘croissant’ (m)), различные письменные варианты звука [е] (ai, é, е в закрытом слоге) произносятся как [е] (*амлет* (м) ‘omlette’ (f), *суфле* (ср) ‘souflé’ (m), *маянез* (м) ‘mayonnaise’ (f)), различные письменные варианты звука [е] (é, е в закрытом слоге, е в открытом слоге, è) произносятся как [э] (*эстрагон* (м) ‘estragon’ (m), *крэм* (м) ‘crème’ (f)), звук [і] переходит в [ы] после [р] и [т] (*патысон* (м) ‘pâtisson’ (m), *брыёш* (м) ‘brioche’ (f)).

Фонетические особенности французских заимствований нашли свое отражение и в орфографии. Из этого следует, что, придя в белорусский язык, ассимилируясь, французские заимствования меняли свое написание, исходя из норм белорусского произношения. Например, в слове *croissant* сочетание *oi* заменилось на *уа*, двойные согласные *ss*, которые читаются как одна, заменились на *с*, а также происходит опущение непроизносимой *t* на конце слова, в результате всех этих изменений мы получили слово *круасан*.

Также следует отметить, что в ходе ассимиляции ударение на последний слог сохраняется. В связи с этим [au], [о], [ô], которые произносятся как [о], переходят в [а] в безударном положении.

В лексической ассимиляции различают: 1) заимствование названия и предмета (слова типа *амлет* ‘omlette’, в которых важны одновременно и предмет, и слово под своей первоначальной формой), 2) заимствование названия без предмета (*грыльяж* ‘grillage’).

Данные заимствования соотносятся по следующим лексико-тематическим группам (ЛТГ): ЛТГ результата приготовления (наименования блюд) (*эклер* (м) ‘éclair’ (m)); ЛТГ наименования продуктов (*крэветка* (ж) ‘crevette’ (f)); ЛТГ употребления продуктов (*гурман* (м) ‘gourmand’ (m)); ЛТГ характеристики продуктов (блюд) (*дэлікатес* (м) ‘délicatesse’ (f)); ЛТГ процесса приготовления продуктов (*фрыцюр* (м) ‘friture’ (f)).

Французские заимствования ассимилировали значение по-разному, среди них можно выделить несколько типов:

1) полный перенос значения – *карамель* (м) ‘caramel’ (m);

2) перенос значения по форме – *крушон* (м) ‘освежающий фруктовый напиток’ – ‘cruchon’ (m) ‘кувшинчик’;

3) перенос значения по функции: *грыльяж* (м) ‘сорт конфет с обжаренными орехами и миндалем’ – ‘grillage’ (m) ‘жаренье, обжаривание’;

4) перенос значения по географическому названию: *лафіт* (м) ‘сорт красного виноградного вина’ – *châteauLafitte* ‘замок Лафит’;

5) расширение значения: *вінегрэт* (м) ‘салат из нарезанных овощей, мяса, заправленный уксусом и маслом’ – *vinaigrette* (f) ‘заправка для салата из уксуса, масла и соли’;

6) сужение значения: *шампіньён* (м) ‘вид гриба’ – *champignon* (m) ‘гриб’.

При морфологической ассимиляции происходят изменения, связанные с категориями рода, числа и склонения. Категория рода заимствований зависит от формы слова, которая обусловливает его род в белорусском языке. Имена существительные французского заимствования, которые заканчиваются на непроизносимое *-е* и принадлежат к женскому роду, в ходе ассимиляции становятся мужского рода в белорусском языке: *ракамболь* (м) ‘rocambole’ (f). Французские заимствования, которые оканчиваются на *-ée, -et, -é, -oût, -и* и принадлежат к мужскому или женскому роду, в ходе ассимиляции становятся среднего рода в белорусском языке: *суфле* (ср) ‘souflé’ (m), *пюрэ* (ср) ‘purée’ (f), *рагу* (ср) ‘ragoût’ (m), *філе* (ср) ‘filet’ (m), *меню* (ср) ‘menu’ (m). Стоит отметить, что были выявлены французские заимствования, которые не меняли род в ходе ассимиляции: *фуа-гра* (ж) ‘foie (f) gras’, *сабаён* (м) ‘sabayon’ (m).

В процессе ассимиляции французские заимствования подчиняются нормам категории склонения, принятым в белорусском языке, за исключением слов среднего рода, указанных выше.

Категория числа французских заимствований выражается не так, как в белорусском. В первом случае прибавляется *-s* на конце слов, а во втором – прибавляется *-ы*, *-і* за исключением слов среднего рода и некоторых существительных (*нуга*, *фуа-гра*, *грыльяж*), которые не имеют множественного числа.

В ходе морфологической ассимиляци французские заимствования претерпевают некоторые изменения, чтобы они могли функционировать по грамматическим правилам и нормам белорусского языка. Данные изменения связаны с добавлением окончаний и суффиксов *-к-*, *-ск-*, *-н-*: *крэветка* (ж)

‘crevette’ (f), *катлета* (ж) ‘côtelette’ (f), *шарлотка* (ж)‘charlotte’ (f), *далікатны* (м) ‘délicat’, *шампанскае* (ср) ‘Champagne’ (m). Например, существительное *крэветка* вошло в белорусский язык, сохранив исходную морфему французского слова *crevette*, к которой добавились суффикс *к*, окончание *а*, а также заменились *с* на *к* и мягкая *е* на э в связи с затверделой буквой *р* в белорусском языке. Исследование показало, что выявленные заимствования подразделяются на кальки (54,24 %) и собственно заимствованные (30,51 %), полностью ассимилированные (79,66 %) и частично ассимилированные (20,34 %). Частично ассимилированные не адаптировались грамматически. Полностью ассимилированные слова подверглись графической, фонетической, морфологической и семантической адаптации и всецело соответствуют системе норм и законов в белорусском языке. Лексические особенности заимствований связаны с тем, что они ассимилировали значение по-разному: полный перенос значения (84,75 %), перенос значения по форме (6,78 %), функции (3,39 %), по географическому названию (1,69 %), расширение (1,69 %) и сужение (1,69 %) значения. Грамматические особенности ассимиляции связаны с категориями рода, числа и склонения. Графические и фонетические особенности ассимиляции заимствований связаны с тем, что французский и белорусский являются неродственными языками и отличаются фонетическим и графическим строем.

О. С. Рыбчинская

РЕАЛИЗАЦИЯ КАТЕГОРИИ ИНТЕРРОГАТИВНОСТИ И СРЕДСТВА ЕЕ ВОПЛОЩЕНИЯ ВО ФРАНЦУЗСКОЙ АНАЛИТИЧЕСКОЙ СТАТЬЕ

Интеррогативность представляет собой одну из базовых языковых категорий, которой посвящено огромное количество научных трудов. В процессе реализации речевого действия коммуникативный аспект интеррогативности может проявляться как запрос информации (категориальное значение) либо полностью или частично нейтрализоваться. В этом случае реализуются значения других категорий.

Представляет большой интерес реализация с помощью вопросительного высказывания широкого спектра речевых интенций, используемых журналистами во французских аналитических статьях, обращенных к актуальным повседневным проблемам. В них анализируется положение дел в определенной отрасли, ставится задача вынести на суд общественности обсуждение ситуации и, возможно, внести какие-то конструктивные предложения.

Среди целого ряда техник, используемых журналистами для формирования надлежащего общественного мнения, вопросительные высказывания являются очень мощным средством манипуляции массовым сознанием. Понимание специфики функционирования вопросительных высказываний позволяет журналисту целенаправленно воздействовать на читателя, ориентирует его на дальнейшие самостоятельные размышления, подводит его к собственному умозаключению.

Исследование практического материала показало, что в аналитических статьях французских изданий встречаются вопросительные высказывания различных структурных типов. Среди *общих вопросов* преобладают вопросы с инвертированным порядком слов. Автор, высказывая предположение в отношении действий третьего лица, как бы подталкивает читателя к размышлению, к собственным выводам:

Libre comme il l'est désormais, ira-t-il au bout de ses idées ? Osera-t-il sacrifier le respect, le prestige, voire l'admiration dont il bénéficie en ce début de mandat ? (Le Point, № 2336, 15–21.06.2017);

Le nouveau président sera-t-il l'exception ? (Le Point, № 2332 18.05.2017);

Mais, après avoir pris possession de l'Elysée, l'heureux élu saura-t-il gouverner, déléguer, rassembler? (Le Point, № 2332, 18.05.2017).

От того, находятся ли *риторические вопросы* такой структуры в начале/середине/конце публицистического текста, имеют ли комментарий, ответ самого автора, меняется и их прагматическое значение: от более частотного выражения речевой интенции предположения с высокой долей сомнения автора до аргументированной констатации. Ср.:

Aura-t-il vraiment gagné pour autant ? Loin de là… Car contrairement à ses rivaux, le plus dur sera pour lui de bâtir une majorité solide et cohérente (L'Observateur, № 2734, 30.03.–05.04.2017).

Характерной синтаксической структурой для аналитической статьи является и инвертированные вопросительные высказывания с *репризой подлежащего*. В этом случае смысловой центр высказывания выходит на первый план и служит центром акцентуации вопросительного характера высказывания:

«L'alignement des planètes politiques qui a rendu possible l'élection d'Emmanuel Macron se prolongera-t-il en matière économique ? (L'Observateur, № 2743, 01–07.06.2017).

Инверсия *est-ce* и конструкция *est-ce que* в аналитической статье придают вопросительному высказыванию восклицательный характер и выражают дополнительные негативные оттенки возмущения и негодования:

Est-ce à dire que Macron est l'héritier des « réconciliateurs », «ni de droite ni de gauche», de ces centristes dont l'histoire est un échec perpétuel? (L'Observateur, № 2741, 18–24.05.2017).

Est-ce qu'on protégera mieux nos concitoyens le jour où l'on fermera les frontières nationales? Non (Paris Match, 01.05.2017).

Особый стилистический характер имеет и такая синтаксическая организация высказывания, как *неполный вопрос*:

Défiance à l'égard de la politique ? Institutions à bout de souffle ? (L'Observateur, № 2713 du 3 au 09.11.2016);

Les lois sociales ? C'est avec elles que les syndicats ont pratiqué le socialisme et la social-démocratie. La laïcité ? Je rappelle que c'est le combat de la République. La collaboration avec la droite ? (L'Observateur, № 2741, 18–24.05.2017).

Такие сегментированные синтаксические построения – имя существительное со знаком вопроса – придают повышенную апеллятивность высказыванию и направлены на поддержание интереса адресата к сообщаемой информации.

Вопросительные высказывания, содержащие вопросительное слово *comment + (ne pas)* infinitif, *pourquoi + (ne pas)* infinitif, несут высокую эмотивную нагрузку. Уровень интенсивности воздействия на адресата подразумевает ожидание реализации некоторого коммуникативного задания: имплицитного побуждения к размышлению или к тому, что необходимо предпринять какие-то шаги, побуждения к какому-либо действию. Ср.:

De son côté, le père Rafik, porte-parole de l'église catholique en Egypte, déplore que «les terroristes parviennent à rentrer dans nos églises et à y placer des bombes». «Cela veut dire qu'il y a une grave faille dans la sécurité. L'Etat a évidemment un problème pour protéger ses citoyens et surtout les chrétiens mais, en même temps, comment empêcher de pareilles choses quand on n'y parvient pas non plus en Europe ? (Attentat, 09.04.l 2017).

«*Pourquoi ne pas avoir l'honnêteté de publier les grilles de salaires ?* (Evènement, № 681, 20–26.11.1997).

Наибольший эффект экспрессии в аналитической статье задает повтор однотипных синтаксических конструкций с вопросительным словом: наречием, местоимением или прилагательным. Серия частновопросительных высказываний является стилистическим средством интенсификации воздействующей силы высказывания. Каждый последующий вопрос семантически уточняет или обосновывает первый. Таким образом создаются отношения включенности.

Comment repenser notre modèle social à l'heure des robots et de l'intelligence artifitielle ? Comment faire face à une croissance économique qui est bien moins inclusive que par le passé ? (L'Observateur, № 2736, 13–19.04.2017).

Исключительное многообразие структурных типов вопросительных высказываний во французских аналитических статьях делает дискуссионным целый ряд вопросов, связанных с их употреблением, а именно: роль вопросительности в публицистическом тексте, психолингвистические аспекты интеррогативности и программирования личности, эффективность постановки вопросов как способа убедительной аргументации и усиления информационной и воздействующей ценности публицистического текста.

С. С. Сарвилина

РЕАЛИЗАЦИЯ СПОСОБОВ КОСВЕННОГО ВОЗДЕЙСТВИЯ ВО ФРАНКОЯЗЫЧНОМ РЕКЛАМНОМ ДИСКУРСЕ

Рекламный дискурс (РД) выполняет функцию воздействия на потенциального потребителя через привлечение внимания, убеждение в необходимости приобретения рекламируемого объекта, возбуждение определенных

эмоций. Прагматическая направленность РД, его конкретная установка на получателя определяет не только отбор языковых и неязыковых средств, но и способов их подачи и организации.

Наибольший интерес представляет, на наш взгляд, соотношение вербально выраженной информации и информации, оставшейся за пределами текста. Именно в выборе вербализуемой информации и разворачиваются основные процессы аккомодации рекламы к условиям общения, в которых широко используется стратегия «лингвистической демагогии». Есть разные стратегии достижения успешности – стратегия прямого и экономного выражения своей коммуникативной задачи при условии наличия сотрудничества со стороны адресата (стратегия принципа кооперации) и стратегия установления «добрых» отношений с адресатом и через них передача необходимой для успешной деятельности информации, если степень готовности адресата к сотрудничеству неизвестна (стратегия принципа вежливости). И в том, и в другом случае ведущим является необходимость успешности речевого действия.

Поскольку коммуникативная задача рекламы заключается в возбуждении у адресата, по крайней мере, интереса к рекламируемому объекту, то решение данной задачи во многом зависит от авторитетности автора оценки и доверия к нему адресата. Поэтому в рекламном дискурсе важна идентификация автора оценки.

Несомненно, автор рекламы в действительности является и автором всех оценочных высказываний в ней. Однако для достижения своей коммуникативной цели он может представить оценочные высказывания таким образом, что его авторство оказывается скрытым, авторство оценки приписывается другому лицу.

Оценка может быть дана непосредственно автором рекламы, который стремится в этом случае создать атмосферу прямого контакта с адресатом:

*Quelque chose en **vous** est Dior* (реклама духов марки Dior).

Авторство оценки передается адресату:

*Hydratée en continu, réparée en profondeur, **ma** peau triomphe!* (реклама крема для лица).

Автор рекламного сообщения может предоставить слово производителю рекламируемого объекта:

*Jamais **nous** n'avons créé une formule plus révolutionnaire* (реклама косметической продукции).

Оценка рекламного объекта может быть дана лицом, которое является «экспертом» в данной области. В следующем оценочном компоненте в роли «эксперта» выступает домашняя хозяйка, которая высоко оценивает качество стирального порошка «Dash»:

***Je** n'avais jamais pensé qu'une autre poudre à lessiver arriverait à **m**'étonner … mais ce nouveau Dash **m**'a littéralement stupéfiée!*

В качестве такого «эксперта» могут выступать жюри, СМИ или же весь социум.

Обнаружены три основных варианта представления авторства оценки:

а) автором оценки является автор рекламного сообщения (РС);

б) авторство передается третьему лицу (адресату, жюри, одному из потенциальных потребителей и т.д.);

в) автором оценки является производитель рекламного объекта.

Языковые средства выражения оценки зависят от перечисленных выше позиций автора РС. Наиболее прямыми, «откровенными» являются оценки, подающиеся от имени третьего лица (вариант авторства «б»).

Во всех случаях передачи авторства широко используется описание результата применения рекламируемого объекта. Возможность передачи «авторских прав» составляет специфическую особенность оценочных компонентов в рекламных сообщениях и обеспечивает полифонию РД.

С. Н. Панкратова

ПОРТРЕТНОЕ ОПИСАНИЕ В ХУДОЖЕСТВЕННОМ ТЕКСТЕ ФРАНЦУЗСКОГО ЯЗЫКА: ПРАГМАТИЧЕСКИЙ АСПЕКТ

Язык представляет собой сложное многогранное явление. Между языком и реальной действительностью лежит область интеллектуальной и психической деятельности людей, которая накладывает отпечаток на языковую систему: реализация семантики единиц языка связана с фактором говорящего субъекта. Именно говорящий субъект, связывая знания, язык и мир существующих предметов (лиц), одновременно передает отражение мира в своем сознании.

Содержательная сторона языкового знака состоит из денотативно-сигнификативного, системного и прагматического аспектов. Прагматический аспект является важной составляющей языковых средств конкретного описания в художественном тексте. В первую очередь, это лексика, описывающая внешний облик человека.

• Черты лица, части тела, позы, мимика, жесты, возраст и т.д. Ср.: *Les lèvres de la jeune femme esquissaient* ***un sourire mystérieux****, et* ***ses yeux mordorés,*** *ressemblaient à ceux d'un félin* (P. Claudel).

• Одежда и ее атрибуты: *Sa jupe s'épanouissait* ***en volants vaporeux*** *à la hauteurs des genoux* (M. Cardinal).

• Цветообозначения: *C'était lui! ... les nerfs plus tendus, les prunelles plus fixes que jamais. Sa barbe avait poussé,* ***roussâtre*** (G. Simenon).

Во французском языке основная роль в описании персонажей принадлежит именам прилагательным. В большинстве случаев мы сталкиваемся с расширением объема содержательной стороны языковой единицы за счет «наслоения» дополнительной информации, определяющейся мировоззрением, культурно-историческим опытом и знаниями говорящего. Ср.: *Elle avait de jolis yeux, vous savez, la vipère ...* ***des yeux de topaze*** (G. Flaubert).

Довольно часто национальные особенности речи накладывают свой отпечаток на способ портретного описания. Французские авторы уделяют очень большое значение описанию глаз, взглядов, голоса: *Elle a* ***les plus beaux yeux du monde.*** *... Je les regardais jusqu'à être fasciné par eux...* (M. Cardinal).

Выбор того или иного языкового знака для портретного описания персонажа осуществляется субъектом, и поэтому содержание языковой единицы часто несет информацию личностного характера: *Le ton de* ***sa voix*** *était si tendre, si* ***convaincu*** *que Pierre comprit qu'elle aurait été malheureuse* (P. Claudel).

В пределах прагматики стилистический компонент противостоит эмоциональному, оценочному и экспрессивному; стилистический компонент характеризует *условия* общения, в то время как остальные компоненты – определенное *отношение* говорящего к персонажу. Они несут дополнительную информацию по отношению к референту и образуют прагматическое содержание языкового знака. Прагматический компонент портретного описания служит не только средством выражения чувств говорящего, но и воздействует на чувства слушающего с целью создания у него определенного впечатления о персонаже литературного произведения.

Круглый стол
«ЭКСТРАЛИНГВИСТИЧЕСКИЕ И СОБСТВЕННО ЯЗЫКОВЫЕ ИСТОЧНИКИ ПОПОЛНЕНИЯ СЛОВАРНОГО СОСТАВА РОМАНСКИХ ЯЗЫКОВ»

Е. А. Булат, А. Лерман

ОСОБЕННОСТИ ПЕРЕВОДА ЗАГОЛОВКОВ ТЕКСТОВ СМИ С КОМПОНЕНТОМ-ФРАЗЕОЛОГИЗМОМ (РУССКИЙ, АНГЛИЙСКИЙ, ИСПАНСКИЙ ЯЗЫКИ)

При исследовании публицистического дискурса в сопоставительном плане анализ функционирования ФЕ в периодической печати позволяет утверждать, что фразеологизмы достаточно широко представлены в заголовках текстов СМИ. На наш взгляд, это связано с тем, что в настоящее время газеты стараются избавиться от «книжности» повествования и придать ему экспрессивную окраску с помощью различных изобразительно-выразительных элементов, в том числе и разговорных. Оптимальным вариантом для реализации важного конструктивного принципа языка газеты – сочетания стандарта и экспрессии – являются фразеологические обороты. Они повышают выразительность, образность изложения и в то же время выполняют «стандартную» функцию, выступая в качестве готовых речевых образцов. Обладая комплексом функционально-стилистических качеств, фразеологизмы широко используются в различных жанрах.

Заголовочное место представляет собой наиболее сильную и акцентированную позицию, так как знакомство читателя с текстом начинается именно с заголовка. В настоящее время, в условиях информационного рынка, жесткой конкуренции, борьбы за внимание читателя, СМИ стремятся преподнести информацию в наиболее яркой и запоминающейся форме. Заголовок является своего рода языковой игрой, интеллектуальной разминкой, привлекающей внимание читателей и, в этой связи, подразумевающей под собой широкое использование фразеологического материала.

Использование фразеологизма позволяет емко и кратко сформулировать основную тему публикации, выразить отношение автора, реализовать оценку. Так, в заголовке *Democrats are* ***playing with fire*** *on Russia* (The Hill) используется фразеологическая единица *to play fire with smb,* которая имеет значение «поступать неосмотрительно, крайне неосторожно». Указанный фразеологизм в приведенном заголовке реализует оценку автора проводимого демократами курса политики в отношении России.

Фразеологизм *down and out* ‘оказаться в безнадежном положении’ в примере ***Down and out*** *in Crimea* (Open Democracy) используется автором публикации для описания бедственного положения, в котором оказались рядовые граждане после присоединения Крыма к России. Значение выделенного фразеологизма в составе заголовка поддерживается текстом публи-

кации, в которой автор приходит к выводу о том, что надежды крымчан на повышение уровня жизни не оправдались. Наоборот, утверждает автор, люди стали жить хуже.

В заголовке *Trump* ***Gives*** *Ukraine* ***Cold Shoulder*** *in New York* (Foreign Policy) фразеологизм *to give cold shoulder* ‘оказать холодный прием; обойтись холодно’ используется автором публикации для характеристики отношений, которые президент Дональд Трамп продемонстрировал официальной делегации Украины во главе с президентом П. Порошенко на встрече в Нью-Йорке. Данный фразеологизм позволил в емкой форме передать суть отношений между двумя политическими лидерами.

Фразеологизм *mirar de reojo* ‘смотреть искоса’ в заголовке: *El Barcelona visita al colista* ***mirando de reojo*** *al Chelsea* (ABC) используется автором статьи с целью передачи духа соперничества между двумя ведущими командами Ла Лиги и Английской премьер-лиги, Барселоной и Челси. Так, автор подчеркивает, что игроки максимально напряжены и испытывают долю сомнения относительно исхода матча.

В заголовке *Bruselas* ***da*** *por fin* ***luz verde*** *a la venta de Novo Banco* (ABC) фразеологизм *dar la luz verde* (дать зеленый свет) используется, чтобы подчеркнуть долгожданный и благоприятный исход в деле о продаже Нового банка (Португалия). В данном заголовке приведенный фразеологизм отражает положительную оценку автора, который утверждает, что такой поворот событий позитивно скажется на экономике Португалии.

Фразеологизм *tirar la primera piedra* (бросать камень первым) в заголовке *Trump* ***tira la primera piedra*** *de una guerra comercial global* (ABC) используется автором публикации для характеристики решительных действий Дональда Трампа, введение им импортных тарифов на сталь и алюминий вызвало бурные обсуждения со стороны общественности и едва не спровоцировали глобальный конфликт.

Следует отметить, что в корпусе проанализированного материала представлены фразеологические единицы как в узуальной, так и в окказиональной форме. Как отмечают исследователи, окказиональная фразеологическая номинация служит инструментом для актуализации всего объема релевантной (лингвистической и экстралингвистической) информации, а также для повышения экспрессивности всего высказывания. Интегрирующая сила окказиональной фразеологической номинации заключается в том, что окказиональный фразеологизм, как правило, становится смысловым центром текста. Приведенные выше примеры использования фразеологизмов представляют собой случаи узуального их употребления.

Примером окказионального использования фразеологизма в корпусе проанализированного материала может выступать заголовок ***Then and now****: Donald Trump's biggest reversals* (CNN). В приведенном примере употреблен окказиональный вариант фразеологизма *now and then*, который представляет собой изменение порядка компонентов фразеологической единицы. За счет использованной трансформации автор публикации актуализирует оценку действий Дональда Трампа с темпоральной точки зрения.

Еще одним примером употребления окказиональных фразеологизмов служит заголовок *Fernando Gago, más* ***allá que acá*** (ABC), в котором автор прибегает к изменению порядка компонентов во фразеологизме *acá y allá*, что позволяет читателю взглянуть на ситуацию с территориальной точки зрения.

Итак, анализ корпуса фактического материала свидетельствует о том, что фразеологизмы играют важную роль при построении ярких, броских заголовков, а их образность и метафоричность привлекают внимание аудитории и оказывают на нее сильное эмоциональное воздействие.

Л. А. Грачева, Е. Савило

ФРАЗЕОЛОГИЧЕСКИЕ ЕДИНИЦЫ С НУМЕРАТИВНЫМ КОМПОНЕНТОМ *DEUX/TWO*

В последние годы в связи с интенсификацией межкультурных контактов особую актуальность приобретают сопоставительные исследования в области фразеологии, т.к. фразеологические единицы являются важным средством переработки и хранения культурной информации о человеке и мире. Несмотря на то, что фразеологические системы разных языков отражают разные картины мира, наблюдаются не только различия, но и сходства этих систем. Это относится и к нумеративным фразеологическим единицам, в которых отражается своеобразие и сходство числовой культуры разных народов. Выявление общих черт и различий, характерных для фразеологических единиц с нумеративным компонентом во французском и английском языках, не только углубляет знание фразеологических систем данных языков, но и способствует более успешной коммуникации представителей разных лингвокультур.

В нумеративных фразеологизмах французского и английского языков число два является одним из наиболее часто используемых. Ему приписывают разные свойства: двойственность, чередование, различие, конфликт. Число два символизирует собой две части одного целого, две абсолютно идентичные единицы, а также две противоположности.

В английской и французской лингвокультурах в составе фразеологических единиц нумеративный компонент *deux/two* часто используется для реализации значения неопределенно-малого количества: фр. *à deux pas*, англ. *in two steps* ‘в двух шагах, совсем близко’. Значение ‘мало’ нумеративный компонент *deux/two* приобретает также в составе фразеологических единиц: фр. *deux fois rien* ‘такой пустяк!’ *se crever pour gagner deux fois rien* ‘надрываться за гроши’, англ. *for two pins – for a pin* ‘по мелочи’.

Значение двойственности, отсутствия единства нумеративный компонент *two/deux* реализует в составе фразеологических единиц: англ. *to be in two minds* ‘быть в нерешительности (иметь двойственное отношение)’; *he who chases two hares catches neither* ‘за двумя зайцами погонишься, ни одного не поймаешь’. При этом следует отметить, что часто во фразеологизмах

французского языка числительные *deux* ‘два’ и *trois* ‘три’ взаимозаменяют друг друга. Ср. *chasser* (или *courir, poursuivre*) *deux (trois) lièvres à la fois* (досл. ‘охотиться (бежать) за двумя (тремя) зайцами одновременно’). Так говорят о человеке, который стремится к достижению нескольких целей одновременно и терпит при этом неудачу.

Нумеративный компонент может обладать как отрицательной, так и положительной коннотацией, например, превосходство двух над одним. Ср.: фр. *deux avis valent mieux qu’un* (*seul),* англ. *two heads are better than one* ‘ум хорошо, а два лучше’.

Число два ассоциируется с двумя сторонами одного и того же: *baton à deux bouts* ‘палка о двух концах’, в английском языке частичным эквивалентом данной фразеологической единицы является *two-edged sword* ‘обоюдоострый меч’.

Два символизирует и две части одного целого. О людях которые хорошо подходят друг другу, можно сказать: фр. *les deux font la pair* англ. *both make the pair* ‘два сапога пара’.

Для описания ситуации конфликта, когда опасность или неприятность угрожают с двух сторон, во французском языке используется фразеологическая единица *entre deux feux* ‘между двух огней’, которой соответствует полный эквивалент в английском языке *between two fires.* Конфликтность ситуации, вызванная противоборством интересов, отражается, например, в использовании фразеологизма: фр. *s’acharner sur qch comme deux chien sur un os* ‘грызться из-за чего-либо, как две собаки из-за кости’.

Переосмысление числительного во фразеологической единице влияет на семантическую модификацию, происходит потеря прямого количественного значения, и фразеологическая единица используется для качественной оценки: англ. *as clear as two and two makes four,* фр. *clair comme un jour blanc* ‘ясно как белый день’. Ср. также: фр. *à la six-quatre-deux* ‘наспех, поспешно’, ‘кое-как, через пень-колоду’.

Количественный признак может лежать в основе характеристики человека и его действий. При этом проявляются особенности восприятия реальности представителями разных лингвокультур. Например, русскому фразеологизму *от горшка два вершка* во французском языке соответствуют фразеологические единицы *haut comme trois pommes* ‘высокий как три яблока’, в английском – *knee high to a grasshopper* ‘чуть выше кузнечика’. Ср. также: фр. *deux femmes font un plaid, trois un grand caquet, quatre un plein marché* ‘три бабы базар, а четыре – ярмарка’.

Следует отметить возможность при переводе замены одного числительного в составе фразеологических единиц другим, например, числительного *two* на *quatre*: англ. *in two shakes* и фр. *quatre à quatre* ‘кое-как’.

Числовой компонент может заменяться другими количественными словами. Например, в английском языке, наряду с фразеологизмом *to make two ends meet* ‘сводить концы с концами’, используется фразеологическая единица *to make both ends meet.* Во французском языке существует вариант *joindre (nouer) les deux bouts*.

Числительные могут также заменяться словами, не имеющими количественного значения. Например, англ. *saying and doing are two (different) things* ‘сказать и сделать – разные вещи’.

Нумеративный компонент может вообще опускаться, при этом содержание не меняется: фр. *comme (deux) gouttes d'eau* ‘одинаковые как две капли воды’. Данной фразеологической единице соответствует частичный эквивалент в английском языке *like as (two) peas*, досл. ‘одинаковые как две горошины’. Ср. также: фр. *grand comme la main (*или *deux mains)* ‘совсем небольшой, крошечный’.

Таким образом, фразеологизмы с нумеративным компонентом *deux/two* широко представлены в языках сравнения. Переосмысление числового компонента в составе фразеологизма может привести к потере его прямого количественного значения. В составе фразеологических единиц нумеративный компонент *deux/two* может обладать как положительными (значения превосходства над одним, совместимости), так и отрицательными (значения несовместимости, противоположности, двойственности) коннотациями. Фразеологизмы с данным компонентом манифестируют, как правило, отрицательную оценку поведения субъекта. Оценочность фразеологизмов данной группы объясняется, прежде всего, символикой числа *deux/two*, которое в языке часто реализует значение несовместимости, недостаточности или соперничества. Особенности восприятия реальности представителями разных лингвокультур часто проявляются в несовпадениях употребления языковых единиц: в отдельных случаях происходит замена числительных, а также наблюдается опущение нумеративного компонента, при сохранении смысла сообщения.

А. М. Дудина

ПРАГМАТИЧЕСКИЙ АСПЕКТ АББРЕВИАЦИИ В ТЕКСТАХ СОВРЕМЕННЫХ СМИ

Французский язык обладает сложной системой словообразовательных средств, в которой задействованы все уровни языка – фонетический, морфемный, семантический и синтаксический. Особый интерес вызывают аббревиатуры, которые не остаются на периферии языка, а широко используются в повседневной жизни, в сфере политики, экономики, науки, спорта и т.д., отражая свойственную языку тенденцию к экономии языковых средств.

Среди аббревиатур принято различать сокращение слов путем усечения (*troncation*), словослияния (*télescopage*) и сокращения словосочетаний (*siglaison*). Именно последние являются объектом нашего исследования.

Сокращение словосочетаний происходило еще в латинском языке (*PS – post scriptum, NB – nota bene*) В последние десятилетия данный способ образования новых слов получил широкое распространение, что связывается как с общей тенденцией к «экономии усилий», так и с данью моде. Словообразовательными принято считать лексические сокращения, при

которых из словосочетания создается новая лексическая единица – сложносокращенное инициальное слово (*single*): *BCE* (Banque Centrale Européenne), *CEE* (Conseil Économique Européen), *GAN* (Groupe des Assurances Nationales), *HLM* (Habitation à loyer modéré), *ONU* (Organisation des Nations Unies), *SIDA* (Syndrome d'Immunodéficit approprié). В зависимости от фонемного состава (наличия или отсутствия гласных в середине слова, соответствия или несоответствия полученного слова французским словам по форме) инициальные сокращения подразделяются на *альфабетизмы* (или *буквенные аббревиатуры*), когда каждая буква читается как в алфавите (*PTT* [petete]), и *звуковые аббревиатуры*, которые произносятся как обычные слова: *OTAN, SMIC, CAPES, ENA, OVNI, SIDA.*

Среди инициальных сокращений много заимствований из английского языка (*UNESCO* – United Nations Educational Scientific and Cultural Organization, *GARP* – Global Atmospheric Research Programm, *GCOS* – Global Climate Observing System). В отличие от усеченных слов инициальные слова стилистически нейтральны и принадлежат преимущественно к политической, экономической, военной, научной и др. терминологии (*BCDPC* – Bureau des nations unies pour le Contrôle des Drogues et la Prévention du Crime, *RFA* – République Fédérale d'Allemagne, *OTAN* – Organisation du Traité de l'Atlantique Nord*, PDG – président-directeur général*).

В этой связи интерес представляет использование аббревиатур в языке средств массовой информации, и, прежде всего, языке прессы, который характеризуется жанровым разнообразием, яркостью, динамичностью, является своеобразной «питательной средой» для различного рода новообразований, в том числе инициальных сокращений. Одна из основных целей прессы – «как можно быстрее, в компактной и в то же время выразительной и яркой форме донести до читателя свежую информацию, умелым использованием языковых, графических и изобразительных средств вызывая "запланированную" реакцию на нее. В силу этого язык газеты отличается наибольшей восприимчивостью к различным языковым инновациям» (Е. Н. Чекалина).

В наши дни газета и журнал – самые чуткие регистраторы новых слов, значений, словосочетаний. Они значительно быстрее всех других жанров письменной речи отражают сдвиги, которые происходят во всех сферах жизни общества, и в большинстве случаев являются первыми письменными источниками, фиксирующими появление новых слов, значений и выражений, претендующих на вхождение в общеупотребительную лексику. Отсюда повышенное увлечение языковой экзотикой, словами молодежного сленга, созданием новых приемов выражения, в том числе различного рода сокращений.

Так, аббревиатуры широко представлены в статьях на медицинскую тематику, например: *En 2014, 17 millions de Français disaient avoir déjà pris du cannabis dans leur vie et 700 000 en consommeraient quotidiennement, selon l'OFDT (Observatoire Français des Drogues et des Toxicomanies) /France soir,*

06.10.2017/; *La Haute Autorité de santé dévoile, ce matin, les résultats de l'enquête de satisfaction menée entre novembre 2016 et 2017 auprès des patients hospitalisés plus de 48 heures en « médecine, chirurgie, obstétrique » ... Grâce à ces informations, la HAS a calculé une note de satisfaction pour 643 établissements de santé différents /Le Point, 19.12. 2017/*; *Portant sur les dossiers médicaux de plus de 140 000 jeunes âgés de 3 à 18 ans, elle a analysé l'évolution de leur indice de masse corporelle (IMC) et du nombre de prescriptions d'antibiotiques entre 2001 et 2012 /Science et vie, 25.10.2017/.*

Анализ показал, что в медицинском дискурсе наиболее используемым типом аббревиации является именно сокращение словосочетаний (около 70 %). Широко используются сокращения общеизвестных названий болезней, медицинских учреждений, медицинских профессий, диагнозов и анализов. В научно-популярных печатных изданиях частое использование аббревиатур в статьях на медицинскую тематику связано с тем, что автор не ставит своей целью оказать непосредственную медицинскую помощь читателям, дать квалифицированную консультацию, а лишь знакомит их с последними достижениями и открытиями в области медицины и поэтому использует общепринятые и знакомые всем сокращенные названия. В специализированных медицинских изданиях такие термины встречаются еще чаще, поскольку они ориентированы на подготовленного читателя.

Активно используются аббревиатуры и в спортивном дискурсе. Несмотря на несколько несерьезное отношение к спортивным событиям некоторых СМИ в последнее время все более заметен рост влияния зрелищных спортивных мероприятий и, соответственно, спортивных рубрик на доходы печатных изданий. Этому способствует профессионализация спорта и экспансия «инфотейнмента» (своеобразной смеси информации и развлечений), а также постоянное развитие олимпийского и спортивного движения в мире, растущий интерес людей к здоровому образу жизни, разработка национальных программ, нацеленных на пропаганду физкультуры и спорта. Спортивный дискурс представляет собой сложное многофункциональное образование, включающее в себя такие типы дискурса, как педагогический (в общении «спортсмен – тренер»), юридический (в вопросах правил и нарушений в спортивных состязаниях), политический (в крупных соревнованиях международного уровня), медицинский (в рамках подготовки спортсменов к соревнованиям и оказания им необходимой медицинской помощи), массово-информационный и рекламный (О. А. Панкратова).

Обратимся к примерам: *Comme redouté, Scariolo envoyait d`emblée du lourd avec les frères Gasol, Rubio et Abrines soit quatre joueurs de NBA (National Basketball Association) /L`avenir, 24.12.2017/; L'expulsion de Carvajal a fini d'achever ce Real (FC Le Real Madrid), qui va désormais se concentrer sur la Ligue des champions et la double-confrontation face au PSG (Paris Saint-Germain Football Club) en février et mars prochain /там же/*; *Volkswagen, quadruple champion du monde des constructeurs, va quitter le WRC (World Rally Championship) à la fin de la saison 2016, selon le site britannique Autosport /Le*

Point, 02.11.2017/; *Votre rapport montre que près de six cents joueurs mineurs expatriés ont été recensés en octobre 2016 dans 31 ligues de première division de pays membres de l'UEFA (L'Union des associations européennes de football) /L'Humanité, 26.12.2016/.* Анализ показал, что в спортивном дискурсе в равной степени используются сокращения словосочетаний и усечения (около 40 % случаев на каждый из указанных приемов); словослияния используются в два раза реже. В основном, и это подтверждают приведенные выше примеры, встречаются сокращения названий спортивных ассоциаций, чемпионатов, игровых клубов, причем подавляющее большинство из них заимствованы из английского языка и общеизвестны (*NBA, UEFA, F1* и т.д.). Авторы часто используют их с целью привлечь внимание читателя к статье, ведь, заметив знакомые аббревиатуры, читатель никогда не оставит ее непрочитанной. Тем самым, использование аббревиаций – это отличное средство для краткого изложения объемного материала, которое позволяет, не теряя информации, выразить основную мысль автора.

Проведенный анализ показывает, что аббревиатуры широко используются в языке СМИ, в частности, в медицинском и спортивном дискурсах. Это согласуется со свойственной языку тенденцией к экономии языковых средств и усилий. Наиболее распространенными являются сокращения словосочетаний. Сокращению, как правило, подвергаются всемирно известные названия (спортивных организаций и клубов, организаций здравоохранения, названий заболеваний и др.). В отдельных случаях, когда у читающего нет возможности понять смысл сокращений из контекста или аббревиатура является редко употребляемой, автор статьи дает расшифровку в скобках сразу после аббревиатуры. Во французской прессе часто используются и аббревиатуры, заимствованные из английского языка, которые могут рассматриваться как дань моде.

О. В. Захарчук

СРЕДСТВА ВЫРАЖЕНИЯ КОМИЧЕСКОГО В СОВРЕМЕННОЙ ФРАНЦУЗСКОЙ ЛИТЕРАТУРЕ
(на материале произведений Катрин Панколь)

Творчество популярной французской писательницы Катрин Панколь, автора трилогии « Les yeux jaunes des crocodiles », ставшей бестселлером, находит неоднозначный прием среди литературных критиков – тон рецензий варьируется от восторженного до насмешливого. Несомненным достоинством романов данного автора рецензенты считают современность стиля и персонажей, прекрасно отражающих свое время. В то же время писательницу часто критикуют за выбор преимущественно «легких» тем и сюжетов, позволяющих трактовать ее произведения не иначе, как одноразовые «пляжные романы». Тем не менее, произведения К. Панколь вызывают интерес литературоведов необычностью формы (некоторые романы трудно

отнести к какому-либо одному жанру) и привлекают кинорежиссеров (по первому тому вышеупомянутой трилогии был снят одноименный фильм « Les yeux jaunes des crocodiles », 2014).

Второй том трилогии, « La valse lente des tortues » также интересен для исследователя (как литературоведа, так и лингвиста) в связи с указанными выше особенностями – необычной формой (роман совмещает в себе черты детектива и психологического романа), современностью стиля и персонажей, каждый из которых обладает собственным идиолектом, визитной карточкой которого является, в частности, преимущественно используемый и узнаваемый тип комического дискурса.

По ходу развития сюжета романа, который читается как детективная история (в мирную жизнь жителей респектабельного района (Passy) вторгается безжалостный серийный убийца, выбирающий своих жертв по понятной лишь ему логике и не оставляющий улик), читатель встречает уже знакомых по первому тому трилогии персонажей, характеры которых претерпевают постоянные изменения в связи с в внешними обстоятельствами и взаимоотношениями между ними. В фокусе внимания оказывается не детективный сюжет, как можно было бы ожидать, а психология персонажей: их реакции на события и поступки других персонажей, изменение внутренних установок в связи с меняющейся реальностью и т.д.

Неотъемлемой частью рефлексии героев над жизнью, другими людьми и самими собой является юмор (в широком смысле), помогающий им иногда примириться, а иногда и бороться с реальностью, оказывая ей пассивное сопротивление. Под юмором в широком смысле здесь понимается комический дискурс, способный принимать разнообразные формы (юмористический, иронический, саркастический, сатирический дискурс и т.д.) и встраиваться в иные виды дискурса. В этой связи показателен анализ дискурса персонажей романа, в котором можно выделить (наряду с универсальными чертами) уникальные для каждого героя особенности комического дискурса, отражающие его характер.

В центре сюжета романа – перипетии жизни и внутреннего мира нескольких персонажей, в частности, Жозефины (37 лет, исследовательница французского средневековья (XII век), автор бестселлера на тему жизни женщин в средневековье, талантливая, но скромная и неуверенная в себе, вдова, мать двух дочерей), Ортанс (старшая дочь Жозефины, красавица, подающий надежды модельер, полная противоположность матери по характеру – амбициозная, самоуверенная, заносчивая, эгоцентричная), Гари (лучший друг Ортанс, давно влюбленный в нее, увлекается музыкой, умный, самолюбивый, с философским взглядом на мир).

Черты характера указанных персонажей отражаются, как было сказано выше, в предпочитаемом типе комического дискурса. В речи Жозефины преобладают мягкий юмор и самоирония. Например, в следующем диалоге:

— Et j’ai failli être assassinée !

— Assassinée, vous ? Joséphine ? C’est impossible !

Et pourquoi pas ? Je ne ferais pas un beau cadavre, peut-être ? Je n'ai pas la tête de l'emploi ?

Жозефина пытается рассказать своей пассии (Люка́), который не особенно интересуется ее проблемами, о нападении на нее поздно вечером в парке. Серия ироничных риторических вопросов (характерно, что Жозефина не произносит их вслух, риторические вопросы составляют ее внутренний монолог) знаменует переломный момент в отношениях Жозефины и Люка: тот факт, что главная героиня, которая постоянно сомневается в собственной значимости и переживает по малейшему поводу, вдруг начинает отстраненно иронизировать над безразличной реакцией Люка, заставляет читателя почувствовать, что Жозефина больше не идеализирует своего возлюбленного и осознает, что вправе ожидать от него большего участия и интереса.

Речь Ортанс, дочери главной героини, изобилует иронией, нередко доходящей до ее язвительной формы, сарказма. Интересны их диалоги с Гари, в речи которого также преобладает ирония, однако она более тонкая. Обмен репликами между двумя друзьями, тайно влюбленными друг в друга, напоминает словесную дуэль, где противники поочередно одерживают верх:

– Ma chère Hortense, lui avait dit Gary un jour […], ***tu devrais aller te faire psychanalyser, tu es un monstre.***

– ***Parce que je dis ce que je pense?***

– ***Parce que tu oses penser ce que tu penses!***

– […] Ce sont les gens qui se racontent des histoires qui vont s'allonger chez les psy, ***moi, je m'assume. Je m'aime. Je trouve que je suis une fille formidable, belle, intelligente, douée.*** *Pas la peine de faire des efforts pour plaire aux autres.*

– ***C'est bien ce que je disais: tu es un monstre.***

– Je peux te dire un truc, Gary, j'ai tellement vu ma mère se faire entuber que je me suis juré d'entuber le monde entier avant qu'on ne touche à un seul de mes cheveux.

– ***Ta mère est une sainte qui ne mérite pas d'avoir une fille comme toi.***

– ***Une sainte qui m'a fait prendre en horreur la bonté et la charité ! Elle m'a servi de psy à l'envers****: elle m'a confortée dans toutes mes névroses. Je l'en remercie d'ailleurs, ce n'est qu'en s'affirmant différente, résolument différente et débarrassée de tous les bons sentiments, qu'on réussit.*

– On réussit quoi, Hortense ?

– On avance, on ne perd pas de temps, on s'affranchit, on règne, on fait ce qu'on veut en gagnant plein d'argent. Comme Mademoiselle Chanel, je te dis. ***Quand j'aurai réussi, je deviendrai humaine. Ça deviendra un hobby, une occupation délicieuse.***

– Ce sera trop tard. Tu seras seule, sans amis.

– C'est facile pour toi de dire ça. Tu es né avec un service de petites cuillères en or dans la bouche. ***Moi, il me faut ramer, ramer, ramer…***

– ***T'as pas les mains très calleuses pour une rameuse!***

– ***Les cals, je les ai à l'âme.***

– ***Parce que t'as une âme? Ravi de l'apprendre***.

Elle s'était tue, mortifiée.

Данный диалог происходит в период, когда двое молодых людей приезжают из Парижа в Лондон, вступают во взрослую жизнь и оказываются в неравных условиях: Ортанс приходится много трудиться, чтобы чего-то добиться в мире haute couture, в то время как Гари только подумывает о получении музыкального образования и ни в чем не нуждается. Ситуация диаметрально противоположна той, которую читатель мог наблюдать в первом томе трилогии (Ортанс жила на всем готовом, злоупотребляя добротой матери, а Гари вел скромную жизнь и помогал своей матери по хозяйству). Все изменилось, когда выяснилось, что Гари и его мать находятся в родстве с английской королевской семьей. Ирония персонажей здесь строится на повторах – один подхватывает реплику другого, повторяя часть сказанного первым и оборачивая слова оппонента против него же. Чаще к этому приему прибегает Гари, постоянно заставляя Ортанс оправдываться и неявно, а иногда и явно упрекая девушку в недостатке человечности и излишней расчетливости. Ортанс прибегает к ироническому повтору лишь однажды, когда объясняет, почему она стала такой расчетливой при такой доброй и бескорыстной матери. Это важный момент для раскрытия характера героини, которая во втором томе трилогии завоевывает уважение читателя тем, что работает не покладая рук и не сомневаясь в себе, и даже вызывает сочувствие, когда читатель понимает, откуда растут корни излишней прагматичности и толстокожести Ортанс. Последняя реплика Гари, довольно жесткая, глубоко задевает Ортанс (как можно понять из авторской ремарки), и в этот момент читатель понимает, что внутренний мир героини гораздо глубже, тоньше и ранимее, чем она демонстрировала это до сих пор.

Таким образом, комический дискурс в речи персонажей литературного произведения может выступать важным средством создания художественного образа.

И. В. Матюшевская

ЗАИМСТВОВАНИЯ ИЗ ХИНДИ И САНСКРИТА ВО ФРАНЦУЗСКОМ ЯЗЫКЕ

В современную эпоху глобализации происходит постоянный обмен языковыми и культурными элементами, изменяются экономические модели. В наши дни отмечается значительное обогащение словарного состава французского языка, что происходит благодаря стремительному развитию многих сфер человеческой деятельности и заимствованию реалий.

Заимствования являются одним из ответов на потребность номинации, возникающую в результате языковых контактов, а также глобализации. Они позволяют сэкономить языковые усилия, и, кроме того, служат для заполнения номинативных лакун, возникших в данном языке. В ходе истории и по

сей день французский язык заимствовал и продолжает активно заимствовать лексику как из мертвых языков (латинский), так и из различных живых языков, относящихся к отличающимся языковым группам. В разные эпохи заимствования были обусловлены определенным историческим контекстом, характером экономических отношений между французским народом и другими нациями. В основном заимствования осуществлялись из языков одной и той же семьи и, в особенности, ветви.

Несмотря на значительную географическую удаленность, колониальная политика, которую вели Португалия (XVI в.) и Великобритания (XVII в.) в Индии, а также развитие торговли привели к попаданию в английский и португальский языки первых заимствований из хинди, санскрита и других языков (*bungalow* ‘бунгало’, *jungle* ‘джунгли’, *paria* ‘пария’). В отдельную категорию можно выделить блюда местной кухни, которые колонизаторы привезли на родину (*mangue* ‘манго’, *cari* ‘карри’, *garam massala* ‘гарам масала, особая смесь специй’, *aubergine* ‘баклажан’). Таким образом, некоторые из этих лексических единиц, имеющих предметное значение и называющих местные реалии, попали во французский язык через посредников: английский и португальский.

Хотя первые контакты между непосредственно Францией и Индией были установлены в начале XVII в., интерес к индийской культуре и литературе появился на сто лет позже, что ознаменовало собой и возросшую популярность экзотизмов.

В наши дни часть заимствованных слов утратила свой экзотический характер и зачастую не воспринимается самими носителями языка как что-то «импортное».

Однако можно отметить, что в данный момент благодаря росту популярности движения нью-эйдж, увлечению йогой и духовными практиками Востока, в прессе и в интернет-пространстве встречается все больше слов из хинди и санскрита, которые пока не так прочно обосновались в языке и сохраняют свой выраженный иноязычный колорит. Такие лексемы, как *yoga* ‘йога’, *védique* ‘ведический’, *gourou* ‘гуру, лидер’, *mantra* ‘мантра’ – широко используются как в специализированных изданиях, так и в прессе общей направленности, как правило, в прямом значении, перенесенном из языка-источникка.

*Kankanamge organise des retraites axées autour de la méditation, du **yoga** et des massages **ayurvédiques** (Le Monde).*

*Ce film, réalisé par deux Américaines, retrace la vie de Paramahansa Yogananda, célèbre **gourou** qui a largement contribué à diffuser le yoga et la méditation en Occident dans les années 1920 (Yoga Journal).*

Со временем у наиболее употребимых лексических единиц может развиваться переносное значение, например, слово *nirvana* ‘нирвана, состояние освобождения от страданий’, нередко употребляется как синоним слова *блаженство*.

*Les Jeux transportent la Chine dans le **nirvana** diplomatique* (Le Monde).

Следует отметить, что специализированная пресса, пишущая о йоге, использует гораздо большее количество слов из санскрита, не знакомых широкой публике. Это объясняется тем, что санскрит выступает в этом случае как универсальный язык, который позволяет людям в любой точке планеты понять, о какой позиции, многие из которых имеют сложные названия, идет речь. Примечательно, что санскрит здесь осуществляет ту же функцию, которую латынь и греческий выполняли для языка науки. Сложные слова – названия поз – включают в себя корни, обозначающие части тела, благодаря чему становится понятна суть упражнения (*padangustasana* ‘наклон с захватом большого пальца ноги’ включает в себя элементы *pada* ‘нога’, *angusta* ‘большой палец’, *asana* ‘поза’). Многие названия содержат в себе элемент, который называет какое-либо животное или птицу, которыми вдохновлена та или иная позиция (*bakasana* ‘поза журавля’, *matsyasana* ‘поза рыбы’, *vrishchikasana* ‘поза скорпиона’, *ushtrasana* ‘поза верблюда’).

Закономерно, что этот пласт лексики, которую можно назвать специализированной, встречается в тематических изданиях, но даже там часто сопровождается переводом или комментарием.

Rendre votre corps aussi pur qu`un coquillage: voici le sens de cette méthode yogique ancestrale, ***shankha*** *signifiant « coquillage » et* ***prakshalana*** *« laver entièrement ».*

Таким образом, несмотря на малый процент слов, заимствованных из хинди и санскрита, эти языки занимают свою нишу и в XXI в. продолжают пополнять лексический состав французского языка.

В. А. Павловский

УСТНАЯ ФРАНЦУЗСКАЯ РЕЧЬ И ЕЕ ПИСЬМЕННОЕ ОФОРМЛЕНИЕ

Слова известного французского лингвиста Жана Вандриеса, произнесенные в 1933 г. относительно того, что «французы не говорят так, как пишут и не пишут так, как говорят» не потеряли своей актуальности по нынешний день. Речь идет не только об особенностях французской орфографии как таковой. Сложность состоит в том, что графический и произносительный коды французского языка существенно отличаются друг от друга. Они, по сути, представляют собой две разные подсистемы языка, которые практически не взаимосвязаны. Осознание сущности данного явления происходит прежде всего в процессе преподавания французского языка как иностранного. Уже на начальном этапе, в ходе написания простейших диктантов, студенты то и дело задают вопрос «А как это пишется?». Дело в том, что студентам бывает сложно установить существующую логическую связь между графическим оформлением и фонетическим строем французского языка. Даже на старших курсах студенты не в полной мере осваивают звукобуквенные соответствия, существующие исключения, обусловленные исторически, принципы расстановки диакритических знаков и многое другое.

Не следует сбрасывать со счетов наличия во французском языке огромного количества своего рода «омонимических травести», когда фонетически верная языковая единица, будучи представленной в письменной речи, совершенно неприемлема с точки зрения грамматики, типа: joilleux вместо joyeux, plus tôt вместо plutôt, mots вместо maux, c'est вместо ces и т.д. Употребление в устной речи некоторых синтаксических конструкций совершенно несовместимо с нормативными требованиями грамматики. Среди наиболее часто употребительных в устной речи можно выделить следующие: quoi qu'il est tard ; en attendant que vous me dites ; j'irais à Paris si ce serait moins cher ; la lettre que je vous écrit. Французский язык располагает целым пластом лексики, которая в словаре имеет помету *fam*. (familier). Так, в устной речи вместо лексемы camarade используется copain ; вместо travail – boulot ; безличное местоимение ça – вместо ceci или cela ; apéro употребляется вместо нормативной лексемы apéritif. Не вызывают неприятия и выражения типа: ça fait longtemps; je m'en fiche; ça m'donne des boutons. Особо следует отметить склонность устной речи к апокопам, усечению последнего или последних слогов слова, типа: prof, ado, café, télé, math, exam, sécu, promo; к употреблению образных выражений: être bien dans sa peau ; j'en ai ras-l'bol ; j'en ai plein-l(e)'dos. В высшей степени употребительны в устной речи слова, пригодные на все случаи жизни: truc, dingue, machin, bazar, super, génial, sympa... Разговорный язык лояльно относится к употреблению заведомо ошибочных конструкций: c'est qui?; je sais pas qu'est-ce que vous voulez dire; равно как к опущению артиклей, местоимений, глаголов: vacances bientôt!; j'ai dû lui (вместо правильного le lui) expliquer; où c'que j'ai bien pu mettre ma clé? Французский разговорный язык безмерно загромождается словами и оборотами, так называемыми заполнителями: et tout; en fait; tu comprends?; si tu veux; quelque part.

В устной французской речи четко просматривается тенденция к исчезновению первой части отрицания: c'est pas vrai; j'sais pas; t'as pas vu. Одновременно прямой порядок слов при построении вопросительного предложения становится вполне нормальным, о чем свидетельствуют школьные грамматики, в которых предложения типа: on est où?; tu fais quoi?; tu reviens quand? стали сегодня вполне обычным делом. В настоящее время даже учитель старшего возраста не осмеливается делать исправления в подобного рода заданиях своих учеников.

Переход от устной речи к письменной не проходит незамеченным, без дифференциации в манере излагать свои мысли. Устная речь рождается, как правило, в процессе появления высказывания, в то время как письменное оформление мысли всегда требует дополнительных усилий и времени. Устное слово всегда обращено непосредственно к собеседнику или к группе лиц. Письменное же обращение проходит без присутствия адресата. Говорящий имеет возможность подкорректировать себя, подыскать нужное, более подходящее соответствующей ситуации, слово. Так, например, если в ходе разговора вместо *salle de cours* говорящий употребил слово *chambre*, а затем тут же поправил себя, собеседник понимает допущенную оплошность;

подобного же рода ошибка в письменном тексте остаются на длительное время, если не навсегда. Определенный пласт лексики, часто употребляемый в устной речи, остается за рамками письменного текста. Нарушение грамматических норм вполне приемлемо в устной речи. Напротив, письменная речь априори предполагает строгое подчинение правилам грамматики. Несомненно, всегда предпочтительнее иметь дело с собеседником вживую, однако спонтанный характер устной речи часто становится врагом нормы языка.

Таким образом, устная и письменная речь находятся в разных соотношениях как со словарным составом языка, так и с грамматикой. В контексте сказанного выше было бы опрометчивым излишне акцентировать внимание на существовании во французском языке двух относительно независимых языковых пластов (словарного, грамматического, фонетического) отдельно для устной и письменной речи. Логичнее, на наш взгляд, говорить о своих специфических уровнях иерархии внутри каждого из них.

Д. И. Тупик

ОБ ОСОБЕННОСТЯХ СТРУКТУРЫ ЛЕКСИКО-СЕМАНТИЧЕСКОГО ПОЛЯ «ИНФОРМАЦИОННЫЕ ТЕХНОЛОГИИ»
(на материале французского языка)

В последние десятилетия наблюдается возрастающий интерес к изучению специальной лексики отдельных областей знания. Это представляется безусловно оправданным: систематизация и структурирование тематического лексического материала позволяют оценить качество развития отрасли в синхронный момент и создают основу для будущих компаративных и ретроспективных исследований. В компаративном плане важнейшими векторами исследования могут стать факты развития вторичных значений, а также культурно обусловленные семантические преобразования. В отношении ретроспективного анализа отметим, что степень его целесообразности прямо пропорциональна степени динамичности той или иной сферы. Оба направления актуальны для нашего объекта исследования, т.е. области информационных технологий. Материал французского языка в этой лексико-семантической сфере гипотетически имеет особую историю. Это связано с тем, что коммуникационные технологии во Франции стали развиваться в рамках сети *minitel*. За этим зарегистрированным компанией *France Télécom* наименованием (с 1980 г.) была закреплена национальная мультимедийная база данных, которая, однако, как и прогнозировалось, не выдержала всепоглощающей конкуренции с созданной в США глобальной сетью *Internet*. Отсюда и более поздняя адаптация прежнего имени собственного в число нарицательных *internet, n.m.* ‘интернет, имя существительное мужского рода’: оно регистрируется в широком употреблении с 1995 г. согласно толковому словарю французского языка Le Petit Robert.

Во французском языке наименование исследуемой лексико-семантической сферы формулируется указанным словарем 2012 года издания с помощью аббревиатуры *NTIC* (*nouvelles technologies de l’information et de la*

communication), однако в последние годы узус практически полностью перешел на *TIC*, опустив элемент ‘новизны’ ввиду ее неактуальности. Далее отметим, что в рамках такого компактного изучения следует с осторожностью выделять гиперонимы указанного поля. Семантика *information* и *communication* является слишком широкой, поскольку нас интересуют прежде всего компьютерные и телекоммуникационные технологии. В этой связи вполне оправданным будет выделение понятий «Technologie» и «Informatique» в качестве гиперонимов и наименований микрополей.

В соответствии с методикой Ш. Балли и Ю. Н. Караулова развернутый анализ словарных дефиниций позволил определить количественный и качественный составы поля: 17 единиц, соотносимых с «Technologie», и 128 – семантически связаны с «Informatique». Настолько очевидная количественная разница в пользу понятия «Informatique» компенсируется широкой семантикой единиц микрополя «Technologie», ср. соответственно: *antivirus* ‘антивирус’, *courriel* ‘электронная почта’, *impression* ‘печать’, *routeur* ‘роутер’ vs. *connectique* ‘система подключения (связи)’, *économie* ‘экономика (зд. *цифровая*)’, *multimédia* ‘мультимедиа’, *start-up* ‘стартап’.

В структурном плане в качестве субполей выделяются следующие: «domaine d’application» ‘область применения’, «matériel» ‘оборудование’, «logiciel» ‘программное обеспечение’, «utilisateur» ‘пользователь’. Каждое из этих подразделений объединяет единицы с более узкой семантикой: для субполя «domaine d’application» ‘область применения’ такими единицами являются, например, *économie* ‘зд. цифровая экономика’, *optique* ‘оптика’, *avionique* ‘авионика’, *télépéage* ‘автоматическая оплата дорожного сбора’.

Специфический корпус единиц в рамках исследуемого поля представлен заимствованиями, критикуемыми Французской академией, что подтверждается словарной пометой *anglic.* В системе специальных обозначений словаря Le Robert она означает ‘избыточное, нецелесообразное заимствование’. Обычно в таких случаях словарная статья получает зону *recommandation officielle* ‘рекомендуемое наименование’. В этом смысле достаточно известным ранее было, например, слово-аббревиатура *CD* (англ. *compact disk* ‘компакт-диск’), для которого было предложено наименование *disque audionumérique*, конечно, не принятое узусом в силу непрактичной громоздкости (см. об этом подробнее в кн. « Où va le français ? », 2007).

В нашем материале единицы с пометой *anglic.* делятся на две группы. В первой представлены такие единицы, как *hardware* ‘оборудование’ и *software* ‘программное обеспечение’, получившие принятые в обиходе французские наименования латинской природы, соответственно *matériel* и *logiciel.*

Однако целая группа единиц, при наличии указания на избыточное заимствование, еще не получила официального наименования, например, *geek* ‘компьютерный фанат’, *wap* ‘вап, протокол мобильного Интернета’, *input* ‘ввод данных’, *nerd* (тж. *geek*), *tutoriel* ‘метапрограмма’. Отметим также, что остальные специальные заимствования получили рекомендации Французской академии, однако на сегодняшний день крайне мало распространены в специализированном дискурсе, а также в журналистике (например, *terminal*

de poche букв. ‘карманный терминал’ или *ordiphone* букв. ‘телефон-компьютер’ для *smartphone* ‘смартфон’). Такие факты подлежат специальной разработке в рамках более широкого исследования.

Наконец, любопытным фактом, характеризующим поле «Информационные технологии» во французском языке, является крайне низкая семантическая зависимость соответствующих единиц от понятия «патент». Вопреки предварительным ожиданиям словарь лишь дважды фиксирует *nom (marque) déposé(e)* ‘зарегистрированное имя или товарный знак’, а именно в отношении *Bluetooth* ‘блютуз (технология беспроводной передачи данных)’ и *bureautique* ‘пакет офисных программ и приложений’.

Т. Н. Чельцова, А. Черников

ФЕЛЬЕТОН КАК ЖАНР ПОЛИТИЧЕСКОГО ДИСКУРСА

Фельетон тесно связан с дискурсом массовой коммуникации, сатирические жанры которой обладают особым воздействующим потенциалом. Для того, чтобы понять специфичность любого жанра, необходимо обратиться к истокам его создания. Впервые термин *фельетон* (от фр. *Feuille* ‘лист, листок’) упоминается в начале XIX в. и связан с редактором газеты « Journal des Débats » по имени Бертен Старший, который в очередном номере опубликовал дополнительный лист, этим и объясняется этимологическое значение слова *фельетон*. В тот период фельетон представлял собой рубрику в газете, куда читатели присылали свои стихи, ребусы, загадки и объявления. Большое влияние на становление фельетона как художественно-публицистического жанра оказала эпоха Великой Французской революции, когда фельетонисты в газетах « Revolutions de France et de Brabants » и « L’ami du peuple » ставили перед собой цель не развлечь читателя, а притянуть его к революции и высмеять сложившийся политический строй. *Aux armes! C'en est fait de nous!* (« L’ami du people », 1790) ‘К оружию! Наша игра началась!’ («Друг народа», 1790). К концу XIX века фельетон занял прочное место в политической сфере, обличая не только людские изъяны, но и недостатки в управлении.

Одной из особенностей фельетона как дискурса является то, что в нем реализуются все основные функции речи: информационная, экспрессивная, гедонистическая, эстетическая, познавательно-просветительская.

Политический фельетон отражает концепцию автора, то есть мнение журналиста о ситуации в стране либо о действиях политического лидера, и направлен на массовую аудиторию. Автор выступает в качестве ретранслятора сообщений, называя виновника события прямо или косвенно таким образом, чтобы читатель с легкостью смог его узнать.

Вряд ли можно найти в нынешней российской политике человека со столь ангельским ликом, как Владимир Жириновский. Как выгодно отличается он от остальных парламентариев – никогда голос ни на кого не повысит. Или чтобы кого-нибудь там прервать или оскорбить словом или делом – это ни-ни («Справедливая Россия», 2007).

Фельетону как жанру художественной публицистики характерен широкий спектр средств художественной выразительности: гипербола, аллюзия, метафора, сравнение и т.д. К лингвостилистическим средствам можно также отнести отступы, выделение текста другим шрифтом, цветом или размером, креолизацию фельетона – то есть добавление в текст карикатуры или коллажа.

Креолизация является основополагающим элементом французского издания « Charlie Hebdo », который снискал популярность благодаря своим броским и претенциозным карикатурам. Так, 21 октября 2017 г. во Франции отменили налог на проживание для подавляющего большинства домохозяйств. Через месяц появился очередной номер « Charlie Hebdo », на странице которого изображен бездомный с крысой, сидящие на газетах, нарисованные таким образом, что краска капает вниз и скоро от них останется только одна фраза *Merci, Macron!* ‘Спасибо, Макрон!’. Этим автор фельетона хотел показать, что отмена налогов не является панацеей от растущего числа бездомных во Франции, а сама карикатура с удвоенной силой действует на читателя, заставляя задуматься о ситуации в стране.

Следующими популярными лингвостилистическими средствами являются гиперболизация и метафора. В основном гиперболизации в политическом мире подвергаются действия или образ действий участников политической коммуникации.

За кремлевской стеной в трагические для России дни не слышат, как трещат территории, как назревает сокрушительный революционный взрыв, – там без устали интригуют и "пилят" деньги. Слышите, как в Кремле звенит "циркулярка"? – это "распиливают" очередной транш, берут взятку за назначение губернатора, спонсируют очередное дутое мероприятие («Завтра», 2005). Автор данного фельетона гиперболизирует процесс взяточничества, и перед глазами читателя предстает картина, как чиновники, отгородившиеся за высокой кремлевской стеной от людей и проблем, делят деньги под звук циркулярной пилы, что символизирует неблагополучие в стране. А метафора *«пиление»* символизирует коррупцию и вызывает ассоциации с ворами.

Авторы политического фельетона часто используют подтекст, ссылаясь на литературные произведения, исторические факты, библейские и философские мотивы. Аллюзия обладает огромным потенциалом для создания такого стилистического приема.

Почему, мол, мои заметки не действуют на власть? Но лекарство же не может действовать на труп (об этом и пословица гласит) («Московский комсомолец», 2005). В данном примере автор приводит аллюзию на фразеологизм «как мертвому припарка», что обозначает действие, которое по своей сути является бесполезным.

Особую экспрессивность и выразительность текстам фельетона придают зооморфные метафоры – перенос имени с животного на человека. В них содержится информация об оценке и об отношении говорящего (напр., презрение, пренебрежение или уважение, восхищение) к обозначаемому классу объектов.

Ségolène Royal affole les elephants du PS (« Le Canard enchaîné du », 2006).‘Сеголен Руаяль привела в растерянность слонов партии социалистов’.

Un jeune loup à la tête des conservateurs britanniques (« Libération du », 2006). ‘Молодой волк во главе консервативной партии Великобритании’.

Юмористический эффект в политических фельетонах достигается также при помощи слов-гибридов, которые образуются путем слияния усеченных основ двух или более лексических единиц. Во французском языке уже вошли в обиход такие слова как *Sarkolonisation* ‘Сарколонизация’, *Gazpoutine* ‘Газ Путина’: *La Sarkolonisation de l’UMP a-t-elle un rôle positif pour la France?* (« Le Canard enchaîné du », 2005). ‘Сыграла ли позитивную роль для Франции Сарколонизация Союза за народное движение?’.

Важное место в текстах фельетона занимают фонетические явления, как, например, апокопа – усечение конечного звука, буквы, слога. Такая модель усечения стала настолько продуктивной и популярной, что многие апокопы стали закрепляться в словарях как в качестве арго, так и в качестве слов общей лексики французского языка, иногда с соответствующей пометкой.

La dernière idée pour un gouvernement d’ouverture : Sarko veut nettoyer la gauche au Kouchner! (« Le Canard enchaîné du », 2007). ‘Последняя идея правительства: Сарко хочет дестабилизировать партию левых’.

Авторы фельетонов часто используют паронимические явления, обыгрывая фамилии политических деятелей. Напряженные отношения между Саркози и Вильпеном описываются метафорой *Grippe aviaire*, а к фамилиям политиков добавляются слова *coq* и *pingouin* соответственно, создавая паронимические пары: *Grippe aviaire : Villepingouin veut… confiner Sarcoq* (« Le Canard enchaîné du », 2006).‘Птичий грипп: Вильпингвин хочет… ограничить себя от Сарпетуха’.

Л. А. Шабашева

ХУДОЖЕСТВЕННЫЙ ОБРАЗ И ЦВЕТ

Цветовосприятие – один из наиважнейших элементов сенсорного восприятия человека – по свидетельству психологов и физиологов связано с выражением эмоций. Это один из самых эмоционально насыщенных знаков.

Человечеством выработаны сенсорные эталоны восприятия цвета и широко используется психологическая трактовка цветовой гаммы (психодиагностика).

Можно смело утверждать, что такой элемент художественного образа, как цветовая деталь, присутствует во всех без исключения художественных текстах, а классики литературы умело используют ее для того, чтобы произвести необходимый эффект и повлиять на адекватное психологическое восприятие образа читателем, добиваясь со стороны последнего необходимой реакции.

Обращение к текстам классиков французской литературы Оноре де Бальзака и Ги де Мопассана иллюстрирует эту мысль. Так, например, бессмертный образ скряги папаши Гранде из романа Бальзака «Евгения Гранде» воспринимается в желто-коричневой цветовой гамме. С цветами этой гаммы ассоциируются 77 % портретных характеристик образа: *jaune, jaunâtre, jaune sombre, jaunette, jaune et puce, (visage) tanné, couleur de cuir, (habit) marron* и др. Остальные 13 % принадлежат деталям, ассоциирующимся с серым, черным и белым. Другие же − красный, розовый, зеленый, синий и голубой − в портрете полностью отсутствуют.

Наблюдения показывают, что то символическое содержание, которое приписывается желто-коричневом цвету, полностью соответствует психологическому портрету образа у Бальзака. По данным психодиагностики (Г. Браэм) желтый цвет символизирует интуицию и сообразительность, ум, влияние, желание сознательно воздействовать на что-либо, достигать желаемого. Люди этого цвета гибки, легко приспосабливаются и проникают везде, не любят глупцов, не любят быть загнанными в угол, им свойственны высокая самооценка, уверенность в себе, деятельный характер. Темно-желтый цвет символизирует хитрость и обман.

Для тех, кто внимательно читал роман, не секрет, что образ папаши Гранде полностью соответствует приведенным характеристикам и несмотря на достойные черты личности (интуитивность, сообразительность, влиятельность, ум, деятельность) воспринимается с негативными эмоциями.

Другой образ романа, образ дочери Гранде, Евгении, выписан в красно-розово-алой гамме с присутствием белого, синего (голубого тона): *rouge, rose, bleu, céleste* занимают в описаниях 70 %, а вот желтый и коричневый встречаются всего лишь дважды. Такое цветовое содержание опять же полностью соответствует устанавливаемым психодиагностикой портретным характеристикам личности. Возникает образ человека динамичного, упорного, настойчивого и порывистого. Такие люди верят в себя и отважны, так как этот цвет – источник энергии и жизненной силы. Они часто действуют спонтанно, импульсивно, не обдумывая решений. В этом цвете заключена чувственность, она наполняет жизнь страстью. Розовые тона в облике личности характеризуют ее как чувствительную, любящую, романтичную, женственную. Они воплощают доброту, надежду и чувство комфорта (Г. Браэм). Зеленый цвет – цвет гармонии и равновесия, он объединяет людей, ищет точки соприкосновения. «Этот цвет отражает способность ощущать собственную целостность, всеобъемлющую любовь» (Цвет//Уроки развития/ http://loq.ru/CVET).

Цветовое решение образа вызывает по отношению к Евгении доброе отношение, чувство сострадания, желание защитить, т.е. эмоционально положительные чувства. Отдавая доминирующее положение той цветовой гамме, которая символически совпадает с определяющими моральными

характеристиками, Бальзак оказывает тем самым дополнительное эмоционально-психологическое воздействие на восприятие художественного образа читателем.

Так же и тексты Ги де Мопассана, характеризующиеся импрессионистской манерой описания, пронизаны цветовыми эффектами, влияющими одновременно на эмоции и психологию читателя.

Таким образом, удачное употребление цветовой детали несет глубокую смысловую нагрузку. Она не только выполняет описательную функцию, подчеркивает значимую характеристику, т.е. имеет смысловую ценность, но и позволяет предопределить психофизиологическое восприятие образа читателем, способствует пониманию, запоминанию и адекватной его трактовке.

В этой связи более глубокое исследование связи художественного образа с цветовой палитрой имеет свои перспективы.

СОДЕРЖАНИЕ

ФОНЕТИКА

Галай В. Б. Жанрово-стилистическая вариативность как индикатор территориального расслоения современного английского языка 3
Карневская Е. Б. Проблема интерпретации фонетического сходства функционально различных элементов просодического контура 5
Кохнович Т. К. Прагматические особенности речевых актов положительной оценки в современном немецком языке 7
Лапицкая И. А. Продуктивность отдельных ассимилятивных явлений в процессе заимствования (на материале немецких заимствований в белорусском языке) 10
Лопатько В. В., Трибис Л. И. Вариативность акцентно-ритмической структуры высказываний с предлогом в устной речи 12
Медведева Н. Г. Сравнительный анализ просодической вариативности в функционально-коммуникативных видах австралийских, канадских и британских вопросов 16
Морозова Л. П. О теоретических основах обучения французскому произношению 18
Насонова Т. М. К вопросу о важнейшей роли ритма в формировании иноязычного произношения 21
Панова И. И. Просодические контрасты в системе жанров английских информационно-аналитических телесообщений 23
Рускевич Л. В., Стрех С. С. Признаки русской интерференции в просодии нефинальных синтагм в английской спонтанной речи билингвов 25
Сытько А. В. Просодия отрицательной фразы в немецком языке 27
Трибис Л. И., Лопатько В. В. Имена действия в подъязыке фонетики 30
Устинович В. В. О фокализации информации во французском устном высказывании 31
Яскевич В. В., Кучинская А. В. Восприятие английской устной речи в затрудненных условиях 34
Яскевич В. В., Шарова Е. А. Современные тенденции в просодической организации английской спонтанной речи 37

ГРАММАТИКА

Абраменко В. С., Богушевич Д. Г. Центр эмпатии и отражение денотативных областей 39
Ахраменко Л. С. Функционально-семантическая категория модальности в текстообразовании 40
Барановский Р. С. Семиотические, философские и методологические основания выделения конструкций равнозначности в английском языке 43
Беланович Е. В., Артюховский В. В. Семантико-синтаксические особенности глаголов потребления пищи в английском и китайском языках 44
Дмитриева И. В. Лингвистические особенности текстов учебных электронных презентаций 47

Ковалевич И. Н. Вопросительные предложения
на разных этапах деятельности 50
Кондракова С. В. Семантическая сущность причастий
в системе немецкого языка 51
Леус А. М., Неборская Л. Н. Языковая реализация категории вежливости
в деловой письменной коммуникации 55
Неборская Л. Н., Пинчук О. В. Межъязыковая асимметрия
временных значений в немецком и русском языках 58
Петрашкевич Н. П., Шкапец Е. А. Языковые способы
поддержания текстовой темы в энциклопедической статье 60
Радикевич Н. С. Семантические признаки глаголов
оценочного действия в турецком языке 62
Чучкевич И. В. Специфика распределения коммуникативной значимости
в английских предложениях с маркированной
тема-рематической структурой 65

ПРОБЛЕМЫ ОБЩЕГО И СОПОСТАВИТЕЛЬНОГО ЯЗЫКОЗНАНИЯ

Акуленко Е. А., Леонтьева В. В. Как живется *хомяку*
в русском сленге рукоделия 69
Варпахович Л. В. Роль ассоциативных фреймов в семантике сапорем 72
Витченко Л. В. Корреляции между иллокутивной функцией директива
и его ориентированностью на сферу адресата (на материале итальянского языка) 74
Горицкая О. С. Белорусы о кофе и грамотности: динамика языковых норм
в социолингвистическом аспекте 76
Дардыкова Н. В. Грамматикализация фазовых глагольных конструкций
в разноструктурных языках
(на материале русского, английского и турецкого языков) 79
Дубровченко Е. М. Публичность как коммуникативная категория 82
Ермолович О. В. Реактивные стратегии как особый тип
коммуникативных стратегий 85
Задворная Е. Г. Скрытые коммуникативные неудачи
в различных типах коммуникации 86
Задворная Е. Г., Ксендзова Е. В. Концепт «поколение»
в межличностном общении 89
Корбачёва Т. В. Критерии отграничения циклов от иных типов
лексических конфигураций 91
Кошкина И. В. Употребление имен прилагательных в предложениях
характеризации (на материале англоязычных и русскоязычных блогов) 93
Лебедевич Р. В. Вербализованные и невербализованные коммуникативные
затруднения говорящего в диалоге 94
Лещёва Л. М. Слово в ментальном лексиконе 96
Лукашанец Е. Г. Универбация: между синтаксисом и морфологией 98
Лундышева А. Н. Характер производящей базы и ее участие
в процессах морфологической деривации американского и русского сленга 101
Лю Пэн. Китайская языковая единица 上 *shàng*
и ее корреляты в русском языке 103

Прокофьева Е. В., Цепа Т. В. Особенности мотивированности фразеологических единиц, содержащих в своем составе имя числительное (на материале английского и немецкого языков) 106
Чударь А. Н. Selfie: маленькое слово, покорившее мир 109
Чэнь Тин. Английское существительное *stone* и его китайский коррелят 石 в сопоставительном плане 111
Юань Хаошаинь. Структурные свойства выражений благодарности в китайском языке 114

ЛЕКСИЧЕСКАЯ СЕМАНТИКА

Богова М. Г. Языковая игра как средство создания юмора в рекламных слоганах 116
Булгакова М. П. Оценочные дериваты параметрических прилагательных немецкого и французского языков в сопоставительном аспекте 118
Бухаткина Е. А., Стоянова Б. В. Способы образования глаголов от прилагательного *black* 120
Вербова О. Н. Вариативность научного знания в структуре лексических значений предметных имен (на материале наименований животных в современном английском языке) 123
Завадская Е. А. Особенности сокращений во французском подростковом сленге 125
Каравай Л. Ф. Коньюнктив как языковое средство воздействия на сознание собеседника 126
Колб Е. С. Синкретизм функционального компонента в семантике вещественных имен существительных (на материале современного английского языка) 129
Котик Т. С. Локальный дейксис в немецком языке 132
Кузьменко Н. В. Холо-меронимические структуры как репрезентация членения мира в языке (на материале имен существительных современного английского языка) 135
Курило Н. А. Отаббревиатурные производные в современном английском языке 137
Макоўскі А. О. Нацыянальна-культурная спецыфіка фразеалагічных адзінак з зааніміным кампанентам у англійскай і беларускай мовах 138
Никитенкова К. Г. Особенности функционирования конструкции [*...-tourismus*] в современном немецком языке 139
Паремская С. В. Образ медведя во фразеологизмах с компонентом-зоонимом (на материале немецкого и русского языков) 142
Петракова Ю. И. Взаимодействие словообразования и семантической деривации при номинации лиц (на материале имен существительных немецкого языка) 145
Сидорко О. Ю. Дистрибутивные особенности глаголов пространственного положения в русском и английском языках 148
Соловьёва Р. В. Газетный заголовок „spricht Bände“ 151
Soroka A.-A., Lavrovsky A. Gender Marked and Gender Neutral Job Titles: a Matter of Communication 153

Турчинская М. В. Универсальное и специфическое
в значениях слов *man/woman* в английском языке
и *мужчына/жанчына* в белорусском языке 154
Харитончик З. А., Лю Янь. Модель лексикографических дескрипций
наименований животных в толковых словарях 156
Шуранова Е. Э. О классификации имен существительных,
обозначающих пустые пространства 158

СТИЛИСТИКА И ЛИНГВИСТИКА ТЕКСТА

Бурлак Т.Ф. Лингвостилистические характеристики
англоязычных рекламных слоганов 160
Гладко М. А. Стратегия побуждения к действию
в радиопространстве Беларуси 162
Долженкова О. М. Хронотоп «эксперимент» в научном тексте 164
Каспирович Г. А. Понятие *тип текста* и особенности его толкования
в германистике 166
Кирейчук Е. Ю. Основные структурные типы аргумента
в практической риторике 168
Крот Л. Г. Эстетическая функция лексической мотивации в тексте 171
Крохалева Л. С. О дискурсивно-диалогическом подходе
к анализу художественного текста 174
Кунцевич С. Е. Проблема интерференции родного и иностранного языков
в типолого-стилистическом аспекте 176
Лавицкий В. В. Структура английских предложений с глаголами
речевой деятельности и особенности их перевода на русский язык 180
Назина Г. А. Характеристики военного дискурса в англоязычных СМИ 180
Протасевич Э. И. К вопросу о выделении
коммуникативно-прагматических характеристик научного текста 183
Рымкевич О. Е. Модальный аспект публицистического текста 185
Силаева Т. А. Стилистически маркированная лексика
в художественном тексте: коммуникативно-прагматический аспект 187
Соловьева М. А. «Аббатство Даунтон» как прецедентный текст
англоязычного дискурса 190
Федоренко Л. А. К вопросу о прецедентных феноменах
во французском ток-шоу 193
Якубёнок Л. М. Виды и функции вопросов
в монологической речи адвоката 196

Круглый стол
«АСПЕКТЫ НАЦИОНАЛЬНОЙ СПЕЦИФИКИ ЯЗЫКА»

Бекреева Ю. В. Образный потенциал субъектных глаголов
в английском языке 199
Волковинская Н. А. Национальная специфика лексемы *scone* 201
Зинина О. А. Оценочность в политическом дискурсе 203

Клименко А. П. Обязательность значения
в психолингвистическом эксперименте 204
Ключенович Т. П. Глаголы с неосновным значением речи
в авторской ремарке 206
Комаристова И. И. Герменевтика как один из методов
лингвистической антропологии 208
Копачева Н. А. Коммуникативно-номинативный потенциал слов
широкой семантики в англоязычных интервью 211
Кротюк Е. В. Политкорректные эвфемизмы как отражение ценностей
современного американского общества 213
Лойша М. М. Репрезентатив как речевая тактика аргументативного дискурса 215
Окаева А. Б. Основные характеристики лексического компонента языка СМИ 217
Руденко Т. Н. Особенности речевого акта благодарности
в официальной эпидейктике 219
Хомич В. В. Текстовое ассоциативное поле
и его лексическое выражение 221

Круглый стол
«ИССЛЕДОВАНИЕ НАЦИОНАЛЬНО-КУЛЬТУРНОГО КОМПОНЕНТА В ЯЗЫКЕ И РЕЧИ»

Алимпиева А. В., Овсейчик Ю. В. Функционирование модального глаголы *vouloir*
во французском политическом дискурсе 223
Бартош Н. Н. Функционально-прагматический аспект
синтаксических структур «N + *il y a*» 225
Бурло В. Д. Лексико-семантическое поле выражения
эмоции «ненависть» во французском языке 227
Змудяк Г. А. Особенности речевого общения во французских телеинтервью 229
Климанская И. Ю. Лингвокультурологические особенности реализации
извинения на материале французских ток-шоу 231
Крючкова А. Е. Лексикализация библейских имен собственных
во французском и белорусском языках 232
Крючкова А.Е., Хотько О., Цырельчук Д. Лексико-семантическое поле
этнонима «белорус» 234
Крючкова А.Е., Макеенко А. Лексические особенности пресс-релизов ООН
на английском и французском языках 236
Лебедева И. Г. Особенности формирования эталонов просодических единиц
в перцептивной базе иностранного языка 238
Овсейчик Ю. В., Леонтьева Я. Н. Ассимиляция французской
гастрономической лексики в белорусском языке 240
Рыбчинская О. С. Реализация категории интеррогативности и средства
ее воплощения во французской аналитической статье 243
Сарвилина С. С. Реализация способов косвенного воздействия
во франкоязычном рекламном дискурсе 245
Панкратова С. Н. Портретное описание в художественном тексте
французского языка: прагматический аспект 247

Круглый стол
«ЭКСТРАЛИНГВИСТИЧЕСКИЕ И СОБСТВЕННО ЯЗЫКОВЫЕ ИСТОЧНИКИ ПОПОЛНЕНИЯ СЛОВАРНОГО СОСТАВА РОМАНСКИХ ЯЗЫКОВ»

Булат Е. А., Лерман А. Особенности перевода заголовков текстов СМИ с компонентом-фразеологизмом (русский, английский, испанский языки) 249
Грачева Л. А., Савило Е. Фразеологические единицы с нумеративным компонентом *deux/two* 251
Дудина А. М. Прагматический аспект аббревиации в текстах современных СМИ..... 253
Захарчук О. В. Средства выражения комического в современной французской литературе (на материале произведений Катрин Панколь)..... 256
Матюшевская И. В. Заимствования из хинди и санскрита во французском языке..... 259
Павловский В. А. Устная французская речь и ее письменное оформление..... 261
Тупик Д. И. Об особенностях структуры лексико-семантического поля «Информационные технологии» (на материале французского языка) 263
Чельцова Т. Н., Черников А. Фельетон как жанр политического дискурса..... 265
Шабашева Л. А. Художественный образ и цвет 267

Научное издание

МАТЕРИАЛЫ ЕЖЕГОДНОЙ НАУЧНОЙ КОНФЕРЕНЦИИ ПРЕПОДАВАТЕЛЕЙ И АСПИРАНТОВ УНИВЕРСИТЕТА

19–20 апреля 2018 года

В четырех частях

Часть третья

Редакторы: *Е. М. Бобровская, О. С. Забродская, Е. И. Ковалёва*
Ст. корректор *С. О. Иванова*

Ответственный за выпуск *Л. А. Тарасевич*

Подписано в печать 22.12.2018. Формат 60×84 $^{1}/_{8}$. Бумага офсетная. Гарнитура Таймс. Ризография, цифровая печать. Усл. печ. л. 16,04. Уч.-изд. л. 18,51. Тираж 100 экз. Заказ 59.

Издатель и полиграфическое исполнение: учреждение образования «Минский государственный лингвистический университет». Свидетельство о государственной регистрации издателя, изготовителя, распространителя печатных изданий от 02.06.2017 г. № 3/1499. ЛП № 02330/458 от 23.01.2014 г. Адрес: ул. Захарова, 21, 220034, г. Минск.